

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

БАЙРОН

2

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
1974

ДЖОРДЖ ГОРДОН
БАЙРОН

✧ СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ ✧

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1974

ДЖОРДЖ ГОРДОН БАЙРОН

✧ СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ ✧ ТОМ ВТОРОЙ

ПОЭМЫ И ТРАГЕДИИ

*

ИЗ ПУБЛИЦИСТИКИ

Переводы с английского

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1974

И (Англ)
Б17

Редакционная коллегия:
О. А ф о н и н а, М. К у р г и н я н, В. Л е в и к

Комментарии
О. А ф о н и н о й

Оформление художника
А. Л е п я т с к о г о

Б $\frac{70404-204}{028 (01)-74}$ 159-74

© Издательство «Художественная литература», 1974 г.

ПОЭМЫ
И
ТРАГЕДИИ

Паризина

СКРОПУ БЕДМОРУ ДЭВИСУ, ЭСКВАЙРУ,
эту, поэму

посвящает
тот, кто давно уже восхищается
его талантом
и ценит его дружбу.

22 января 1816 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Нижеследующая поэма посвящена событиям, о которых упоминает Гиббон в своей книге «Давние годы Брунсвикского дома». Я знаю, что в наше время тонкая разборчивость читателя может отвергнуть подобный сюжет как непригодный для поэзии. Однако греческие драматурги и некоторые из наших староанглийских писателей были иного мнения. А совсем недавно, на континенте, за ними последовали Альфьери и Шиллер. Следующий отрывок рассказывает о фактах, на которых основана вся история. Имя Никколо заменено именем Адзо, метрически более удобным.

«В правление Никколо III (1425 г.) Феррара была потрясена семейной трагедией. На основании доноса служанки и своих собственных наблюдений маркиз д'Эсте убедился в наличии преступной связи между его женой Паризиной и его незаконным сыном Уго, красивым и храбрым юношей. Они были обезглавлены во дворе замка по приговору отца и мужа, который предал огласке свой позор и присутствовал при казни.

Если они виновны, он был несчастен. Если они безвинны, он был несчастен вдвойне.

Нет такого положения, которое могло бы в моих глазах оправдать смертный приговор сыну, вынесенный отцом».

Г и б б о н. Сочинения разного рода.

ПАРИЗИНА

I

Вот час, когда в тени ветвей
Рокочут трели соловья.
Вот час, когда звучит нежней
Влюбленный шепот: «Твой! Твоя!»
И в шуме ветра к сердцу льнет
Мелодия журчащих вод,
И пала на цветы роса,
И звезды всходят в небеса,
И глубже моря синева,
И тонет в сизой мгле листва,
И дня утраченного след,
Как светлый мрак, как темный свет,
Струится в бледной вышине,
И тени тают при луне.

II

Не с тем, чтобы ночью внимать ручью,
Паризина покинула спальню свою.
Не с тем, чтоб смотреть, как восходит луна,
По темному саду бродит она.
В аллее, где Эсте воздвигли грот,
Цветущих роз она не рвет.

Не соловей — в эту ночь ей нужней
Тот голос, который еще нежней.
Вот в зарослях чьи-то шаги слышны,—
Дрожит ее сердце, и щеки бледны.
Вот оклик,— он? Вот шепчут вновь!
О радость! Как бурно шумит ее кровь!
Еще мгновение — и милостив бог:
Они вдвоем, и любимый — у ног.

III

И что им люди, что времени бег!
Им ночь — как час, а час — как век.
Ни тварей живых, ни земли, ни небес.
Они вдвоем, и мир исчез.
Весь мир — и глубь и вышина,—
Все, кроме них, для них мертво.
Он ею дышит, им — она.
Одни — и больше никого!
И так их каждый вздох глубок,
Такая сила счастья в нем,
Что, длись он дольше, он бы сжег
Сердца их сладостным огнем.
Вину, опасность, грех, позор
Их сон, безумный сон их стер.
Но разве в буре страстных нег
О страхе помнит человек?
О том, что мчится счастья ночь,
Что сон, как ночь, уходит прочь,—
И раньше нас покинет он,
Чем мы поймем, что это сон.

IV

И, медля, грустные, глядят
Они на сад, на этот грот,
Как будто больше в ночь и в сад
Их зов любви не приведет.
И поцелуям счета нет,
И губы в губы, взор во взор.
В ее лице — небесный свет.
Но страшен ей небес укор.
Увы, и звезды и луна
Видали, что она грешна.

И вновь объятья — грудь на грудь —
Стесненных рук не разомкнуть.
Но мчится ночь, — любовь иль страх,
Что перевесит на весах?
Тот леденящий страх, та дрожь,
Что выдает вину и ложь?

V

В постели одинокой Уго
Тоскует о чужой жене.
А Паризина близ супруга
Томится в беспокойном сне.
От милых, но запретных грез
Ее румянец ярче роз.
И мужа ласковой рукою
Обвив, — но с мыслью не о нем, —
Вдруг шепчет с нежностью, с тоскою
То имя, что таила днем.
И, пылкой лаской пробужден,
Обманут — пусть! — но счастлив он.
Он счастлив верой, что жена
Ему и спящая верна,
Что может он и в этот раз
Благословить восторгов час.

VI

И к сердцу он ее привлек,
Он шепот слышит сонных губ.
Но боже! — зов небесных труб
Так Адзо ужаснуть не мог.
И разве будет гром страшней
В тот страшный день в исходе дней,
Когда архангела труба
Разбудит спящие гроба?
И разве Адзо мир и дом
Не уничтожил этот гром?
Чье ж имя шепчет вновь она?
Его позор, ее вина —
Чье это имя? — Горе, горе!
Оно обрушилось как шквал,
Который треплет судна в море
И гложет грудь гранитных скал,

И топит все в пучине гневной,—
Так рухнул мир его душевный.
Чье имя?— Уго!— Мерзкий тать!
О, низость, так отца предать!
Он, он — позор его седин,
Сын Уго, да, любимый сын,
Им в буйстве юности рожденный
От Бьянки — той, что звал мадонной,
Но бросил, теща пылкий нрав,
И стыд и честь ее поправ.

VII

Он дернул из ножек клинок,
Но вдруг... измыслил казнь другую.
Нет, он своей рукой не мог
Убить красавицу такую!
Не в миг блаженства, не во сне —
Он нанесет удар жене
Не здесь, — будить ее не надо!
Но, пробудись его жена,
Как содрогнулась бы она
От ненавидящего взгляда!
В ней замерла б сама любовь.
Он лампу взял — и смотрит вновь.
И, слез не ведавший дотоле,
Он плачет от душевной боли.
Она же спит. Но сочтены
Дела изменницы-жены.

VIII

Теперь как жадно ищет он
Свидетельства со всех сторон!
Чего? Того, что знать боится.
Безумец ищет очевидца,
Что подтвердит ее вину.
Но из ее подруг любая,
Свое потворство отрицая,
Во всем винит ее одну.
И все, что нужно и не нужно,
Они выбалтывают дружно,
Хоть им уже не внемлет князь,
Едва рассудка не лишась.

IX

Но не из тех, кто медлит, он!
Отведено в покоях место,
И всходит на судейский троп
Глава несчастный дома Эсте.
Сидят его вельможи в ряд,
Телохранители стоят.
И вот виновная чета!
Он без меча. В оковах руки.
В ней поражает красота.
Как передать всю горечь муки
Отца и мужа? О господь!
Любимый сын, родная плоть,
Причиной стал его позора!
Вот он стоит и ждет суда,
Огласки тайны, приговора...
Он ждет, не опуская взора,
И страха нет в нем и следа.

X

Но тверд и Паризины взор.
Слегка бледна, молчит она.
Как изменилось все с тех пор,
Когда, смела, оживлена,
Она входила солнцем в зал,
Где цвет вельможной знати ждал;
Где, хороши как на подбор,
Стремилась дамы перенять
Ее осанку, разговор,
Старались так сидеть, стоять;
Где грустный взгляд ее очей,
Печали бессловесный зов
Взметнул бы тысячу мечей,
Взъярил бы тысячу бойцов.
Теперь, на суд приведена,
Что им и кто для них она?
Они стоят, нахмутив брови,
На лицах только жажда крови,
Не то — иль холод и укор,
Иль равнодушие презренья.
Здесь дамы, рыцари — весь двор,—
И он, виновник преступления,

Ее печаль, ее восторг,—
Он сразу бы клинок исторг
И спас ее от эшафота
Иль отдал жизнь. Но он в цепях.
Он, стоя к ней вполоборота,
Не видит слез в ее глазах,—
О, слез не за себя — за друга!—
Ее ресниц не видит Уго,
Не видит этих нежных век
И лба, где голубеют жилки,
Как будто вкрапленные в снег,—
Той красоты, какой вовек
Не знал другой любовник пылкий!
Но, безнадежна, тяжела,
Печаль ей на лицо легла,
И под нависшею грозой
Глаза туманятся слезой.

XI

И он бы слезы лил о ней,
Когда б не этот знатный сброд.
Но тем он тверже, тем сильней,
Чем больше скорбь его гнетет.
При этих людях, при отце
Не дрогнет страх в его лице.
Но ей смотреть в лицо — и вновь
Их счастье видеть, их любовь,
Потом вину, позор конца,
И суд людской, и гнев отца,
Их путь земной, их вечный путь,—
Нет, он не может и взглянуть
В ее глаза, на бледный лик,
Иль сдастся он и в тот же миг,
Свой искупая смертный грех,
Начнет здесь каяться при всех.

XII

«Еще вчера я,— начал Адзо,—
Был счастлив: вот жена, вот сын!
Но ясный мир мой рухнул сразу,
С утра сегодня я один.
Да, я один! Любой из вас,

Как я, в подобный страшный час
Так поступил бы. Мой наследник!
Уже пришел твой исповедник.
Покуда звезды не взошли,
Ступай Всевышнего моли:
Когда возмездие свершится,
Там сына грешного земли
Да пощадит его десница.
Но здесь, где я дышу, ты впредь
Дышать не можешь. Гнев мой всюду
Тебя найдет, хоть я смотреть
На казнь и смерть твою не буду.
Зато она, змея, она,
Сосуд грехов, моя жена
И палача узреть должна,
И труп любовника безглавый
И знать, что не в угоду мне,
А только по ее вине
Попал ты под топор кровавый.
С таким сознанием пусть живет.
Я кончил. Мой предъявлен счет».

XIII

И князь лицо внезапно прячет.
Но веной, вспухнувшей на лбу,
Кровь выдает души борьбу.
Он наклонился, хоть не плачет,
А лишь прикрыл глаза рукой,
Чтоб с виду сохранить покой.
И руки, скрученные туго,
К отцу протягивает Уго
И молвит: «Дай хоть краткий срок
Мне для предсмертного ответа».
Но князь молчит, угрюм и строг,—
Ни разрешенья, ни запрета.
«Отец, я смерти не боюсь,
Не раз конь ó конь мы с тобою
Стремились, радостные, к бою.
Но вырвала из этих рук
Мой меч толпа твоих же слуг,
Хоть за тебя он пролил крови
Поболее, чем я пролью,
Коль срубят голову мою.

Твои злодейства мне не внове.
Ты дал мне жизнь. При всей родне
Возьми свой дар, ненужный мне.
Я был рожден тобой в позоре:
У бедной матери моей
Ты отнял радость юных дней
И только стыд принес и горе
Ей, обещанной. С тех пор
За мной идет ее позор.
Подобно ей, в могилу вскоре
Сойдет твой сын, соперник твой.
Моей кровавой головой,
Ее растоптанной любовью
Я буду пред лицом творца
Свидетельствовать грех отца,
Который дом свой залил кровью,
Нарушив верность, долг и честь.
Да, зло за зло — вот сына мечь!
Теперь о *ней*: твоя жена
Не мне ль была наречена?
Но ты ее возжаждал тела,
Тобою похоть овладела,
И преступлением твоим —
Моим рождением — ты меня же
Посмел корить, — мол, я с ней даже
Происхождением несравним:
Я незаконный, я бесправный,
И я б унизил достославный
Род Эсте, назовись я так!
Но если бы я дольше прожил,
Я славу Эсте бы умножил,
Над всеми ваш вознес бы стяг.
Мои бы рыцарские шпоры
Внушали страх твоим врагам,
И ваши гордые синьоры
Мне только бы дивились там,
Где с криком: «Эсте и победа!» —
Я гнал бы злобного соседа.
Так мне ль оправдываться? Нет!
Я не прошу — от многих лет,
Когда я буду горстью тлена,
Мне дать для жизни день иль час.
Я знаю: счастье только раз
Приходит, и оно мгновенно.

Но, пусть навек рожденья гнет
Закрыв мне доступ в знатный род,
Ты видишь, как я схож лицом
С тобою, князь,— моим отцом.
И в остальном я твой всецело.
Душа — твоя, не только тело,
Не только рост и сила рук.
Но что же задрожал ты вдруг,
Что шевелится в сердце львином?
Да, ты не только жизнь мне дал,
Но сердца огненный закал
И все, чтоб я твоим был сыном.
Во мне — могучих Эсте кровь.
Ты, обесчестивший любовь,
Теперь наказан нашим сходством.
Пусть обойден я первородством,
Чужой указки не терпя,
И этим я пошел в тебя.
А жизнь — ее ценю не боле
Чем ты, отец, когда с тобой
Кидались мы в смертельный бой
И рядом бились в бранном поле.
Но прошлое — ничто. Оно
Забудется и в вечность канет,
И прошлым будущее станет.
Зачем не умер я давно!
Ты ввергнул мать мою в бесчестье,
Ты мужем стал моей невесте,
Но ты отец мой. Это рок!
И пусть твой приговор жесток,
Он справедлив. Твой Уго вскоре,
Зачат в грехе, умрет в позоре.
Твоею волей мой уход
Таков, каким был мой приход.
И все ж, хоть мы виновны оба,
Лишь я наказан, я — у гроба.
Тебя одобрит суд людской,
Но бог рассудит нас с тобой».

XIV

И, замолчав, скрестил он руки.
Оковы звякнули, и Двор,
Внимавший молча до тех пор,

Весь дрогнул вдруг при этом звуке,
Как те, кто слышат злой укор.
Но роковая привлекла
Все взоры прелесть Паризины.
Она, кто солнцем их была,
Кто гибель Уго принесла,
Что скажет в час его кончины?
Недвижна, мертвенно-бледна,
Безмолвным ужасом полна,
Не отрывая глаз от Уго,
Она стояла возле друга,
И были странно велики
Расширившихся глаз белки,
И меж ресниц недвижных стали
Ее зрачки синей эмали.
Остекленевший взор глядит,
Как будто лед в крови разлит,
И каплет, медленно скользя
По бахроме ресниц атласных,
Слеза из глаз недавно ясных.
Нет, это рассказать нельзя!
Но слезы женщины едва ли
Таковыми тяжкими бывали.
Она хотела говорить,
Но издала лишь стон утробный,
Глухой, невнятный звук, способный
Всю скорбь, всю боль души вместить,
И люди замерли на миг,
И страшен был внезапный крик
Средь этой тишины надгробной.
И камнем рухнула она,
Как если б, горем сражена,
Себе же памятником стала,
Который сброшен с пьедестала,—
Не как виновная жена,
В чьем сердце — смерть, чья жизнь
во власти
Необоримой, грозной страсти,
А как живое существо,
Когда позор сломил его,
Когда рассудок стал мутиться.
Но обморок недолго длится,
Хоть мозг, не выдержавший бед,
Способен лишь на смутный бред.

(Так лук, размокший под грозою,
Стреляет вкось, негодный к бою.)
И в прошлом — белое пятно,
И все, что в будущем, — черно,
А след мелькнул — и вновь исчез,
Как будто молния с небес
Ударила — скользящий свет —
Вой ветра — тьма — и где тот след?
Убита? — Нет! — Но исподволь
Сверлит все глубже в сердце боль.
Чей это голос?.. Честь!.. Позор!..
На казнь? Кого? Кому топор?
Земля ль под нею? А над ней —
Что? Небо? — Нет, оно синей!
А это что кругом за люд?
Не бесы ль тут сошлись на суд?
Никто, никто не будет впредь
С улыбкой на нее смотреть,
Как было раньше. В краткий миг
Мир стал бездушен, чужд и дик
И вещи утеряти связь.
Она, то плача, то смеясь,
В боре с этим страшным сном,
Глядит: не сон ли все кругом
И все, что с ней? — Но цепи сна
Расторгнет, сбросит ли она?

XV

Колокола гудят —
Как будто со слезами
О том твердит набат,
Что все уж знают сами.
И все скорбят.
Заупокойный глас
Поет о тех, кто мертв и спит уже в могиле,
О тех, кто жив еще, но для кого пробили
Часы в последний раз.
И вот в оковах Уго приведен,
По нем надгробный плач и погребальный
звон.
У плахи он
Склонил колени пред монахом.
Толпа полна и жалостью и страхом.

Под ним земля нага и холодна
Он стражей окружен, но плаха всем видна.
И виден топор, он наточен, остер,
И, чтоб лучше ударить, палач уже руку
простер.

Он пробует, не затупилась ли сталь,
Отсечь не сразу — было б жаль.
А народ, безмолвствуя, ждет и глядит
На сына, что будет отцом убит.

XVI

Час пробил! Утро так светло
Под летним солнцем расцвело,
Но день мучительный ни в чем
Не схож был с радостным лучом.
И вот закат, зловеще ал,
На Уго и на плаху пал.
И он покаялся в грехах,
И принял исповедь монах,
И грешник от отца святого
Ждет всепрощающего слова
И отпущения грехов.
Он в путь, в последний путь готов.
Меж тем вечерняя заря,
В кудрях каштановых горя,
Блестит нежней и розовее
На полуобнаженной шее.
Но света розового блик
Всего сильнее в этот миг
На топоре, на белой стали.
О час прощанья, час печали!
Скорбят и черствые сердца.
Закон на стороне отца,
Но с дрожью люди ждут конца.

XVII

И вот молитвы прочтены,
Грехи на четках сочтены.
Любовник дерзкий, низкий сын —
Пред ним палач, и он — один!
Осталось несколько минут.

Теперь, отрезаны, падут
Кудрей каштановых извивы,
Затем и шарф его красивый,
Дар Паризины, и кафтан,
И плащ, который шелком ткан,—
Все, что на нем при жизни было,
Что не должна принять могила,
Сорвал палач одним рывком
И хочет повязать платком
Ему глаза. Но лишь презреньем
Пред этим новым униженьем
Ответил Уго.— Как! бойцу
Не встретить смерть лицом к лицу!
И поднял голову он смело:
«Я вами скован! Отдаю
И жизнь мою и честь мою.
Так знай свое палачье дело!
Руби! А мне не засти взор!
Руби!» И голову на плаху
Склонил. Обрушенный с размаху,
Блеснул и зазвенел топор,
И тело тяжело осело,
И крови хлынула струя
Из обезглавленного тела,
Сухой песок и пыль поя.
Скользнула дрожь вдоль губ и век,
И взор остекленел навек.
Он умер так, как умирать
Должны виновные — смиренный,
Молясь в надежде сокровенной
И веря в божью благодать.
Не помнил, в мыслях о кончине,
Когда ему внимал монах,
Ни о феррарском властелине,
Ни о прекрасной Паризине,
Ни о каких земных делах.
Протест и горечь — все забылось,
Лишь бог — ему душа молилась
Без слов,— а те нельзя считать,
Когда, казнимый словно тать,
Он грозно требовал, чтоб дали
Ему, кто знал и смертный бой,
Увидеть блеск разящей стали.—
Так попрощался он с толпой.

XVIII

Увы! Как губы мертвеца,
Безмолвьем стиснуты сердца,
Но дрожь прошла из ряда в ряд,
Как электрический разряд,
Когда топор ему пресек
Любовь, и жизнь, и краткий век.
И вздох подавленный, глухой
Проплыл над замершей толпой
В ответ на страшный звук, на тот,
С каким топор, обрушась, бьет
И разрубает позвонки
И входит в дерево доски.
Казнен! И снова в этот миг
Раздался дикий, долгий крик.
Как над ребенком мать кричит,
Когда внезапно он убит,
Так тишину прорезал вдруг
Тот вопль тоски, безумья, мук,
Потрясший даже князя дом.
Там, за решетчатым окном
Она кричала, но когда
Все обратили взор туда,
Ее уж не было в окне,
И крик растаял в вышине.
Но боль была в нем так тяжка,
Такая горечь и тоска,
Что каждый слышавший просил,
Молясь владыке вышних сил,
Чтоб этот крик последним был.

XIX

Так рыцарь умер. С этих пор
Ни в залы замка, ни во двор
Не выходила Паризипа.
Исчезла, словно не была,
Боязнь и слухи пресекла.
Сам Адзо ни жену, ни сына
Не вспоминал.¹ Был запрещен
И звук отверженных имен,
И замирали в многолюдстве
Слова о казнях иль распутстве.

Их без обряда погребли
(Или его, по крайней мере),
Без гроба, на клочке земли.
А где она? Служить ли вере
Ушла монахиней простой,
Чтобы в обители святой,
Незрима, как во гробе тело,
Остаток дней прожить в трудах,
В молитвах, бденьях и постах;
Иль то, что чувством жить посмела,
Любила, не страшась преград,
Ей отомстил кинжал иль яд;
Или промучилась недолго,
И тот удар ее убил,
Который Уго погубил,
И ей, отступнице от долга,
Палач свирепую рукой
Навеки даровал покой,—
Кто может знать?— Была, жила,
На свет в страданиях пришла
И от страданий умерла.

XX

А что же князь?— Другая с ним.
И славных сыновей растит.
Но кто отважен и любим,
Как тот, который им убит?
Красивы?— Что ж, он очень рад.
Сильны — но хмур отцовский взгляд,
Глаза скользнут — и не глядят.
Былой улыбки ни следа.
Не прослезится никогда.
Морщины горя тяжело
Легли на гордое чело,
И радость не придет стереть
Их преждевременную сеть —
Свидетельство душевных мук.
Он знает: жизнь замкнула круг!
Бесчестье, честь ли — все равно.
Печаль и радость так давно
Приюта не находят в нем.
Нет ночью сна, отрады — днем.
А в сердце хаос, мутный бред.

Сдалось ли? — Нет! — Забыло? — Нет!
Он чужд всему, но лишь на вид:
И мысль жива, и страсть горит.
Лишь сверху лед, но, глубока,
Под ним течет, кипит река.
Пусть на груди лежит печать,
Но сердцу не дано молчать,
Когда вложило Естество
Так много чувств и сил в него.
И слезы гнать — напрасный труд:
Они к источнику уйдут,
И там пребудет их поток
И чист, и светел, и глубок.
И чем он глубже затаен,
Тем чище, тем правдивей он.
Нет-нет, а князя вдруг пронзит
Тоска о тех, кто им убит.
И не заполнить пустоту,
И мести понял он тщету,
И нет надежды встретить их
Меж светлых душ, в краях других.
И все ж он мнит, что, их казнив,
Он был и прав и справедлив,
Что сами навлекли свой рок...
Но так он стар и одинок!
Больные ветви срежь, и вот
Увядший дуб ты воскресил.
Он ветви новые дает,
Он зелен, свеж и полон сил.
Но если молнии удар
Сожжет листву, обуглит ствол,
Ему не расцвести — он стар
И, черный, безобразно гол.

Шильонский узник

СОНЕТ ШИЛЬОНУ

Бессмертный Дух свободного Ума,
Святая Вольность! В камерах зловонных
Твой свет не может погасить тюрьма,
Убить тебя в сердцах, тобой плененных.

Когда твой сын оковам обречен,
Когда его гнетут сырые своды,
Самим страданием побеждает он,
И плен его — грядущий взлет Свободы.

Ты свят, Шильон! Твой каменный настил,
Холодный пол твой, как трава лесная,
Тот след неистребимый сохранил,

Что Боннивар оставил здесь, шагая,
И, точно вопль из тьмы к творцу светил,
К векам стезя зовет роковая.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В то время, когда я писал эту поэму, я не был достаточно знаком с историей Боннивара; будь она мне известна, я бы постарался быть на высоте моего сюжета, попытался бы воздать должную хвалу мужеству и доблестям Боннивара. Теперь я получил некоторые сведения о его жизни благодаря любезности одного из граждан республики, продолжающей гордиться памятью мужа, достойного быть сыном лучшей поры древней свободы.

«Франсуа де Боннивар (Bonnivar), сын Луи де Боннивара, родом из Сейселя (Seysse) и владелец Люна (Lunes), родился в 1496 году. Он учился в Турине; в 1510 году Жан Эмэ де Боннивар, его дядя, передал ему приорат Сан-Виктор, прилегающий к стенам Женевы и дававший крупные бенефиции... Этот великий человек (Боннивар заслуживает такой эпитет силой духа, прямоотой, благородством помыслов, мудростью советов, отважностью поступков, обширностью знаний и живостью ума), этот великий человек, перед которым будут преклоняться все, кого трогает геройская доблесть, будет возбуждать еще более живое чувство благодарности в сердцах женецев, любящих Женеву. Боннивар был всегда одним из ее самых твердых столпов: чтобы упрочить

свободу нашей республики, он часто ставил на карту свою свободу; он забыл о своем спокойствии, отказался от своих богатств; он сделал все, что мог, для того, чтобы упрочить счастье страны, которую почтил своим избранием; с того момента, как он признал ее своей родиной, он полюбил ее как самый ревностный из ее граждан; он служил ей с геройским бесстрашием и написал свою «Историю» с наивностью философа и горячностью патриота.

Он говорит в начале своей «Истории Женевы», что «с того времени, как он начал читать историю народов, он почувствовал влечение к республикам и принимал всегда их сторону; эта любовь к свободе, несомненно, и побудила его избрать Женеву своей второй родиной.

Боннивар был еще молод, когда открыто выступил защитником Женевы против герцога Савойского и епископа. В 1519 году Боннивар сделался мучеником за свою родину: когда герцог Савойский вступил в Женеву с пятьюстами человек, Боннивар, опасаясь гнева герцога, хотел укрыться в Фрибург от грозивших ему преследований. Но его предали два человека, сопровождавшие его, и по приказу герцога его отвезли в Гролэ, где он пробыл в тюрьме два года. Путешествия не спасали Боннивара от беды: так как несчастья не ослабили его преданности Женеве и он продолжал быть страшным врагом для всех ее недругов, то и подвергался всегда опасности преследований с их стороны. В 1530 году в горах Юры на него напали воры, ограбили его и препроводили к герцогу Савойскому. Последний заточил его в Шильонский замок, где Боннивар пробыл, не будучи ни разу подвергнут допросу, до 1536 года, когда его высвободили из тюрьмы бернские войска, завладевшие всем кантоном Ваад (Pays-de-Vaud).

Выйдя на свободу, Боннивар был обрадован тем, что увидел Женеву свободной и преобразованной; республика поспешила выказать ему свою благодарность и вознаградить его за вынесенные им бедствия: в июне 1536 года он был возведен в звание женевского гражданина, республика принесла ему в дар дом, где некогда жил генеральный викарий, и назначила ему пенсioen в двести золотых экю на все время его пребывания в Женеве. В 1537 году он был выбран членом Совета Двухсот.

Боннивар продолжал служить на пользу своих сограждан: позднее, после того как он помог Женеве стать свободной, ему удалось также сделать ее веротерпимой. Боннивар убедил Совет предоставить духовенству и крестьянам

достаточно времени для обсуждения сделанных им предложений; он достиг цели своей мягкостью; для того чтобы успешно проповедовать христианство, нужно действовать любовью и кротостью.

Боннивар был ученым; его рукописи, сохраняющиеся в публичной библиотеке, доказывают, что он хорошо знал латинских классиков, а также обладал обширной эрудицией в области богословия и истории. Этот великий человек любил науку и полагал, что она может составить славу Женевы; поэтому он всячески старался насадить ее в городе, начавшем жить самостоятельно. В 1551 году он подарил городу свою библиотеку и положил этим основание нашей публичной библиотеке; книги Боннивара и составляют часть редких прекрасных изданий XV века, имеющихся в нашем собрании. Наконец, в том же году этот истинный патриот назначил республику своей наследницей, под условием, что она употребит его состояние на содержание коллежа, основание которого проектировалось тогда.

Боннивар умер, по всей вероятности, в 1570 году, но точно установить дату его смерти нельзя, потому что в списках умерших есть пробел от июля 1570 года до 1571-го».

*Жан Сенебьер. Histoire Littéraire
de Genève (1786, I, 131—137)¹.*

¹ Выдержка из Сенебьера у Байрона приведена по-французски.

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

I

Взгляните на меня: я сед,
Но не от хилости и лет;
Не страх незапный в ночь одну
До срока дал мне седину.
Я сгорблен, лоб наморщен мой,
Но не труды, не холод, не зной —
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостного дня,
Дыша без воздуха, в цепях,
Я медленно дряхлел и чах,
И жизнь казалась без конца.
Удел несчастного отца —
За веру смерть и стыд цепей —
Уделом стал и сыновей.
Нас было шесть — пяти уж нет.
Отец, страдалец с юных лет,
Погибший старцем на костре,
Два брата, падшие во пре,
Отдав на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На дне тюремной глубины —
И двух сожрала глубина;

Лишь я, развалина одна,
Себе на горе уцелел,
Чтоб их оплакивать удел.

II

На лоне вод стоит Шильон;
Там, в подземелье, семь колонн
Покрыты влажным мохом лет.
На них печальный брезжит свет —
Луч, ненароком с вышины
Упавший в трещину стены
И заронившийся во мглу.
И на сыром тюрьмы полу
Он светит тускло, одинок,
Как над болотом огонек,
Во мраке веющий ночном.
Колонна каждая с кольцом;
И цепи в кольцах тех висят;
И тех цепей железо — яд;
Мне в члены вгрызлося оно;
Не будет ввек истреблено
Клеймо, надавленное им.
И день тяжел глазам моим,
Отвыкнувшим с толь давних лет
Глядеть на радующий свет;
И к воле я душой остыл
С тех пор, как брат последний был
Убит неволей предо мной
И, рядом с мертвым, я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

III

Цепями теми были мы
К колоннам тем пригвождены,
Хоть вместе, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить,
В глаза друг друга различить
Нам бледный мрак тюрьмы мешал.
Он нам лицо чужое дал —
И брат стал брату незнаком.
Была услада нам в одном:
Друг другу голос подавать,

Друг другу сердце пробуждать
Иль былью славной старины,
Иль звучной песнью войны —
Но скоро то же и одно
Во мгле тюрьмы истощено;
Наш голос страшно одичал,
Он хриплым отголоском стал
Глухой тюремных стены;
Он не был звуком старины
В те дни, подобно нам самим,
Могучим, вольным и живым!
Мечта ль?.. но голос их и мой
Всегда звучал мне как чужой.

IV

Из нас троих я старший был;
Я жребий собственный забыл,
Дыша заботою одной,
Чтоб им не дать упасть душой.
Наш младший брат — любовь отца...
Увы! черты его лица
И глаз умильная краса,
Лазоревых, как небеса,
Напоминали нашу мать.
Он был мне все — и увядать
При мне был должен милый цвет,
Прекрасный, как тот дневный свет,
Который с неба мне светил,
В котором я на воле жил.
Как утро, был он чист и жив:
Умом младенчески-игрив,
Беспечно весел сам с собой...
Но перед горестью чужой
Из голубых его очей
Бежали слезы, как ручей.

V

Другой был столь же чист душой,
Но дух имел он боевой:
Могуч и крепок, в цвете лет,
Рад вызвать к битве целый свет
И в первый ряд на смерть готов...
Но без терпенья для оков.

И он от звука их завял!
Я чувствовал, как погибал,
Как медленно в печали гас
Наш брат, незримый нам, близ нас;
Он был стрелок, жилец холмов,
Гонитель вепрей и волков —
И гроб тюрьма ему была;
Неволи сила не снесла.

VI

Шильон Леманом окружен,
И вод его со всех сторон
Неизмерима глубина;
В двойную волны и стена
Тюрьму совокупились там;
Печальный свод, который нам
Могилой заживо служил,
Изрыт в скале подводной был;
И день и ночь была слышна
В него бьющая волна
И шум над нашей головой
Струй, отшибаемых стеной.
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызгов дождь нас окроплял;
Случалось — вихорь бушевал,
И содрогалась скала;
И с жадностью душа ждала,
Что рухнет и задавит нас:
Свободой был бы смертный час!

VII

Середний брат наш — я сказал —
Душой скорбел и увядал.
Уныл, угрюм, ожесточен,
От пищи отказался он:
Еда тюремная жестка;
Но для могучего стрелка
Нужду переносить легко.
Нам коз альпийских молоко
Сменила смрадная вода;
А хлеб наш был, какой всегда —
С тех пор как цепи созданы —

Слезамн смачнвать должнн
Невольннкн в свонк цепенх.
Не от нужды скорбел н чх
Мой брат: равн завял бы он,
Когда б н негой окружен
Без воли был... Зачем молчатъ?
Он умер... я ж ему податъ
Руки не мог в последнн час,
Не мог закрьть потухшнх глаз;
Вотще я цепи грыз н рвал —
Со мною рядом умрал
И умер брат мой, однок;
Я блнзко был — н был далек.
Я слышатъ мог, как он дышал,
Как он дышатъ переставал,
Как вздрагнвал в цепях свонк
И как ужасно вдруг затнх
Во глубнне тюремной мглы...
Онн, сняв с трупа кандалы,
Его без гроба погреблн
В холодном лоне той земли,
На коей он невольннк был.
Вотще я нх в слезах моллл,
Чтоб брату там могллу датъ,
Где мог бы дневнн луч снать;
То мысль безумная была,
Но душу мне она зажгла:
Чтоб волен был хотъ в гробе он.
«В темннце, мнл я, мертвнх сон
Не тнх...» Но был ответ слезам
Холоднн смех; н брат мой там
В сырой земле тюрьмы зарыт,
И в головах его внснт
Пук нм оставленннх цепей:
Убнйц достоннн мавзолей.

VIII

Но он — наш млый, лучшнй цвет,
Наш ангел с колыбельннх лет,
Сокровнще семьи родной,
Он — образ матерн душой
И чнстой прелестью лнца,
Мечта любимая отца,

Он — для кого я жизнь щадил,
Чтоб он бодрей в неволе был,
Чтоб после мог и волен быть...
Увы! он долго мог сносить
С младенческой тишиной,
С терпеньем ясным жребий свой;
Не я ему — он для меня
Подпорой был... Вдруг день от дня
Стал упадать, ослабевал,
Грустил, молчал и молча вял.
О боже! боже! страшно зреть,
Как силится преодолеть
Смерть человека... я видал,
Как ратник в битве погибал;
Я видел, как пловец тонул
С доской, к которой он прильнул
С надеждой гибнущей своей;
Я зрел, как издыхал злодей
С свирепой дикостью в чертах,
С богохуленьем на устах,
Пока их смерть не заперла;
Но там был страх — здесь скорбь была,
Болезнь глубокая души.
Смиранным ангелом, в тиши,
Он гас, столь кротко-молчалив,
Столь безнадежно-терпелив,
Столь грустно-томен, нежно-тих,
Без слез, лишь помня о своих
И обо мне... Увы! он гас,
Как радуга, пленяя нас,
Прекрасно гаснет в небесах;
Ни вздоха скорби на устах;
Ни ропота на жребий свой;
Лишь слово изредка со мной
О наших прошлых временах,
О лучших будущего днях,
Об упованье... но, объят
Сей тратой, горшею из трат,
Я был в свирепом забытии.
Вотще, кончаясь, он свои
Терзанья смертные скрывал...
Вдруг реже, трепетнее стал
Дышать, и вдруг умолкнул он...
Молчаньем страшным пробужден,

Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу как бешеный... стена
Откликнулась... и умер гул...
Я цепь отчаянно рванул
И вырвал... К брату — брата нет!
Он на столбе — как вешний цвет,
Убитый хладом,— предо мной
Висел с поникшей головой.
Я руку тихую поднял;
Я чувствовал, как исчезал
В ней след последней теплоты;
И мнилось, были отняты
Все силы у души моей;
Все страшно вдруг сперлося в ней;
Я дико по тюрьме бродил —
Но в ней покой ужасный был,
Лишь веял от стены сырой
Какой-то холод гробовой;
И, взор на мертвого вперив,
Я знал лишь смутно, что я жив.
О! сколько муки в знанье том,
Когда мы тут же узнаем,
Что милому уже не быть!
И миг тот мог я пережить!
Не знаю — вера ль то была,
Иль хладность к жизни жизнь спасла?

IX

Но что потом сбылось со мной —
Не помню... Свет казался тьмой,
Тьма — светом; воздух исчезал;
В оцепенении стоял,
Без памяти, без бытия,
Меж камней хладным камнем я;
И виделось, как в тяжком сне,
Все бледным, темным, тусклым мне;
Все в мутную слилось тень;
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
Столь ненавистный для очей:
То было — тьма без темноты;
То было — бездна пустоты
Без протяженья и границ;

То были образы без лиц;
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без Промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть — как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и немой.

Х

Вдруг луч незапный посетил
Мой ум... то голос птички был.
Он умолкал; он снова пел;
И мнилось, с неба он летел;
И был утешно-сладок он.
Им очарован, оживлен,
Заслушавшись, забылся я,
Но ненадолго... мысль моя
Стезей привычною пошла,
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма,
Молчанье то же, та же тьма;
Как прежде, бледною струей
Прокрадывался луч дневной
В стенную скважину ко мне...
Но там же, в свете, на стене
И мой певец воздушный был:
Он трепетал, он шевелил
Своим лазоревым крылом;
Он озарен был ясным днем;
Он пел приветно надо мной...
Как много было в песне той!
И все то было — про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобного не зрел!
Как я, казалось, он скорбел
О брате, и покинут был;
И он с любовью навестил
Меня тогда, как ни одним
Уж сердцем не был я любим;
И в сладость песнь его была:
Душа невольно ожила.

Но кто ж он сам был, мой певец?
Свободный ли небес жилец?
Или, недавно от цепей,
По случаю к тюрьме моей,
Играя в небе, залетел
И о свободе мне пропел?
Скажу ль?.. Мне думалось порой,
Что у меня был не земной,
А райский гость; что братний дух
Порадовать мой взор и слух
Примчался птичкою с небес...
Но утешитель вдруг исчез;
Он улетел в сиянье дня...
Нет, нет, то не был брат... меня
Покинуть так не мог бы он,
Чтоб я, с ним дважды разлучен,
Остался вдвое одинок,
Как труп меж гробовых досок.

XI

Вдруг новое в судьбе моей:
К душе тюремных сторожей
Как будто жалость путь нашла;
Дотоле их душа была
Бесчувственной желез моих;
И что разжалобило их?
Что милость вымолило мне,
Не знаю... но опять к стене
Уже прикован не был я;
Оборванная цепь моя
На шее билася моей;
И по тюрьме я вместе с ней
Вдоль стен, кругом столбов бродил,
Не смея братних лишь могил
Дотронуться моей ногой,
Чтобы последние земной
Святыни там не оскорбить.

XII

И мне оковами прорыть
Ступени удалось в стене;
Но воля не входила мне

И в мысли... я был сирота,
Мир стал чужой мне, жизнь пуста,
С тюрьмой я жизнь сдружил мою:
В тюрьме я всю свою семью,
Все, что знавал, все, что любил,
Невозвратно схоронил,
И в области веселой дня
Никто уж не жил для меня;
Без места на пиру земном,
Я был бы лишний гость на нем,
Как облако при ясном дне,
Потерянное в вышине
И в радостных его лучах
Ненужное на небесах...
Но мне хотелось бросить взор
На красоту знакомых гор,
На их утесы, их леса,
На близкие к ним небеса.

XIII

Я их увидел — и оне
Все были те ж: на вышине
Веков создание — снега,
Под ними Альпы и луга,
И бездна озера у ног,
И Роны блещущий поток
Между зеленых берегов;
И слышен был мне шум ручьев,
Бегущих, бьющих по скалам;
И по лазоревым водам
Сверкали ясны облака;
И быстрый парус челнока
Между небес и вод летел;
И хижины веселых сел,
И кровы светлых городов
Сквозь пар мелькали вдоль берегов...
И я заметил островок:
Прекрасен, свеж, но одинок
В пространстве был он голубом;
Цвели три дерева на нем,
И горный воздух веял там
По мураве и по цветам,
И воды были там живей,

И обвивались нежней
Кругом родных берегов оне.
И видел я: к моей стене
Челнок с пловцами приставал,
Гостил у берега, отплывал
И, при свободном ветерке
Летя, скрывался вдалеке;
И в облаках орел играл,
И никогда я не видал
Его столь быстрым — то к окну
Спускался он, то в вышину
Взлетал — за ним душа рвалась;
И слезы новые из глаз
Пошли, и новая печаль
Мне сжала грудь... мне стало жаль
Моих покинутых цепей.
Когда ж на дно тюрьмы моей
Опять сойти я должен был —
Меня, казалось, обхватил
Холодный гроб; казалось, вновь
Моя последняя любовь,
Мой милый брат передо мной
Был взят несытою землей;
Но как ни тяжело ныла грудь —
Чтоб от страданья отдохнуть,
Мне мрак тюрьмы отрадой был.

XIV

День приходил, день уходил,
Шли годы — я их не считал:
Я, мнилось, память потерял
О переменах на земли.
И люди наконец пришли
Мне волю бедную отдать.
За что и как? О том узнать
И не помыслил я — давно
Считать привык я за одно:
Без цепи ль я, в цепи ль я был,
Я безнадежность полюбил;
И им я холодно внимал,
И равнодушно цепь скидал,
И подземелье стало вдруг
Мне милой кровлей... там все друг,

Все однодomeц было мой;
Паук темничный надо мной
Там мирно ткал в моем окне;
За резвой мышью при луне
Я там подсматривать любил;
Я к цепи руку приучил;
И... столь себе неверны мы!—
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

1816

Манфред

Драматическая поэма

Есть на земле и в небе то, что вашей
Не снилось философии, Горацио.

Шекспир

DRAMATIS PERSONAE¹

Манфред.	Фея Альп.
Охотник за сернами.	Ариман.
Аббат св. Мориса.	Немезида.
Мануэль.	Парки.
Герман.	Духи.

Действие происходит в Бернских Альпах,—
частью в замке Манфреда, частью в горах.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Готическая галерея.— Полночь.

Манфред
(один)

Ночник пора долить, хотя иссякнет
Он все-таки скорей, чем я усну;
Ночь не приносит мне успокоенья
И не дает забыться от тяжелых,
Неотразимых дум: моя душа
Не знает сна, и я глаза смыкаю
Лишь для того, чтоб внутрь души смотреть.

¹ Действующие лица (лат.).

Не странно ли, что я еще имею
Подобие и облик человека,
Что я живу? Но скорбь — наставник мудрых;
Скорбь — знание, и тот, кто им богаче,
Тот должен был в страданиях постигнуть,
Что древо знания — не древо жизни.
Науки, философию, все тайны
Чудесного и всю земную мудрость —
Я все познал, и все постиг мой разум, —
Что пользы в том? — Я расточал добро
И даже сам встречал добро порою;
Я знал врагов и разрушал их козни,
И часто враг смирялся предо мной, —
Что пользы в том? — Могущество и страсти,
Добро и зло — все, что волнует мир, —
Все для меня навеки стало чуждым
В тот адский миг. Мне даже страх неведом,
И осужден до гроба я не знать
Ни трепета надежд или желаний,
Ни радости, ни счастья, ни любви. —
Но час настал. —

Таинственные силы!

Властители вселенной безграничной,
Кого искал я в свете дня и в тьме!
Вы, в воздухе сокрытые, — незримо
Живущие в эфире, — вы, кому
Доступны гор заоблачные выси,
И недра скал, и бездны океана, —
Во имя чар, мне давших власть над вами,
Зову и заклинаю вас: явитесь!

Молчание.

Ответа нет. — Так именем того,
Кто властвует над вами, — начертаньем,
Которое вас в трепет повергает, —
Велением бессмертного! — Явитесь!

Молчание.

Ответа нет. — Но, духи тьмы и света,
Вам не избежать чар моих: той силой,
Что всех неотразимее, — той властью,
Что рождена на огненном обломке
Разрушенного мира, — на планете,

Погибшей и навеки осужденной
Блуждать среди предвечного пространства,
Проклятием, меня гнетущим,— мыслью,
Живущею во мне и вокруг меня,—
Зову и заклинаю вас: явитесь!

В темном конце галереи появляется неподвижная звезда
и слышится голос, который поет.

Первый дух

Смертный! На луче звезды
Я спустился с высоты.
Силе чар твоих послушный,
Я покинул мир воздушный,
Мой чертог среди эфира,
Нежно сотканный дыханьем
Туч вечерних и сияньем
Золотистого сафира
В предзакатной тишине.
Смертный! Что велишь ты мне?

Второй дух

Монблан — царь гор, он до небес
Возносится главой
На троне скал, в порфире туч,
В короне снеговой.
Лесами стан его повит.
Громовый гул лавин
В могучей длани держит он
Над синей мглой долин.
Века веков громады льдов
Вдоль скал его ползут,
Но чтоб низвергнуться во прах —
Моих велений ждут.
Я грозный повелитель гор,
Единым словом я
До недр их потрясти могу,—
Кто ты, чтоб звать меня?

Третий дух

В тишине заповедной,
В синей бездне морей,
Где сирена вплетает
Перлы в зелень кудрей,

Где во мраке таится
Водяная змея,—
Гулом бури твой голос
Долетел до меня.
Мой чертог из коралла
Он наполнил собой,—
Что ты хочешь, о смертный?
Дух морей пред тобой!

Ч е т в е р т ы й д у х

Где недра вулканов
Кипят в полусне
И лава клокочет
В гудящем огне,
Где Анды корнями
Ушли в глубину —
Вершинами гордо
Стремясь в вышину,—
Во мраке подземном
Тебе я внимал,
На зов твой покорно
Из мрака предстал!

П я т ы й д у х

Я дух и повелитель бурь,
Я властелин ветров;
Свой путь к тебе я совершал
Средь молний и громов.
Чрез океан нес ураган
Меня на голос твой,—
Плыл в море флот, но в бездне вод
Он будет пред зарей!

Ш е с т о й д у х

Дух Ночи пред тобой, дух темноты —
Зачем меня терзаешь светом ты?

С е д ь м о й д у х

Твоей звездою правил я
В те дни, когда еще земля
Была не создана. То был
Мир дивный, полный юных сил,
Мир, затмевавший красотой,

Теченьем царственным своим
Все звезды, что блистали с ним
В пустыне неба голубой.
Но час настал — и навсегда
Померкла дивная звезда!
Огнистой глыбой без лучей,
Зловещим призраком ночей,
Без цели мчится вдаль она,
Весь век блуждать осуждена.
И ты, родившийся под той
Для неба чуждою звездой,
Ты, червь, пред кем склоняюсь я,
В груди презренье затая,
Ты, властью, данною тебе,
Чтобы предать тебя Судьбе,
Призвавший лишь на краткий миг
Меня в толпу рабов своих,
Скажи, сын праха, для чего
Ты звал владыку своего?

С е м ь д у х о в

Владыки гор, ветров, земли и бездн морских,
Дух воздуха, дух тьмы и дух твоей судьбы —
Все притекли к тебе, как верные рабы, —
Что повелишь ты им? Чего ты ждешь от них?

М а н ф р е д

Забвения.

П е р в ы й д у х

Чего — кого — зачем?

М а н ф р е д

Вы знаете. Того, что в сердце скрыто.
Прочтите в нем — я сам сказать не в силах.

Д у х

Мы можем дать лишь то, что в нашей власти:
Проси короны, подданных, господства
Хотя над целым миром, — пожелай
Повелевать стихиями, в которых
Мы безгранично царствуем, — все будет
Дано тебе.

М а н ф р е д

Забвенья — лишь забвенья.

Вы мне сулите многое, — ужели
Не в силах дать лишь одного?

Д у х

Не в силах.

Быть может, смерть...

М а н ф р е д

Но даст ли смерть забвенья?

Д у х

Забвение неведомо бессмертным:
Мы вечны — и прошедшее для нас
Сливается с грядущим в настоящем.
Вот наш ответ.

М а н ф р е д

Вы надо мной глумитесь;
Но властью чар, мне давших власть над вами,
Я царь для вас. — Рабы, не забывайтесь!
Бессмертный дух, наследье Прометея,
Огонь, во мне зажженный, так же ярок,
Могуч и всеобъемлющ, как и ваш,
Хотя и облечен земною перстью.
Ответствуйте — иль горе вам!

Д у х

Мы можем

Лишь повторить ответ: он заключен
В твоих словах.

М а н ф р е д

В каких?

Д у х

Ты говорил нам,
Что равен нам; а смерть для нас — ничто.

М а н ф р е д

Так я напрасно звал вас! Вы не в силах
Иль не хотите мне помочь.

Д у х

Проси:

Мы все дадим, что только в нашей власти.
Проси короны, мощи, долголетия...

М а н ф р е д

Проклятие! К чему мне долголетье?
И без того дни долги! Прочь.

Д у х

Помедли,

Подумай, прежде чем нас отпустить.
Быть может, есть хоть что-нибудь, что ценно
В твоих глазах?

М а н ф р е д

О нет! Но пред разлукой
Мне хочется увидеть вас. Я слышу
Печальные и сладостные звуки,
Я вижу яркую недвижную звезду.
Но дальше — мрак. Предстаньте предо мною,
Один иль все, в своем обычном виде.

Д у х

Мы не имеем образов — мы души
Своих стихий. Но выбери любую
Из форм земных — и примем мы ее.

М а н ф р е д

Нет ничего на всей земле, что б было
Отрадно мне иль ненавистно. Пусть
Сильнейший между вами примет образ,
Какой ему пристойнее.

С е д ь м о й д у х

(появляясь в образе прекрасной женщины)

Смотри!

М а н ф р е д

О боже! Если ты не наважденье
И не мечта безумная, я мог бы

Опять изведать счастье. О, приди,
Приди ко мне, и снова...

Призрак исчезает.

Я раздавлен!
(Падает без чувств.)

Г о л о с
(произносящий заклинание)

В час, когда молчит волна,
Над волной горит луна,
Под кустами — светляки,
Над могилой огоньки;
В час, когда сова рыдает,
Метеор, скользя, блистает
В глубине ночных небес
И недвижим темный лес, —
Властью, силой роковой
Овладею я тобой.

Пусть глубок твой будет сон —
Не коснется духа он.
Есть зловещие виденья,
От которых нет спасенья:
Тайной силою пленен,
В круг волшебный заключен,
Ты нигде их не забудешь,
Никогда один не будешь —
Ты замрешь навеки в них, —
В темных силах чар моих.

И проклятья вещей глас
Уж изрек в полночный час
Над тобой свой приговор:
В ветре будешь ты с тех пор
Слышать только скорбный стон;
Ночью, скорбью удручен,
Будешь солнца жаждать ты;
Но едва из темноты
Выйдет солнце над тобой —
Будешь ночи ждать с тоской.

Я в слезах твоих нашла
Яд холодной лжи и зла,

В сердце, полном мук притворных,
Кровь, чернее ядов черных.
Сорвала я с уст твоих
Талисман тлетворный их —
Твой коварно-тихий смех,
Как змея, пленявший всех.
Все отравы знаю я, —
И сильнее всех — твоя.

Лицемерием твоим,
Сердцем жестким и сухим,
Лживой нежностью очей,
Злобой, скрытою под ней,
Равнодушным безучастьем
К братским горестям, несчастьям
И умением свой яд,
Свой змеино-жадный взгляд
Глубоко сокрыть в себя —
Проклинаю я тебя!

Изливаю над тобой
Уготованный судьбой,
Роковой фйал твоих
Мук и горестей земных:
Ни забвенья, ни могилы
Не найдет твой дух унылый;
Заклинаньем очарован
И беззвучной цепью скован,
Без конца томись, страдай
И в страданиях — увядай!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Гора Юнгффрау.— Утро.— М а н ф р е д, один на утесах.

М а н ф р е д

Сокрылись духи, вызванные мной,
Не принесли мне облегченья чары,
Не помогла наука волшебства.
Я уж не верю в силы неземные,
Они над прошлым власти не имеют,
А что мне до грядущего, покуда
Былое тьмой покрыто? — Мать Земля!

Ты, юная денница, вы, о горы,
Зачем вы так прекрасны? — Не могу
Я вас любить. — И ты, вселенной око,
На целый мир отверстое с любовью,
Ты не даешь отрады только мне!
Вы, груды скал, где я стою над бездной
И в бездне над потоком различаю
Верхи столетних сосен, превращенных
Зияющей стремниною в кустарник, —
Скажите мне, зачем над ней я медлю,
Когда одно движение, лишний шаг
Навеки успокоили бы сердце
В скалистом ложе горного потока?
Оно зовет — но я не внемлю зову,
Оно страшит — но я не отступаю,
Мутит мой ум — и все же я стою:
Есть чья-то власть, что жизнь нам сохраняет,
Что заставляет жить нас, если только
Жить значит пресмыкаться на земле
И быть могилой собственного духа,
Утратив даже горькую отраду —
Оправдывать себя в своих глазах!

Пролетает орел.

Могучий царь пернатых, сын эфира,
Превыше туч парящий в поднебесье,
О, если бы мне быть твоей добычей
И пищей для орлят твоих! В лазури
Чернеешь ты, и я тебя чуть вижу,
Меж тем как ты и вниз, и вверх, и вширь
Пронзаешь взором воздух! — Как прекрасен,
Как царственно-прекрасен мир земной,
Как величав во всех своих явлениях!
Лишь мы, что назвались его царями,
Лишь мы, смешенье праха с божеством,
Равно и праху чуждые и небу,
Мрачим своею двойственной природой
Его чело спокойное, волнуясь
То жаждою возвыситься до неба,
То жалкою привязанностью к праху,
Пока не одолеет прах и мы
Не станем тем, чего назвать не смеем,
Что нам внушает ужас. — Чу, свирель!

Вдали слышна свирель пастуха.

Патриархально-сладостные звуки
Далеко раздаются по ущельям,
Сливаясь с колокольчиками стад,
И жадно я внимаю им.— О, если б
Я был незримым духом этих звуков,
Гармонией свободной и живой,
Блаженством бестелесным, что рождается,
Живет и умирает вместе с ними!

Снизу поднимается охотник за сернами.

О х о т н и к

Да, серна здесь промчалась! Но куда?
Как на смех промелькнула и пропала!
Боюсь, что не окупится сегодня
Мой тяжкий труд.— Но кто это вдали?
Он с виду не охотник, а поднялся
На высоту, которой достигают
Лишь лучшие охотники. На нем
Богатый плащ, он мужественно-строено
И горд, как сын свободного народа.
Пойду к нему.

М а н ф р е д

(не замечая охотника)

До срока поседеть

От скорбных дум, подобно этим жалким
Обломкам сосен, бурей искривленным,
Погубленным одною зимней вьюгой,—
И быть таким, с тоскою вспоминая
Иные дни, и на челе носить
Морщины, что оставили не годы,
А лишь мгновенья,— тяжкие мгновенья,
Ужасные, как вечность! Вы, лавины!
Вы, глыбы льдов! Обрушьтесь на меня
И поглотите жизнь мою! Я слышу
Ваш непрерывный грохот, но, свергаясь,
Вы губите лишь то, что жаждет жизни:
Цветущий лес иль мирные селенья.

О х о т н и к

С долины поднимаются туманы.
Скажу ему, что нам пора спускаться,
Не то он здесь останется навеки.

М а н ф р е д

Вкруг ледников дымится мгла и пахнет
Горящей серой; белыми клубами
К моим ногам всползают облака,
Как пена из пучины преисподней,
С тех жадных волн, что роют берег жизни,
Обремененный грешными, как щебнем.—
Я задыхаюсь.

О х о т н и к

Он едва стоит:

Мне нужно подойти к нему тихонько,—
Иначе он сорвется.

М а н ф р е д

С тяжким гулом

Обрушивались горы, прорывая
Ткань облаков и сотрясая Альпы,
Загромождали горами обломков
Зеленые цветущие долины,
Запруживали реки, низвергаясь,
И в пыль и мглу их воды раздробляли.
Так некогда пал Розенберг. Зачем
Я не стоял тогда в его долинах?

О х о т н и к

Приятель, осторожней! Лишний шаг —
И ты простишься с жизнью. Ради бога,
Отдвинься от обрыва.

М а н ф р е д

(не слыша охотника)

Как спокойно

Уснул бы я! Мой прах не стал бы жалкой
Игрушкой ветра, не был бы развеян
По скалам и утесам. А теперь —
Простите, небеса! О, не глядите
Вы на меня с такою укоризной —
Не для меня вы созданы.— Земля!
Прими меня!

Делает движение броситься со скалы, но охотник
внезапно схватывает и удерживает его.

О х о т н и к

Остановись, безумец!
Не оскверняй долины преступной кровью —
Иди за мной — я не пущу тебя!

М а н ф р е д

Как тяжело мне! — Нет, не держи так крепко —
Я изнемог — кружась, мелькают горы —
В глазах туман. Зачем ты здесь и кто ты?

О х о т н и к

Скажу, скажу. — Теперь идем — все тонет
В тумане — опирайся на меня —
Стань вот сюда — сюда — и придержишь
За этот куст — дай руку и покрепче
Возьми меня за пояс — легче! — так.
Теперь смелей — недалеко до дома —
Мы выберемся скоро на тропинку,
Прорытую ручьями. — Прыгай — славно!
Да ты любому горцу не уступишь!

Медленно спускаются по скалам.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Хижина в Бернских Альпах.
М а н ф р е д и о х о т н и к.

О х о т н и к

Нет, подожди — тебе еще опасно
Пускаться в путь: ты слишком изнемог,
Ты слаб еще и телом и душою.
Вот отдохнешь — тогда мы и пойдем.
Где ты живешь?

М а н ф р е д

Дорога мне известна.
Я в провожатом больше не нуждаюсь.

О х о т н и к

По виду твоему я замечаю,
Что ты из тех, чьи замки так угрюмо
Глядят со скал на хижины в долинах.
Который твой? Я знаю в них лишь входы,
Мне изредка доводится погреться
У очагов их старых темных зал,
За чашей, меж вассалов, но тропинки,
Что с гор ведут к воротам этих замков,
Извесны мне с младенчества. Где твой?

М а н ф р е д

Не все ль равно?

О х о т н и к

Ну, хорошо, не хмурься,
Прости за спрос. Отведаем вина.
Старинное! Не раз отогревало
Оно меня средь наших ледников —
Теперь пускай тебя согреет. — Выпьем!

М а н ф р е д

Прочь от меня! — На кубке кровь! — О боже,
Ужели *никогда* она не сгинет?

О х о т н и к

Какая кровь? Ты бредишь?

М а н ф р е д

Наша кровь!

Та, что текла в сердцах отцов и в наших,
Когда мы были юны и любили
Так горячо, как было грех любить,
Та, что встает из праха, обагрив
Мрак, заступивший небо предо мною,
Где нет тебя, а мне не быть — вовеки.

О х о т н и к

Ты странный и несчастный человек;
Но каковы бы ни были страданья,
Каков бы ни был грех твой, есть спасенье:
Терпение, смирение и молитва.

М а н ф р е д

Терпение! — Нет, не для хищных птиц
Придуманно терпение: для мулов!
Прибереги его себе подобным, —
Я из другой породы.

О х о т н и к

Боже мой!
Да я б не взял бессмертной славы Телля,
Чтоб быть тобой. Но повторяю: в гнев
Спасенья нет; неси свой крест покорно.

М а н ф р е д

Я и несу. Ведь я живу — ты видишь.

О х о т н и к

Такая жизнь — болезненные корчи.

М а н ф р е д

Я говорю — я прожил много лет,
И долгих лет, но что все это значит
Пред тем, что суждено мне: я столетья,
Я вечность должен жить в неугасимой
И тщетной жажде смерти!

О х о т н и к

Как! Но ты
Совсем не стар: ты средних лет, не больше.

М а н ф р е д

Ты думаешь, что наша жизнь зависит
От времени? Скорей — от нас самих.
Жизнь для меня — безмерная пустыня,
Бесплодное и дикое побережье,
Где только волны стонут, оставляя
В нагих песках обломки мачт, да трупы,
Да водоросли горькие, да камни!

О х о т н и к

Увы, он сумасшедший! Без призора
Его нельзя оставить.

М а н ф р е д

О, поверь, —
Я был бы рад безумию: тогда бы
Все, что я вижу, было бы лишь бредом.

О х о т н и к

Что ж видишь ты, иль думаешь, что видишь?

М а н ф р е д

Тебя, сын гор, и самого себя,
Твой мирный быт и кров гостеприимный,
Твой дух, свободный, набожный и стойкий,
Исполненный достоинства и гордый,
Затем что он и чист и непорочен,
Твой труд, облагороженный отвагой,
Твое здоровье, бодрость и надежды
На старость безмятежную, на отдых
И тихую могилу под крестом,
В венке из роз. — Вот твой удел. А мой —
Но что о нем — во мне уж все убито!

О х о т н и к

И ты б со мною долей поменялся?

М а н ф р е д

Нет, друг, я не желаю зла тебе,
Я участью ни с кем не поменяюсь:
Я удручен, но все же выношу
То, что другому было б не под силу
Перенести не только наяву,
Но даже в сновиденье.

О х о т н и к

И с такою
Душой, высокой, нежной, быть злодеем.
Кровавой местию тешиться? — Не верю!

М а н ф р е д

О нет — нет — нет! Я только тех губил,
Кем был любим, кого любил всем сердцем,
Врагов я поражал, лишь защищаясь,
Но гибельны мои объятья были.

О х о т н и к

Пусть небо ниспошлет тебе покой
И покаянья сладостные слезы!
Я буду поминать тебя в молитвах.

М а н ф р е д

Я не нуждаюсь в них; но состраданья
Отвергнуть не могу.— Я ухожу —
Пора — прости! Вот золото — ты должен
Его принять.— Не провожай меня —
Путь мне знаком, опасность миновала,—
Еще раз говорю — не провожай!

СЦЕНА ВТОРАЯ

Нижняя долина в Альпах.— Водопад.

М а н ф р е д

Еще не полдень: радуга сияет
В потоке всеми красками небес,
И серебром блистает столп потока,
Свергаясь с высоты и развеваясь
Вдоль скал струями пены светозарной,
Как хвост коня-гиганта, на котором
В виденье Иоанна мчится Смерть.
Один я упиваюсь этой дивной
Игрою вод, и сладость созерцанья
Я разделю в тиши уединенья
Лишь с феей гор.— Я вызову ее.

Вачерпывает на ладонь воды и бросает ее в воздух, вполголоса
произнося заклинания. Под радугой водопада появляется
фея Альп.

Прелестный дух, чьи кудри лучезарны,
Чьи очи ослепительны, как солнце,
На чьих ланитах краски так же нежны,
Как цвет ланит уснувшего младенца,
Как алый отблеск летнего заката
На горных льдах,— как девственный румянец
Земли, в объятья неба заключенной!
Прелестный дух, затмивший красотой
Блеск радуги, горящей над потоком,

Дочь Воздуха! Я на твоём челе
В твоём спокойном и безгрешном взоре,
Где светит мир твоей души бессмертной,
С отрадою прочел, что Сын Земли,
Которому таинственные силы
Дозволили вступать в беседы с ними,
Прощен тобой за то, что он дерзнул
Воззвать к тебе и на одно мгновение
Узреть твой лик.

Ф е я

Я знаю, Сын Земли,
Тебя и тех, кем награжден ты властью.
Ты человек, свершивший в жизни много
Добра и зла, не ведая в них меры,
И роком на страданья обреченный.
Я этого ждала — чего ты хочешь?

М а н ф р е д

Взирать на красоту твою — и только.
Лицо земли мой разум помрачило,
Я в мире тайн убежища искал,
В жилище тех, кто ею управляет,
Но помощи не встретил. Я пытался
Найти в них то, чего они не могут
Мне даровать, — теперь уж не пытаюсь.

Ф е я

Но что же то, пред чем бессильны даже
Властители незримого?

М а н ф р е д

Ты знаешь,

Нет цели повторять.

Ф е я

Мне непонятны
Твои слова, — я мук твоих не знаю.
Открой мне их.

М а н ф р е д

Мне это будет пыткой,
Но все равно, — душа таить устала
Свою тоску. От самых юных лет

Ни в чем с людьми я сердцем не сходил
И не смотрел на землю их очами;
Их цели жизни я не разделял,
Их жажды честолубия не ведал,
Мои печали, радости и страсти
Им были непонятны. Я с презреньем
Взирал на жалкий облик человека,
И лишь одно среди созданий праха,
Одно из всех... — но после. Повторяю:
С людьми имел я слабое общенье,
Но у меня была иная радость,
Иная страсть: Пустыня. Я с отрадой
Дышал морозной свежестью на льдистых
Вершинах гор, среди нагих гранитов,
Где даже птицы гнезд свивать не смеют;
Я упивался юною отвагой
В борьбе с волнами шумных горных рек
Иль с бешеным прибоем океана;
Я созерцал с заката до рассвета
Течение звезд, я жадными очами,
До слепоты, ловил блистанье молний
Иль по часам внимал напевам ветра,
В осенний день, под шум поблекших листьев.
Так дни текли, и я был одинок;
Когда же на пути моем встречался
Один из тех, чей ненавистный образ
Ношу и я, — я чувствовал, что свергнут
С небес во прах. И я проник в могилы,
Стремясь постичь загробный мир, и много
Извлек в те дни я дерзких заключений
Из черепов, сухих костей и тлена.
Я предался таинственным наукам,
Что знали только в древности, и годы
Моих трудов и тяжких испытаний
Мне дали власть над духами, открыли
Передо мной лик Вечности, и властен
Я стал, как маг, как чародей, что вызвал
В Гадаре Антэроса и Эроса,
Как я тебя; и знания мои
Во мне будили жажду новых знаний,
И креп я в них, покуда...

Ф е я

Продолжай.

М а н ф р е д

О, я не даром длил рассказ: мне больно
Произнести признание роковое.
Но далее. Я не назвал ни друга,
Ни матери, ни милой — никого
Из тех, с кем нас связуют цепи жизни:
Я их имел, но был им чужд душою,
И лишь одна, одна из всех...

Ф е я

Мужайся.

М а н ф р е д

Она была похожа на меня.
Черты лица, цвет глаз, волос и даже
Тон голоса — все родственно в нас было,
Хотя она была прекрасна. Нас
Сближали одинаковые думы,
Любовь к уединению, стремленье
К таинственным познаниям и жажда
Обнять умом вселенную, весь мир;
Но ей не чуждо было и другое:
Участье к людям, слезы и улыбки, —
Которых я не ведаю, — смирение, —
Моей душе не сродное, — и нежность,
Что только к ней имел я; недостатки
Ее натуры были и моими,
Достоинства лишь ей принадлежали.
Я полюбил и погубил ее!

Ф е я

Своей рукой?

М а н ф р е д

Нет, не рукою — сердцем,
Которое ее разбило сердце:
Оно в мое взглянуло и увяло;
Я пролил кровь, кровь не ее, и все же
Была пролита кровь ее.

Ф е я

И ради

Одной из тех, кого ты презираешь,
Над кем ты мог возвыситься, держа

Быть равным нам, ты пренебрег дарами
Властителей незримого и снова
Унизился до жалких смертных! Прочь!

М а н ф р е д

Дочь Воздуха! Я говорю: я вынес,—
Но что слова? Взгляни, как я измучен!
Я больше одиночества не знаю,
Я окружен толпою фурий; ночью
Я скрежещу зубами, проклиная
Ночную тьму, днем — проклиная день.
Безумия, как милости, молил я,
Но небеса мольбам не внемлют; к смерти
Стремился я, но средь борьбы стлхий
Передо мною волны отступают
И прочь бегут; какой-то злобный демон
На волоске меня над бездной держит —
И волосок не рвется; в мире грез,
В фантазии,— я был когда-то ею
Богат, как Крез,— пытался я сокрыться,
Но, как волну в отлив, меня уносит
Из мира грез в пучину темной мысли;
С людской толпой сливался я — забвенья
Искал везде, но от меня сокрыты
Пути к нему: все знания, все чары,
Что добыл я столь тяжкими трудами,
Бессильны здесь, и, в безысходной скорби,
Я должен жить,— жить без конца.

Ф е я

Быть может,

Я помогу тебе.

М а н ф р е д
О, помоги!

Заставь ее восстать на миг из гроба
Иль мне открой могилу! Я с отрадой
Перенесу какую хочешь муку,
Но только пусть она последней будет.

Ф е я

Над мертвыми бессильна я; но если
Ты поклянешься мне в повиновенье —

М а н ф р е д

Не поклянусь. Повиноваться? Духам,
Которые подвластны мне? Служить
Своим рабам? О, никогда!

Ф е я

Ужели

Иного нет ответа?— Но подумай,
Не торопись.

М а н ф р е д

Я все сказал.

Ф с я

Довольно!

Могу ль я удалиться?

М а н ф р е д

Удались.

Фея исчезает.

Мы все — игрушки времени и страха.
Жизнь — краткий миг, и все же мы живем,
Клянем судьбу, но умереть боимся.
Жизнь нас гнетет, как иго, как ярмо,
Как бремя ненавистное, и сердце
Под тяжестью его изнемогает;
В прошедшем и грядущем (настоящим
Мы не живем) безмерно мало дней,
Когда оно не жаждет втайне смерти,
И все же смерть ему внушает трепет,
Как ледяной поток. Еще одно
Осталось мне — воззвать из гроба мертвых,
Спросить у них: что нас страшит? Ответить
Они должны: волшебнице Эндора
Ответил дух пророка; Клеоника
Ответила спартанскому царю,
Что ждет его — в неведение убил он
Ту, что любил, и умер непрощенным,
Хотя взывал к Зевесу и молил
Тень гневную о милости; был темен
Ее ответ, но все же он сбылся.
Когда б я не жил, та, кого люблю я,

Была б жива; когда б я не любил,
Она была бы счастлива и счастье
Другим дарила. Где она теперь?
И что она? Страдалица за грех мой —
То, что внушает ужас — иль ничто?
Ночь близится — и ночь мне все откроет,
Хоть я страшусь того, на что дерзаю;
До сей поры без трепета взирал я
На демонов и духов — отчего же
Дрожу теперь и чувствую, как в сердце
Какой-то странный холод проникает?
Но нет того, пред чем я отступил бы,
И я сломя свой ужас. — Ночь идет.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Вершина горы Юнгфрау.

Первая парка

Луна встает большим багряным шаром.
На высоте, где ни единый смертный
Не запятнал снегов своей стопой,
Слетаемся мы ночью. В диком море,
В хрустальном океане горных льдов,
Мы без следа скользим по их изломам,
По глыбам, взгроможденным друг на друга,
Подобно бурным пенистым волнам,
Застывшим посреди водоворота,
И вот на этой сказочной вершине,
Где отдыхают тучи мимоходом,
Сбираемся на игрища и бденья.
Сегодня в полночь — наш великий праздник,
И, на пути к чертогам Аримана,
Я жду сестер. — Но что они так медлят?

Г о л о с (поющий вдалеке)

Злодей венценосный,
Низвергнутый в прах,
Томился в изгнание,
В забвенье, в цепях,

Я цепи разбила,
Расторгла тюрьму,—
Я власть и свободу
Вернула ему:
Потоками крови он землю зальет,
Народ свой погубит — и снова падет!

Второй голос

Плыл в море корабль, точно птица летел:
В эту ночь ему горестный выпал удел.
Ни мачт, ни снастей, ни ветрил, ни руля —
Ничего от него не оставила я.
Один лишь пловец, — он достоин того, —
До побережья достиг, — я щадила его:
Предатель, пират, снова будет он жить,
Чтобы мне своей темною жизнью служить.

Первая парка (отвечая)

Спокойно спал город, —
В слезах и тревоге
Увидит он утро:
Медленно, мрачно
Чума распростерла
Над городом крылья.
Тысячи пали,
И тысячи тысяч
Падут пред всеильной.
Живые погибших, —
Любимых и милых, —
Покинут, спасаясь
От призрака смерти.
Ужас и злоба,
Скорбь и смятенье
Охватят людей.
Блаженны почившие,
Взор отвратившие
От кары моей!

Входят вторая и третья парки.

Все три

В руках у нас — сердца людей,
Наш след — их темные могилы.

Лишь для того, чтоб отнимать,
Даем мы смертным жизнь и силы.

Первая парка
Привет!— Где Немезида?

Вторая парка
На работе,
Но на какой — не знаю; я сама
Не покладала рук до сей минуты.

Третья парка
Да вот она.

Входит Немезида.

Первая парка
Все нынче опоздали.
Где ты была?

Немезида
Женила дураков,
Восстанавливала падшие престолы
И укрепляла близкие к паденью;
Внушала людям злобу, чтоб потом
Раскаяньем их мучить; превращала
В безумцев мудрых, глупых — в мудрецов,
В оракулов, чтоб люди преклонялись
Пред властью их и чтоб никто из смертных
Не смел решать судьбу своих владык
И толковать спесиво о свободе,
Плоде, для всех запретном.— Но пора!
На облака — и в путь! Мы опоздали.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Чертог Аримана.— А р и м а н на троне — огненном шаре,
окруженном духами.

Гимн духов
Хвала ему,— хвала царю эфира,
Царю земли и всех земных стихий,
Кто повергает целый мир в смятенье
Единым мановением руки!

Дохнет ли он — бушуют океаны,
Заговорит — грохочет в небе гром,
Уронит взор — на небе солнце меркнет,
Восстанет — сотрясается земля.
В пути ему предшествуют кометы,
Вослед ему — вулканы мечут огнь,
И гнев его сжигает звезды в пепел,
И тень его — всесильная Чума.
Война ему, что день, приносит жертвы,
Смерть платит дань, и Жизнь, его раба,
К его стопам смиренно полагает
Весь ужас мук и горестей земных!

Входят парки и Немезида.

Первая парка

Восславьте Аримана! На земле
Растет его могущество — покорно
Исполнили мы волю Аримана!

Вторая парка

Восславьте Аримана! Мы, пред кем
Склоняет выю смертный, преклоняем
Свое чело пред троном Аримана!

Третья парка

Восславьте Аримана! Преклоняясь,
Мы ждем его велений!

Немезида

Царь царей!

Все, что живет, что существует — наше,
А мы — твои. Но, чтобы наша власть
Могла расти, твою усугубляя,
Наш долг быть неустанными в трудах,
И мы свой долг исполнили: мы свято
Свершили все, что повелел ты нам.

Входит Манфред.

Дух

Что вижу я? Безумец, жалкий смертный!
Пади во прах.

В т о р о й д у х

Я узнаю его.

Он грозный и могучий чернокожничек.

Т р е т и й д у х

Повергнись ниц и трепещи, презренный!

Перед тобой — и твой и наш владыка.

Ужели ты не видишь?

С о н м д у х о в

Сын Земли!

Прострись во прах пред троном Аримана,

Иль горе непокорному!

М а н ф р е д

Я знаю,

И все ж не гну колен.

Ч е т в е р т ы й д у х

Тебя научат.

М а н ф р е д

Напрасный труд. Не раз во мраке ночи

Во прах я повергал свое чело,

Главу посыпав пеплом. Не однажды

Изведал я всю горечь униженья,

Пред собственным отчаяньем склоняясь,

Пред собственной скорбью.

П е р в ы й д у х

Ты дерзаешь

Восстать на Аримана? Отказать

Владыке в том, что воздаст покорно

Ему весь мир? Не трепетать — и где же?

Пред ужасом величия и славы,

Пред троном Аримана? Ниц, безумный!

М а н ф р е д

Пусть *Ариман* воздаст хвалу творцу,

Кем создан он не ради поклоненья.

Пусть он склонит главу: мы вместе

Склоним тогда.

Д у х и

Раздавим червяка!

Растопчем!

П е р в а я п а р к а

Прочь! — Владыка сил незримых,
Перед тобою смертный, не похожий
Ни на кого из смертных, как об этом
Свидетельствует вид его и то,
Что он перед тобой. Его страданья
Бессмертны, как и наши; знанья, воля
И власть его, поскольку совместимо
Все это с бренным прахом, таковы,
Что прах ему дивится; он стремился
Душою прочь от мира и постигнул
То, что лишь мы, бессмертные, постигли:
Что в знании нет счастья, что наука —
Обмен одних незнаний на другие.
Но я еще не все сказала: страсти,
Всесильные и на земле и в небе
Над всем, что только существует в мире,
Так истерзали грудь его, что я,
Не знающая жалости, прощаю
Того, в чьем сердце жалость он пробудит.
Он мой — иль твой — но ни один из духов
Не равен с ним и им владеть не будет.

Н е м е з и д а

Зачем он здесь?

П е р в ы й д у х

Пусть смертный сам ответит.

М а н ф р е д

Вы знаете, что властен я, — без власти
Я б не был здесь, — но мне не все покорно.
Я помощи прошу у вас.

Н е м е з и д а

Скажи,

Что хочешь ты?

М а н ф р е д

Заставь восстать усопших.

Немезида

Великий Ариман! Что повелишь мне?
Дозволишь ли?

Ариман

Да будет так.

Немезида

Кто должен
На мой призыв покинуть мрак могилы?

Манфред

В земле непогребенная — Астарта.

Немезида

Дух или Призрак!

Ты, что была

Создана прахом

И в прах отошла;

Ты, что утратила

Облик земной, —

В облике смертном

Восстань предо мной!

Сердце и очи,

Голос и лик

Вырви из жадной

Могилы на миг!

Восстань! Восстань от сени гробовой!

Тебя зовет убийца твой!

Призрак Астарты появляется среди чертога.

Манфред

И это смерть? Румянец на ланитах!

Но не живой он, — странный и зловещий,

Как тот, что рдеет осенью на листьях.

Астарта! — Нет, я говорить не в силах,

Вели заговорить ей: пусть она

Простит иль проклянет меня.

Немезида

Дух, ответствуй! Заклинаю

Властью неземной,

Тайной силой, что расторгла

Плен могильный твой!

М а н ф р е д

Молчанье!

Оно страшней ответа.

Н е м е з и д а

Я свершила

Все, что могла. Великий Ариман,
Тебе лишь покорится призрак: повели ей
Открыть уста.

А р и м а н

Дух, говори!

Н е м е з и д а

Молчанье!

Бессильны мы, — над нею власть имеют
Другие духи. Смертный, покорись
Своей судьбе.

М а н ф р е д

Услышь меня, Астарта!

Услышь меня, любимая! Ответь мне!
Я так скорбел, я так скорблю — ты видишь:
Тебя могила меньше изменила,
Чем скорбь меня. Безумною любовью
Любили мы: нам жизнь была дана
Не для того, чтоб мы терзались вечно,
Хотя любить, как мы с тобой любили, —
Великий грех. Скажи, что ты меня
Простила за страданья, что терплю я
Мученье за обоих, что за гробом
Тебя ждет рай и что умру и я.
Все силы тьмы против меня восстали,
Чтоб к жизни приковать меня навеки,
Чтоб я перед бессмертьем содрогался,
Пред будущим, что может быть подобно
Прошедшему. Мне нет нигде покоя.
Чего ищу, к чему стремлюсь — не знаю,
Лишь чувствую, что ты и что я сам.
Пред гибелью хоть раз мне дай услышать
Твой голос сладкозвучный, — отзовись!
Я звал тебя среди безмолвья ночи,
Я спящих птиц будил среди ветвей,
Зверей в горах, и темные пещеры

На тщетный зов, на сладкий звук: Астарта! —
Мне отвечали эхом, — духи, люди
Внимали мне, — лишь ты одна не внемлешь!
О, говори! Я жадными очами
Искал тебя среди небесных звезд.
О, говори! Я исходил всю землю
И не нашел нигде тебе подобной.
Взгляни вокруг — мне бесы сострадают,
Я вижу ад, но полон лишь тобою.
О, говори!.. О, говори хоть в гневе,
Но только дай хоть раз тебя услышать,
Хоть только раз!

П р и з р а к А с т а р т ы

Манфред!

М а н ф р е д

О, не смолкай!

Вся жизнь моя теперь лишь в этих звуках!

П р и з р а к

Манфред! Заутра ты покинешь землю.
Прости!

М а н ф р е д

О нет! Скажи, что ты простила.

П р и з р а к

Прости!

М а н ф р е д

Скажи — увидимся ли снова?

П р и з р а к

Прости!

М а н ф р е д

О, пощади: скажи, что любишь!

П р и з р а к

Манфред!

(Исчезает.)

Н е м е з и д а

Ушла — и вновь ее не вызвать.
Вернись к земле. Слова ее свершатся.

Д у х

Он потрясен. Кто смертен, тот не должен
Искать того, что за пределом смерти.

В т о р о й д у х

Да, но взгляни, как он собой владеет,
Свои мученья воле подчиняя!
Когда б он был одним из нас, он был бы
Могучий дух.

Н е м е з и д а

Быть может, ты желаешь
Спросить еще о чем-нибудь?

М а н ф р е д

О нет.

Н е м е з и д а

Тогда прости на время.

М а н ф р е д

Разве снова
Мы встретимся? И где же? На земле?
Но все равно. Я твой должник. Простите!

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зала в замке Манфреда.
М а н ф р е д и Г е р м а н.

М а н ф р е д

Который час?

Г е р м а н

Час до заката солнца,
И вечер обещает быть прелестным.

М а н ф р е д :

Скажи, ты все ли приготовил в башне,
Как я велел?

Г е р м а н

Все, господин, готово.
Вот ключ и вот шкатулка

М а н ф р е д

Хорошо.

Теперь иди.

Герман уходит.

Мир снизошел мне в душу,
Мир, мне еще неведомый доньше
И непонятный. Если б я не знал,
Что самое обманчивое в мире —
Химеры философских измышлений,
Что мудрость их — пустейшая из фраз
В учено-схоластическом жаргоне,
Я, кажется, охотно бы поверил,
Что золотые грезы о Калоне
Уже сбылись, что я его сыскал
В себе самом. Мой мир недолговечен,
Но все же хорошо его изведать
Хотя однажды. Нужно записать,
Что есть такое ощущение... Кто там?

Входит Герман.

Г е р м а н

Аббат святого Мориса.

Входит аббат.

А б б а т

Мир дому!

М а н ф р е д

Благодарю, святой отец! Да будет
Для замка твой приход благословеньем.

А б б а т

Дай бог, чтоб было так! Но я желал бы
Поговорить глаз на глаз.

М а н ф р е д

Выйди, Герман.
Что скажет мой достопочтенный гость?

А б б а т

Скажу без предисловий: сан, седины,
Желание добра тебе и наше
Давнишнее соседство, хоть знакомы
И не были с тобою мы, дают мне
На это право. Станный и ужасный
Пронесся слух, и этот слух позорит
Твое, граф, имя,— доблестное имя,
Которое ты должен для потомства
Таким же и оставить.

М а н ф р е д
Продолжай.

Я слушаю.

А б б а т

Ты, говорят, предался
Греховным и таинственным наукам,
Вступил в союз с сынами преисподней,
С нечистой силой демонов и бесов,
Блуждающих в долине сени смертной.
С людьми, своими братьями по духу,
Общаешься ты редко, жизнь проводишь
В уединенье,— свято ли оно?

М а н ф р е д
Скажи, кто распускает эти слухи?

А б б а т

Мои благочестивые собратья,
Окрестный люд,— твои вассалы даже,
Что на тебя взирают с беспокойством,
Да мы и все за жизнь твою трепещем.

М а н ф р е д
Возьми ее.

А б б а т

Я прихожу спасать,
А не губить. Я не хочу касаться
Твоей души, но, если справедливы

Все эти слухи, верь, еще не поздно
Очиститься от скверны покаяньем
И примириться с церковью и небом.

М а н ф р е д

Я выслушал. И вот что я отвечу:
Кто б ни был я, но я не изберу
Посредником меж мной и небесами
Ни одного из смертных. Если я
Уставы нарушаю — покарайте.

А б б а т

Мой сын, я не о каре говорю,—
Я только призываю к покаянью.
Пусть наказует небо. «Мне отмщение»,—
Сказал господь, и, со смиренным сердцем,
Раб господа, я только повторяю
Его глаголы грозные.

М а н ф р е д

Старик!

Ни власть святых, ни скорбь, ни покаянье,
Ни тяжкий пост, ни жаркие молитвы,
Ни даже муки совести, способной,
Без демонов, без страха пред геенной,
Преобразить в геенну даже небо,—
Ничто не в состоянии исторгнуть
Из недр души тяжелого сознания
Ее грехов и сокровенной муки.
Та кара, что преступник налагает
Сам на себя, страшней и тяжелее
Загробных мук.

А б б а т

Я рад все это слышать,
Затем что все это должно смениться
Надеждой благодатной, что спокойно
Взирает на блаженную обитель,
Ее же всякий ищущий обрящет,
Коль скоро он покинет путь неправый.
Начало же спасения — сознание
Его необходимости. Покайся —
И все грехи, что отпустить я властен,
Я отпущу, — что преподать сумею,
Все преподам.

М а н ф р е д

Когда несчастный Нёрон,
Чтобы избежать мук позорной смерти
Перед лицом сенаторов, недавних
Его рабов, ударил в грудь кинжалом,
Какой-то воин, полный сострадания,
Прижал свой плащ к его смертельной ране,
Но Нерон оттолкнул его и молвил
С величием во взоре: «Слишком поздно!»

А б б а т

К чему ты клонишь речь?

М а н ф р е д

Я отвечаю

На твой призыв к спасенью: слишком поздно!

А б б а т

Нет, никогда не поздно примириться.
С своей душой, а чрез нее и с небом.
Иль у тебя нет никаких надежд?
Ведь даже те, что в небеса не верят,
Живут какой-нибудь земной мечтой,
Прильнувши к ней, как тонущий к тростинке.

М а н ф р е д

О да, отец, и я лелеял грезы,
И я мечтал на утре юных дней:
Мечтал быть просветителем народов,
Достичь небес,— зачем? Бог весты! быть может,
Лишь для того, чтоб снова пасть на землю,
Но пасть могучим горным водопадом,
Что, с высоты заоблачной свергаясь
В дымящуюся бездну, восстает
Из бездны ввысь туманами и снова
С небес стремится ливнем.— Все прошло,
И все это был сон.

А б б а т

Но почему же?

М а н ф р е д

Я обуздать себя не мог; кто хочет
Повелевать, тот должен быть рабом;

Кто хочет, чтоб ничтожество признало
Его своим властителем, тот должен
Уметь перед ничтожеством смиряться,
Повсюду проникать и попевать
И быть ходячей ложью. Я со стадом
Мешаться не хотел, хотя бы мог
Быть вожаком. Лев одинок — я тоже.

А б б а т

Зачем не жить, не действовать иначе?

М а н ф р е д

Затем, что я всегда гнушался жизни.
Я не жесток; но я — как жгучий вихрь,
Как пламенный самум, что обитает
Лишь в тишине пустынь и одиноко
Кружит среди ее нагих песков,
В ее бесплодном, диком океане.
Он никого не ищет, но погибель
Грозит всему, что встретит он в пути.
Так жил и я; и тех, кого я встретил
На жизненном пути, — я погубил.

А б б а т

Увы! Я начинаю опасаться,
Что я тебе помочь уже не в силах.
Но ты еще так молод, я хотел бы...

М а н ф р е д

Святой отец! Есть люди, что стареют
На утре дней, что гибнут, не достигнув
До зрелых лет, — и не случайной смертью;
Иных пороки, иных науки губят,
Иных труды, иных томленье скуки,
Иных болезней, безумье, а иных —
Душевные страдания и скорби.
Страшнее нет последнего недуга:
Все имена, все формы принимая,
Он требует гораздо больше жертв,
Чем значится в зловещих списках Рока.
Вглядись в меня! Душевные недуги
Я все познал, хотя довольно б было

И одного. Так не дивись тому,
Что я таков, дивись тому, чем был я,
Тому, что я еще живу на свете.

А б б а т

Но выслушай...

М а н ф р е д

Отец, я уважаю
Твои года и звание; я верю,
Что ты пришел ко мне с благою целью,
Но ты предпринял тщетный труд. Быть грубым
Я не хочу,— я лишь тебя щажу,
А не себя, так резко обрывая
Наш разговор — и потому — прости!
(Уходит.)

А б б а т

Он мог бы быть возвышенным созданием.
В нем много сил, которые могли бы
Создать прекрасный образ, будь они
Направлены разумнее; теперь же
Царит в нем страшный хаос: свет и мрак,
Возвышенные помыслы — и страсти,
И все в смещение бурном, все мятется
Без цели и порядка; все иль дремлет,
Иль разрушенья жаждет: он стремится
К гибели, но должен быть спасен,
Затем что он достоин искупленья.
Благая цель оправдывает средства,
И я на все дерзну. Пойду за ним
Настойчиво, хотя и осторожно.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Другая комната.

М а н ф р е д и Г е р м а н.

Г е р м а н

Вы, господин, велели мне явиться
К вам на закате: солнце уж заходит.

М а н ф р е д

Да? — Я взгляну.

(Подходит к окну.)

Великое светило!

Бог первозданной, девственной природы!
Кумир могучих первенцев земли,
Не ведавших болезней,— исполинов,
Родившихся от ангелов и дев,
Сиявших красотой неизреченной!
Царь меж светил, боготворимый миром
От первых дней творения, вливавший
Восторг в сердца халдейских пастухов
И слышавший их первые молитвы!
Избранник неземного, что явило
В тебе свой светлый образ на земле!
Венец и средоточие вселенной,
Дающее небесную отраду
Всему, что прозябает в дольном мире!
Владыка всех стихий и повелитель
Всех стран земных, повсюду положивший
Свои неизгладимые печати
На дух и облик смертных! Ты, что всходишь,
Свершаешь путь и угасаешь в славе!
Ты, видевшее некогда мой первый
Взор, полный изумленья и восторга!
Прости навек,— прими мой взор последний
В последний раз тебя я созерцаю;
Твои лучи уж больше никогда
Не озарят того, кому дар жизни
Был даром роковым.— Оно сокрылось;
Мой час настал.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Горы.— В отдалении замок Манфреда.— Терасса перед башней.—
Сумерки.

Герман, Мануэль и другие слуги Манфреда.

Г е р м а н

Дивлюсь я графу: вот уж сколько лет
Все ночи он без сна проводит в башне —
И непременно в башне. Я бывал в ней,

Но по тому, что есть в ней, не решишь,
Чем занят он. Наверно, потайная
Есть комната, и сколько бы я отдал,
Чтоб только заглянуть в нее!

М а н у э л ь

Напрасно.

Доволен будь и тем, что ты уж знаешь.

Г е р м а н

Ах, Мануэль ты старше нас и мог бы
Порассказать нам многое о замке.
Когда ты поступил сюда?

М а н у э л ь

Давно.

Я до рожденья графа был слугою
Его отца, с которым никакого
Он не имеет сходства.

Г е р м а н

Что ж, не редкости!

М а н у э л ь

Я говорю не о чертах лица.
Граф Сигизмунд был горд, но прост и весел,
Любил пиры и битвы, а не книги,
Любил людей — и ночи превращал
Не в бдения угрюмые, а в праздник,
Да ведь какой! Он не блуждал, как волк,
По дебрям и ущельям, — не чуждался
Земных утех и радостей.

Г е р м а н

Проклятье!

Вот были времена! И неужели
Они уж не вернутся в эти стены,
Что смотрят так, как будто и не знали
Счастливых дней?

М а н у э л ь

Пусть прежде переменят
Владельца эти стены. О, я видел
Немало в них диковинного, Герман!

Герман

Будь добр и Расскажи хоть что-нибудь.
Мне помнится, что возле этой башни
Случилось что-то: ты мне намекал.

Мануэль

Был, видишь ли, точь-в-точь такой же вечер,
Как и теперь; на Эйгере краснела
Точь-в-точь такая ж тучка; ветер дул
Порывистый, и снежные вершины
Уж заливала трепетным сияньем
Всходившая луна; граф Манфред,
Как и теперь, был в башне; что он делал,
Бог весть, — но только с ним была
Та, что делила все его скитанья
И бдения полночные: Астарта,
Единственное в мире существо,
Которое любил он, что, конечно,
Родством их объяснялось...

Кто идет?

Аббат

Где граф?

Герман

Вот в этой башне.

Аббат

Постучись —

Мне нужно с ним поговорить.

Герман

Не смею

Я нарушать его уединенье.

Аббат

Но мне его необходимо видеть,
Я на себя возьму твою вину.

Герман

Ведь ты его недавно видел.

Аббат

Герман!

Ступай без рассуждений.

Герман

Я не смею.

Аббат

Так я войду без всякого доклада.

Мануэль

Святой отец, постойте! Я прошу вас.

Аббат

Но почему?

Мануэль

Пожалуйте сюда,—
Благоволите выслушать.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Внутренность башни.

Манфред

(один)

Сверкают звезды,— снежные вершины
Сияют в лунном свете.— Дивный вид!
Люблю я ночь,— мне образ ночи ближе,
Чем образ человека; в созерцанье
Ее спокойной, грустной красоты
Я постигаю речь иного мира.
Мне помнится,— когда я молод был
И странствовал,— в такую ночь однажды
Я был среди развалин Колизея,
Среди останков царственного Рима.
Деревья вдоль разрушенных аркад,
На синеве полуночной темнея,
Чуть колыхались по ветру, и звезды
Сияли сквозь руины; из-за Тибра
Был слышен лай собак, а из дворца —
Протяжный стон совы и, замирая,
Невнятно доносились с теплым ветром
Далекие напевы часовых.
В проломах стен, разрушенных веками,

Стояли кипарисы — и казалось,
Что их кайма была на горизонте,
А между тем лишь на полет стрелы
Я был от них. — Где Цезарь жил когда-то
И где теперь живут ночные птицы,
Уже не лавр, а дикий плющ растет
И лес встает, корнями укрепляясь
В священном прахе царских очагов,
Среди твердынь, сровнявшихся с землею.
Кровавый цирк стоит еще доныне,
Еще хранит в руинах величавых
Былую мощь, но Цезаря покои
И Августа чертоги уж давно
Поверглись в прах и стали грудой камня.
И ты, луна, на них свой свет лила,
Лишь ты одна смягчала нежным светом
Седую древность, дикость запустенья,
Скрывая всюду тяжкий след времен!
Ты красоты былой не изменяла,
Но осеняла новой красотой
Все, в чем она погибла, и руины
Казались священными, и сердце
Немым благоговеньем наполнялось
Перед немым величьем древней славы,
Пред тем державным прахом, что доныне
Внушает нам невольный трепет. — Странно,
Что вспомнилась мне эта ночь сегодня;
Уже не раз я замечал, как дико
Мянутся наши мысли в те часы,
Когда сосредоточиться должны мы.

Входит а б б а т.

А б б а т

Я вновь к тебе непросенным являюсь,
Но пусть мое смиренное стремленье
Помочь тебе — не прогневит тебя:
Пусть все, что есть в нем темного, дурного,
Падет лишь на меня, а все благое —
Да осенит твою главу, — я страстно
Сказать хотел бы: *сердце!* Если б тропуть
Я мог его молитвой иль словами,
Я спас бы дух, который лишь случайно
Блуждает в тьме.

М а н ф р е д

Напрасная надежда!
Мой путь свершен, моя судьба решилась.
Но уходи,— тебе здесь быть опасно.

А б б а т

Ты хочешь запугать меня?

М а н ф р е д

О нет.

Я говорю лишь, что близка опасность.
Остерегись.

А б б а т

Чего?

М а н ф р е д

Гляди сюда:

Ты видишь?

А б б а т

Нет.

М а н ф р е д

Гляди, я повторяю,
И пристально. Теперь скажи,— ты видишь?

А б б а т

Я вижу, что встает из-под земли,
Как адский бог, какой-то мрачный призрак;
Его лицо закрыто покрывалом,
Он весь повит тяжелыми клубами
Свинцовой мглы, но он не страшен мне.

М а н ф р е д

Я знаю, что тебя он не коснется,
Но взор его убьет тебя на месте,—
Ты стар и дряхл,— уйди, прошу тебя!

А б б а т

А я в ответ: доколе не сражуся
С исчадьем тьмы,— не сделаю и шагу.
Зачем он здесь?

М а н ф р е д

Да, да, зачем он здесь?
Кто звал его? Он гость, никем не званный.

А б б а т

Погибший смертный! Страшно и подумать,
Что ждет тебя! С какою целью ходят
К тебе такие гости? Почему
Вы смотрите так зорко друг на друга?
А, он покров свой сбросил: на челе —
Следы змейстых молний, взор блистает
Бессмертием геенны — адский призрак,
Исчезни!

М а н ф р е д

Дух, зачем ты здесь?

Д у х

Идем!

А б б а т

Неведомый! Скажи, ответствуй: кто ты?

Д у х

Его Судьба. Идем — настало время.

М а н ф р е д

О, я на все готов, но презираю
Твой властный зов! Кем прислан ты сюда?

Д у х

Узнаешь в срок. Идем!

М а н ф р е д

Мне покорялись

И более могучие, чем ты,
Я вел борьбу с владыками твоими,—
Сгинь, адский дух!

Д у х

Настало время, смертный,
Смирись.

М а н ф р е д

Я знал и знаю, что настало.
Но не тебе, рабу, отдам я душу.
Прочь от меня! Умру, как жил,— один.

Д у х

Я помощи потребую.— Восстаньте!

Появляются д у х и.

А б б а т

Исчезните, владыки тьмы! Рассейтесь!
Бессильны вы пред силою небесной,
Я закляну вас именем...

Д у х

Старик!

Не расточай без пользы слов,— мы знаем,
Что властен ты, но здесь лишь мы владыки.
Напрасен спор: он кары не избегнет.
Вновь говорю: идем, настало время.

М а н ф р е д

Я презираю вас,— я с каждым вздохом
Теряю жизнь, но презираю вас!
Я не смирюсь, покуда сердце бьется,
Не отступлю, хотя бы мне пришлось
Бороться с целым адом; вам удастся
Взять не меня, а только труп.

Д у х

Безумец!

Как жадно он цепляется за жизнь,
Которая дала ему лишь муки!
И это Маг, стремившийся проникнуть
За грань земных пределов и мечтавший
Быть равным нам?

М а н ф р е д

Исчадье тьмы, ты лжешь!
Мой час настал,— я это знал и знаю,
Но не хочу ни на одно мгновенье

Продлить его: тебе с толпою присных
Противлюсь я, а не веленьям смерти.
Я власть имел, но я обязан ею
Был не тебе: своей могучей воле,
Своим трудам, своим ночам бессонным
И знаниям тех дней, когда Земля
Людей и духов в братстве созерцала
И равными считала их. Бессильны
Вы предо мной,— я презираю вас,
Вы жалки мне!

Д у х

Ты не избежнешь кары:
Твои грехи...

М а н ф р е д

Не ты судья грехам!
Карает ли преступника преступник?
Убийцу тать? Сгинь, адский дух! Я *знаю*,
Что никогда ты мной не овладеешь,
Я *чувствую* бессилие твое.
Что сделал я, то сделал; ты не можешь
Усилить мук, в моей груди сокрытых:
Бессмертный дух сам суд себе творит
За добрые и злые помышленья.
Меня не искушал ты и не мог
Ни искушать, ни обольщать,— я жертвой
Твоей доныне не был — и не буду.
Сгубив себя, я сам и покараю
Себя за грех. Исчадья тьмы, рассейтесь!
Я покоряюсь смерти, а не вам!

Духи исчезают.

А б б а т

Увы, ты страшен — губы посинели —
Лицо покрыла мертвенная бледность —
В гортани хрип.— Хоть мысленно покайся!
Молись — не умирай без покаянья!

М а н ф р е д

Все кончено — глаза застлал туман —
Земля плывет — колышется. Дай руку —
Прости навек.

А б б а т

Как холодна рука!
О, вымолви хоть слово покаянья!

М а н ф р е д

Старик! Поверь, смерть вовсе не страшна!
(Умирает.)

А б б а т

Он отошел — куда? — страшусь подумать —
Но от земли он отошел навеки.

1816—1818

Бетто

Венецианская повесть

Розалинда. Прощайте, господин путешественник! Старайтесь картавить и носите странное платье, браните все хорошее в вашем отечестве, проклиняйте ваше рождение и едва ли не упрекайте бога за то, что он создал вас не с каким-нибудь другим лицом. Иначе я с трудом поверю, что вы плавали в гондолах.

Шекспир. Как вам это понравится,
Действие IV, сц. I.

ПРИМЕЧАНИЕ КОММЕНТАТОРОВ

Вснеция, которую в то время очень любила посещать английская знатная молодежь, была тогда тем же, чем в настоящее время является Париж — средоточием распущенности всяческого рода.

I

Известен всем (невежд мы обойдем)
Веселый католический обычай
Гулять вовсю перед святым постом,
Рискуя стать лукавому добычей.
Греши смелей, чтоб каяться потом!
Без ранговых различий и приличий
Все испытать спешат и стар и млад:
Любовь, обжорство, пьянство, маскарад.

II

Когда стусится ночь под небосклоном
(Чем гуще тьма, тем лучше, господа!),
Когда скучней супругам, чем влюбленным,
И нет у целомудрия стыда,
Тогда своим жрецам неугомонным
Веселье отдается без труда.
Визг, хохот, пенье, скрипки и гитары
И нежный вздох целующейся пары.

III

Вот маски: турок, янки-дудль, еврей,
Калейдоскоп невиданных уборов,
Лент, серпантина, блесток, фонарей,
Костюмы стряпчих, воинов, актеров —
Все, что угодно прихоти твоей,
Все надевай без дальних разговоров,
И только рясу,— боже сохрани! —
Духовных, вольнодумец, не дразни.

IV

Уж лучше взять крапиву для кафтана,
Чем допустить хотя б один стежок,
Которым оскорбилась бы сутана,—
Тогда ты не отшутишься, дружок,
Тебя на угли кинут, как барана,
Чтоб адский пламень ты собой разжег,—
И по душе, попавшей в когти к бесу,
Лишь за двойную мзду отслужат мессу.

V

Но, кроме ряс, пригодно все, что есть,—
От королевских мантий до ливреи,—
Что можно с местной Монмут-стрит унести
Для воплощенья праздничной затеи;
Подобных «стрит» в Италии не счесть,
И лишь названья мягче и звучнее.
Из площадей английских словом «пьяцца»
Лишь Ковент-Гарден вправе называться.

VI

Итак, пред нами праздник, карнавал.
«Прощай, мясное!» — смысл его названья.
Предмет забавно с именем совпал:
Теперь направь на рыбу все желанья.
Чем объяснить — я прежде сам не знал —
Перед постом такие возлиянья?
Но так друзья, прощаясь, пьют вино,
Пока свистка к отплытью не дано.

VII

На сорок дней прости-прощай, мясное!
О, где рагу, бифштекс или паштет!
Все рыбное, да и притом сухое,
И тот, кто соус любит с детских лет,
Подчас со зла загнет словцо такое,
Каких от музы ввек не слышал свет,
Хотя и склонен к ним британец бравый,
Привыкший рыбу уснащать приправой.

VIII

К несчастью, вас в Италию влечет,
И вы уже готовы сесть в каюту.
Отправьте ж друга иль жену вперед,
Пусть завернут в лавчонку на минуту
И, если уж отплыл ваш пакетбот,
Пускай пошлют вдогонку, по маршруту,
Чилийский соус, перец, тмин, кетчуп,
Иль в дни поста вы превратитесь в труп.

IX

Таков совет питомцу римской веры —
Пусть римлянином в Риме будет он!
Но протестанты — вы, о леди, сэры,
Для вас поститься вовсе не закон.
Вы только иностранцы, форестьеры,
Так поглощайте мясо без препон
И за грехи ступайте к черту в лапы!
Увы, я груб, но это кодекс папы.

X

Из городов, справлявших карнавал,
Где в блеске расточительном мелькали
Мистерия, веселый танец, бал,
Арлекинады, мимы, пасторали
И многое, чего я не назвал,—
Прекраснейшим Венецию считали.
Тот шумный век, что мною здесь воспет,
Еще застал ее былой расцвет.

XI

Венецианка хороша доныне:
Глаза как ночь, крылатый взлет бровей,
Прекрасный облик эллинской богини,
Дразнящий кисть мазилки наших дней.
У Тициана на любой картине
Вы можете найти подобных ей
И, увидав такую на балконе,
Узнаете, с кого писал Джорджоне,

XII

Соединивший правду с красотой.
В дворце Манфрини есть его творенье:
Картин прекрасных много в зале той,
Но равных нет по силе вдохновенья.
Я не боюсь увлечься похвалой,
Я убежден, что вы того же мненья.
На полотне — художник, сын, жена,
И в ней сама любовь воплощена.

XIII

Любовь не идеальная — земная,
Не образ отвлеченной красоты,
Но близкий нам — такой была живая,
Таковыми были все ее черты.
Когда бы мог — ее, не рассуждая,
Купил, украл, забрал бы силой ты...
Она ль тебе пригрезилась когда-то?
Мелькнула — и пропала без возврата.

XIV

Она была из тех, чей образ нам
Является неведомый, неожиданный,
Когда мы страстным преданы мечтам
И каждая нам кажется желанной,
И, вдруг воспламеняясь, по пятам
Мы следуем за нимфой безымянной,
Пока она не скрылась навсегда,
Как меж Плеяд погасшая звезда.

XV

Я говорю, таких писал Джорджоне,
И прежняя порода в них видна.
Они всего милее на балконе
(Для красоты дистанция нужна),
Они прелестны (вспомните Гольдони)
И за нескромным жалюзи окна.
Красоток тьма, — без мужа иль при муже, —
И чем они кокетливей, тем хуже.

XVI

Добра не будет: взгляд рождает вздох,
Ответный вздох — надежду и желанье.
Потом Меркурий, безработный бог,
За медный скудо ей несет посланье.
Потом сошлись, потом застал врасплох
Отец иль муж, проведая, где свиданье.
Крик, шум, побег, и вот любви тропа:
Разбиты и сердца и черепа.

XVII

Мы знаем, добродетель Дездемоны
От клеветы бедняжку не спасла.
До наших дней от Рима до Вероны
Случаются подобные дела.
Но изменились нравы и законы,
Не станет муж душить жену со зла
(Тем более — красотку), коль за нею
Ходить, как тень, угодно чичисбею.

XVIII

Да, он ревнует, но не так, как встарь,
А вежливей — не столь остервенело.
Убить жену? Он не такой дикарь,
Как этот черный сатана Отелло,
Заливший кровью брачный свой алтарь.
Из пустяков поднять такое дело!
Не лучше ли, в беде смирясь душой,
Жениться вновь иль просто жить с чужой.

XIX

Вы видели гондолу, без сомненья.
Нет? Так внимайте перечню примет:
То крытый челн, легки его движенья,
Он узкий, длинный, крашен в черный цвет.
Два гондольера в такт, без напряженья,
Ведут его,— и ты глядишь им вслед,
И мнится, лодка с гробом проплывает.
Кто в нем, что в нем — кто ведает, кто знает?

XX

И день-деньской снует бесшумный рой,
И в час ночной его бы вы застали.
То под Риальто пролетят стрелой,
То отразятся в медленном канале,
То ждут разъезда сумрачной толпой.
И часто смех под обликом печали,
Как в тех каретах скорбных, утаен,
В которых гости едут с похорон.

XXI

Но ближе к делу. Лет тому не мало,
Да и не много — сорок—пятьдесят,
Когда все пело, пило и плясало,
Явилась поглядеть на маскарад
Одна синьора. Мне бы надлежало
Знать имя, по, увы, лишь наугад,
И то, чтоб ладить с рифмой и цезурой,
Могу назвать красавицу Лаурой.

XXII

Она, хоть уж была немолода,
Еще в «известный возраст» не вступила,
Покрытый неизвестностью всегда.
Кому и где, какая в мире сила
Открыть его поможет, господа?
«Известный возраст» тайна окружила.
Он так в известном окрещен кругу,
Но невпопад — я присягнуть могу.

XXIII

Лаура время проводить умела,
И время было благосклонно к ней.
Она цвела — я утверждаю смело,
Вы лет ее никак не дали б ей.
Она везде желанной быть хотела,
Боясь морщин, не хмурила бровей,
Всем улыбалась и лукавым взором
Мутила кровь воинственным синьорам.

XXIV

При ней был муж — всегда удобен брак.
У христиан ведь правило такое:
Прощать замужним их неверный шаг,
Зато бесчестить незамужних вдвое.
Скорей же замуж, если что не так, —
Хоть средство не из легких, но простое!
А коль греха не скрыла от людей,
Так сам господь помочь не сможет ей.

XXV

Муж плавал по морям. Когда ж, бывало,
Вернувшись, он вблизи родной земли
По сорок дней томился у причала,
Где карантин проходят корабли,
Жена частенько у окна стояла,
Откуда рейд ей виден был вдали.
Он был купец и торговал в Алеппо.
Звался Джузеппе, или просто Беппо.

XXVI

Он человек был добрый и простой,
Сложеньем, ростом — образец мужчины.
Напоминал испанца смуглотой
И золотым загаром цвета глины,
А на морях — заправский волк морской.
Жена его — на все свои причины —
Хоть с виду легкомысленна была,
Особой добродетельной слыла.

XXVII

Но лет уж пять, как он с женой расстался.
Одни твердили — он пошел ко дну,
Другие — задолжал и промотался
И от долгов удрал, забыв жену.
Иной уж бился об заклад и клялся,
Что не вернется он в свою страну, —
Ведь об заклад побиться все мы прытки,
Пока не образумят нас убытки.

XXVIII

Прощание супружеской четы
Необычайно трогательно было.
Так все «прости» у роковой черты
Звучат в сердцах пророчески-уныло.
(И эти чувства праздны и пусты,
Хоть их перо поэтов освятило.)
В слезах склонил колени перед ней
Дидону покидающий Эней.

XXIX

И год ждала она, горюя мало,
Но вдруг себя представила вдовой,
Чуть вовсе аппетит не потеряла
И невтерпеж ей стало спать одной.
Коль ветром с моря ставни сотрясало,
Казалось ей, что воры за стеной
И что от скуки, страха или стужи
Теперь спасенье только в вице-муже.

XXX

Красавицы кого ни изберут,
Им не перечь — ведь женщины упрямы.
Она нашла, отвергнув общий суд,
Поклонника из тех — мы будем прямы, —
Кого хлыщами светскими зовут.
Их очень любят, хоть ругают дамы.
Заезжий граф, он был красив, богат
И не дурак пожить, как говорят.

XXXI

Да, был он граф, знаток балета, скрипки,
 Стиха, владел французским языком,
 Болтал и на тосканском без ошибки,
 А всем ли он в Италии знаком?
 Арбитром был в любой журнальной сшибке,
 Судил театр, считался остряком,
 И «seccatura»¹ графское бывало
 Любой премьере вестником провала.

XXXII

Он крикнет «браво», и весь первый ряд
 Уж хлопает, а критики — ни слова.
 Услышит фальшь — и скрипачи дрожат,
 Косясь на лоб, нахмуренный сурово.
 Проронит «фи» и кинет строгий взгляд —
 И примадонна зарыдать готова,
 И молит бас, бледнее мела став,
 Чтобы сквозь землю провалился граф.

XXXIII

Он был импровизаторов патроном,
 Играл, и пел, и в рифмах был силен.
 Рассказчик, славу делавший салонам,
 Плясал как истый итальянец он
 (Хоть этот их венец, по всем законам,
 Не раз бывал французам присужден).
 Среди кавальеро первым быть умея,
 Он стал героем своего лакея.

XXXIV

Он влюбчив был, но верен. Он не мог
 На женщину глядеть без восхищенья.
 Хоть все они сварливы, есть грешок,
 Он их сердцам не причинял мученья.
 Как воск податлив, но как мрамор строг,
 Он сохранял надолго увлеченья
 И, по законам добрых старых дней,
 Был тем верней, чем дама холодней.

¹ Скука! (итал.)

XXXV

В такого долго ль женщине влюбиться,
 Пускай она бесстрастна, как мудрец!
 Надежды нет, что Беппо возвратится,
 Как ни рассудишь — он уже мертвец.
 И то сказать: не может сам явиться,
 Так весточку прислал бы наконец!
 Нет, муж когда не пишет, так, поверьте,
 Он или умер, иль достоин смерти.

XXXVI

Притом южнее Альп уже давно,—
 Не знаю, кто был первым в этом роде!—
 В обычай двоемужье введено,
 Там *cavalier servente*¹ в обиходе,
 И никому не странно, не смешно,
 Хоть это грех, но кто перечит моде!
 И мы, не осуждая, скажем так:
 В законном браке то внебрачный брак.

XXXVII

Когда-то было слово *cicisbeo*²,
 Но этот титул был бы ныне дик.
 Испанцы называют их *cortejo*³ —
 Обычай и в Испанию проник.
 Он царствует везде, от По до Тахо,⁴
 И может к нам перехлестнуться вмиг,
 Но сохрани нас бог от этой моды,—
 Пойдут суды, взыскания, разводы.

XXXVIII

Замечу кстати: я питаю сам
 К девицам и любовь и уваженье,
 Но в *tête-à-tête*⁵ ценю я больше дам,
 Да и во всем отдам им предпочтенье,

¹ Услужливый поклонник (*итал.*).

² Чичисбей. В XVI—XVIII вв. в Италии — постоянный спутник и поклонник замужней женщины (*итал.*).

³ Любовник (*исп.*).

⁴ Тахо — река на Пиренейском полуострове.

⁵ С глазу на глаз (*франц.*).

Причем ко всем народам и краям
Относится равно мое суждение:
И знают жизнь, и держатся смелей,
А нам всегда естественность милей.

XXXIX

Хоть мисс, как роза, свежестью сверкает,
Но неловка, дрожит за каждый шаг,
Пугливо-строгим видом вас пугает,
Хихикает, краснеет, точно рак.
Чуть что, смутясь, к мамаше убегает,
Мол, я, иль вы, иль он ступил не так.
Все отдает в ней нянькиным уходом,
Она и пахнет как-то бутербродом.

XL

Но cavalier servente — кто же он?
Свет очертил границы этой роли.
Он быть рабом сверхштатным обречен,
Он вещь, он часть наряда, но не боле,
И слово дамы для него — закон.
Тут не ленись, для дел большое поле:
Слугу, карету, лодку подзывай,
Перчатки, веер, зонтик подавай!

XLI

Но пусть грешит Италия по моде!
Прощаю все пленительной стране,
Где солнце каждый день на небосводе,
Где виноград не лепится к стене,
Но пышно, буйно вьется на свободе,
Как в мелодрамах, верных старине,
Где в первом акте есть балет — и задник
Изображает сельский виноградник.

XLII

Люблю в осенних сумерках верхом
Скакать, не зная, где мой плащ дорожный —
Забыт или у грума под ремнем
(Ведь в Англии погоды нет надежной!).

Люблю я встретить на пути своем
Медлительный, скрипучий, осторожный,
Доверху полный сочных гроздий воз
(У нас то был бы мусор иль навоз).

XLIII

Люблю я винногодника-птицу,
Люблю закат у моря, где восход
Не в мути, не в тумане возгорится,
Не мокрым глазом пьяницы блеснет,
Но где заря, как юная царица,
Взойдет, сияя, в синий небосвод,
Где дню не нужен свет свечи заемный,
Как там, где высь коптит наш Лондон темный.

XLIV

Люблю язык! Латыни гордый внук,
Как нежен он в признаньях сладострастных!
Как дышит в нем благоуханный юг!
Как сладок звон его певучих гласных!
Не то что наш, рожденный в царстве вьюг
И полный звуков тусклых и неясных,—
Такой язык, что, говоря на нем,
Мы харкаем, свистим или плюем.

XLV

Люблю их женщин — всех, к чему таиться!
Люблю крестьянок — бронзу смуглых щек,
Глаза, откуда брызжет и струится
Живых лучей сияющий поток.
Синьор люблю — как часто взор мне снится,
Чей влажный блеск так нежен и глубок.
Их сердце — на устах, душа — во взоре,
Их солнце в нем, их небеса и море.

XLVI

Италия! Не ты ль эдем земной!
И не твоей ли Евой вдохновленный,
Нам Рафаэль открыл предел иной!
Не на груди ль прекрасной, упоенный,

Скончался он! Недаром даже твой —
Да, твой язык, богами сотворенный,
И он бессилен передать черты
Доступной лишь Канове красоты!

XLVII

Хоть Англию клянет душа поэта,
Ее люблю, — так молвил я в Кале, —
Люблю болтать с друзьями до рассвета,
Люблю в журналах мир и на земле,
Правительство люблю я (но не это),
Люблю закон (но пусть лежит в столе),
Люблю парламент и люблю я пренья,
Но не люблю я преть до одуренья.

XLVIII

Люблю я уголь, но недорогой,
Люблю налоги, только небольшие,
Люблю бифштекс, и все равно какой,
За кружкой пива я в своей стихии.
Люблю (не в дождь) гулять часок-другой, —
У нас в году два месяца сухие.
Клянусь регенту, церкви, королю,
Что даже их, как все и вся, люблю.

XLIX

Налог на нищих, долг национальный,
Свой долг, реформу, оскудевший флот,
Банкротов списки, вой и свист журнальный
И без свободы множество свобод,
Холодных женщин, климат наш печальный
Готов простить, готов забыть их гнет
И нашу славу чтить — одно лишь горе:
От всех побед не выиграли б тори!

L

Но что ж Лаура? Уверяю вас,
Мне, как и вам, читатель, надоело
От темы отклоняться каждый раз.
Вы рады ждать, но все ж не без предела,

Вам досадил мой сбивчивый рассказ!
До авторских симпатий нет вам дела,
Вы требуете смысла наконец,
И вот где в затруднении певец!

LI

Когда б легко писал я, как бы стало
Легко меня читать! В обитель муз
Я на Парнас взошел бы и немало
Скропал бы строф на современный вкус.
Им публика тогда б рукоплескала,
Герой их был бы перс или индус,
Ориентальность я б, согласно правил,
В сентиментальность Запада оправил.

LII

Но, старый денди, мелкий рифмоплет,
Едва-едва я по ухабам еду.
Чуть что — в словарь, куда мой перст ни ткнет,
Чтоб взять на рифму стих мой непоседу.
Хорошей нет — плохую в оборот,
Пусть критик сзади гонится по следу!
С натуги я до прозы пасть готов,
Но вот беда: все требуют стихов.

LIII

Граф завязал с Лаурой отношения.
Шесть лет (а это встретишь не всегда)
Их отношения длились без крушенья,
Текли чредою схожею года.
Одна лишь ревность, в виде исключенья,
Разлад в их жизнь вносила иногда,
Но смертным, от вельможи до бродяги,
Всем суждены такие передраги.

LIV

Итак, любовь им счастье принесла,
Хоть вне закона счастья мы не знаем.
Он был ей верен, а она цвела,
Им в сладких узах жизнь казалась раем.

Свет не судил их, не желал им зла.
«Черт вас возьми!» — сказал один ханжа им
Вослед, но черт не взял: ведь черту впрок,
Коль старый грешник юного завлек.

LV

Еще жила в них юность. Страсть уныла
Без юности, как юность без страстей.
Дары небес: веселье, бодрость, сила,
Честь, правда — все, все в юности сильней.
И с возрастом, когда уж кровь остыла,
Лишь одного не гасит опыт в ней,
Лишь одного, — вот отчего, быть может,
Холостяков и старых ревность гложет.

LVI

Был карнавал. Строф тридцать шесть назад
Я уж хотел заняться сим предметом.
Лаура, надевая свой наряд,
Вертелась три часа пред туалетом,
Как вертитесь, идя на маскарад,
И вы, читатель, я уверен в этом.
Различие нашлось бы лишь одно:
Им шесть недель для праздников дано.

LVII

Принарядясь, Лаура в шляпке новой
Собой затмить могла весь женский род.
Свежа, как ангел с карточки почтовой
Или кокетка с той картинки мод,
Что нам журнал, диктатор наш суровый,
На титуле изящно подает
Под фольгой — чтоб раскрашенному платью
Не повредить линяющей печатью.

LVIII

Они пошли в Ридотто. Это зал,
Где пляшут все, едят и пляшут снова.
Я б маскарадом сборище назвал,
Но сути дела не меняет слово.

Зал — точно Воксхолл наш, и только мал,
Да зонтика не нужно дождевого.
Там смешанная публика. Для вас
Она низка, и не о ней рассказ.

LIX

Ведь «смешанная» — должен объясниться,
Откинув вас да избранных персон,
Что снизойдут друг другу поклониться,—
Включает разный сброд со всех сторон.
Всегда в местах общественных теснится,
Презрение высших презирает он,
Хотя зовет их «светом» по привычке.
Я, зная свет, дивлюсь подобной кличке.

LX

Так — в Англии. Так было в те года,
Когда блистали денди там впервые.
Тех обезьян сменилась череда,
И с новых обезьянят уж другие.
Тираны мод — померкла их звезда!
Так меркнет все: падут цари земные,
Любви ли бог победу им принес,
Иль бог войны, иль попросту мороз.

LXI

Полночный Тор обрушил тяжкий молот,
И Бонапарт в расцвете сил погас.
Губил французов лютый русский холод,
Как синтаксис французский губит нас.
И вот герой, терпя и стыд и голод,
Фортуны проклял в тот ужасный час
И поступил весьма неосторожно:
Фортуны чтить должны мы непреложно.

LXII

Судьба народов ей подчинена,
Вверяют ей и брак и лотерею.
Мне редко благосклонствует она,
Но все же я хулить ее не смею.

Хоть в прошлом предо мной она грешна
И с той поры должок еще за нею,
Я голову богине не дурю,
Лишь, если есть за что, благодарю.

LXIII

Но я опять свернул — да ну вас к богу!
Когда ж я впрямь рассказывать начну?
Я взял с собой такой размер в дорогу,
Что с ним теперь мой стих ни тпру ни ну.
Веди его с оглядкой, понемногу,
Не сбей строфу! Ну вот я и тяну.
Но если только доползти сумею,
С октавой впредь я дела не имею.

LXIV

Они пошли в Ридотто. (Я как раз
Туда отправлюсь завтра. Там забуду
Печаль мою, рассею хоть на час
Тоску, меня гнетущую повсюду.
Улыбку уст, огонь волшебных глаз
Угадывать под каждой маской буду,
А там, бог даст, найдется и предлог,
Чтоб от тоски укрыться в уголок.)

LXV

И вот средь пар идет Лаура смело.
Глаза блестят, сверкает смехом рот.
Кивнула тем, пред этими присела,
С той шепчется, ту под руку берет.
Ей жарко здесь, она б воды хотела!
Граф лимонад принес — Лаура пьет
И взором всех критически обводит,
Своих подруг ужасными находит.

LXVI

У той румянец желтый, как шафран,
У той коса, конечно, накладная,
На третьей — о, безвкусица! — тюрбан,
Четвертая — как кукла заводная.

У пятой прыщ и в талии изъян.
А как вульгарна и глупа шестая!
Седьмая!.. Хватит! Надо знать и честь!
Как духов Банко, их не перечесть.

LXVII

Пока она соседок изучала,
Кой-кто мою Лауру изучал,
Но жадных глаз она не замечала,
Она мужских не слухала похвал.
Все дамы злились, да! Их возмущало,
Что вкус мужчин так нестерпимо пал.
Но сильный пол — о, дерзость, как он смеет! —
И тут свое суждение имеет.

LXVIII

Я, право, никогда не понимал,
Что нам в таких особах, — но об этом
Молчок! Ведь это для страны скапдал,
И слово тут никак не за поэтом.
Вот если б я витией грозным стал
В судейской тоге, с цепью и с беретом,
Я б их громил, не пропуская дня, —
Пусть Вильберфорс цитирует меня!

LXIX

Пока в беседе весело и живо
Лаура светский расточала вздор,
Сердились дамы (что совсем не диво!),
Соперницу честил их дружный хор.
Мужчины к ней теснились молчаливо
Иль, поклонясь, вступали в разговор,
И лишь один, укрывшись за колонной,
Следил за нею как завороченный.

LXX

Красавицу, хотя он турок был,
Немой любви сперва пленили знаки.
Ведь туркам женский пол куда как мил,
И так завидна жизнь турчанок в браке!

Там женщин покупают, как кобыл,
Живут они у мужа, как собаки:
Две пары жен, наложниц миллион,
Все взаперти, и это все — закон!

LXXI

Чадра, гарем, под стражей заточенье,
Мужчинам вход строжайше воспрещен.
Тут смертный грех любое развлечение,
Которых тьма у европейских жен.
Муж молчалив и деспот в обращенье,
И что же разрешает им закон,
Когда от скуки некуда деваться?
Любить, кормить, купаться, одеваться.

LXXII

Здесь не читают, не ведут бесед
И споров, посвященных модной теме,
Не обсуждают оперу, балет
Иль слог в недавно вышедшей поэме.
Здесь на ученье строгий лег запрет,
Зато и «синих» не найдешь в гареме,
И не влетит наш Бозерби сюда,
Крича: «Какая новость, господа!»

LXXIII

Здесь важного не встретишь рыболова,
Который удит славу с юных дней,
Поймает похвалы скупое слово
И вновь удить кидается скорей.
Все тускло в нем, все с голоса чужого.
Домашний лев! Юпитер пескарей!
Среди ученых дам себя нашедший
Пророк юнцов, короче — сумасшедший.

LXXIV

Меж синих фурий он синее всех,
Он среди них в арбитрах вкуса ходит.
Хулой он элит, надменный пустобрех,
Но похвалой он из себя выводит.

Живьем глотает жалкий свой успех,
Со всех языков мира переводит,
Хоть понимать их не сподобил бог,
Посредствен так, что лучше был бы плох.

LXXV

Когда писатель — только лишь писатель,
Сухарь чернильный, право, он смешон.
Чванлив, ревнив, завистлив — о создатель!
Последнего хлыща ничтожней он!
Что делать с этой тварью, мой читатель?
Надуть мехами, чтобы лопнул он!
Исчерканный клочок бумаги писчей,
Ночной огарок — вот кто этот нищий!

LXXVI

Конечно, есть и те, кто рождены
Для шума жизни, для большой арены,
Есть Мур, и Скотт, и Роджерс — им нужны
Не только их чернильница и стены.
Но эти — «мощной матери сыны»,
Что не годятся даже в джентльмены,
Им лишь бы чайный стол, их место там,
В парламенте литературных дам.

LXXVII

О бедные турчанки! Ваша вера
Столь мудрых не впускает к вам персон.
Такой бы напугал вас, как холера,
Как с минарета колокольный звон.
А не послать ли к вам миссионера
(То шаг на пользу, если не в урон!),
Писателя, что вас научит с богом
Вести беседу христианским слогом.

LXXVIII

Не ходит метафизик к вам вещать
Иль химик — демонстрировать вам газы,
Не пичкает вас бреднями печать,
Не стряпает о мертвецах рассказы,

Чтобы живых намеками смущать;
Не водят вас на выставки, показы
Или на крышу — мерить небосклон.
Тут, слава богу, нет ученых жен!

LXXIX

Вы спросите, зачем же «слава богу»,—
Вопрос иштимый, посему молчу.
Но, обратившись к будничному слогу,
Биографам резон мой сообщу.
Я стал ведь юмористом понемпогу —
Чем старше, тем охотнее шучу.
Но что ж — смеяться лучше, чем браниться,
Хоть после смеха скорбь в душе теснится.

LXXX

О детство! Радость! Молоко! Вода!
Счастливых дней счастливый переизбыток!
Иль человек забыл вас навсегда
В ужасный век разбоя, казней, пыток?
Нет, пусть ушло былое без следа,
Люблю и славлю дивный тот напиток!
О царство леденцов! Как буду рад
Шампанским твой отпраздновать возврат!

LXXXI

Наш турок, глаз с Лауры не спуская,
Глядел, как самый христианский фат:
Мол, будьте благодарны, дорогая,
Коль с вами познакомиться хотят!
И, спору нет, сдалась бы уж другая,
Ведь их всегда волнует дерзкий взгляд.
Но не Лауру, женщину с закалкой,
Мог взять нахальством чужестранец жалкий.

LXXXII

Меж тем восток светлеть уж начинал.
Совет мой дамам, всем без исключенья:
Как ни был весел и приятен бал,
Но от бесед, от тапцев, угощенья

Чуть свет бегите, покидайте зал,
И сохрани вас бог от искушенья
Остаться — солнце всходит, и сейчас
Увидят все, как бледность портит вас!

LXXXIII

И сам когда-то с пира или бала
Не уходил я, каюсь, до конца.
Прекрасных женщин видел я немало
И дев, пленявших юностью сердца,
Следил, — о время! — кто из них блистала
И после ночи свежестю лица.
Но лишь одна, взлетев с последним танцем,
Одна могла смутить восток румянцем.

LXXXIV

Не назову красавицы моей,
Хоть мог бы: ведь прелестное создание
Лишь мельком я встречал, среди гостей.
Но страшно за нескромность порицанье,
И лучше имя скрыть, а если к ней
Вас повлекло внезапное желанье, —
Скорей в Париж, на бал! — и здесь она,
Как в Лондоне, с зарей цветет одна.

LXXXV

Лаура превосходно понимала,
Что значит отплясать, забыв про сон,
Ночь напролет в толпе и в шуме бала.
Знакомым общий отдала поклон,
Шаль приняла из графских рук устало,
И, распрощавшись, оба вышли вон.
Хотели сесть в гондолу, но едва ли
Не полчася гребцов проклятых звали.

LXXXVI

Ведь здесь, под стать английским кучерам,
Гребцы всегда не там, не в нужном месте.
У лодок так же давка, шум и гам —
Вас так помнут, что лучше к ним не лезьте!

Но дома «бобби» помогает вам,
А этих страж ругает с вами вместе,
И брань стоит такая, что печать
Не выдержит,— я должен замолчать.

LXXXVII

Все ж наконец усевшись, по каналу
Поплыли граф с Лаурою домой.
Был посвящен весь разговор их балу,
Танцорам, платьям дам и — боже мой! —
Так явно назревавшему скандалу.
Приплыли. Вышли. Вдруг за их спиной —
Как не прийти красавице в смятенье! —
Тот самый турок встал как привиденье.

LXXXVIII

«Синьор! — воскликнул граф, прищулив глаз,—
Я вынужден просить вас объясниться!
Кто вы? Зачем вы здесь и в этот час?
Быть может... иль ошибка здесь таится?
Хотел бы в это верить — ради вас!
Иначе вам придется извиниться.
Признайте же ошибку, мой совет».
«Синьор! — воскликнул тот,— ошибки нет,

LXXXIX

Я муж ее!» Лауру это слово
Повергло в ужас, но известно всем:
Где англичанка пасть без чувств готова,
Там итальянка вздрогнет, а затем
Возденет очи, призовет святого
И вмиг придет в себя — хоть не совсем,
Зато уж без примочек, расшнуровок,
Солей, и спирта, и других уловок.

XC

Она сказала... Что в беде такой
Могла она сказать? Она молчала.
Но граф, мгновенно овладев собой:
«Прошу, войдемте! Право, толку мало

Комедию ломать перед толпой.
Ведь можно все уладить без скандала.
Достойно, согласитесь, лишь одно:
Смеяться, если вышло так смешно».

ХСІ

Вошли. За кофе сели. Это блюдо
И нехристи и христиане чтут,
Но нам у них бы взять рецепт не худо.
Меж тем с Лауры страх слетел, и тут
Пошло подряд: «Он турок! Вот так чудо!
Беппо! Открой же, как тебя зовут.
А борода какая! Где, скажи нам,
Ты пропал? А впрочем, верь мужчинам!

ХСІІ

Но ты и вправду турок? Говорят,
Вам служат вилкой пальцы. Сколько дали
Там жен тебе в гарем? Какой халат!
А шаль! Как мне идут такие шали!
Смотри! А правда, турки не едят
Свинины? Беппо! С кем вы изменяли
Своей супруге? Боже, что за вид!
Ты желтый, Беппо. Печень не болит?

ХСІІІ

А бороду ты отрастил напрасно.
Ты безобразен! Эта борода...
На что она тебе? Ах да, мне ясно:
Тебя пугают наши холода.
Скажи, я постарела? Вот прекрасно!
Нет, Беппо, в этом платье никуда
Ты не пойдешь. Ты выглядишь нелепо!
Ты стриженный! Как поседел ты, Беппо!»

ХСІV

Что Беппо отвечал своей жене —
Не знаю. Там, где камни древней Трои
Почиют ныне в дикой тишине,
Попал он в плен. За хлеб да за побои

Трудился тяжко, раб в чужой стране.
Потом решил помериться с судьбою,
Бежал к пиратам, грабил, стал богат
И хитрым слыл, как всякий ренегат.

ХСV

Росло богатство и росло желанье
Вернуться под родимый небосклон.
В чужих краях наскучило скитанье,
Он был там одинок, как Робинзон.
И, торопя с отчизною свиданье,
Облюбовал испанский парус он,
Что плыл на Корфу. То была полакка,—
Шесть человек и добрый груз tobacco.

ХСVI

С мешком монет,— где он набрать их мог! —
Рискуя жизнью, он взошел на судно.
Он говорит, что бог ему помог.
Конечно, мне поверить в это трудно,
Но хорошо, я соглашусь, что бог,
Об этом спорить, право, безрассудно.
Три дня держал их штиль у мыса Бон,
Но все же в срок доплыл до Корфу он.

ХСVII

Сойдя, купцом турецким он назвался,
Торгующим — а чем, забыл я сам,—
И на другое судно перебрался,
Сумев мешок свой погрузить и там.
Не понимаю, как он жив остался.
Но факт таков: отплыл к родным краям
И получил в Венеции обратно
И дом, и веру, и жену, понятно.

ХСVIII

Приняв жену, вторично окрещен
(Конечно, сделав церкви подношение),
День проходил в костюме графа он,
Языческое скинув облачение.

Друзья к нему сошлись со всех сторон,
Узнав, что он не скуп на угощение,
Что помнит он историй всяких тьму.
(Вопрос, конечно, верить ли ему!)

XCIX .

И в чем бедняге юность отказала,
Все получил он в зрелые года.
С женой, по слухам, ссорился немало,
Но графу стал он другом навсегда.
Листок дописан, и рука устала.
Пора кончать. Вы скажете: о да!
Давно пора, рассказ и так уж длинен.
Я знаю сам, но я ли в том повинен!

1818

Марино Фальеро, дож Венецианский

Историческая трагедия
в пяти актах

Dux inquieti turbidus Adriæ.

Horace ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заговор дожа Марино Фальеро — одно из самых замечательных событий в анналах самого своеобразного правительства, города и народа в новой истории. Событие это относится к 1355 году. Все в Венеции необычайно — или, во всяком случае, было необычайно; ее внешний облик кажется сновидением, и история ее похожа на поэму. История Марино Фальеро рассказана во всех хрониках и особенно подробно в «Жизнеописании дожей» Марино Сануто, которое я привожу в приложении. Она передана просто и ясно и, быть может, более драматична сама по себе, чем всякая драма, которую можно написать на этот сюжет.

Марино Фальеро, по-видимому, был очень талантлив и храбр. Он предводительствовал венецианскими войсками при осаде Зары и победил венгерского короля с его восьмидесятитысячной армией, убил восемь тысяч и в то же время продолжал вести осаду; я не знаю ничего равного этому подвигу в истории, за исключением действий Цезаря под Алезией или принца Евгения под Белградом. В той же войне Марино Фальеро был после того

¹ Вождь возмущенный буйственной Адрии.— Гораций (лат.).

начальником флота и взял Капо д'Истрия. Он был посланником в Генуе и Риме и в Риме получил известие о своем избрании в дожи. Тот факт, что он был избран заочно, доказывает, что он не вел интриг с целью быть избранным, потому что узнал одновременно о смерти своего предшественника и о своем избрании. Но у него был, как видно, необузданный характер. Сануто рассказывает, что за несколько лет до того, как Фальеро был подестой и капитаном в Тревизо, он дал пощечину епископу, который слишком долго не выносил причастия. Сануто осуждает за это Фальеро, но не говорит, получил ли он порицание от Сената и был ли наказан за свою дерзость. Кажется, что он был впоследствии в хороших отношениях с церковью, так как назначен был посланником в Рим и получил в лен Валь-ди-Марино в марке Тревизо, а также титул графа от Лоренцо, архиепископа Ченедского. Эти факты я почерпнул из таких авторитетных источников, как Сануто, Веттор Санди, Андреа Навагеро, а также из отчета об осаде Зары, впервые напечатанного неутомимым аббатом Морелли в его «*Monumenti Veneziani di varia Letteratura*»¹ (1796); все это я прочел в оригинале. Современные историки, Дарю, Сисмонди и Ложье, приблизительно сходятся со старыми летописцами. Сисмонди приписывает заговор ревности Фальеро, но это не подтверждается свидетельствами национальных историков. Веттор Санди говорит, правда, что «иные писали, будто бы... из-за своей ревливой подозрительности (Микель Стено) дож решился на свой поступок» и т. д., но это далеко не общее мнение, и на это нет намека ни у Сануто, ни у Навагеро; Санди сам прибавляет также, что, «судя по другим венецианским преданиям, не только жажда мести вовлекла его в заговор, но также его врожденное честолюбие, внушавшее ему желание стать независимым правителем». Первым поводом послужило, по-видимому, оскорбление, нанесенное дожу Микелем Стено, который написал на герцогском престоле грубые слова, и тот факт, что к обидчику слишком снисходительно отнесся судивший его Совет Сорока, в виду того что Стено был одним из его «*tre cari*»². Ухаживания Стено, по-видимому, относились к одной из придворных дам, а не к самой

¹ Памятники венецианской литературы (*итал.*).

² Трое старшин (*итал.*).

догарессе, репутация которой была безупречной, хотя ее славили за ее красоту и за ее молодость. Я не нахожу нигде указаний (если не считать таковым намек Санди) на то, что дож действовал под влиянием ревности к жене; напротив того, он высоко чтит ее и отстаивал свою честь, опираясь на свои прежние заслуги и высокое положение.

Я не встречал указаний на все эти исторические факты у английских писателей, за исключением того, что говорит д-р Мур во «Взгляде на Италию». Его передача неверна и непродуманна, переполнена пошлыми шутками о старых мужьях и молодых женах, и он удивляется тому, что такие мелкие причины привели к таким важным последствиям. Не понимаю, как это может удивлять такого глубокого и тонкого знатока людей, как автор «Зелуко». Он ведь знал, что герцог Мальборо получил отставку из-за того, что пролил кувшин воды на платье миссис Мэшем, и что это привело к позорному утрехтскому миру, что Людовик XIV впутался в несчастные войны из-за того, что его министр обиделся, когда он высказал неудовольствие по поводу какого-то окна, и король хотел занять его чем-нибудь, чтобы заставить забыть обиду. Известно, что Елена погубила Троя, что Лукреция была причиной изгнания Тарквиниев из Рима, что Кава привела мавров в Испанию, что галлов повел в Клузиум и оттуда в Рим оскорбленный муж, что один насмешливый стих Фридриха II над мадам де Помпадур был причиной битвы при Росбахе, что бегство Дирборгили с Мак-Мэрчедом привело к порабощению Ирландии Англией, что личная ссора между Марией-Антуанеттой и герцогом Орлеанским ускорила первое изгнание Бурбонов и — чтобы не нагромождать еще примеров — что Коммод, Домициан и Калигула пали жертвами не своей тирании, а личной мести и что приказ Кромвелю сойти с корабля, на котором он хотел отплыть в Америку, погубил и короля и республику. Как же ввиду всех этих примеров д-р Мур удивляется тому, что человек, привыкший повелевать, занимавший самые ответственные посты, долго служивший родине, может глубоко возмутиться тем, что ему безнаказанно нанесли самое грубое оскорбление, какое только можно нанести человеку, будь то владетельный князь или крестьянин. К тому же Фальеро был в то время стариком, а — как говорит поэт — «гнев юноши горит как солома, но раскаленной стали подобен гнев старика...

Юноши легко наносят обиды и забывают о них, но старость медлительна и в том и в другом».

Рассуждения Ложье более философские: «Таков был позорный конец человека, которого его рождение, его возраст, его характер должны были оградить от страстей, ведущих к тяжким преступлениям. Его таланты, проявлявшиеся в течение долгих лет в самых важных делах, опыт и ум, которые он выказывал в управлении государством и как посланник, снискали ему уважение и доверие граждан и объединили все голоса в выборе его главой республики. Когда он поднялся на высоту, почетно завершавшую его жизнь, ничтожная обида влила в его сердце такой яд, что все его прежние доблести исчезли, и он закончил жизнь позорной смертью предателя. Этот печальный пример показал, что нет возраста, в котором разум человеческий был бы в безопасности, и что в человеке всегда остаются страсти, которые могут вернуть его в позор, если он недостаточно владеет собой».

Откуда д-р Мур взял, что Марино Фальеро просил пощадить его жизнь? Я справлялся во всех хрониках и нигде ничего подобного не нашел. Правда только, что он во всем сознался. Его повели на место пытки, но нигде не упоминается о том, что он просил о помиловании; и то обстоятельство, что его пытали, менее всего указывает на недостаточную его твердость; если бы он выказал малодушие, то об этом, наверное, упомянули бы хронисты, которые очень далеки от доброжелательного к нему отношения. Малодушие совершенно не в характере такого воина, так же как и не в характере времени, в которое он жил и в которое он умер,— это обвинение противоречит к тому же исторической правде. Я считаю непростительным клевету на исторические личности чрез сколько бы ни было времени. О мертвых и несчастных следует говорить правду, а те, кто умерли на эшафоте, в большинстве случаев достаточно виновны и без того; не следует поэтому возводить на них обвинения, совершенно невероятные уже в виду опасностей, которым они подвергались, совершая погубившие их преступления. Черное покрывало, нарисованное на месте портрета Марино Фальеро в галерее венецианского Дворца дождей, и лестница Гигантов, где он был коронован, развенчан и обезглавлен, произвели сильное впечатление на мое воображение, так же как его властный характер и странная история. В 1819 году я несколько раз ходил в церковь

San Giovanni e San Paolo искать его могилу. Когда я стоял подле усыпальницы другой семьи, ко мне подошел один священник и сказал: «Я могу вам показать более прекрасные памятники, чем этот». Я сказал ему, что ищу гробницу семьи Фальеро, и в частности дожа Марино. «Я вам покажу ее», — сказал он, вывел меня из церкви и указал на саркофаг в стене с неразборчивой надписью. По его словам, гробница эта находилась прежде в прилегающем монастыре, но была удалена отсюда, когда пришли французы, и поставлена на свое теперешнее место. Он сказал, что присутствовал при открытии могилы, когда переносили останки дожа, и что там осталась грудa костей, но ясных признаков обезглавления не было. Конная статуя перед церковью, о которой я упоминаю в третьем акте, изображает не Фальеро, а какого-то другого, забытого теперь воина позднейшего времени. Было еще два других дожа из этой семьи до Марино. Орделафо, павший в 1117 году в битве при Заре (где его потомок впоследствии победил гуннов), и Виталь Фальеро, правивший в 1082 году. Семья эта, родом из Фано, была одна из самых знатных по крови и богатству в городе, самых богатых и до сих пор самых древних семей в Европе. Подробности, которые я привожу, доказывают, насколько меня заинтересовал Фальеро. Удалась ли мне или нет моя трагедия, но, во всяком случае, я передал на английском языке достопамятный исторический факт.

Я задумал эту трагедию четыре года тому назад и, прежде чем изучил в достаточной степени источники, склонен был объяснять заговор ревностью Фальеро. Но, не найдя подтверждения этому в источниках, а также ввиду того, что чувство ревности слишком использовано драматургами, я решил держаться исторической правды. Это советовал мне также покойный Мэтью Льюис, когда я говорил с ним о моем замысле в Венеции в 1817 году. «Если вы изобразите его ревнивцем, — сказал он, — то ведь вам придется соперничать с авторитетными писателями, даже помимо Шекспира, и разрабатывать исчерпанный сюжет. Остановитесь же на историческом характере старого мятежного дожа — он вывезет вас, если вы его очертите как следует, — и постарайтесь соблюдать правильную конструкцию в вашей драме». Сэр Вильям Друммонд дал мне приблизительно такой же совет. Насколько я исполнил их указания и оказались ли мне

полезными их советы — об этом не мне судить. Я не имел в виду сцены; положение современного театра не таково, чтобы он давал удовлетворение честолюбию, а я тем более слишком хорошо знаю закулисные условия, чтобы сцена могла когда-либо соблазнить меня. И я не могу представить себе, чтобы человек с горячим характером мог отдать себя на суд театральной публики. Насмехающийся читатель, бранящийся критик и резкие отзывы в прессе — все это бедствия довольно отдаленные и не сразу обрушивающиеся на автора. Но шиканье понимающей или невежественной публики произведению, которое — хорошо ли оно или дурно — стоило автору большого умственного напряжения, — слишком осязательное и непосредственное страдание, усиленное еще сомнениями в компетентности зрителей и сознанием своей неосторожности в выборе их своими судьями. Если бы я смог написать пьесу, которую бы приняли для представления на сцене, успех не обрадовал бы меня, а неудача сильно бы огорчила. Вот почему, даже когда я состоял несколько времени членом одной театральной дирекции, я никогда не пытался писать для театра и не буду пытаться и впредь. Несомненно, однако, что драматическое творчество существует там, где есть такие силы, как Иоанна Бэли, Милман и Джон Вилсон. «Город чумы» и «Падение Иерусалима» представляют наилучший «материал» для трагедии со времени Гораса Уолпола, за исключением отдельных мест в «Этвальде» и «Де-Монфоре». У нас не ценят Гораса Уолпола, во-первых, потому что он был аристократом, а во-вторых, потому что он был джентльменом. Но, не говоря о его несравненных письмах и о «Замке Отранто», он «Ultimus Romanorum»¹, автор «Таинственной матери», трагедии высшего порядка, а не слезливой любовной драмы. Он создал первый стихотворный роман и последнюю трагедию на нашем языке и, несомненно, стоит выше всех современных авторов, кто бы они ни были.

Говоря о моей трагедии «Марино Фальеро», я забыл упомянуть, что хотел если и не вполне соблюсти в ней правило единств, то, во всяком случае, избежать той неправомерности, в которой упрекают английский театр. Поэтому у меня заговор представлен уже составленным и дож только примыкает к нему; в действительности же

¹ Последний римлянин (лат.).

заговор был задуман самим Фальеро и Израэлем Бертуччо. Другие действующие лица (за исключением догарессы), отдельные эпизоды и даже быстрота, с которой совершаются события, вполне соответствуют исторической правде, за исключением того, что все совещания в действительности происходили во дворце. Если бы я и в этом отношении следовал истине, то единство места было бы еще более полным, но мне хотелось представить дожа в присутствии всех заговорщиков вместо однообразной передачи его диалогов с одними и теми же лицами.

Желающих ознакомиться с фактической подкладкой я отсылаю к приложению.

МАРИНО ФАЛЬЕРО, ДОЖ ВЕНЕЦИАНСКИЙ

DRAMATIS PERSONAE

Мужчины

Марино Фальеро, дож Венеции.
Бертуччо Фальеро, племянник дожа.
Лиони, патриций и сенатор.
Бенинтенде, председатель Совета Десяти.
Микель Стено, один из трех старшин Совета Сорока.
Израэль Бертуччо, начальник арсенала.
Филиппо Календаро }
Даголино } заговорщики.
Бертрам }
Начальник ночной стражи (Signore di Notte),
один из офицеров Республики.
Первый гражданин.
Второй гражданин.
Третий гражданин.
Винченцо }
Пьетро } офицеры при Дворце дожа.
Баттиста }
Секретарь Совета Десяти.
Стража, заговорщики, граждане.
Совет Десяти, Джунта и пр.

Женщины

Анджолина, жена дожа.
Марианна, ее подруга.
Служанки и пр.

Венеция, 1355 год.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Приемная во Дворце дожей.
Пьетро, входя, обращается к Баттисте.

Пьетро

Гонец вернулся?

Баттиста

Нет еще. Его
Я посылал не раз, как вы велели;
Но Синьория слишком затянула
Свой спор по обвиненью Стено.

Пьетро

Слишком!

И дож находит.

Баттиста

Как же неизвестность
Выносит он?

Пьетро

Да так: скрепился, терпит.
Сидит за дожеским столом, над грудой
Дел государственных, прошений, актов,
Депеш, вердиктов, рапортов, доносов;
Как бы в работу погружен. Но только
Услышит скрип открытой где-то двери,
Или подобие шагов далеких,
Иль голоса, глаза он вмиг возводит
И вскакивает с кресла и, помедлив,
Садится вновь, вновь устремляя взор
В бумаги. Но, как наблюдал я, он
За целый час не шевельнул страницы.

Баттиста

Он, говорят, взбешен. И вправду: Стено
Довольно гнусно оскорбил его.

Пьетро

Будь Стено беден — да; но он — патриций,
Он молод, весел, горд и смел...

Б а т т и с т а

Не строго,

По-вашему, его осудят?

П ь е т р о

Хватит,

Коли осудят справедливо. Нам ли
Решенье Сорока́ предвосхищать?

Входит Винченцо.

Б а т т и с т а

А вот оно! Что нового, Винченцо?

В и н ч е н ц о

Суд кончен, но не знаю приговора.
Глава Совета, видел я, печатью
Скреплял пергамент с приговором, дожу
Готовясь отослать,— я и примчался.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната дожа.

М а р и н о Ф а л ь е р о, дож, и его племянник
Б е р т у ч ч о Ф а л ь е р о.

Б е р т у ч ч о

Сомненья нет: признают ваше право.

Д о ж

Да; так же как авогадоры. Те
В суд Сорока мою послали просьбу,
Виновного отдав друзьям судить.

Б е р т у ч ч о

Друзья на оправданье не решатся:
Подобный акт унизил бы их власть.

Д о ж

Венеции не знаешь? И Совета?
Но поглядим...

Б е р т у ч ч о

(к входящему Винченцо)

А, повости! Какие?

В и н ч е н ц о

Я послан к их высочеству сказать,
Что суд решение вынес и, как только
Закончатся формальности, доставит
Его немедля дожу. А пока
Все Сорок шлют свое почтение князю
Республики и просят не отвергнуть
Их уверенья в преданности.

Д о ж

Да!

Почтение их и преданность известны...
Сказал ты: есть решение?

В и н ч е н ц о

Да, ваше

Высочество. Глава суда печатью
Скреплял его, когда меня послали;
Через миг, не позже, с должным извещеньем
К вам явятся — осведомить и дожа,
И жалобщика, двух в одном лице.

Б е р т у ч ч о

Не мог ты, наблюдая, угадать
Решенье?

В и н ч е н ц о

Нет, синьор: известна вам
Таинственность судов венецианских.

Б е р т у ч ч о

О да! Но все ж найти кой в чем намек
Способен быстроглазый наблюдатель:
Спор, шепот, степень важности, с которой
Уходят судьи... Сорок — тоже люди,
Почтеннейшие люди, признаю,
Но мудры пусть они и правосудны
И, как могилы ими осужденных,
Безмолвны — все же по лицу, хотя бы
Того, кто помоложе, взор пытливый,
Такой как твой, Винченцо, мог прочесть бы
И произнесенный приговор.

В и н ч е н ц о

Но я, синьор, ушел немедля; я
Минутки не имел для наблюдения
За судьями, за видом их. Поскольку
Стоял я рядом с подсудимым Стено,
Я должен был...

Д о ж
(перебивая)

А он каков был с виду?

В и н ч е н ц о

Притихший, но не мрачный; он покорно
Решенья ждал любого... Вот идут,
Несут вердикт на рассмотрение дожа.

Входит секретарь Совета Сорока.

С е к р е т а р ь

Высокий суд Совета Сорока
Главе чинов венецианских, дожу
Фальеро, шлет почтение и подносит
Его высочеству на утверждение
Сентенцию суда по делу Стено,
Патриция; в чем обвинялся он,
Микеле Стено, также чем наказан —
Изложено в рескрипте настоящем,
Который честь имею вам вручить.

Д о ж

Ступайте; ждите за дверьми.

Секретарь и Винченцо уходят.

В о з ь м и

Бумагу эту. Буквы как в тумане;
От глаз бегут.

Б е р т у ч ч о

Терпенье, милый дядя!
Что волноваться так? Не сомневайтесь:
По-вашему все будет.

Д о ж

Ну, читай.

Б е р т у ч ч о
(*читает*)

«Совет постановил единогласно:
Микеле Стено, как признал он сам,
Виновен в том, что в карнавал последний
На троне дожа вырезал такие
Слова...»

Д о ж

Ты что? их будешь повторять?
Ты хочешь повторить их, *ты*, Фальеро?
Повторишь то, что наш позорит род
В лице его главы, кто, в ранге дожа,
Меж граждан — первый?.. Приговор прочти!

Б е р т у ч ч о

Простите, государь; я повинуюсь.
(*Читает.*)

«Подвергнуть Стено строгому аресту
На месяц».

Д о ж

Дальше.

Б е р т у ч ч о

Это все, мой дож.

Д о ж

Как ты сказал? Все?! Что, я сплю? Неправда!
Дай мне бумагу!

(*Читает.*)

«Суд постановил

Подвергнуть Стено...»

Поддержи, дай руку...

Б е р т у ч ч о

Очнитесь, успокойтесь! Гнев бесплоден...
Врача позвать позвольте.

Д о ж

Стой, ни шагу.

Прошло...

Б е р т у ч ч о

Вы правы: наказание слишком
Ничтожно для такого оскорбления,
И чести нет Совету Сорока,
Коль так легко обиду он карает
Постыдную, что князю нанесли
И также — им, как подданным... Но можно
Найти исход: вновь жалобу подать
Совету или вновь авогадорам,—
Те, видя нарушение правосудья,
Теперь уж не отклонят вашей просьбы,
Дадут вам торжество над наглецом.
Не правда ли? Но что вы так недвижны?
Я вас молю: послушайте меня!

Д о ж

*(кидает на пол дожескую тиару и хочет топтать ее,
но, удержанный племянником, восклицает)*

О, сарацин! Прорвись к святому Марку —
Приму его с почетом!

Б е р т у ч ч о

Ради бога
И всех святых, мой государь...

Д о ж

Уйди!

О, если б генуэзец гавань занял!
О, если б гунн, разбитый мной при Заре,
Бродил вокруг дворца!

Б е р т у ч ч о

Речь непристойна
Для герцога Венеции.

Д о ж

Кто герцог
Венеции? Дай мне его увидеть
И попросить о правосудье!

Б е р т у ч ч о

Если
Забыли вы свой ранг и долг его —
Долг человека вспомните, смирите
Порыв свой. Дождь Венеции...

Д о ж
(прерывая)

Такого —

Нет! Это — слово! Хуже, — звук, приставка!..
Презреннейший, гонимый, жалкий нищий,
Не получив подачки, может хлеба
Искать у сердца добрей. Но тот,
Кто правосудья не нашел в Совете,
Чей долг со злом бороться, тот бедней
Отверженного попрошайки: раб он!
Таков теперь и я, и ты, и род наш —
Вот с этих пор. Мастеровой немытый
В нас пальцем ткнет: аристократ спесивый
В нас плюнуть может — где защита нам?

Б е р т у ч ч о

Закон, мой дож...

Д о ж

Его дела ты видел!

Просил я лишь защиты у закона,
Взывал не к мести — к помощи закона,
Искал судей, назначенных законом;
Как государь, я к подданным воззвал,
К тем, кто меня избрали государем,
Двойное право дав мне быть таким.
Права избранья, ранга, рода, чести,
Годов, заслуг, седых волос и шрамов,
Трудов, забот, опасностей, усилий —
Всю кровь и пот восьмидесяти лет
Я бросил на весы против позора,
Гнуснейшей клеветы, обиды наглой
Патриция ничтожного — все мало!
И я — терпи!

Б е р т у ч ч о

Я так не говорил;

И если бы второй ваш иск отвергли,
Уладим дело мы иным путем.

Д о ж

Вновь иск!.. И ты — сын брата моего?
Ты — отпрыск рода славного Фальеро,
Племянник дожа? Той ли крови ты,

Что трех дала венецианских дождей?
Но прав ты: нам теперь смириться надо.

Б е р т у ч ч о

Князь мой и дядя! Не волнуйтесь так!
Согласен я: подлая обида; подло,
Что не нашла она достойной кары;
Но ваша ярость превышает меру
Любой обиды. Оскорбили нас?
Мы просим правосудья. Нам не дали?
Возьмем! Но будем действовать спокойно:
Месть полная — дочь полной тишины.
Я втрое вас моложе, и люблю я
Наш древний род, чту вас, его главу,
Кто молодость мою берег и нежил;
Но я, ваш гнев и горе разделяя
И негодую с вами, все ж боюсь,
Что ярость ваша, точно вал Адрийский,
Сметя преграды, пеной лишь плеснет.

Д о ж

Я говорю... а надо ли?.. отец твой
Все понимать умел без объяснений...
Иль ты способен чувствовать лишь боль
Телесную? А где душа? Где гордость?
Где страстность? Где святое чувство чести?

Б е р т у ч ч о

Сомненье в нем впервые слышу. Всякий
Другой, не вы, и повторить не смог бы!

Д о ж

Пойми же всю обиду: хам природный,
Наглец и трус, оправданный мерзавец
Просунул жало в пасквиль ядовитый
И честь, — о боже! — честь моей жены,
Наисвятую долю чести мужа,
Оклеветав, предал молве презренной, —
Чернь изощряться будет в грязных толках,
В бесстыдных шутках, в поношеньях гнусных;
А знать, с улыбкой утонченной, сплетню
Распустит, просмакует ложь, в которой
Я — ровня им, любезный рогоносец,
Терпящий... нет, гордящийся позором!

Б е р т у ч ч о

Но это — ложь; вы знаете, что ложь,
И знают все.

Д о ж

Но римлянин сказал:
«Супруги Цезаря и подозрение
Касаться не должно», — и с ней расстался.

Б е р т у ч ч о

Но в наши дни...

Д о ж

Что Цезарь не стерпел,
То стерпит князь Венеции? Дандоло
Отверг венцы всех цезарей, гордясь
Тиарой дожа, той, что растоптал я,
Как опозоренную.

Б е р т у ч ч о

Это верно.

Д о ж

О да!.. Я зла не выместил на бедной
Невинной женщине, столь очерненной
За то, что старца избрала в мужа,
Того, кто другом был ее отцу
И всей семье... Как будто в женском сердце
Есть не любовь, а только вожделенье
К безусым шалопаям... Я не мстил ей
За мерзостный навет клеветника;
Я ждал суда страны моей над ним,
Какого вправе ждать любой бедняк,
Кому нужна жены любимой верность,
Кому очаг его семейный дорог,
Кому честь имени ценнее жизни,
Кому дыханье клеветы и лжи
Все это отравило!..

Б е р т у ч ч о

Но какое
Вас удовлетворило бы возмездье?

Д о ж

Смерть!.. Разве я — не государь, на троне
Поруганный и сделанный забавой,
Посмешищем для подданных моих?
Как муж не оскорблен я? Не унижен
Как человек? Не осрамлен как дож?
В таком деянье разве не измена
Вплелась в обиду? И преступник — жив!
Да запятнай он надписью такую
Не княжий трон — мужицкую скамью,
Он кровью тут же залил бы порог,
Пронзен ножом крестьянским!..

Б е р т у ч ч о

Ну, и этот

Не проживет до ночи! Предоставьте
Заботу мне, а сами успокойтесь.

Д о ж

Нет, стой, племянник: это было б к месту
Вчера; сейчас — гнев на него утих.

Б е р т у ч ч о

Как вас понять? Не возросла ли вдвое
Обида с этим подлым приговором?
Он — хуже оправданья: признавая
Вполне вину, он кару устранил.

Д о ж

Удвоена обида, но не им!
Назначил суд ему арест на месяц;
Нам подчиниться должно Сорока.

Б е р т у ч ч о

Им? Позабывшим долг пред государем?

Д о ж

Ах, так! Ты понял наконец мой мальчик:
И гражданин, что правосудья ищет,
И государь, что правый суд вершит,—
Обобран я, обоих прав лишенный
(Здесь я и государь и гражданин);
И все же — волоска не тронь у Стено
На голове: носить ее недолго!

Б е р т у ч ч о

Не дольше суток, если разрешите
Мне действовать... Поверьте, успокоясь,
Что не мерзавца я хотел щадить,
Хотел, чтоб *вы* сдержали гнев и ярость
И мы могли бы обсудить вернее,
Как с ним покончить.

Д о ж

Нет, пускай живет —
Пока... Цена столь низкой жизни — нуль
В минуту эту. В древности одною
Довольствовались жертвой за грехи,
Злодейства ж искупали гекатомбой!

Б е р т у ч ч о

Закон — желанья ваши; все ж хочу я
Вам доказать, что родовая честь
Моей душе вовеки драгоценна.

Д о ж

Не бойся: в должный миг и в должном месте
Докажешь. И не горячись, как я:
Теперь мне стыдно бешенства былого;
Прости меня.

Б е р т у ч ч о

Вот это дядя мой!
Политик, полководец, повелитель,
Глава страны и государь себе!
Дивился я, что в ваши годы вы
Всю осторожность позабыли в гневе;
Хотя причина...

Д о ж

Думай о причине!
Не забывай! Когда уснешь — и то
Пускай она сквозь сон чернеет; утром
Пускай висит меж солнцем и тобою.
Зловещим облаком, что в летний день
Грозит веселью. Для меня она —
Такая... Но — ни слова, ни движенья;

За дело сам примусь, но дела хватит
И для тебя. Теперь ступай: хочу я
Один побыть.

Б е р т у ч ч о
(подымая и кладя на стол тиару дожа)

Пока я здесь — молю
Принять убор отвергнутый, покуда
Еще короной он не заменен.
Теперь иду и умоляю вас
Не забывать о верности и долге
Того, кто вам и кровная родня,
И в согражданстве подданный покорный.
(Уходит.)

Д о ж
(один)

Прощай, мой славный...
(Берет в руки тиару.)
Вздорная игрушка!

В себе тая все тернии короны,
Ты не даришь истерзанному лбу
Всевластного величия монархов.
Презренный раззолоченный пустяк,
Тебя надену маскарадным шлемом.
(Надевает ее).

Как больно мозгу под тобой! И кровь
Стучит в виски под тяжестью постыдной...
Ужель не станешь диадемой ты?
Ужели у сторукого Сената,
У Бриаря, не сломаю скиптра,
Которым превращен в ничто народ
И в куклу — дож? Я выполнял дела
Ничуть не легче, выполнял для них,
Так отплативших! Что ж, и мы отплатим!
О, год бы только, день бы юных сил,
Когда душе повиновалось тело,
Как верховому благородный конь,—
Я б ринулся на них, я без труда
Поверг бы их, патрициев спесивых;
Теперь чужих кругом ищу я рук
На помощь голове седой; она же
Измыслит им не геркулесов подвиг,

А путь полегче. Но теперь в ней хаос
Туманных мыслей; первая работа
Воображенья — вывести на свет
Неявственные образы, чтоб разум
Мог не спеша произвести отбор...
Войск мало...

Входит Винченцо.

Винченцо

Просит гражданин какой-то
У вашего высочества приема.

Дож

Я болен; никого — будь он патриций —
Я не приму. Пусть просьбу шлет в Совет.

Винченцо

Я, государь, так и скажу; и дело
Пустое, видно: он простолюдин;
Сдается мне, он капитан галеры.

Дож

Что? Говоришь ты: командир галеры?
Так, значит, офицер, я полагаю?
Впусти; возможно, он с казенным делом.

Винченцо уходит.

Дож

Повыпытать кой-что у капитана!..
В народе, знаю, ропот с той поры,
Как нас под Сашиенцей генуэзцы
Разбили; с той поры, как стал народ
В стране нулем, а в городе — похуже:
Машиною для угожденья знати
В ее патрицианских наслажденьях.
Войскам давно, наобещав, не платят;
Солдаты ропщут; намекни — восстанут,
Чтоб грабежом свое добро добыть.
Священники... На них не положусь я:
Они меня не терпят с той поры,
Как я, осатанев от нетерпенья,

Нанес удар епископу в Тревизо,
Чтоб он ускорил шествие; и все же
Привлечь их надо; я задобрю папу
Уступкой своевременной. Но должно
Мне торопиться: в мой закатный час
Для жизни света остается мало.
Снять гнет с народа, отомстить обиду —
И хватит, пожил; в тот же миг охотно
Усну меж предков. А не выйдет — лучше б
Три четверти моих восьми десятков
Провел я там, где вскоре — и неважно
Когда — погаснет все. Так лучше было б:
Тогда бы мне не угрожало стать
Игрушкою архитиранов этих...
Размыслим: здесь из наших войск наличных
Три тысячи; стоят...

Входят Винченцо и Израэль Бертуччо.

Винченцо

Простите, ваше
Высочество: вот капитан, просивший
Вниманья вашего.

До ж

Ступай, Винченцо.

Винченцо уходит.

Сюда, синьор. Что просите?

Израэль

Защиты.

До ж

А у кого?

Израэль

У бога и у дожа.

До ж

Увы, мой друг! У этой пары мало
В Венеции почета и влиянья.
В Совет ступайте.

Израэль

Это бесполезно:
Обидчик мой — сам член Совета.

Дожд

Виджу
Кровь на лице у вас; откуда это?

Израэль

Моя! За честь Венеции не раз я
Лил кровь. Но от руки венецианца —
Впервые. Бил патриций.

Дожд

Жив?

Израэль

Недолго б
Он жил, не будь в моей душе надежды,
Что вы, мой дожд, сам воин, оградите
Того, кому закон и дисциплина
Связали руки. Если же не так —
Умолкну я.

Дожд

Но действовать начнете?
Не правда ли?

Израэль

Я — человек, мой дожд.

Дожд

И ваш обидчик — тоже.

Израэль

Да, по кличке:
В Венеции ж он — больше; он — патриций.
Он поступил со мною, с человеком,
Как со скотом; но скот взбеситься может;
И червь кусается.

Дожд

Кто ваш обидчик?

Израэль

Барбаро.

Дож

А причина или повод?

Израэль

По службе я начальник арсенала,
Там чинятся галеры: прошлый год
От генуэзцев им досталось. Нынче
Влетел ко мне Барбаро именитый,
Ругаясь, что рабочие мои,
Казенным занятые делом, смели
В его дому чего-то не доделать.
Вступился я. И он — кулак свой поднял!..
Вот кровь, смотрите! Пролилась впервые
Она без чести...

Дож

Вы давно на службе?

Израэль

Настолько, что осаду Зары помню,
Где дрался я, где гуннов бил мой вождь,
Мой генерал, теперь мой дож, Фальеро.

Дож

Так мы товарищи?.. Я в платье дожа
Недавно; видно, в арсенал назначен
Ты до меня, я в Риме был, конечно,
Тебя не мог узнать я. Кто назначил?

Израэль

Последний дож. Мне званье капитана
Сохранено, а новый пост мне дан
В награду за бесчисленные шрамы
(Как соизволил он сказать). Кто б думал,
Что эта милость приведет меня
Беспомощным истцом к другому дожу
И по такому делу!..

Дож

Сильно ранен?

Израэль

Неизлечимо в отношении чести.

Дождь

Скажи, не бойся: уязвленный в сердце,
Какого б ты искал врагу возмездья?

Израэль

Назвать не смею, но добыюсь его.

Дождь

Чего же здесь ты ищешь?

Израэль

Правосудья.

Мой генерал стал дожем и не будет
Глядеть, как топчут старого солдата.
Сиди на троне дожа не Фальеро,
Я эту кровь другой бы кровью смыл.

Дождь

Ты правосудья ищешь у меня!
Его не в силах дождь венецианский
Ни дать, ни получить: лишь час назад
Торжественно мне отказали в нем.

Израэль

Как так, мой дождь?

Дождь

Приговорили Стено

В тюрьму, на месяц.

Израэль

Как? Того, кто смел

Ваш трон испачкать грязными словами,
Чья срамота для всех ушей ясна?

Дождь

Видать, и в арсенал дошел их отзвук,
В лад молоткам звуча добротной шуткой
Мастеровых или припевом к скрипу
Галерных весел в песне площадной

Любого каторжника, кто ликует,
Строфой веселой тешась, что не он —
Дож осрамленный, глупый старикашка!

Израэль

Возможно ль? Месячный арест, и только!
Для Стено!

Дож

Ты слышал про оскорбление;
Теперь ты знаешь кару. У меня ли
Искать защиты? К Сорока ступай.
Они, как видишь, Стено покарав,
Осудят, несомненно, и Барбаро.

Израэль

Ах, если б я посмел открыть вам чувства!..

Дож

Открой: меня уж оскорбить нельзя.

Израэль

Так вот: одно скажите слово — и
Свершится месть! Не за мою обиду
Пустую, за удар, хотя и подлый.
Ведь я ничто, — за низкое бесчестье,
Что *вы* как дождь и воин понесли.

Дож

Ты слишком пылок: власть моя — декорум;
Тиара — не корона; а наряд мой
Пробудит жалость, как тряпье бродяги;
Нет, больше: у того *свои* лохмотья,
А это — марьонетке одолжили,
Вся власть которой — этот горностай.

Израэль

Ты стал бы королем?

Дож

Да — у народа

Счастливого.

Израэль

Ты хочешь стать монархом

Венеции?

Д о ж

Да, разделив державу
С народом, чтоб вовек не быть рабами.
Разросшейся патрицианской гидры,
Чьи головы с отравленного тела
На всех нас дышат ядом и чумой!

И з р а э л ь

Ты сам патриций родом и карьерой...

Д о ж

Не в добрый час родясь! Мое рожденье
Стать помогло мне дожем — для обид;
А жизнь провел я как солдат, служа
Стране с ее народом, не Сенату,
Лишь в благе их награду чести видя.
В боях лил кровь я; войско вел к победам;
Вершил и рушил мир в посольствах частых,
Всем пользуясь для выгоды страны;
Я шесть десятков лет моря и земли
Браздил, на пользу родины трудясь —
Венеции, — и, видя издалика
Ее шпили над синевой лагуны,
Я счастлив был, что вновь я вижу их!
Но не для кучки малой, не для секты,
Не для сословья лил я кровь и пот.
Зачем — ты хочешь знать? У пеликана
Спроси, зачем он истекает кровью,
Грудь растерзав? Владей он речью, он бы
Ответил так: «Для всех моих птенцов!»

И з р а э л ь

Но знать взвела тебя на трон.

Д о ж

Взвела!

Я не просил. Я в цепи золотые
Попал, с посольством воротясь из Рима.
Не отклонял я прежде никакой
Работы или службы государству
И нынче, старец, не отверг поста,

По виду столь высокого, на деле ж
Презренного, коль тягости учесть.
Что это так, ты сам, мой бедный, видишь.
Коль нам с тобой защиты нет во мне.

Израэль

Обоим есть она, лишь пожелайте,
И тысячам таких же угнетенных,
Сигнала ждущих. Дать его согласны?

Дожд

Что за загадки?

Израэль

Их, рискуя жизнью,
Я разъясню; но удостойте слушать
Внимательно.

Дожд

Я слушаю.

Израэль

Не только
Я или вы гнет унижений терпим,
Не нас одних ногами топчут: стонет
Весь наш народ, обиды осознав.
Наемные войска сплошь недовольны:
Им жалованье задержал Сенат;
А наши моряки и ополченцы
С друзьями плачут: мало кто найдется,
Чьи брат, отец, дитя, жена, сестра
Не стали жертвой гнусного насилия
Патрициев. А вечная война
С далекой Генуей, питаюсь кровью
Плебеев нищих, золотом, что жмут
Из их прибытков, их не бесит разве?
Еще теперь... Но я забыл: быть может,
Я, все сказав, обрек себя на смерть?

Дожд

Так исстрадавшись, ты боишься смерти?
Тогда молчи; живи, снося побои
Тех, за кого ты пролил кровь.

Израэль

О нет,
Скажу я все, что б ни было! Но если
Венецианский дож — доносчик, стыд
И срам ему! Он потеряет больше,
Чем я.

Дожд

Меня не бойся. Продолжай.

Израэль

Так знай, что есть скрепленный клятвой тайной
Союз друзей, отважных, верных братьев,
Изведавших все беды и о судьбах
Венеции скорбящих. И по праву:
Они служили ей во всех краях
И, разгромив врагов иноплеменных,
От внутренних ее хотят спасти.
Немного нас, но и не слишком мало
Для славной цели. Есть оружие, средства,
Надежда, храбрость, вера и терпенье.

Дожд

Чего вы ждете?

Израэль

Часа, чтобы грянуть.

Дожд

(в сторону)

Он с колокольни Марка грянет — час!..

Израэль

Вот: жизнь моя, и честь, и все надежды —
В твоих руках, но твердо убежден я,
Что если общи корни у обид,
То общей быть должна и месть. Коль прав я,
Будь нам теперь вождем, потом — монархом.

Дожд

А сколько вас?

Израэль

Сначала ты ответь,

А после я,

Д о ж

Вы что, синьор? Грозите?

И з р а э л ь

Нет, заявляю. Сам себя я предал;
Но в тайниках дворцовых и подвалах,
В ужасных клетках «под свинцовой кровлей»
Нет пыток тех, которые могли бы
Хоть слово, слово вырвать у меня!
«Колодцы» ваши и «свинцы» бессильны;
Кровь у меня там выжмут, не измену;
По Мосту вздохов страшному пройду,
Ликуя, что последний стон мой будет
Последним эхо над волною Стикса,
Текущего меж палачом и жертвой,
Между темницей и дворцом... Найдутся
Живые — думать обо мне и мстить!

Д о ж

С такими планами и властью — что же
Ты о защите просишь? Сам добиться
Ты можешь правды.

И з р а э л ь

Объясню я: тот,
Кто просит покровительства у власти,
Тем проявив доверье и покорность,
Едва ли будет заподозрен в тайных
Намереньях разрушить эту власть.
Когда б смиренно я стерпел побои,
То вид угрюмый мой и брань сквозь зубы
Приметили б шпионы Сорока.
А с громкой жалобой, хотя б и резкой
По выраженьям, я ничуть не страшен,
Не подозрителен. Но, впрочем, есть
Еще причина...

Д о ж

Именно?

И з р а э л ь

Я слышал,
Что дож безмерно возмущен решением
Авогадоров, передавших дело
Микеле Стено на разбор в Совет.

Я вам служил, я чту вас — и глубоко
Почувствовал, какая в той обиде
Опасность: вы из тех людей, кто платят
Сторицей за добро и зло. Решил я
Проверить вас и к мести подстрекнуть.
Я все сказал. Что я не лгу — порукой
Мой риск.

Д о ж

Ты, правда, многим рисковал;
Но так и надо — ради крупной ставки.
Скажу одно: твоей не выдам тайны.

И з р а э л ь

И это все?

Д о ж

Не зная дела глубже,
Что я отвечу?

И з р а э л ь

Думаю, что можно
Довериться тому, кто жизнь доверил.

Д о ж

В чем план ваш, кто вы, сколько вас — я должен
Узнать; число удвоить можно, план же —
Точней продумать.

И з р а э л ь

Нас уже довольно;
В союзники нам нужно только вас.

Д о ж

Но хоть вождей представь мне.

И з р а э л ь

Я представлю,
Лишь клятву получив в залог за тайну,
Которую мы вам в залог дадим.

Д о ж

Когда и где?

Израэль

Сюда, сегодня ночью,
Двух привести могу я главарей;
Опасно больше.

До ж

Стой; подумать нужно.
А если я приду к вам из дворца,
Доверясь вам?

Израэль

Извольте, но — один.

До ж

С племянником.

Израэль

Ни с кем! Ни даже с сыном!

До ж

Зверь! Сына смел назвать! Под Сапиенцей
За родину коварную он пал!..
О, будь он жив, а я в гробу! Иль лучше
Воскресни он, пока не стал я прахом!
На помощь я не звал бы незнакомцев
Сомнительных!..

Израэль

Но эти незнакомцы
Все на тебя глядят с сыновним чувством,
И сам ты им доверься, как отец!

До ж

Ну, жребий брошен!.. Где назначим встречу?

Израэль

Я в полночь, в маске, буду там, где ваше
Высочество велите ждать мне вас,
Оттуда мы пройдем в другое место,
Где вам присягу принесут и вы
О наших планах выскажетесь.

До ж

Поздно

Израэль

Луна восходит?

Да, но небо тускло,
Мгла, пыль: сирокко дует.

Дожд

Значит, в полночь,
Близ церкви, где мои почивают предки,
Ты знаешь церковь Иоанна-Павла
Апостолов; вблизи, в канале узком,
Найдешь одновесельную гондолу.
Жди там.

Израэль

Я буду там.

Дожд

Теперь ступай.

Израэль

Уверен я, что герцог не отступит
В решение славном. Я иду, мой дож.
(Уходит.)

Дожд

Так: в полночь к церкви Иоанна-Павла,
К могилам предков честных я приду...
Зачем?! Держать ночной совет с кружком
Смутянов цизикх, главарей крамолы.
И деды не покинут ли гробницу,
Где, до меня, легли уже два дождя,
Чтоб к ним столкнуть меня? Ах, если б так!
Меж чистыми и я почил бы чистым!
Увы! Не к ним — к другим лечу я мыслью,
Мне имя запятнавшим — то, что славой
Равно с любым из консульских имен
На римских мраморах! Но древний блеск
Ему верну в анналах я — всем подлым
В Венеции с восторгом отомстив
И дав другим свободу! Или черным
Его оставляю клевете веков,
Что вечно беспощадны к побежденным
И Цезаря и Катилину мерят,
Взяв пробным камнем доблести — успех!

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната во Дворце дожей.
А н д ж о л и н а (жена дожа) и М а р и а н н а.

А н д ж о л и н а

И дож ответил?..

М а р и а н н а

Что он срочно вызван
На заседание. Но оно, должно быть,
Закончено: я видела недавно
Сенаторов, садившихся в гондолы;
Да вон последняя из них скользит
Меж барками, столпившимися тесно
В сверканье вод.

А н д ж о л и н а

О, если б он вернулся!
Он очень был расстроен в эти дни;
Года, безвластные над гордым духом,
Не властны даже и над плотью смертной,
Что, кажется, в душе находит пищу,
В душе столь быстрой и живой, что вряд ли
Прах послабее вынес бы. Но годы
Не властны и над горем, над обидой.
Обычно у людей его закала
Гнев и тоска при первой страстной вспышке
Развеиваются, а в нем навеки
Все остается. Мысли, чувства, страсти,
Дурные и хорошие, ничуть
Не дышат старостью. На лбу открытом
Рубцы раздумий — мысли многолетней,
Не дряхлости. В последние же дни
Как никогда взволнован он. Скорей бы
Он возвращался! Я одна умею
Влиять на дух его смятенный.

М а р и а н н а

Верно.

Его высочество разгневан страшно
Бесстыдством Стено, что вполне понятно.
Но нет сомненья, что уже обидчик

Приговорен за свой поступок наглый
К суровой каре — и отныне будет
Честь женщины и знатность крови чтить!

А н д ж о л и н а

Да, оскорбление тяжко; но меня
Не клевета, столь грубая, тревожит,
А потрясенье, вызванное этим
В душе Фальеро, пламенной, и гордой,
И строгой... да, ко всем, за исключением
Одной меня. И я дрожу при мысли
О том, что будет.

М а р и а н н а

Несомненно, дож
Подозревать не может вас.

А н д ж о л и н а

Меня?!

И Стено не дерзнул! Когда, пробравшись
Как вор, в мерцанье лунном он на троне
Ложь нацарапывал свою, то совесть
Его терзала, тени на стенах
Стыдились клеветы его трусливой!

М а р и а н н а

Его бы круто проучить!

А н д ж о л и н а

Проучен.

М а р и а н н а

Как? Есть уже решение? Осудили?

А н д ж о л и н а

Я знаю то, что он изобличен.

М а р и а н н а

И в этом все возмездье для мерзавца?

А н д ж о л и н а

Мне трудно быть судьей в своем же деле
И угадать, какою карой можно
Воздействовать на дух развратный Стено;

Но если суд не глубже потрясен,
Чем я, презренной клеветой этой —
Винového отпустят на свободу
Влачить свое бесстыдство или стыд.

М а р и а н н а

А жертва за поруганную честь?

А н д ж о л и н а

Та честь плоха, которой нужны жертвы,
Которая зависит от молвы.
«Она лишь имя», — римлянин пред смертью
Сказал; и верно, если шепот может
Ее создать и погубить.

М а р и а н н а

Но сколько
Вернейших жен глубоко б оскорбились
Таким злословьем! Дамы ж подступней
(В Венеции их много) завопили б,
Неумолимо требуя суда!

А н д ж о л и н а

Они бы этим доказали только,
Что слово ценят, а не свойство. Первым
Не так легко сберечь невинность, если
Ей нужен ореол; а потерявшим —
Лишь видимость невинности нужна,
Как нужны украшения и наряды,
А не сама она; им важно мнение,
Им хочется, чтоб верили в их честь,
Как хочется красивыми казаться.

М а р и а н н а

Для знатной дамы странны эти мысли.

А н д ж о л и н а

Их мне отец внушил; они да имя —
Вот все наследство.

М а р и а н н а

Нужно ль вам наследство —
Жене главы Республики и князя?

А н д ж о л и н а

Будь я за мужиком — и то другого б
Я не ждала, полна к отцу любовью
И благодарностью за то, что руку
Мою он отдал другу своему
Старинному — Валь-ди-Марино графу
И ныне — дожу.

М а р и а н н а

Руку — но и сердце?

А н д ж о л и н а

Одно не отдается без другого.

М а р и а н н а

Но столь большая разница в годах
И — доскажу — в характерах несходство
Сомненья вызывают в людях: вправду ль
Такой разумен брак и счастье прочно?

А н д ж о л и н а

По людям люди судят; я же сердцем
Покорна долгу; он многообразен,
Но не тяжел.

М а р и а н н а

Вы любите Фальеро?

А н д ж о л и н а

Все то люблю я, что любви достойно
И благородно. Я отца любила:
Он научил меня распознавать,
Что следует любить и как беречь
Порывы лучшие натуры нашей
От низкой страсти. Руку он мою
Фальеро отдал, зная, что он храбр,
Великодушен, благороден — истый
Солдат, и гражданин, и друг. Все это
В нём есть — отец был прав. А недостатки
В нём те, что свойственны высоким душам,
Повелевать привыкшим. Горд он очень;
В нём пыл страстей неукротимых — плод
Патрицианства и тревожной жизни
Политика и воина. В нём остро

И чувство чести; в должных рамках это —
Достоинство, а вне границ — порок;
И этого боюсь я в нем. Он крайне
Был вспыльчив прежде; этот недостаток
Настолько был обуздан благородством,
Что робкая Республика вручала
Ему всегда важнейший пост — от первых
Боев и до последнего посольства,
Откуда к нам вернулся дожем он.

М а р и а н н а

А прежде брака — неужели сердце
Для юного красавца не забилося
Ни разу, для того, кто парой стал бы
Красавице, как вы? Ни разу после
Не встретился такой, кому могла бы
Дочь Лоредано, будь она свободна,
Женою стать?

А н д ж о л и н а

На первый ваш вопрос
Ответ — мой брак.

М а р и а н н а

А на второй?

А н д ж о л и н а

Не нужен
Ответ.

М а р и а н н а

Прошу простить; не обижайтесь.

А н д ж о л и н а

Я не в обиде, я удивлена:
Как может сердце, связанное браком,
Гадать, кого б оно *теперь* избрало,
Забыть свой первый выбор?

М а р и а н н а

Первый выбор
Как раз внушает мысль порой, что можно б
Разумней выбрать, воротись былое.

А н д ж о л и н а

Возможно. Мне такие мысли чужды.

М а р и а н н а

Смотрите: дож. Уйти мне?

А н д ж о л и н а

Да, пожалуй,
Так лучше; он, по-видимому, в мысли
Ушел глубоко... Так задумчив он!

Марианна уходит. Входят дож и Пьетро.

Д о ж
(в раздумье)

Есть в арсенале некий Календаро
Филиппо; восемьдесят человек
В его команде, и большим влияньем
На них он пользуется. Он, я слышал,
Смел, дерзок и отважен; популярен
И сдержан в то же время. Хорошо бы
Его привлечь. Почти уверен я,
Что Израэль Бертуччо сделал это,
Но следует...

П ь е т р о

Простите, государь,
Что вас я прерываю; но сенатор
Бертуччо, ваш племянник, поручил мне
Соизволенья попросить у вас.
Ему назначить время для беседы.

Д о ж
Пусть на закате... стой: соображу...
Нет; передай,— в два ночи.

Пьетро уходит.

А н д ж о л и н а

Государь мой!

Д о ж

Прости, родная! Что ж не подошла ты,
Дитя мое? Тебя я не заметил.

А н д ж о л и н а

Вы размышляли. И притом ушедший
Ваш офицер, возможно, с важной вестью
Явился от Сената.

Д о ж

От Сената?

А н д ж о л и н а

Как мне мешать посланцу и Сенату?
Они вам служат.

Д о ж

Мне — Сенат?! Ошибка!
Ведь это мы Сенату служим все.

А н д ж о л и н а

Венецией не герцог разве правит?

Д о ж

Он будет править. Но оставим. Темы
Есть веселей. Как чувствуешь себя?
Гуляла? Нынче пасмурно, но тихо;
Веслом легко работать гондольеру.
Или подруг ты принимала? Или
За музыкой все утро провела
Одна? Скажи: чего бы ты хотела,
Что дать еще способен дож безвластный?
Немного блеска? Развлечений скромных
На людях или дома? Сердцу скрасить
Унынье дней, потраченных на мужа,
Столь старого и занятого столь.
Скажи — все будет.

А н д ж о л и н а

Вы всегда добры;
Но нечего просить мне и желать —
Лишь видеть вас почаще и — спокойным.

Д о ж

Спокойным?

А н д ж о л и н а

Да, мой добрый дож! Зачем вы,
Всех сторонясь, блуждаете один?
У вас на лбу печать суровой думы,
И если разгадать ее нельзя,
То все же видно...

Д о ж

Все же видно? Что же?
Что видно в ней?

А н д ж о л и н а

Что сердце беспокойно.

Д о ж

Но это вздор, дитя! Забот вседневных,
Ты знаешь, очень много у того,
Кто правит шатким этим государством.
Нам Генуя грозит извне; внутри —
Есть недовольство; вот я и задумчив,
И менее спокоен, чем всегда.

А н д ж о л и н а

Но эти же причины были прежде,
А были вы тогда не тот, что нынче.
Простите мне, но в сердце вашем тяжесть
Иная, чем заботы о стране.
Для опыта и дарований ваших
Легки заботы; нет — необходимы,
Ум охраняя от застоя. Вас ли
Взволнуют вражьи козни и опасность?
Вас, кто вовек пред бурей не склонялся,
Кто восходил, ни разу не споткнувшись,
К вершинам власти — и достиг вершин,
И, стоя там, глядел спокойно в бездны,
Не ощущая головокруженья?!
Пусть в порт ворвется генуэзский флот
Или мятеж плеснет на площадь Марка —
Не дрогнете. А если пасть придется,
То — как и перед битвой — с ясным лбом!
Теперь — другого рода ваши чувства;
Страдает гордость, не патриотизм.

Д о ж

Увы! Я гордость утерял: лишили!

А н д ж о л и н а

Да, гордость — грех, что ангелов низверг.
Ему всех легче поддается смертный,
Кто с ангелами схож природой духа:
Тщеславен низкий; лишь великий горд.

Д о ж

Был гордым я *твоею* честью, гордость
Храня в душе. Но — перестань об этом.

А н д ж о л и н а

Ах нет! Всегда доля со мною радость,
Позвольте мне участвовать и в ваших
Печалях. Я ведь никогда ни слова
О ваших государственных делах
Не спрашивала. Но теперь, я знаю,
У вас тревога личная. Позвольте ж
Мне облегчить иль разделить ее.
С тех пор как Стено вам злословьем глупым
Смутил покой, вы крайне изменились;
Хочу смягчить вас, чтоб вы стали прежним.

Д о ж

Стал прежним?! Знаешь приговор для Стено?

А н д ж о л и н а

Нет.

Д о ж

Под арест на месяц.

А н д ж о л и н а

Разве мало?

Д о ж

Не мало! для галерника, кто спяну
Под плетью на хозяина ворчит;
Но не для хама, кто с расчетом мерзким
Пятнает честь и женщины и князя,
И где? на троне! на твердые власти!

А н д ж о л и н а

По-моему, довольно, что патриций
Изобличен во лжи и клевете;
Потеря чести — хуже наказания.

Д о ж

Но у таких нет чести! Только жизнь
Презренная! Но суд не отнял жизни!

А н д ж о л и н а

Не смерти ж вы хотите за обиду.

Д о ж

О нет — *теперь*; пускай живет, покуда
Он *жив*; на смерть утратил он права!
Его прощенье — приговор для судей:
Теперь он чист, вина легла — на них.

А н д ж о л и н а

О, поплатись безумный этот лгун
За вздорный пасквиль кровью молодою —
Душа моя ни радости не знала б,
Ни сна без тяжких сновидений.

Д о ж

Разве

Суд неба не назначил кровь за кровь?
А клеветник — он более убийца,
Чем льющий кровь. *Боль* или *позор* удара
Смертельной ранит чувство человека?
Людской закон за честь не кровью ль платит,
И не за честь — за меньшее, за деньги?
Кровь за измену — не закон ли наций?
Ужель ничто — наполнить ядом жилы,
Где кровь текла здоровая? Ничто —
Тебе и мне обрызгать грязью имя
Столь чистое? Ничто — унижить князя
Перед лицом народа? Уронить
Почтение то, с каким взирают люди
На юность женщин и мужскую старость?
На вашу честь и наше благородство?
Об этом пусть бы кроткий суд подумал!

А н д ж о л и н а

Бог нам велит прощать своих врагов.

Д о ж

А бог *своих* простил? Не прёклял разве
Он сатану?

А н д ж о л и н а

Не нужно слов безумных!
Господь равно простит и вас, и ваших
Врагов.

Д о ж

Аминь! Прости им бог.

А н д ж о л и н а

А вы?

Д о ж

И я, когда на небе встречусь.

А н д ж о л и н а

Только?

Д о ж

Что им мое прощенье? Дряхлый старец;
Унижен, презрен, высмеян... Что им
Мое прощенье или гнев мой? Оба
Равно ничтожны... Слишком долго жил я...
Но бросим это... Ах, дитя мое!
Дочь Лоредано храброго, жена
Моя обиженная! Ах, не думал
Отец твой, дочь за друга выдавая,
Что сраму предает ее! Увы!
Срам без вины, срам — беспорочный! Если б
Твоим супругом был другой, *любой*,
Не дож венецианский, — эта мерзость,
Позор и грязь не пали б на тебя!
Столь юной быть, прекрасной, доброй, чистой
И так страдать! И мщенья не найти!

А н д ж о л и н а

Но я отомщена любовью вашей,
Доверьем, уваженьем. Знают все,
Что чисты вы, что я верна. Чего ж мне
Еще желать, вам — требовать?

Д о ж

Могло бы
Все лучше быть. Но, что бы ни случилось,
Останься доброй к памяти моей.

А н д ж о л и н а

К чему вы это говорите?

Д о ж

Так...

Твое, коль не людское, уваженье
Хочу хранить и мертвый, как живой.

А н д ж о л и н а

Что за сомненья? Разве я не чту вас?

Д о ж

Поди сюда и выслушай, дитя.
Отец твой был мне друг. Случайно стал он
Обязан мне за некие услуги,
Скрепляющие дружбу честных. После,
На смертном ложе, нашего союза
Он пожелал — но вовсе не платя мне:
Со мной давно расцелся дружбой он.
Нет! Красоте твоей осиротелой
Хотел он дать убежище от бед,
Что здесь, в гнезде порока скорпионьем,
Бездомной бесприданнице грозят.
Не стал я спорить, ибо с этой мыслью
Встречал он легче свой последний миг.

А н д ж о л и н а

Мне не забыть вопрос ваш благородный,
Не чувствую ли в юном сердце склонность
К другому, с кем счастливей быть могла б;
А предложение ваше о приданом,
Завидном для любой венецианки?
А ваш отказ от прав, отцом врученных?

Д о ж

Да, не был то каприз безумный старца,
Порыв обманный дряхлого желанья,
Алкающего красоты девичьей,
Невесты юной. Страсти я смирял

И в молодости огненной; и старость
Не пожрана проказой сладострастья,
Пятнающей седины у развратных,
Веля им пить последние подонки
Восторгов, изменивших им давно,
Иль покупать себе жену-рабыню,
Бессильную отвергнуть эту честь,
Но чувствующую себя несчастной.
Наш брак иной: тебе свободный выбор
Я предоставил; ты же — подтвердила
Отцовский.

А н д ж о л и н а

Да! И подтвердила б так же
Пред небом и землей! И не пришлось мне
Жалеть себя; но вас порою — да:
При виде ваших горестей последних.

Д о ж

Я знал, что я с тобой суров не буду;
Я знал, что мне тебя томить недолго;
Что скоро дочь любимого мной друга,
Достойная отца — умна, богата, —
В расцвете полном женственности, будет
Свободна вновь для выбора, пройдя
Чрез годы испытанья умудренной.
Последовав мой титул и богатства,
Ценой епитимьи не очень долгой
Со старым мужем, не боясь ни кляуз
Судейских, ни завистливой родни,
Она, дочь друга старого, сумеет
Найти того, кто по годам ей ближе,
А верным сердцем предан так, как я.

А н д ж о л и н а

Мой государь! Я лишь отцовской воле,
Его предсмертным словом освященной,
Да сердцу внемлю, выполняя долг
И верностью супругу отвечая.
Надежд надменных я чужда; приди он,
Ваш смертный час, — я это докажу.

Д о ж

Я верю, зная искренность твою...
Любовь же из романов я считал

И в юности иллюзией — непрочной
И часто роковой. Я в самых страстных
Моих годах приманки в ней не видел,
Коль есть любовь такая, — и не вижу.
Но уважение, нежное внимание,
Забота о твоём благополучье,
Уступчивость желаниям невинным,
Содействие достоинствам, незримый
Надзор за недостатками пустыми,
Что юности присущи, — осторожный,
Не резкий, чтобы, исправляясь, ты
Самой себе приписывала выбор;
Доверье, дружба, ласковость и гордость
Не красотой твоей, а поведением,
Любовь отца, а не безумье страсти —
Вот чем я думал заслужить твою
Привязанность.

А н д ж о л и н а

Она всегда была.

Д о ж

Да, верно. Видя разницу в годах,
Ты все ж меня избрала. Верил я
Отнюдь не внутренним моим иль внешним
Достоинствам, — я им не доверял бы
И в двадцать пять, не в восемьдесят лет, —
Я верил чистой крови Лоредано,
В тебе текущей, и твоей душе,
Творенью бога, истинам отцовским,
Усвоенным тобою, вере, чести
И честности — им верил, как своим!

А н д ж о л и н а

Вы были правы; я вам благодарна
За эту веру: с ней все больше крепнет
Почтение к вам.

Д о ж

Где чувство чести есть
Врожденное и с детства развитое,
Там брак — скала; где нет его — где мысли
Приманок ищут, жажда удовольствий
Ничтожных глохнет сердце или похоть

В нем корчится, — я знаю хорошо:
Там нечего мечтать о чистом чувстве;
Нет чистоты, коль кровь заражена,
Хотя бы муж всем отвечал желаньям;
Будь он мечтой поэта воплощенной
Иль в мраморе изваянной красой,
Будь полубогом, будь Алкидом в полном
Величье мужественности — бесплодно:
Пустое сердце не привяжет он.
Лишь добродетель создает браки:
Изменчив грех, невинность неизменна.
Одно паденье — навсегда паденье:
Разнообразья ждет порок, но солнцем
Стоит невинность, жизнь, и свет, и славу
Даруя всем, кто на нее глядит.

А н д ж о л и н а

Так чутко, зорко разбираясь в людях,
Зачем, простите, весь вы отдаетесь
Ужаснейшей из роковых страстей,
Смущая мысли ненавистью стойкой
К ничтожнейшему Стено?

Д о ж

Ты ошиблась.

Я возмущен не Стено; если б им —
Давно бы он... Но нет, оставим это.

А н д ж о л и н а

Но что же так волнует вас теперь?

Д о ж

Венеции поруганная слава,
Где попраны закон и государь.

А н д ж о л и н а

Ах, но зачем смотреть на дело так?

Д о ж

Не так смотрел я до тех пор. Позволь
Договорить мне... Взвесив это все,
Женился я. Никто не осудил
Намерений моих: мой образ действий

Их оправдал, а твой — был выше всяких
Похвал. Я и родня тебя дарили
Свободой, уважением и доверьем.
Дочь рода, нам дававшего князей,
Свергавшего чужих князей, была ты
Вполне достойна первой стать из дам
Венеции.

А н д ж о л и н а

К чему ведете вы?

Д о ж

К тому, что негодяйдохнул заразой
На это все, — разнузданный тот хам,
Кого средь пира вывести велел я
За безобразие, чтобы впредь умел
Себя вести он в герцогских покоях!
И негодяй на стенке след оставил —
Зловредный яд обугленного сердца,
И тот разлился общею отравой,
И честь жены и мужа в гнусной шутке
Трепали все! И дважды негодяй
(Кто оскорбил уже девичью скромность
Бесстыдством в отношении свиты юной
Твоей — в присутствии знатнейших дам)
За то, что был — и по заслугам — выгнан,
Мстит, очернив супругу суверена, —
И правый суд его друзей не видит,
В чем тут вина!

А н д ж о л и н а

Но ведь ему — тюрьма.

Д о ж

Тюрьма таким — замена оправдания,
А он отбудет смехотворный срок
В своем дворце. Но с ним покончил я.
Теперь с тобой.

А н д ж о л и н а

Со мной, мой государь?

Д о ж

Да, Анджолина. Ты не удивляйся:
Я медлил с этой тягостью, но чую:

Мне жить недолго. Надо, чтобы ты
Усвоила наказ мой; в этом свитке
Найдешь его.

(Вручает ей бумагу.)

Не бойся: все на пользу
Тебе. Потом, в удобный час, прочтешь.

А н д ж о л и н а

Мой государь! Живым и мертвым вас
Я буду чтить. Но пусть подольше длятся
Дни ваши — и счастливей, чем теперь!
Гнев стихнет, вновь вы станете спокойным,
Каким вам должно быть, каким вы были.

Д о ж

Я стану тем, кем должен, — иль ничем!
В те дни или часы, что остаются
Для оскверненной старости Фальеро,
Не озарится благостным покоем
Его закат! И отсветы былого,
Небесполезной, небесславной жизни,
Смягчающие приближение ночи,
Мой смертный час уже не усладят.
Чего желать мне? Лишь оценки должной
Всей крови той, и пота, и трудов
Душевных, мной затраченных во славу
Моей страны. Ее слугой — слугой,
Хоть я и вождь, — сойти к моим отцам
Хотел я с именем таким же светлым,
Как и у них. Мне отказали в этом!
Погибнуть бы под Зарой!

А н д ж о л и н а

Там спасли вы
Страну. Живите — и спасете вновь.
Второй подобный день ей будет лучшим
Упреком и — отмщением для вас.

Д о ж

Подобный день бывает раз в сто лет;
Немногим меньше прожил я; фортуне
Достаточно *однажды* мне послать
То, что она дарит любимцам редким
В немногих странах, и не каждый год.

Но что болтать? Венеция забыла
День тот, и мне пора забыть. Прощай,
Голубка Анджолина: в кабинете
Ждет много дела, а часы бегут.

А н д ж о л и н а

Но помните, кем были вы.

Д о ж

Не стоит!

Припомнив радость — радость не продолжишь,
А вспомнив горе — воскресишь его.

А н д ж о л и н а

Еще: как вы ни заняты, молю вас
Для отдыха минуту отыскать, —
Вы так тревожно в эти ночи спали,
Что вас нередко я будить хотела,
Но не решалась, веря, что природа
Осилит мысли, мучившие вас.
Час отдохнув, к работе вы вернетесь
Со свежей силой, с ясной головой.

Д о ж

Спать не могу я — и нельзя, хоть мог бы;
Как никогда быть начеку я должен.
Но — несколько еще ночей бессонных,
И славно я усну, но где?.. Неважно!
Прощай, мой друг.

А н д ж о л и н а

Позвольте мне минутку

Побыть близ вас, всего минутку! Я
Вас не могу таким оставить.

Д о ж

Что же,

Пойдем, дитя; прости мне; создана ты
Для лучшей доли, чем делить мою,
Что меркнет нынче в глубине долины,
Где смерть сидит в плаще из тьмы всесильной.
Когда уйду я (может быть, скорей,
Чем даже годы указуют, ибо
Кругом, внутри и вне идет брожение,

Грозящее так населить кладбища,
Как ни война не в силах, ни чума),
Когда *ничем* я стану, пусть хоть имя
Того, чем *был* я, с нежных губ твоих
Слетит порой, в душе возникнув тенью
Того, кто просит памяти,— не слез!..
Идем, дитя, идем. Дела не терпят.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Уединенное место близ арсенала.

Израэль Бертулло и Филиппо Календаро.

К а л е н д а р о

Ну, Израэль, как жалоба? успешно?

И з р а э л ь

Вполне.

К а л е н д а р о

Возможно ли! Его накажут?

И з р а э л ь

О да.

К а л е н д а р о

Арестом или штрафом?

И з р а э л ь

Смертью.

К а л е н д а р о

Ты бредишь, или мстить решил
Своей рукой, по моему совету.

И з р а э л ь

Да, на глоток, хотя и сладкой, мести
Сменить мечту великого возмездья
За родину? Надежды — на изгнание?
Смяв одного, ста скорпионам дать
Мои друзей язвить, родных, сограждан?!
Нет, Календаро! Капли этой крови,
Бесславно пролитой, он всею кровью

Своей искупит — и не он один!
Мсть наша не за личную обиду:
Так себялюбцы мстят или безумцы,
Но не борцы с кровавой тиранией.

К а л е н д а р о

Ну, мне таким терпеньем не хвалиться.
Будь я свидетелем твоей обиды,
Я б наглеца убил, не то задохся б
В усилиях тщетных бешенство сдержать!

И з р а э л ь

Спаси господь! Тогда бы все пропало;
Теперь же дело двинется.

К а л е н д а р о

У дожа

Ты был; что он сказал?

И з р а э л ь

Что на Барбаро

И на ему подобных нет управы.

К а л е н д а р о

Я ж говорил: не допроситься правды
Из этих рук.

И з р а э л ь

Но просьбы укрепляют

Доверие, отводят подозренья.

Смолчи я — каждый сбир за мной следил бы,
Решив, что я задумал втайне мсть
Безмолвную и мрачную.

К а л е н д а р о

А что бы

Тебе к Совету обратиться? Дож —

Простая кукла: он своих не может

Добиться прав. Зачем к нему ходил ты?

И з р а э л ь

Потом скажу.

К а л е н д а р о

Что ж не теперь?

Израэль

Потерпишь

До полночи. Проверь своих людей
И всем друзьям вели собрать отряды:
Удар, возможно, нанести придется
В ближайшие часы. Мы долго ждали
Удобного мгновенья, и его,
Быть может, завтра солнце нам укажет:
Вдвойне опасно дольше медлить. Пусть
Все точно явятся на сборный пункт
И при оружьи, исключая тех
Среди шестнадцати, кто ждать сигнала
С бойцами будут.

Календаро

Это — речь! С ней в жилы

Мне снова жизнь влилась! От совещаний
Да проволочек я устал. Проходят
За днями дни, все прибавляя звеньев
Оковам нашим тяжким и обид
Все новых — нам самим и нашим братьям,
И новых сил — тиранам нашим наглым.
Ударить бы на них, и — будь что будет,
Неважно мне, — свобода или смерть!
Я изнемог, одной из двух заждавшись!

Израэль

Свободны будем — в жизни или в смерти:
Цепей в могиле нет... Готовы списки?
В шестнадцати дружинах наших точно
По шестьдесят бойцов?

Календаро

Неполны две:

По двадцати пяти нехватка в каждой.

Израэль

Что ж, обойдемся. Кто их командиры?

Календаро

Старик Соранцо и Бертрам. И оба,
Сдается, в бой не рвутся, не как мы.

Израэль

Твой пылкий нрав за холод принимает
Спокойствие: но в собранной душе
Порой отваги больше, чем в крикливом
Мятежнике. Не сомневайся в них.

Календаро

Я в старике уверен, но Бертрам...
Он вял и мягок, что весьма опасно
В таких делах, как наше. Он, я видел,
Как мальчик плакал над чужой бедой,
Пренебрегая собственной, сильнейшей.
Ему в недавней драке стало дурно
При виде крови, пущенной мерзавцу.

Израэль

У храбрых часто нежны взор и сердце,
И больно им кровавый долг свершать.
Бертрама знаю я давно — и редко
Встречал людей честнее.

Календаро

Может быть!

Но слабости боюсь я — не измены;
Но так как ни подруги, ни жены
Нет у него, чтоб действовать на жалость.
Он выстоит, пожалуй. К счастью, он —
Бобыль и дружит только с нами. Дети
Или жена с собой его сравнивали б
В решимости.

Израэль

Подобная обуза

Не для людей с высоким назначеньем
Республику очистить от гнилья.
Наш долг — забыть для *одного* все чувства,
Наш долг — все страсти гнать во имя цели,
Наш долг — смотреть лишь на страну родную,
И смерть считать прекрасною — наш долг,
Коль жертва наша к небу вознесется
И в мир свободу вечную сведет!

К а л е н д а р о

Но если гибель...

И з р а э л ь

В смерти за идею

Нет гибели! Пусть плаха выпьет кровь,
Пусть головы на солнце сохнут, руки
Повиснут пусть на башнях и вратах —
Дух будет реять здесь! Минуют годы,
Других постигнет тот же черный рок,
Но будет мысль расти неудержимо,
Глубокая, и, сокрушив иные,
Мир приведет к свободе наконец!
Кем были б мы без Брута? Он погиб
За вольность Рима, но пример бессмертный
Оставил — имя, символ чистоты,
И душу, воскресающую всюду,
Всегда, лишь деспот власть возьмет и рабство
Плодит. Он с другом заслужили славу
Последних римлян. Так начнем же род
Венецианцев истых, внуков Рима!

К а л е н д а р о

Не с тем бежали предки от Аттилы
На илистые эти острова,
Где строй дворцов отбил у моря топи,
Чтоб одного сменить на сто тиранов.
Уж лучше гунну кланяться, не этим
Раздутым шелковичным червякам!
Гунн был хоть муж и меч держал, как скипетр.
А эти черви женственные власть
Над нами и над войском держат словом,
Волшбой какой-то.

И з р а э л ь

Мы волшбу разгоним —

И скоро!.. Говоришь ты, все готово?
Обычного обхода я не делал,
Ты знаешь почему; но твой дозор
Мою заботу заменил, конечно,
Советом отданный приказ — ускорить
Ремонт галер — прекрасным был предложением
Ввести побольше наших в арсенал

Как новых мастеров по снаряжению
И новобранцев, набранных поспешно
В матросы. Все ли снабжены оружием?

К а л е н д а р о

Все, кто внушал доверье. А другие
Пусть подождут в неведении, пока мы
Не грянем. Вот тогда — вооружу их.
В пылу и спешке некогда им будет
Раздумывать — придется уж примкнуть
К товарищам.

И з р а э л ь

Ты правильно решил.
Всех ты заметил этих?

К а л е н д а р о

Да; учел я
Немало и начальникам дружинным
Предосторожность эту предписал.
Насколько вижу, сил у нас довольно,
Чтоб вышло дело, коль начнем не позже
Чем завтра. До начала — каждый час
Нам тысячью опасностей грозит.

И з р а э л ь

В обычный час всех собери шестнадцать,
За исключением Николетто Блондо,
Соранцо, Марко Джудо. Эти трое
Пусть в арсенале смотрят за порядком,
Пока дадим условленный сигнал.

К а л е н д а р о

Исполним.

И з р а э л ь

Прочим — быть вели где нужно.
Я должен им представить новичка.

К а л е н д а р о

Что? Новичок? Он тайну знает?

И з р а э л ь

Да.

К а л е н д а р о

И ты рискнул доверить жизнь друзей
Чужому, незнакомцу? Безрассудство!

И з р а э л ь

Я рисковал одной моею жизнью,
Уверен будь. А помощь незнакомца
Удвоить может нашу безопасность.
Коль согласится он. А коль отступит —
Он в нашей власти: мы придем вдвоем;
Не ускользнет. Да он и не отступит.

К а л е н д а р о

Смогу судить, лишь повидав его.
Он что — из наших?

И з р а э л ь

Да, по духу — наш.
Хоть родом знатен. Он из тех, кто может
Взойти на трон или низвергнуть трон;
Кто подвиги свершал и видел много
Превратностей; не деспот, хоть и вскормлен
Для деспотии; смел в бою и мудр
В совете; благороден, хоть надменен.
Скор, сдержан. Но притом столь полон страсти,
Что если оскорбить его в заветном,
В нежнейшем чувстве (что и было с ним),
То и у греков не найдешь тех фурий,
Какие грудь ему каленым когтем
Сейчас терзают, чтобы он способен стал
На все для мести!.. Он вольнолюбив
К тому же; видя, что народ бесправен,
Сочувствует его страданиям. В общем —
Такой нам нужен, да и мы ему.

К а л е н д а р о

Какую ж роль ему ты намечаешь?

И з р а э л ь

Главы, быть может.

К а л е н д а р о

Как, и ты ему
Уступишь руководство?

Израэль

Да, конечно.

В чем цель моя? В победе нашей общей.
А власти не ищу я. Опыт мой,
Пожалуй, ловкость — вот за что решили
Вы все избрать меня вождем, покуда
Получше нет. И если я нашел
Того, кого ты сам бы счел достойней,
Ужели я из чувства самолюбья
И в жажде краткой власти — общим благом
Рискну во имя личных интересов,
Не уступлю тому, кто превосходит
Меня как вождь? Нет, Календаро! Плохо
Ты знаешь друга! Но — решите сами.
Прощай пока, до встречи в должный час.
Позорче будь, и все пойдет прекрасно.

Календаро

Мой Израэль достойный! Ты всегда
Был храбр и верен, в голове и сердце
Тая те планы, что всегда готов я
Исполнить. Мне иных вождей не надо.
Не знаю, как товарищи решат,
Но я с тобой, как прежде, так и ныне,
Во всех делах. Теперь — прощай, а в полночь,
Как ты сказал, мы встретимся опять.

Уходят.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Часть площади между каналом и церковью Санти Джованни
э Паоло. Перед церковью статуя всадника.
Невдалеке на канале притаилась гондола.
Входит дож, один, переодетый.

До ж

Я поспешил. Но близок час, и голос,
Под сводом ночи прогремев, шатнет
Дворцы вот эти предсказаньем грозным,
До основанья мрамор сотряся,
И спящих от ужасных грез пробудит,

От смутного, но страшного предчувствия
Грядущих бед... Да, гордый город! Время
Кровь черную твою очистить: с ней
Ты стал чумным баракком тирании!
Мне выпало исполнить это дело;
Я не хотел и вот наказан; видел:
Растет патрицианская чума,
И сам, проспав опасность, заразился.
Я осквернен — и смыть волной целебной
Обязан пятна. Вот великий храм!
Здесь предки спят, чьих статуй тень ложится
На пол, нас отделяющий от мертвых;
И те сердца, где кровь бурлила наша,
Теперь лишь горстка пепла; что когда-то
Героев создавало, стало пылью;
Щепотка праха потрясала мир!
Храм тех святых, кто род наш охраняют,
Двух дождей склеп, моих отцов, погибших
Один в бою, другой среди трудов;
Склеп целой вереницы полководцев
И мудрецов, чьи подвиги и раны —
Наследье мне! Разверзните, гроба!
Пусть мертвецы заполнят все приделы,
На паперть выйдут — глянуть на меня!
И храм и род свидетелями будут,
Чем я подвигнут на такое дело;
Честь их герба, и благородство крови,
И славный титул — все посрамлено
Во *мне*. Не *мною* — неблагодарной знатью;
Мы бились, чтоб до нас ее поднять,
Не выше нас. В особенности ты,
Отважный Орделафо! Ты погиб,
Где дрался я, — под Зарой; гекатомбы
Врагов, уложенные мной, потомком,
Подобной ли награды заслужили?
О тени! Улыбнитесь мне! Коль есть
Меж нами связь, моя задача — ваша:
Во мне и ваша честь, и ваше имя,
И судьбы рода. Дайте мне удачу —
И город наш я сделаю свободным
И вечным и поставлю имя рода
Достойным вас и ныне и в веках!

Входит Израэль Бертуччо

Израэль

Кто это?

Дож

Друг Венеции.

Израэль

Да, он...

Привет, мой дож; пришли вы раньше срока.

Дож

Готов идти на вашу сходку я.

Израэль

Слуга ваш! Я горжусь и счастлив, видя
Столь быстрое согласие. С нашей встречи
Сомнения у вас исчезли, видно.

Дож

Нет. Все же я отдам остаток жизни
На это дело. Жребий пал в тот миг,
Когда про вашу я узнал измену.
Не вздрагивай! Я *точен*. Мягким словом
Я не прикрою черное деянье,
Хоть сам готов свершить его. Когда
Ты соблазнял меня и я не бросил
Тебя в тюрьму, уже тогда я стал
Сообщником преступнейшим. Ты можешь
Предать меня, как мог и я тебя.

Израэль

Мой дож, я слов не заслужил столь странных.
Я не шпион; мы оба не шпионы.

Дож

«Мы оба»!.. Да, ты вправе говорить
О нас... Но к делу. Если дело выйдет —
Венеция, свободной и цветущей,
Когда уже мы будем спать в гробах,
Пошлет к могилам нашим поколения
Своих детей — ручонками кидать
На прах освободителей цветы,

Тогда деянье наше оправдают
Его итоги, и войдем, два Брута,
В грядущие анналы. Если ж нет —
И мы падем, устроив заговор
И кровь пролив, хотя бы с чистой целью, —
То мы — навек изменники, мой милый!
И ты и я, твой государь недавний,
Твой сомятежник через шесть часов!

Израэль

Не время рассуждать об этом; я бы
Нашел ответ. Пойдемте же на сходку;
Коль будем медлить, нас увидеть могут.

До ж

Нас видели и видят.

Израэль

Видят?! Кто?
Найду я — и клинок мой...

До ж

Спрячь, не нужно!
Не человек следит. Взгляни туда;
Что видишь?

Израэль

Только статую бойца
На гордом скакуне — при тусклом свете
Луны туманной.

До ж

Этот воин — пращур
Моих отцов, и памятник ему
Воздвиг наш город, им спасенный дважды.
По-твоему, он видит нас иль нет?

Израэль

Воображенье, государь! Нет глаз
У мрамора.

Д о ж

Но есть они у смерти.
Знай: дух живет в таких вещах и видит
И действует — незрим, но ощущаем.
И если чары могут вызвать мертвых,
То в нашем деле эти чары есть.
Такие деды, как мои, не в силах
Покоиться, коль вождь, последний в роде,
У их гробов святых со злобной чернью
Затеял сговор.

И з р а э л ь

Надо было взвесить
Все это раньше, чем примкнуть к великой
Борьбе. Вы сожалеете, я вижу?

Д о ж

Нет! но *страдаю*, и нельзя иначе.
Вмиг не погасишь ореол всей жизни;
В ничтожество не сократишься вмиг,
Чтоб убивать из-за угла, не медля...
Но не страшись. В страданье этом, в ясном
Сознании причин его — залог
Спокойствия для вас. И в клике вашей
Ни одного мастерового нет
С моей обидой и моею жаждой
Возмездия! Те средства, что я должен
Избрать, благодаря тиранам злобным,
Деянья те, которыми я мщу,
К ним ненависть внушают мне двойную!

И з р а э л ь

Идемте. О! Бьет час.

Д о ж

Идем, идем!
Надгробный звон! Венеции иль наш?

И з р а э л ь

Верней сказать — победный звон свободы
Ликующей. Сюда; недалеко.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дом, где собираются заговорщики.
Даголино, Доро, Бертрам, Феделе, Тревизано,
Календаро, Антонио делла Бенде и др.

К а л е н д а р о
(входя)

Все здесь?

Д а г о л и н о

С тобою — все, за исключением
Трех арсенальных. Израэля нет,
Но ждем его вот-вот.

К а л е н д а р о
А где Бертрам?

Б е р т р а м

Я здесь.

К а л е н д а р о

Не смог ты свой отряд пополнить
До нужного числа?

Б е р т р а м

Нет, кой-кого
Наметил я, но не рискнул доверить
Им тайну: раньше надо убедиться,
Достойны ли они доверья.

К а л е н д а р о

Тайну

Им и не надо знать. Кто, кроме нас
И самых избранных друзей, о деле
Вполне осведомлен? Все полагают,
Что их Сенат призвал негласно, чтобы
Со знатными разделаться юнцами,
Беспутством оскорбившими закон.
Но коль начнут и сталь презренной кровью
Сенаторов гнуснейших обагрят,
То и других пойдут разить с разгону,
Вслед за вождями, следуя примеру, —
А я такой подам, что им придется,
Из самолюбья и спасая жизнь,
Всех истребить, не медля ни минуты.

Б е р т р а м

Всех — ты сказал?

К а л е н д а р о

А ты б щадил? Кого же?

Б е р т р а м

Я? Я щадить не вправе. Я спросил,
Подумав, что найдутся и меж гнусных
Те, чьи года и качества позволят
Их пожалеть.

К а л е н д а р о

Да, жалостью, какой
Заслуживают те куски гадюки
Разрубленной, что корчатся под солнцем
В последней спазме ядовитой жизни.
Нет! Я скорее пожалел бы каждый
Зуб ядоносный в челюстях змеи
Раздувшейся, чем одного из этих!
Любой из них — звено единой цепи,
Часть общего дыхания, плоти, массы.
Они живут, пьют, жрут, плодятся, дают,
Пируют, лгут и убивают — вместе.
Пусть и подохнут, как *один*!

Д а г о л и н о

Останься

Один в живых — опасен он, как все.
Суть не в числе их — тысяча иль десять;
Мы выкорчевать *дух* патрицианства
Должны; один лишь уцелей росток
От старого ствола — он укрепитя
В земле и разрастетя вновь листвою
Угрюмою и горький плод родит!
Должны, Бертрам, мы тверды быть.

К а л е н д а р о

Смотри!

Я за тобой слежу, Бертрам.

Б е р т р а м

Кто здесь

Не верит мне?

К а л е н д а р о

Не я; иначе ты бы
Нам о доверье здесь не толковал.
Тебе мы верим, но мягкосеречность
Пугает нас твоя.

Б е р т р а м

Вам всем известно,
Кто я и что. Как вы, и я восстал
На угнетенье. Пусть я мягок сердцем,
Как многие здесь думают, — согласен.
Но храбр я или нет, об этом скажешь
Ты, Календаро, кто видал меня
В *работе*. А возможные сомненья
Готов я выбить из тебя.

К а л е н д а р о

Изволь!

Но лишь покончив с нашим общим делом,
Не дракой частной прерывать его.

Б е р т р а м

Я не драгун, но врезаться могу я
В толпу врагов не хуже, чем любой
Из вас. Иначе — почему б меня
Избрали командиром? Но, конечно,
Я мягок по природе. Не могу я
Без дрожи думать о сплошном убийстве;
Вид крови, бьющей из седых голов,
Не кажется мне триумфальным; в смерти
Людей, врасплах захваченных, не вижу
Я славы. О, я знаю, слишком знаю,
Что *так* должны мы поступить с людьми,
Чьи действия взывают к мести. Но,
Коль есть меж ними те, кого бы можно
Спасти от смерти — ради нас самих
И нашей чести, — уменьшить потоки
Той крови, что пятнает наше дело,
Я был бы счастлив; что же тут смешного,
Что подозрительного?

Д а г о л и н о

Успокойся,

Бертрам; тебе мы верим: но — мужайся.

Не мы хотим, а дело нудит нас
К таким деяньям. Но омоет пятна
Родник Свободы!

Входят Израэль Бергуччо и дож.

Здравствуй, Израэль.

Заговорщики

А, здравствуй, здравствуй! Запоздал ты,
Бергуччо. Кто с тобой? храбрый

Календаро

Пора назвать

Пришельца; все товарищи готовы
Его принять по-братски; я сказал им,
Что новый друг тобою завербован;
Твой выбор будет нашим, столь мы верим
Твоим решеньям. А теперь пускай он
Откроется.

Израэль

Поближе, новый друг.

Дождь сбрасывает плащ.

Заговорщики

К оружию! Измена! Это дож!
Обоим смерть! Предателю-вождю
И деспоту, кто нас казнил.

Календаро

(обнажая меч)

Стой, стой!

Шагни — убью! Стой! Слушать Израэля!
Как? В ужас вы пришли, увидя старца,
Без стражи, без оружия, одного?
По говори, Бергуччо! Что за тайна
Здесь кроется?

Израэль

Пусть бьют... самих себя,
Неблагодарные самоубийцы,
Чья жизнь, надежды, счастье — в наших жизнях!

Д о ж

Рубите! Будь страшна мне смерть — иная,
Страшней, чем ваши мне сулят клинки,—
Я б не пришел... О, мужество святое,
Дитя испуга, что дает вам храбрость
На старца беззащитного напасть!
Вот смельчаки, решившие низвергнуть
Трон и Сенат! Их повергает в ужас
Один патриций! Бейте ж: вы способны.
Мне все равно!.. Об этих мощных душах
Ты говорил мне, Израэль? Взгляни!

К а л е н д а р о

Клянусь, он пристыдил нас! Заслужили!
Доверье ль ваше к верному Бергуччо
Сталь занесло над гостем и над ним?
Меч в ножны! Слушать!

И з р а э л ь

Говорить противно.

Должны бы знать, что сердце, как мое,
К измене не способно. Вами данной
Мне властью делать все, что нужно делу,
Не злоупотреблял я никогда,
И, значит, приведенный мной на сходку,
Кто б ни был он, уже свой сделал выбор:
Стать братом нашим или жертвой.

Д о ж

Кем же

Я должен стать? Вы действуете так,
Что выбор мой едва ль вполне свободен.

И з р а э л ь

Мой дож! Мы с вами вместе бы погибли,
Не присмиррей безумцы эти. Но
Уже им стыдно дикого порыва,
Понурились!.. Я вам не лгал о них.
Скажите им.

К а л е н д а р о

Да, да, скажите! Все мы
Поражены — и слушаем.

Израэль
(заговорицам)

Вам нет
Опасности — скорее вы у цели;
Послушайте; поймете, что я прав.

До ж

Глядите: вот я, безоружный старец,
Беспомощный, как тут сказали; был я
Еще вчера — на троне, государем
Ста островов, или казался им.
Одетый в пурпур, я скреплял декреты,
Указы власти не моей, не вашей,
А власти наших подлинных господ —
Патрициев. Что был я там — понятно.
Зачем я *здесь*? Об этом тот из вас,
Кто всех сильнее унижен, презрен, поправ,
Так, что не знает, не червяк ли он,
Ответит за меня, коль сердце спросит
Свое, его приведшее сюда.
Вам, как и прочим, мой позор известен;
Ваш суд — иной, не тот, что приговором
Обиду на обиду взгромоздил...
Избавьте от рассказа... Здесь—да, в сердце,—
Моя обида, но слова, поток
Бесплодных жалоб, мной уже пролитый,
Лишь подчеркнули б старческую слабость,
А цель моя — умножить силу сильных,
Их к действию понудить, а не к битве
Оружьем баб. Но что вас понуждать?
Несчастья лиц — плод общего разврата
Страны, что ни республика, ни царство,
Где ни народа нет, ни короля,
Где все пороки древней Спарты — без
Ее умеренности и отваги.
Вожди спартанцев воинами были,
А наши — сибариты. Мы ж — илоты,
И я — всех ниже, самый жалкий раб,
Хоть, напоказ, всех ярче наряженный:
Так древний грек, в забаву для детей,
Напаивал рабов... Вы здесь — низвергнуть
Уродливое это государство,
Кариатуру власти, привиденье,

Что можно кровью лишь изгнать. Тогда
Мы воскресим закон и справедливость,
В республике свободной воплотим
Не безначалие, а равноправье;
Все рассчитав, как бы колонны храма,
Распределив упругость и нагрузку,
Соединив изящество и прочность,
Так, что нельзя ни части шелохнуть
Без нарушенья общей симметрии.
При столь великой смене быть хочу я
Одним средь вас — коль верите вы мне.
А нет — убейте: мне возврата нету,
Мне легче пасть от рук сограждан вольных,
Чем день прожить в облиии тирана
Слугой тиранов. Не такой я, нет,
И прежде не был, — летопись прочтите.
Я на мое правление сошлюсь
Во многих городах; они вам скажут;
Я — угнетатель или человек,
Сочувствовавший людям, мне подвластным.
Будь я лишь тем, кого искал Сенат, —
Разряженной фигурой в побрякушках,
Безмолвным манекеном государя,
Бичом народа, скрепщиком указов,
Союзником всегдашним Сорока,
Врагом всех мер, коль нет на них согласия
Совета Десяти, льстецом Сената,
Щитом, шутом и куклой — о, тогда
Хам, плюнувший в меня, не поощрялся б!
Причина бед моих — любовь к народу;
Об этом знают многие, другие —
Узнают после. Ныне ж — вам вручаю,
Что ни случись, остаток дней моих,
Остаток сил — не жалкой силы дождя,
А человека, кто великим был,
Покуда не унизился до трона,
Но сохранил еще и ум и личность;
Я ставлю славу (а она была)
И жизнь (недорогую близ могилы),
Надежду, сердце, душу — ставлю на кон!
Вам и вождям я отдаюсь таким
Как есть. Примите ж иль отбросьте князя,
Кто будет гражданином иль ничем
И кто свой трон для этого покинул!

К а л е н д а р о

Да здравствует Фальеро! Вольной будет
Венеция!

З а г о в о р щ и к и

Да здравствует Фальеро!

И з р а э л ь

Ну что, друзья? Не войску ли он равен
Для нас?!

Д о ж

Не время для похвал, не место
Для ликований. Ваш я?

К а л е н д а р о

Да, и первый

Меж нас, как первым в государстве был!
Будь нам вождем, будь генералом нашим.

Ф а л ь е р о

Вождь, генерал... Я вел полки под Зарой;
Я правил Кипром и Родосом; дожем
Венецианским был... Мне ль опуститься,
Начальствуя над кучкой... патриотов?
Я званья родовые не для новых
Сложил с себя, а чтобы равным стать
Сообщникам моим. Но к делу. План ваш
Известен мне от Израэля — дерзкий,
Но исполнимый при моем участие
И при незамедлительном начале.

К а л е н д а р о

Лишь прикажи. Не правда ль, братья? Все
Готово для внезапного удара.
Когда ж начнем?

Д о ж

С зарей.

И з р а э л ь

Так рано?

Д о ж

Рано?

Скорее поздно. С каждым часом больше
Опасность — и особенно теперь,
Когда я с вами. Вам ли неизвестен
Сенат и Десять? Их шпионы — очи
Патрициев, кому страшны рабы их
И я вдвойне сомнителен как дож?
Я говорю: разить немедленно надо
И в сердце гидры. Головы — потом.

К а л е н д а р о

К твоим услугам меч мой и душа,
Дружины, все по шестьдесят, готовы;
С оружием все, как Израэль велел,
И ждут в местах, назначенных для сбора,
Великого удара. Пусть же каждый
Из нас отправится на пост. Но что
Сигналом будет нам?

Д о ж

Когда ударят

На Санто Марко в колокол большой,
Звонящий лишь по приказанью дожа
(Последнее из жалких прав моих), —
Все к Марку!

И з р а э л ь

Дальше?

Д о ж

Каждая дружина

Пускай особой улицей идет,
На площадь проникая. По дороге
Пускай кричат, что генуэзский флот
У гавани замечен на рассвете;
Дворец, придя на площадь, окружите;
Двор — мой племянник во главе моих
Вассалов, храбрых и вооруженных,
Займет. Под звон колоколов кричите:
«Враг в наших водах, Санто Марко, враг!»

К а л е н д а р о

Теперь я понял. Дальше, государь мой?

Д о ж

Вся знать сбежится на Совет, не смея
Не внять сигналу грозному, что грянет
С высокой башни нашего святого;
И эту жатву тучную не медля
Мы соберем — мечом, а не серпом.
А опоздавших или не пришедших
Легко мы уберем поодиночке,
Раз большинство поляжет здесь.

К а л е н д а р о

Скорей бы

Миг наступал! Смертельным будет каждый
Удар!

Б е р т р а м

Я снова, государь, простите,
Задам вопрос, мной заданный уже
До появления Израэля с вами,
Союзником великим, кто сулит нам
Успех и безопасность. В них мне брезжит
Пощада для иных из наших жертв.
Ужели все должны погибнуть в бойне?

К а л е н д а р о

Кто попадется мне или моим —
Мы пощадим, как нас они щадили.

З а г о в о р щ и к и

Всем смерти! Болтать о жалости не время!
А нас они жалели, хоть притворно?

И з р а э л ь

Все это хныканье, Бертрам, нелепо
И оскорбляет нас и наше дело!
Как не понять, что пощаженный будет
Мстить за погибших и для мести жить?
Как отличить невинных от преступных?
Все их дела — одно, одно дыханье
Единой плоти: все они срослись,
Чтоб нас давить. Уже того довольно,
Что мы детей их пощадим; и то
Сомнительно: щадить ли все отродье?
Порой охотник одного тигренка
Из выводка оставит, но не будет

Щадить самца и самку полосатых,
Чтоб не погибнуть в их когтях. Но, впрочем,
Я поступлю, как дож Фальеро скажет;
Пусть он решит — щадить нам? и кого?

Д о ж

Не спрашивайте. Искушать не надо.
Решите сами.

И з р а э л ь

Вам известны лучше
Их личные достоинства; мы знаем
Общественный разврат их, гнет их гнусный —
И ненавидим. Если есть меж ними
Достойный жить — скажите, назовите.

Д о ж

Отец Дольфино был мне другом; с Ландо
Я бился рядом; был с Корнаро вместе
В посольстве в Геную; я спас Веньеро —
Спасу ль его опять? О, если б мог я
Их — и равно Венецию — спасти!
Они, отцы их — были мне друзьями,
Пока не стал я государем их;
Теперь отпали все, как лепестки
Цветка увядшего, и — сохлый стебель,
Один — кого укрою? Что ж! Я ими
Оставлен вянуть; пусть же гибнут все!

К а л е н д а р о

Их жизнь несовместима со свободой!

Д о ж

Известна вам вся тяжесть наших общих
Обид, но не известно вам, какой
Смертельный яд для всех истоков жизни,
Для связей человеческих, для добра —
В установленных скрыт венецианских!
Я с этими людьми дружил, любил их,
И тем же мне они платили; вместе
Служили мы и бились; мы делили
Восторг и горе, слезы и улыбки;
Нас кровь роднила и скрепляли браки;
С годами наши почести росли.
Когда ж по их -- не моему — желанью

У них я князем стал, тогда прощай
Воспоминанья общие и мысли,
Прощай все узы нашей дружбы давней,
Столь сладкие для деятелей старых,
Чей след — в анналах, чьи деянья стали
Сокровищем остатка дней, и старцы
При встречах видят блеск полустолетья
На братском лбу; и тени стольких близких,
Теперь почивших, возле них кружат,
Нашептывая о прошедших днях,
И мертвыми не кажутся, покуда
Хоть двое из лихой, беспечной, храброй
Семьи, с одной душой, хранят еще
Вздох об ушедших и язык, чтоб славить
Завещанные мрамору дела...
О, горе мне! На что решился я?

Израэль

Мой дож! Вы так взволнованы! Но время ль
Теперь об этом размышлять?

Дождь

Терпенье!

Не отступаю я. Но проследим
Постыдные пороки нашей власти.
Лишь стал я дожем, — их же волей стал, —
Прощай, бывшее! Для всего я умер,
Вернее — для меня они. Где дружба?
Где нежность? Где очаг? — Все сметено...
Я отчужден: моя пятнает близость;
Я не любим: такого нет закона;
Я ущемлен: политика Сената;
Я высмеян: патрицианский долг;
Я попран: это право государства;
Я беззащитен: так верней, спокойней;
Вот так я стал у подданных рабом,
Вот так я стал врагом друзей! Шпионы
Мне стали стражей, ризы — властью, пышность —
Свободой, инквизиторы — друзьями,
Тюремщики — советом, жизнью — ад!
Остался мне один родник покоя —
И он отравлен ими. Боги дома
Разбиты — и на алтаре сидят
С ухмылкой наглой Клевета и Мерзость!

Израэль

Глубоко оскорбили вас! Но вы
Им отомстите — не позднее суток.

Дождь

Я все терпел; терзался, но терпел;
Покуда в чашу горечи не пала
Последней каплей дерзкая обида
И поощрение встретила, не плеть.
Вот лишь когда я те отбросил чувства,
Что в них давно погасли — с той поры,
Когда они мне присягали лживо!
Да, в этот миг они презрели друга,
Венчая дождя. Так ребенок лепит
Игрушку, чтобы, поиграв, сломать!
С тех пор я знал лишь происки глухие
Сената против дождя, тайный рост
Взаимной ненависти и боязни;
Дрожала знать, за власть свою цепляясь,
И тиранию ненавидел дождь.
И нет меж нами личных отношений,
Нет прежних уз; порвали их они.
Я вижу в них сенаторов, повинных
В самоуправстве, — и пускай как должно
Поступят с ними.

Календарь

А теперь — за дело!
Все по местам. Пусть будет эта ночь
Последней ночью слов; я схватки жажду!
Меня звон Марка сонным не найдет!

Израэль

Все на посты! Спокойствие и зоркость!
Мысль — о страданиях наших и правах!
Лишь ночь пройдет, и нам не знать угрозы!
Сигнал — и все вперед. К моей дружине
Иду я. Пусть никто не медлит в деле.
А дождь вернется во дворец — готовить
Все для удара. Разойдемся мы
Для новой встречи в славе и в свободе!

К а л е н д а р о

При встрече — голову Микеле Стено
Я на мече преподнесу вам, дож.

Д о ж

Нет, нет, его оставим напоследок;
Не отвлекайся мелкой дичью в гоне
За красным зверем. Оскорбление Стено —
Лишь результат распушенности общей,
Разврата, порожденного в глубинах
Порочной знати. Он не мог, не смел бы
Рискнуть на это в лучшие года.
Мой личный гнев я растворил в заботе
О нашем общем и великом деле.
Я наказания требую рабу
У гордого хозяина. Откажет?
Он сам обидчик и ответит — сам!

К а л е н д а р о

Но он — причина нашей связи с вами,
Что освящает наше начинанье;
Ему я благодарностью обязан
И жажду отплатить как должно. Можно?

Д о ж

Ты руку рубишь — голову рублю я;
Ты к школяру — к учителю я с розгой;
Ты Стено мстишь — Сенат караю я.
Могу ль я медлить ради личной злобы
С огромным, полным, всесторонним мщеньем,
Палящим все, как тот огонь небесный,
Что пал когда-то, — и горячий пепл
Двух городов был залит Мертвым морем?

И з р а э л ь

Ступайте ж на посты. Я задержусь
И дожа провожу до места встречи,
Удостоверюсь, нет ли где шпионов,
За ним следящих. А потом бегу
К моим бойцам, сжимающим оружие.

К а л е н д а р о

Прощай же — до рассвета.

И з р а э л ь

Всем успеха!

Заговорщики

Все будем в срок. Вперед! Прощайте, дож!

Заговорщики приветствуют дожа и Израэля Бертуччо и удаляются во главе с Филиппо Календаро. Дож и Израэль Бертуччо остаются.

Израэль

Ну, враг — в тенетах и не ускользнет!
Теперь ты — подлинный монарх, чье имя
Славнее славных обретет бессмертье.
Свергал царей народ свободный; цезарь
Пал не один; диктаторов крушили
Патриции; патрициев — плебейский
Пронзал клинок. Но был ли князь, вступивший
С народом в заговор свободы — жизнью
За вольность подданных своих рискуя?
Спокон веков князья трудились втайне
Во вред народу, цепь с него снимая
Лишь для того, чтоб дать оружие против
Народов братских, чтоб ярмо рождало
Ярмо, и смерть и рабство лишь дразнили
Пасть ненасытного Левиафана!
Теперь — о нашем деле; риск велик,
Награда — больше. Что же вы недвижны?
Вы миг назад весь были — нетерпенье!

Дож

Итак, все решено? И все погибнут?

Израэль

Кто?

Дож

Близкие мои по крови, дружбе,
Трудам и дням, — сенаторы.

Израэль

Вы сами

Произнесли им правый приговор.

Дож

Пожалуй, правый, для *тебя* — бесспорно.
Ты патриот, плебейский Гракх, оракул
Мятежников, трибун народный; что же

Тебя хулить? Ты действуешь, как должен.
Ты попран ими, притеснен, унижен —
Как я, — но с ними ты не вел бесед,
Ты хлеба с ними не делил и соли,
Ты кубка их не подносил к губам,
Не рос ты с ними, не смеялся вместе,
Не плакал, в их кругу не пировал;
Не отвечал улыбкой на улыбку,
Не требовал улыбки их в обмен,
Им не вверялся, не хранил их в сердце,
Как я! Взгляни: я сед, и так же седы
Старейшие в Сенате; но, я помню,
Их кудри были черными как смоль,
Когда мы вместе за добычей гнались
Меж островов, отбитых у неверных!
И видеть всех — утопленных в крови?
Сталь в их груди — мое самоубийство!

И з р а э л ь

Дож, дож! Такая слабость недостойна
Ребенка! Если вы не впали в детство,
Верните нервам крепость, не срамите
Вас и меня. Клянусь, я предпочел бы
Успеха в нашем деле не добиться,
Чем видеть мужа чтимого упавшим
С высот решимости в такую дряблость!
В боях вы кровь видали, лили кровь
Свою и вражью; вам ли страшны капли
Из жил вампиров старых, отдающих
Лишь выпитую у миллионов кровь?!

Д о ж

Прости мне! Все шаги и все удары
Я с вами разделю. Нет, я не дрогнул,
О нет! Но именно моя *решимость*
Все совершить — меня волнует. Пусть же
Они пройдут, томительные мысли,
Чему лишь ты — свидетель равнодушный
Да ночь... Наступит миг — и это я
Набат обрушу и ударом гряну,
Что обезлюдит не один дворец,
Что подсечет древа родов древнейших,
Развеет их кровавые плоды,
Цветы их обрекая на бесплодье;

Я так хочу, так должен, так свершу я —
Клянусь! Ничто не отвратит мой рок!
И все ж, подумав, кем я должен стать
И кем я был, — я трепещу!.. Прости мне!

Израэль

Бодритесь! Я подобных угрызений
Не знаю вовсе. Что меняться вам?
По доброй воле действуете вы.

Дож

Да, *ты* не знаешь. Но и я! Иначе
Тебя на месте б я убил, спасая
Жизнь тысяч, — и убил, не став убийцей.
Не знаешь ты, как бы мясник, на бойню
Идя, куда патрициев согнали!
Всех вырезав, ты светел станешь, весел,
Спокойно руки алые обмыв.
Но я, тебя с друзьями превзойдя
В резне ужасной, — чем я должен стать,
Что чувствовать, что видеть? Боже, боже!
Ты прав, сказав, что я «по доброй воле»
Затеял все; но и ошибся ты:
Я вынужден. Но ты не бойся: я —
Вам соучастник самый беспощадный!
Ни доброй воли нет во мне, ни чувства
Обычного — они б мешали мне;
Теперь во мне и вокруг меня — геенна,
И, точно бес, кто верит и трепещет,
Я, с отвращеньем, действую!.. Идем!
Ступай к своим, а я — моих вассалов
Спешу собрать. Не бойся: всю разбудит
Венецию набат, за исключением
Сенаторов зарезанных. И солнце
Над Адрией не встанет в полном блеске,
Как всюду вопль раздастся, заглушив
Роптанье волн ужасным криком крови.
Решился я. Идем.

Израэль

Готов всем сердцем!
Но обуздай порывы этих чувств,
Не забывай, что сделали с тобою,
И помни, что плодом расправы этой

Придут века довольства и свободы
Для города раскованного! Истый
Тиран опустошит страну любую,
Не зная вовсе мук твоих — при мысли
О каре для предателей народа,
Для горстки! Верь, что жалость к ним преступна
Не менее, чем снисхождение к Стено!

Д о ж

Ну, человек, ты дернул ту струну,
Что рвет мне сердце!.. Так! Вперед, за дело!

Уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Дворец патриция Лиони. Лиони, сопровождаемый слугой, входит и снимает маску и плащ, которые венецианская знать носила в общественных местах.

Л и о н и

Я отдохну; я так устал от бала;
Он всех шумнее был за эту зиму,
Но, странно, не развлек меня. Не знаю,
Что за тоска вошла мне в душу, но
И в вихре танца, взор во взор с любимой,
Ладонь в ладонь с прекрасной дамой сердца
И то меня давила тягость; холод
Сквозь душу в кровь сочился, проступая
На лбу как бы предсмертным потом. Я
Тоску пытался смехом гнать — напрасно.
Сквозь музыку мне ясно и раздельно
Звон погребальный слышался вдали,
Негромкий, как прибой адрийский, ночью
Вливающийся в шепот городской,
Дробясь на внешних бастионах Лидо...
Я и ушел в разгаре бала с целью
Добиться дома от моей подушки
Покоя в мыслях или просто сна...
Возьми, Антонио, плащ и маску; лампу
Зажги мне в спальне.

А н т о н и о

Слушаю, синьор.

Чем подкрепитесь?

Л и о н и

Только сном, но сна мне

Ты не подашь.

Антонио уходит.

Надеюсь, он придет,
Хоть на душе тревожно. Может быть,
Мне воздух свежий успокоит мысли:
Ночь хороша; левантский ветер мгlistый
В свою нору уполз, и ясный месяц
Взошел сиять. Какая тишина!

(Подходит к раскрытым жалюзи.)

Как не похоже на картину бала,
Где факелы свой резкий блеск, а лампы
Свой мягкий разливали по шпалерам,
Внося в упрямый сумрак, что гнездится
В огромных тусклооких галереях,
Слепящий вал искусственного света,
В котором видно все, и все — не так.
Там старость пробует вернуть былое
И, проведя часы в работе трудной
Пред зеркалом, правдивым чересчур,
В борьбе за молодой румянец, входит
Во всем великолепии украшений,
Забыв года и веря, что другие
Забудут их при этом лживом блеске,
Потворствующем тайне, но — напрасно.
Там юность, не нуждаясь в этих жалких
Уловках, цвет свой неподдельный тратит,
Здоровье, прелесть — в нездоровой давке,
В толпе гуляк, и расточает время
На мнимое веселье вместо сна,
Пока рассвет не озарит поблекших
И бледных лиц и тусклых глаз, которым
Сверкать бы должно долгие года.
Пир, музыка, вино, цветы, гирлянды,
Сиянье глаз, благоуханье роз,
Блеск украшений, перстни и браслеты,
Рук белизна, и вороновы крылья
Волос, и груди лебединый очерк,
И ожерелий Индия сплошная,

Но меркнувшая перед блеском плеч,
Прозрачные наряды, точно дымка,
Плывущая меж взорами и небом,
Мельканье ножек маленьких и легких —
Намек на тайну нежной симметрии
Прекрасных форм, столь чудно завершенных,—
Все чары ослепительной картины,
Где явь и ложь, искусство и природа
Пьянили взор мой, с жадностью впивавший
Вид красоты, как пилигрим в пустынях
Аравии, обманутый миражем,
Сулящим жажде светлый блеск озер.
Все бросил я. Вокруг — вода и звезды;
Миры глядятся в море, сколь прекрасней,
Чем отблеск ламп в парадных зеркалах;
Великий звездный океан раскинул
В пространстве голубую глубину,
Где нежно веет первый вздох весенний;
Высокий месяц, плавно проплывая,
Дает воздушность камню гордых стен,
Дворцов и башен, окаймленных морем;
Колонны из порфира и фасады,
Чей на Востоке был захвачен мрамор,
Впродоль канала алтарями встали
И кажутся трофеями побед,
Из вод взлетавшими, и столь же странны,
Как те таинственные массы камня,
То зодчество титанов, что в Египте
Нам указывает эру, для которой
Иных анналов нет... Какая тишь!
Какая мягкость! Каждое движение,
В согласье с ночью, кажется бесплотным.
Звучит гитара: то бессонный кличет
Любовник чуткую подругу; тихо
Окно открылось: он услышан, значит;
И юная прекрасная рука,
Сама как бы из лунного сиянья,
Столь белая, дрожит, отодвигая
Ревнивую решетку, чтоб любовь
За музыкой вошла,— и сердце друга
Само звенит, как струны, в этот миг.
Вот фосфоритный всплеск весла, вот отблеск
Фонариков с бортов гондол проворных,
И перекликом дальних голосов

Хор гондольеров стих на стих меняет;
Вот тень скользит, чернея, на Риальто;
Вот блеск дворцовых кровель и шпилей...
Вот все, что видно, все, что слышно в этом
Пеннорожденном землевластном граде!
Как тих и нежен мирный час ночной!..
Спасибо, ночи! Ужасные предчувствия,
Каких не мог рассеять я на людях,
Ты прогнала. Благословлен тобою,
Твоим дыханьем, кротким и спокойным,
Теперь усну я, хоть в такую ночь
Сон — оскорбление для нее...

Слышен стук в дверь.

Стучат?

Что это? Кто пришел в такое время?

Входит А н т о н и о.

Синьор, там некто, с неотложным делом,
Приема просит.

Л и о н и

Кто же? Незнакомец?

А н т о н и о

Лицо он в плащ укутал, но манеры
Его и голос чем-то мне знакомы;
Спросил я — кто он, но лишь вам открыться
Готов упрямец. Он упорно просит,
Чтоб вы ему позволили войти.

Л и о н и

Так поздно... Подозрительное рвенье...
Но вряд ли есть опасность: до сих пор
Патрициев не убивали дома;
Но, хоть врагов и нету у меня,
Однако осторожность не мешает.
Введя его, уйди, но позови
Твоих подручных сторожить за дверью.
Кто б это был?

Антонио уходит и возвращается с Бертрамом, закутанным
в плащ.

Б е р т р а м

Синьор Лиони! Дорог
Нам каждый миг — и мне и вам. Ушлите
Слугу; нам надо с глазу на глаз быть,

Л и о н и

Бертрам как будто... Можешь удалиться,
Антоньо.

Антонио уходит.

Ну, что нужно вам так поздно?

Б е р т р а м

(открывая лицо)

Благодеянья, добрый мой патрон!
Бедняк Бертрам от вас их много видел;
Еще одно — и счастлив буду я.

Л и о н и

Тебе, ты знаешь, с детства помогал я
В любых твоих житейских достижениях,
Приличных званью, и теперь готов бы
Все обещать заранее, но странный
Приход ночной, настойчивость, поспешность
Мне подозрительны. Я чую тайну,
Скажи, в чем дело? Что произошло?
Внезапная пустая ссора? Лишний
Глоток вина и драка и кинжал?
Обычная история. И если
Убит не дворянин, суда не бойся,
Но все ж беги: в порыве первом гнева
Друзья и родственники могут мстить
В Венеции смертельнее закона.

Б е р т р а м

Синьор, спасибо, но...

Л и о н и

Но что? Ты руку
Дерзнул поднять на знатного? Тогда —
Спеши, беги, но и молчи: тебя я
Сам не убью, но и спасти не стану!
Кто пролил кровь патриция...

Б е р т р а м

Пришел я

Кровь эту сохранить, а не пролить!
Но я спешу, минута промедленья
Нам жизни может стоять: меч двуострый
Взамен косы уже заносит время,
И в скляницу его взамен песка
Насыпан пепел гробовой. Молю вас:
Сидите завтра дома!

Л и о н и

Почему?

Что мне грозит?

Б е р т р а м

Не спрашивай об этом,
Но заклинаю вновь: не выходи,
Что б ни случилось. Рев толпы, крик женщин,
Ребячий плач и стон мужской, бряцанье
Оружия, треск барабанов, вопли
Рожков и гуд колоколов повсюду
Смятенье разнесут! Не выходи,
Пока набат не смолкнет, да и после;
Меня дождись.

Л и о н и

Я повторю: в чем дело?

Б е р т р а м

Я повторю: не спрашивай! Во имя
Твоих святынь на небе и земле,
Твоих великих предков и надежды
Им следовать и породить потомков,
Равно достойных рода и тебя,
Во имя счастья в прошлом и в грядущем,
Во имя страха пред земным и горним.
Во имя всех благодеяний мне,
За что пришел я уплатить сторицей,—
Останься дома! Вверь себя пенатам;
Верь мне, и, поступив, как я сказал,
Найдешь спасенье. А иначе — гибель!

Л и о н и

Да я уже погиб от изумленья!
Ты явно бредишь! Что грозить мне может?
И кто враги мне? Если ж есть они,
Ты почему в союзе с ними? Ты!
И если так, то почему ты медлил
С предупреждением?

Б е р т р а м

Не скажу, не смею.
Что ж, выйдешь, вопреки предупреждению?

Л и о н и

Я не рожден пустых угроз бояться,
Особенно вслепую; на Совете,
Будь он назначен в поздний час иль ранний,
Я появлюсь.

Б е р т р а м

Не говори так, нет!
В последний раз: решил ты завтра выйти?

Л и о н и

Решил. Ничто не помешает мне!

Б е р т р а м

Тогда — пусть бог тебя спасет. Прощай.
(Направляется к выходу.)

Л и о н и

Стой! Не забота о себе велит мне
Тебя вернуть; нам так нельзя расстаться;
Тебя я знаю с детства...

Б е р т р а м

Да, синьор!
Вы — покровитель мой с тех дней беспечных,
Когда, ребята, позабыв о званьях,
Верней, забыв об их прерогативах
Застывших, мы играли — и делили
Забавы, смех и слезы. Ваш отец
Был моему патроном; я же вам
Был ближе, чем молочный брат; мы годы
Росли вдвоем. О годы счастья! Боже!
Как рознятся от наших дней они!

Л и о н и

Не я, а ты забыл их.

Б е р т р а м

Никогда мне

Их не забыть! Что ни случись, всегда я
Тебя бы спас! Когда мы возмужали,
Ты посвятил себя, согласно званью,
Делам правления; скромный же Бертрам —
Занятням столь же скромным. И, однако,
Меня ты не оставил. Если счастье
Мне не всегда служило, то виною
Не ты, столь часто помогавший мне
В борьбе с потоком всяческих невзгод,
Грозящих слабым. Крови благородней
Нельзя найти, чем в сердце благородном
Твоем, столь добром к бедняку плебею.
Ах, будь в Сенате все, как ты!..

Л и о н и

А в чем же

Ты можешь обвинить Сенат?

Б е р т р а м

Ни в чем.

Л и о н и

Я знаю: есть мятежные умы
И шептуны, разносчики измены,
Что выползают из подполий темных
Проклятья в ночь шептать из-под плаща,—
Озлобленная сволочь, дезертиры,
Распутные кабацкие буяны...
С подобными ты не водился; впрочем,
Тебя давно я потерял из виду;
Но ты всегда жил скромно и делил
Твой хлеб с достойными, всегда казался
Доволен. Что с тобой случилось? Бледен;
Глаза запали; жесты беспокойны...
Видать, в душе тоска, и стыд, и совесть
Ведут войну.

Б е р т р а м

Пади тоска и стыд

На тиранию подлую, что воздух

Венецианский отравила, граждан
В безумье приводя, как бы чумных,
Кто бешенством исходит, умирая!

Л и о н и

Мерзавцами ты с толку сбит, Бертрам;
Не так ты прежде говорил и думал;
Какой-то чад в тебя бунтарство влил;
Но ты не должен гибнуть; ты ведь кротким
И добрым был; ты чужд поступкам низким,
Что подлецы тебе хотят привить.
Скажи мне все, открой — меня ты знаешь.
Что вы затеяли, о чем я должен
Быть предварен, я, друг твой старый, сын
Того, кому был другом твой отец,
Так что наследной стала наша близость
И должно ей к потомкам перейти
Такою же и даже углубленной...
Итак: что ты задумал, коль бояться
Тебя я должен и укрыться дома
Девицей робкой?

Б е р т р а м

Прекрати вопросы.

Уйти я должен.

Л и о н и

Я же — быть убитым?

Так ты сказал, любезный мой Бертрам?

Б е р т р а м

Убитым? Что сказал я об убийстве?
Никто о нем не говорил! Неправда!

Л и о н и

Ты не сказал. Но волчий взор твой, прежде
Мне незнакомый, — он горит, являя
Убийцу! Если жизнь нужна моя —
Бери: я безоружен — и беги!
В зависимость я не поставлю жизнь
От прихотливо-милостивых тварей,
Таких, как ты и те, кем ты подослан!

Б е р т р а м

За кровь твою — готов свою отдать я;
За волос твой — я тысячу голов
Поставил ставкой, столь же благородных,
Нет, благородней даже, чем твоя!

Л и о н и

Ах, даже так? Ну, извини, Бертрам;
Едва ли я достоин быть изъятым
Из этой пышной гекатомбы. Все же
Ответь: кому грозят и кто грозит?

Б е р т р а м

Венеция — самой себе; она ведь —
Как бы семья, растерзанная распрей;
И все погибнет завтра — до заката!

Л и о н и

Ужасным тайнам нет конца!.. Как видно,
Я, или ты, иль оба мы стоим
Теперь над бездной; будь же откровенен —
И невредим и славен будешь. Лучше
Спасать, чем резать, да еще в ночи;
Стыдись, Бертрам, не для тебя такое!
Взглянуть бы, как ты пред толпой смятенной
На пику взденешь голову того,
Чье сердце было для тебя открыто!
И это, видно, рок мой, ибо я
Клянусь, какою ни грози ты мне
Опасностью, что я из дома выйду,
Коль не изложишь всех причин и следствий
Того, что привело тебя ко мне.

Б е р т р а м

О, как тебя спасти?! Бегут минуты,
И гибнешь ты! Ты, благодетель мой,
В любой беде мой верный друг! О, дай мне
Тебя спасти, изменником не став,
Честь не утратив!..

Л и о н и

Разве честь у места
В сообществе убийц? И разве можно
Не *государству* изменить?

Б е р т р а м

Союз наш

Является единством, и для честных
Он тем прочней, что слово им закон;
И думаю, что нет гнусней измены,
Чем внутренняя, та, что нож вонзает
Товарищу доверчивому в грудь.

Л и о н и

А кто в меня вонзит клинок?

Б е р т р а м

Не я;

Способен я на все — лишь не на это;
Ты должен жить; мне жизнь твоя дороже,
Чем тысячи других, и я рискую
Не только ими — больше: жизнью жизней,
Свободою потомков, чтоб не быть
Убийцей, как меня клеймишь ты! Вновь
И вновь молю я: за порог — ни шагу!

Л и о н и

Напрасно молишь: выйду — и не медля.

Б е р т р а м

Так погибай Венеция, — не друг!
Открою все — скажу — предам — разрушу!..
Каким я стал из-за тебя мерзавцем!

Л и о н и

Ничуть: спасителем страны и друга!..
Ну, говори! Награды, безопасность —
Все будет, все, чем дарит государство
Достойнейших своих сынов. Дворянство —
И то я гарантирую тебе
За искренность раскаяния.

Б е р т р а м

Нет!

Раздумал я. Я не могу. Тебя я —
Люблю, в чем не последняя порука
Приход последний мой. Но, долг исполнив
Перед тобой, — перед страной исполню!
Мы больше не увидимся. Прощай!

Л и о н и

Ах так?! Антонио, Педро! Дверь держите,
Чтоб не ушел. Схватить его!

Входят Антонио и другие вооруженные слуги и хватают
Бертрама.

Л и о н и

Полегче,
Не причинять вреда. Мой плащ и меч,
Гондолу с четырьмя гребцами, живо!
Мы поспешим к Джованни Градениго
И вызовем Корнаро. Ты не бойся,
Бертрам: в насилии этом и твое
И общее спасенье.

Б е р т р а м

Куда же

Меня потащат?

Л и о н и

Прежде к Десяти,
А после к дожу.

Б е р т р а м

К дожу?

Л и о н и

Да, конечно:

Ведь он — глава.

Б е р т р а м

С зарей — возможно.

Л и о н и

Это

Что значит? Но дознаемся!

Б е р т р а м

Уверен?

Л и о н и

Да, если меры кротости помогут.
А нет — ты знаешь трибунал «Десятки»,
И казематы в Санто Марко есть,
И пытки.

Б е р т р а м

Примени их до рассвета:
Он близок. А еще грозить мне будешь —
Так сам погибнешь медленною смертью,
Что для меня замыслил.

Возвращается А н т о н и о.

А н т о н и о

Все готово,
Гондола ждет.

Л и о н и

За пленником следить.
Еще, Бертрам, поговорим при встрече
В Палаццо дожей с мудрым Градениго.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Дворец дожей. Комната дожа. Дож и его племянник
Б е р т у ч ч о Ф а л ь е р о.

Д о ж

Все наши домочадцы налицо?

Б е р т у ч ч о

Уже в строю и жадно ждут сигнала
В палаццо нашем возле Санто-поло.
Жду приказаний.

Д о ж

Было бы неплохо
Еще созвать из моего поместья
Валь-ди-Марино наших крепостных
Побольше, но, пожалуй, слишком поздно.

Б е р т у ч ч о

И к лучшему, мой дож: наплыв нежданный
Вассалов наших вызвал бы тревогу
И подозренья. И крестьяне наши
Хоть и горячи и верны, но и грубы
И склонны к ссорам; им не сохранить бы
Той дисциплины тайной, что нужна,
Покуда мы врага не сломим.

Д о ж

Верно;

Но грянет лишь сигнал — как раз такие
Нужны бы люди в нашем деле нам.
У городских рабов своя предвзятость:
Приязнь к одним и ненависть к другим
Проявятся то яростью чрезмерной,
То милосердьем пагубным. Крестьяне ж,
Горячие мои вассалы, были б
Вполне покорны графу своему,
Его врагов никак не различая;
Им безразличны Фоскари, Корнаро,
Марчелло, Градениго: не привыкли
Они дрожать, их слыша имена,
Ни гнуть колен перед Сенатом. Воин
В доспехе бранном — вот их сюзерен,
А не фигура в мантии.

Б е р т у ч ч о

Нас — хватит;

А в ненависти всех бойцов к Сенату
Ручаюсь вам.

Д о ж

Прекрасно. Жребий брошен.

Но все же в настоящей битве, в поле,
Моим крестьянам поручи меня;
Они впускали солнце в тучу гуннов,
Тогда как звук своих же труб победных
Гнал бледных горожан дрожать в шатрах;
Коль нет отпора, эти горожане
Сплошь — львы, как на знаменах. Но в бою
Серьезном ты, как я, весьма хотел бы
Иметь в тылу железный строй крестьян.

Б е р т у ч ч о

Дивлюсь, что вы, так думая, рискнули
Ударить вдруг.

Д о ж

Удар такой и должно

Вдруг наносить иль никогда. Едва я
Изгнал терзанья ложные и слабость,
Томившие меня, хотя недолго,
Приливом давних и изжитых чувств,
Я поспешил с ударом, чтоб, во-первых,

Вновь не поддаться им, а во-вторых,
Не знал я, можно ль очень полагаться
На верность и отвагу тех людей,
Хоть верю Израэлю с Календаро:
Вдруг кто-нибудь сегодня нам изменит,
Как тысячи вчера Сенату? Если ж
Они *начнут*, в руках согрев эфесы, —
Придется им себя спасать. Удар —
И в каждом встанет Каин первородный,
Чья воля, затаенная в душе,
До времени обузданная, ринет
Их всех, как волчью стаю. Кровь, блеснув,
Толпе внушает жажду новой крови,
Как первый кубок открывает пир.
Когда *начнут*, поверь, труднее будет
Их сдерживать, чем подстрекать. Покуда ж
Любой пустяк, обмолвка, шорох, тень —
Способны их поворотить обратно...
Ночь на исходе?

Б е р т у ч ч о

Близится рассвет.

Д о ж

Тогда пора уже в набат ударить?
Все на местах?

Б е р т у ч ч о

Теперь должны быть все.

Но я им запретил звонить, покуда
Я сам с приказом не приду от вас.

Д о ж

Так... Неужели ж никогда заря
Не сгонит звезд — ишь разблестались в небе!
Спокоен я и тверд; и то усилье,
С которым я мое решение принял
Оздоровить Республику огнем,
Теперь взбудрило дух мой. Трепетал я,
Рыдал при мысли об ужасном долге;
Но, прочь прогнав бесплодные волненья,
Растущей буре я гляжу в лицо,
Как рулевой с галеры адмиральской.
Но (веришь ли?) мне напряженья больше
Понадобилось, чем когда народы

Свою судьбу читали в близкой битве,
Где я фалангу вел и где на гибель
Шли тысячи!.. Чтоб грязную, гнилую
Кровь выпустить из жил ничтожной горстки
Тиранов чванных — сделать то, чем добыл
Бессмертие Тимолеон,— был нужен
Закал потверже мне, чем посреди
Опасностей и трудностей военных.

Б е р т у ч ч о

Я счастлив, что бывая мудрость ваша
Смирила гнев, терзавший вас, покуда
Вы не решились.

Д о ж

Так всегда бывало .
Со мной. Встает волнение при первом
Мерцанье замысла, когда страстям .
Помехи нет в их власти; но настанет
Час действовать — и я спокоен так же,
Как мертвецы вокруг меня. И это
Известно оскорбителям; они
Рассчитывали на мое уменье
Владеть собой, лишь первый сникнет взрыв.
Они забыли, что порой не ярость,
Не импульс, а холодное раздумье
Из мести доблесть создает. Пускай
Законы спят — не дремлет справедливость;
И месть лица порою к *общей* пользе
Ведет, и в этом — оправданье мне...
По-моему — светает; да? взгляни:
Глаз юный зорче; утренняя свежесть
Уже слышна, и, кажется мне, море
Сереет сквозь решетку.

Б е р т у ч ч о

Верно: утро
Уже всплывает в небе.

Д о ж

Так ступай же.
Пусть бьют в набат немедленно, и при первом
Ударе с Марка ко дворцу веди
Все наши силы; здесь я с вами встречусь.

И в тот же миг шестнадцать поведут
Сюда свои отряды, каждый порознь:
Но главный вход сам захвати: «Десятку»
Я не могу доверить никому,
А чернь патрицианская насытит
Беспечные клинки подручных наших.
Не позабудь наш лозунг: «Санто Марко!»
К оружию, люди! Генуэзцы вторглись!
Марк и свобода!» А теперь — начнем!

Б е р т у ч ч о

До встречи, дядя, в подлинном державстве
И вольности или — нигде! Прощайте.

Д о ж

Нет, подойди, обнимемся, Бертуччо!
Спешу: светает быстро; поскорее,
Придя к бойцам, уведомя, как дела,
Пришли гонца, а там — пусть буря грянет
Набатов с башен Марка!

Бертуччо Фальеро уходит.

Д о ж (один)

Он ушел.

И каждый шаг кому-то стоит жизни.
Свершилось! Ангел смерти воспарил
Над городом и медлит хлынуть гневом,
Как бы орел, что, высмотрев добычу,
На миг повиснет в воздухе, сдержав
Движение крыл могучих, и потом
Низвергнется и меткий клюв вонзает...
О день, из вод ползущий! Поспеши!
Я не хочу разить во тьме, мне нужно
Не промахнуться. О лазурь морская!
Тебя нередко, видел я, багрила
Кровь генуэзцев, гуннов, сарацин
И веницейцев, пусть победоносных.
Беспримесным теперь твой будет пурпур,
Не примирит нас варварская кровь
С твоим ужасным багрецом: погибнут
И враг и друг в междоусобной бойне!
Затем ли жил я восемьдесят лет,
Я, прозванный «спасителем отчизны»,

Я, перед кем миллионы шапок в воздух
Летели вдруг и клик десятков тысяч
Молил у бога счастья мне и славы
И долгих дней,— чтоб день такой увидеть?!
Но этот день, с отметой черной, будет
Введением в тысячелетье блеска.
Дождь Дандоло жил девяносто лет,
Свергая троны, но венец отвергнув;
И я сложу венец и возрожу
В стране свободу. О! Какой ценою!
Но оправдает все благой конец.
Что капля человеческой крови? Впрочем,
Кровь деспотов — не человеческая: наша
Питает их, Молохов воплощенных,
Пока мы в гроб не кинем их, привыкших
Других в могилы класть!.. О мир! О люди!
Что сами вы и святость ваших целей,
Коль мы должны резней карать злодейство?
Разить, как будто смерть лишь так приходит
И меч не может подождать годок?
Зачем же я с порога рокового
В безвестный мир спешу герольдов слать?..
Прочь мысли эти...

Пауза.

О! Как будто ропот
Далеких голосов? И мерный шаг
Военной маршировки? Или звуки
В ответ желаньям шлют фантомы нам?
Не может быть; сигнал еще не грянул...
Что медлят с ним? Гонец Бертуччо должен
Быть на пути ко мне, а сам племянник
Уже, быть может, на тяжелых петлях
Со скрипом дверь распахивает в башню,
Где колокол, огромный и угрюмый,
Висит — оракул смерти дождя или
Вторжения,— гремя лишь в эти дни
Ужасной вестью. Пусть же он послужит,
Вещающая ужас, но — в последний раз
Устои башни потрясет!.. Молчит он?
Я вышел бы, но здесь мой пост; я должен
Быть центром разнородных сил, обычных
В таких союзах, охранять единство
И в столкновенье слабых ободрять.

Коль схватке быть, она всего свирепей
Здесь разгорится, во дворце, и, значит,
Здесь должен быть мой пост как вожака.
Вот! Он идет, идет, гонец Бертуччо,
Племянника отважного! Какие
Известия? Он выступил? Спешит он?..
Они!.. Погибло все!.. Но — поборюсь!

Со стражами входит офицер ночной стражи.

О ф и ц е р

Ты, дож, мной арестован за измену.

Д о ж

Я? Князь твой? За измену? Кто дерзнул
В приказ такой свою укрыть измену?

О ф и ц е р

(показывая приказ)

Вот ордер от собранья Десяти.

Д о ж

Но *где* они и почему собрались?
Совет законен, только если дож
В нем председатель; в этом — долг мой.
Твой же —
Дорогу дать мне или проводить
В зал заседанья.

О ф и ц е р

Невозможно, герцог:
Совет собрался не в своей палате —
В монастыре Спасителя.

Д о ж

Итак,

Ты смеешь мне перечить?

О ф и ц е р

Государству

Служу я и служить обязан верно;
В моем приказе — воля тех, кто правит.

Д о ж

Без подписи моей он незаконен,
А примененный, как *теперь*, являет
Бунт! Хорошо ль ты цену жизни взвесил
Твоей, борясь за столь мятежный акт?

О ф и ц е р

Я действовать обязан, а не спорить,
Я прислан стражем для твоей особы,
А не судьей, чтоб слушать и решать.

Д о ж (в сторону)

Я должен время выиграть; с набатом
Пойдет не то. Спеши, спеши, племянник,
Спеши: судьба трепещет на весах,
И горе побежденным — мне ль с народом,
Сенату ли с рабами...

Звонит большой колокол св. Марка.

О! Гремит!

Гремит! Начальник стражи, слышишь? Вы же,
Наемники, ваш дрогнул жезл продажный?
То ваш надгробный звон. Расти ж, ликуй!
Чем, гады, выкупите жизнь?

О ф и ц е р

Проклятье!

С оружием встать у входа! Все погибло,
Коль страшный звон не смолкнет. Офицер
Напутал что-то или вдруг наткнулся
На гнусную засаду. Эй, Ансельмо,
Бери твой взвод и — прямоком на башню.
Всем остальным со мною быть.

Часть стражей уходит.

Д о ж

Несчастный!

Коль жизнью подлой дорожишь — моли:
Ей срок теперь не долее минуты,
Да рассылай разбойников твоих:
Им не вернуться.

О ф и ц е р

Пусть. Они погибнут,
Как я погибну — исполняя долг.

Д о ж

Дурак! Орлу знатней нужна добыча,
Не ты с твоею шайкою. Живи.
Коль смерть сопротивленьем не накличешь,
И (если стерпит темная душа
Сиянье солнца) быть учись свободным.

О ф и ц е р

А ты учись быть узником: он смолк —
Сигнал измены, гнавший стаю гончих
За их патрицианской дичью. Звон
Был погребальным, но не для Сената!

Колокольный звон прекращается.

Д о ж

(*после паузы*)

Все тихо. Все погибло...

О ф и ц е р

Вправду ль я
Бунтарского Сената раб мятежный?
Не выполнил ли долг я?

Д о ж

Смолкни, тварь!
Ты цену крови заслужил достойно,
Хозяева тебя вознаградят,
Но прислан ты стеречь, не пустословить,
Как сам сказал; так исполняй же службу,
Но молча, как приличествует. Помни:
Хоть я и пленник твой, но государь.

О ф и ц е р

Я не намерен отказать вам в чести,
Присущей рангу. Здесь я повинуюсь.

Д о ж
(в сторону)

Теперь осталось лишь одно мне: смерть.
Так близок был успех!.. О, я охотно,
Я гордо пал бы в миг триумфа, но
Так все утратить!..

Входят другие офицеры ночной стражи
с арестованным Бертуччо Фальеро.

В т о р о й о ф ф и ц е р

Он схвачен выходящим
Из башни, где, по порученью дожа,
Велел он к мятежу подать сигнал,
В набат ударив.

О ф ф и ц е р

Подступы к дворцу
Надежно ль охраняются? и все ли?

В т о р о й о ф ф и ц е р

Все, но теперь в том нет нужды: вожди
Уже в цепях, а кой-кого и судят;
Приверженцы бегут, иных — схватили.

Б е р т у ч ч о

О дядя!

Д о ж

Против рока не пойдешь!
Наш род лишился чести!

Б е р т у ч ч о

Кто бы мог
Подумать это? На мгновенье раньше б!..

Д о ж

Мгновенье то — меняло лик столетий,
А *это* — шлет нас в вечность. И пойдем,
Как мужи, чей триумф не весь в удаче,
Кто может встать лицом к лицу с любою
Судьбой, не дрогнув. Не томись: он краток,
Миг перехода. Я б один ушел,
Но, так как нас вдвоем отправят, верно,
Умрем достойно предков и себя!

Б е р т у ч ч о

Я, дядя, вас не устыжу.

О ф и ц е р

Синьоры,

Вас охранять приказано мне порознь,
Пока Совет вам не назначит суд.

Д о ж

Нам — суд! Они издевку длить решили
До казни? Что ж, их сила; с ними тоже
Разделались бы мы, хоть с меньшей помпой.
Все это ведь игра убийц взаимных:
Смерть — по очкам; но выиграл Сенат
С фальшивой костью. Кто же наш Иуда?

О ф и ц е р

Я отвечать не вправе.

Б е р т у ч ч о

Я отвечу:

Бертрам какой-то; показанья он
Давать еще не кончил в тайной Джунте.

Д о ж

Бертрам, бергамец! Мерзким же орудьем
Мы запаслись для смерти иль победы!
Такая тварь, в грязи двойной измены,
Честь обретет, награды и бессмертье —
С гусями римскими, чей гогот поднял
Весь Рим, триумф добыв им ежегодный,
А Манлий, галлов сбросивший, был сам
С Тарпея свергнут...

О ф и ц е р

Он хотел изменой

Взять власть над Римом.

Д о ж

Рим он спас и думал

Спасенный город преобразовать...

Но это вздор... Синьоры, мы готовы.

О ф и ц е р

Прошу пройти, Бертуччо благородный,
Во внутренние комнаты.

Б е р т у ч ч о

Прощайте,
Мой дядя! Встретимся ль еще — не знаю,
Но, может быть, наш прах соединим.

Д о ж

И так же души: им, в полете вольном,
Свершить все то, что бранный, косный прах
Не мог свершить. Не позабудут нас,
Громивших трон преступной тирании,
И — день придет — с нас будут брать пример!

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал заседаний Совета Десяти, пополненного по случаю суда над соучастниками крамолы Марино Фальеро несколькими добавочными сенаторами, что составляло так называемую Джунту.

Стражи, офицеры и пр. Израэль Бертуччо и Филиппо Календаро — подсудимые. Бертрам, Лионни и другие свидетели и пр. Председатель Совета Десяти Бенинтенде.

Б е н и н т е н д е

Теперь, когда доказаны столь явно
Бесчисленные преступления этих
Злодеев закоснелых, остается
Изречь вердикт. Печальная повинность
Для подсудимых и суда. Увы!
На мне она, и путь служебный мой
В грядущем будет неразрывно связан
С воспоминаьем грязным о гнуснейшей
И сложно разработанной измене
Стране свободы и закона, славной
Твердыне христианства против греков
Еретиков, арабов, диких гуннов
И франков, столь же варварских. Наш город
Дарам индийским путь открыл в Европу;

Для римлян был убежищем последним
От орд Аттилы и, король морей,
Над Генуей надменной торжествует;
И трон такого града подрывала
Злодеев горсть, рискуя подлой жизнью!..
Так пусть они умрут!

Израэль

О, мы готовы:
Нам пытки помогли. Убейте нас.

Бенингенде

Коль можете сказать нам что-нибудь,
Смягчающее вашу кару — Джунта
Готова слушать; если есть признанья —
Мы ждем: они, возможно, вам помогут.

Бертуччо Фальеро

Нам — слушать, а не говорить.

Бенингенде

Измена

Вполне ясна по показаниям ваших
Сообщников, по всем деталям дела.
Но мы хотим полнейшего признанья
Из ваших уст. Из края страшной бездны
Всепоглощающей — одна лишь правда
Полезна вам и в том и в этом мире.
Итак, что вас подвигло?

Израэль

Справедливость.

Бенингенде

А цель?

Израэль

Свобода!

Бенингенде

Слишком кратко, сударь.

Израэль

Так жизнь учила. Ведь воспитан я
Солдатом, не сенатором.

Бенинтенде

Ты вздумал,
Суд раздражив отрывистостью дерзкой,
Решенье оттянуть?

Израэль

О, будьте кратки
Вы так, как я, и верьте: эту милость
Я вашему прощенью предпочту.

Бенинтенде

И это весь ответ?

Израэль

Спроси у дыбы,
Что вырвала она у нас,— иль вздерни
Вторично: кровь еще найдется в жилах,
Найдется боль в изломанных плечах!
Но — не посмеешь: если мы умрем
(А в нас не хватит жизни вновь насытить
Страданьем обожравшуюся дыбу),
Пропал спектакль, которым вы хотите
Пугнуть рабов, чтоб рабство укрепить!
Стон агонии — не слова признанья,
Нет правды в воплях: боль душе велит
Для передышки лгать. Итак, что ж будет:
Вновь пытка? или смерть?

Бенинтенде

Скажи мне: кто
Был с вами в соучастии?

Израэль

Сенат.

Бенинтенде

Что это значит?

Израэль

Спросишь у народа
Несчастливого, кому злодейства знати
Мятеж внушили.

Бенинтенде

Дожа знаешь ты?

Израэль

Да, с ним я Зару брал, когда вы здесь
Чины речами добывали; жизнью
Своей мы рисковали: вы — чужой
И в обвинениях и в защитах ваших...
Известен дож и славными делами,
И тем, что оскорбил его Сенат.

Бенинтенде

С ним совещались вы?

Израэль

Твои вопросы
Меня измучили сильнее, чем пытка!
Прошу ускорить приговор.

Бенинтенде

Успеем.
Теперь, Филиппо Календаро, ты.
Что можешь возразить на обвиненье?

Календаро

Я к разговорам не привык; едва ли
Осталось мне добавить что-нибудь.

Бенинтенде

Когда мы вновь к тебе применим дыбу,
Изменишь тон!

Календаро

О да, весьма возможно:
И первой это удалось, но только
Тон изменился, не слова. Но впрочем...

Бенинтенде

Что?

Календаро

Придает значение закон
Признаниям под пыткой?

Бенинтенде

Несомненно.

Календаро

Кого бы я ни обвинил в измене?

Бенинтенде

Конечно; он предстанет пред судом.

Календаро

И этот оговор его погубит?

Бенинтенде

Когда признание полно и подробно,
То смерть оговоренному грозит.

Календаро

Так берегись же, гордый председатель!
Я вечностью, разверстой для меня,
Клянусь — *тебя*, лишь одного тебя
Изменником изобличить под пыткой,
Коль вновь я буду вздернут!

Один из Джунты

Председатель!

Не лучше ль приговор определить?
У этих ничего мы не добьемся.

Бенинтенде

Несчастье! Готовьтесь к близкой смерти.
Злодейства ваши, наш закон, угроза
Для всей страны — не позволяют медлить.
Конвой! Сведи их на красноколонный
Балкон, откуда дож на бой быков
Глядит в четверг на масленой, и там —
Предать возмездью. Пусть на месте казни
Останутся трепещущие трупы
Народу напоказ! Да снизойдет
Господня милость к душам их!

Джунта

Аминь!

Израэль

Прощайте же, синьоры! Не придется
Сойтись нам вновь!

Бенинтенде

И, чтоб они не стали
Мятежную толпу мутить пред казнью,
Заткнуть им рты заранее! Конвой,
Веди их.

Календаро

Как! Нам даже не позволят
С друзьями попрощаться? Завещанье
Оставить исповеднику?

Бенинтенде

Священник

Ждет вас в передней. А насчет друзей —
Им тяжело прощаться с вами; вам же
Нет в этой встрече пользы никакой.

Календаро

Нам рот всю жизнь, я знаю, затыкали,
Хотя бы тем, кто были слишком робки,
Чтоб думать вслух, рискуя жизнью; но
Не знал я, что и в смертный миг отнимут
У нас ту жалкую свободу слова,
Какая умирающим дана!
И все же...

Израэль

Пусть идут своей дорогой!
Что пользы в нескольких словах? А гибель
Почетней без побряжек палача!
И громче наша кровь вопиет
К благому небу, жалуясь на них,
На их свирепость, чем могли бы томы
Записанных предсмертных наших слов!
Им страшен голос наш, но им, поверь,
Страшней молчанье наше! Пусть трепещут!
Их мысли — с ними; наши мысли — к небу
Мы вознесем!.. Ведите, мы готовы.

К а л е н д а р о

Когда б меня ты слушал, Израэль,
Не так бы все пошло и трус тот бледный,
Подлец Бертрам...

И з р а э л ь

Не нужно, Календаро!
Зачем теперь об этом рассуждать?

Б е р т р а м

Ах, если б вы со мною примирились
Пред смертью! Я ведь не хотел — сломили!
Простите мне, хоть сам себе вовек
Я не прощу! О, не смотрите гневно!

И з р а э л ь

Умру, простив тебя.

К а л е н д а р о
(плюет на Бертрама)

Умру — прокляв!

Уходят Израэль Бертуччо, Филиппо Календаро, стража и др.

Б е н и н т е н д е

Теперь, покончив с этими двумя
Преступниками, перейдем к суду
Над величайшим в летописях наших
Предателем — Фальеро, нашим дожем!
Все ясно и доказано, но с делом
Такого рода мы должны спешить.
Ввести его, чтоб выслушал решение?

Д ж у н т а

Да, да!

Б е н и н т е н д е

Авогадоры! Дожа к нам
Распорядитесь привести.

О д и н и з Д ж у н т ы

А прочих

Когда судить?

Бенинтенде

Потом, когда покончим
С вождами. Многие бежали к Кыоццу,
Но тысячи им посланы вдогонку;
На островах и на материке
Все меры приняты, чтоб за границу
Никто не ускользнул бы с клеветой
Изменнической на Сенат высокий.

Входит дождь, окруженный стражами.

Бенинтенде

Дождь (по закону все еще вы дождь
До той поры, когда тиару дождя
Сорвут с главы, что не умела с честью
Носить убор, славнейший всех корон),
Вы заговор замыслили злодейский,
Чтоб ниспровергнуть равных вам, кто вас
Возвел на трон, и утопить в крови
Родную славу!.. Дождь, авогадоры
В покоях ваших предъявили вам,
По нашему приказу, все улики;
Столь много их, что ни один изменник
На очной ставке пред такою тенью
Кровавой не стоял! В свою защиту
Что скажете?

Дождь

Что говорить, когда
Моя защита — обвиненье вам?
Злодеи — вы, но вы и прокуроры,
И судьи вы, и палачи. Власть ваша,
И действуйте.

Бенинтенде

Да: так как ваши все
Сообщники признались — нет надежды.

Дождь

А кто они?

Бенинтенде

Их много; вот вам первый,
Стоящий перед вами и судом,
Бертрам, бергамец. Есть к нему вопросы?

Д о ж
(с презрительным взглядом)

Нет.

Б е н и н т е н д е

Два других: Филиппо Календаро
И Израэль Бертуччо подтвердили
Свое участие в заговоре вашем.

Д о ж

А где они?

Б е н и н т е н д е

На должном месте: держат
Ответ пред небом за дела земные.

Д о ж

Ах, значит, умер он — плебейский Брут?
И быстрый Кассий арсенала? Как же
Был ими встречен приговор?

Б е н и н т е н д е

О вашем
Подумайте, он близок. Ну? защита?

Д о ж

Пред низшими не стану защищаться!
И вам я не подсуден. Где закон?

Б е н и н т е н д е

В столь чрезвычайных случаях мы вправе
Любой закон поправить и дополнить.
Да, наши предки не предусмотрели
Таких злодейств, — как древний Рим забыл
В своих таблицах указать возмездье
Отцеубийцам; предки не карали
Вину, о коей не было и мысли
В великих душах. Кто предвидеть мог бы,
Что вопреки природе посягнет
Сын на отца и князь на государство?
Злодейство ваше породит закон,
Опасный для предателей высоких,
Изменой восходящих к самовластью,

Которым мало скипетра, покуда
В двуострый меч не превратится он!
Вам не довольно было трона дожа?
И власть над всей Венецией мала?

Д о ж

Власть над Венецией!.. Да это *вы* —
Предатели! *Вы, вы* мне изменили!
Я, равный вам по крови, выше вас
По сану и делам, оторван вами
От дел моих высоких в дальних странах,
В морях, на поле брани, в городах
И жертвой, венценосной, но бессильной,
Закованной, на тот алтарь повергнут,
Где вы — жрецы! Не знал, не жаждал я,
Во сне не видел вашего избрания!
Я в Риме был тогда; я подчинился,
Но, воротясь, нашел, помимо зоркой
Ревности, с которой вы привыкли,
Смеясь, мешать благим мечтам князей,
Проделанную вами в дни межвластья,
Пока в столицу ехал я, урезку
И искаженье жалких прав, какие
Остались дожу! Это все я снес
И впредь сносил бы, если б мой очаг
Запятнан не был вашей клеветой.
А клеветник — вот он, средь вас, достойный
Судья в суде таком!..

Б е н и п т е н д е
(прерывая его)

Микеле Стено —
Член Сорока; находится он здесь
По должности. Советом Десяти
Приглашены сенаторы на Джунту,
Чтоб нам помочь в суде, столь небывалом
И трудном. Он освобожден от кары,
Ему назначенной, поскольку дож —
Кто должен быть защитником закона,
Но сам его хотел попрасть — не вправе
Другим искать возмездья по статутам,
Какие сам отверг и осквернил!

Д о ж

Ему возмездья! Легче мне, что *здесь* он
Сидит, средь вас, мою смакуя гибель,
А не под издевательским арестом,
Что подлый, лживый, лицемерный суд
Назначил карой! Грязь его вины —
Сиянье рядом с вашею заступой!

Б е н и н т е н д е

Но как возможно, что великий дож,
Три четверти столетья знавший только
Почет, позволил, точно мальчик пылкий,
Чтоб ярость одолела в нем все чувства,
Страх, мудрость, долг — из-за такого вздора,
Как дерзость раздраженного юнца?

Д о ж

От искры пламя вспыхнет, и от капли
Прольется кубок; мой же — полон был:
Вы угнетали и народ и князя.
Обоим ждал свободы я, обоих —
Сгубил. А будь успех — была бы слава,
Победа, мщенье и такое имя,
Что спорить бы Венеция могла
С историей Афин и Сиракуз
В дни их свободы прежней и расцвета,
А я — с Гелоном или Фразибулом!
Я проиграл; за проигрыш расплата —
Теперешний позор и смерть. Но время
Рассудит все — в свободной иль в погибшей
Венеции; тогда — увидят правду!
Не медлите! Пощады не ищу я,
Как не дал бы! В игре рискнул я жизнью
И проиграл; берите ж: я бы взял!
Стоял бы я меж вашими гробами;
Вкруг моего столпиться — растоптать,
Как вы, при жизни, сердце мне топтали!

Б е н и н т е н д е

Итак, признались вы? и, значит, суд наш
Был справедлив?

Д о ж

Признал я неудачу;
Фортуна — женщина; ее дарами
Был с юности осыпан я; мой промах
В том, что, старик, былым улыбкам верил.

Б е н и н т е н д е

Так нет сомнений в нашем беспристрастьи?

Д о ж

Патриции! Достаточно вопросов!
Готов я к худшему, но кровь не вовсе
Во мне остыла, я не одарен
Терпением. Прошу вас: прекратите
Допрос дальнейший, превратить грозный
Суд в словопренье. Каждый мой ответ
Вам будет оскорбителен — всем вашим
Бесчисленным врагам на радость. Правда,
Нет эха у суровых этих стен,
Но уши — есть; и есть язык; и если
Один у правды путь — сквозь них прорваться,
То вы, боясь меня, судя, казня,
Вы сами в гроб все доброе и злое,
Что я скажу, безмолвно не снесете:
Груз тайны этой не для ваших душ;
Пускай уснет в моей, чтоб вам избежать
Двойной грозы, коль меньшая прошла.
Желая дать размах защите, так бы
Ее повел я: ведь *слова* — *дела*!
А слово смертника вдвойне живуче
И — мстит порой; так бросьте в гроб мое,
Коль пережить меня хотите, — вот мой
Совет! Вы часто гнев мой возбуждали
При жизни, дайте ж мирно умереть,
Молю. Не защищаюсь, не борюсь я,
Прошу лишь о молчанье для себя
И жду решенья.

Б е н и н т е н д е

Полнота признанья
Снимает с нас тяжелую повинность
Прибегнуть к пытке, чтоб добиться правды.

Д о ж

Что пытка! Вы меня вседневной пытке
Подвергли, сделав дожем. Добавляйте ж
Терзанья плоти: дряхлая — уступит
Тискам железным; но в душе найдется,
Чем утомить машины ваши все!

Входит о ф и ц е р.

О ф и ц е р

Высокие синьоры! Догаресса
Желает быть на заседанье Джунты.

Б е н и н т е н д е

Отцы сенаторы, вы разрешите?

О д и н и з Д ж у н т ы

Она, быть может, с важным сообщеньем
Пришла, и мы поступим справедливо,
Приняв ее.

Б е н и н т е н д е

Нет возражений?

В с е

Нет.

Д о ж

Сколь он хорош, закон венецианский!
Впустить жену, надеясь, что она
Свидетельствовать будет против мужа!
Какая честь для чистых наших дам!
Но им, сидящим тут, мараť привычно
Честь каждого — и как не внять признанью?
Ну, гнусный Стено, коль жена предаст,
Прощу и ложь тебе, и суд пристрастный,
И казнь мою, и жизнь твою в грязи!

Входит до г а р е с с а.

Б е н и н т е н д е

Синьора, как ни странна ваша просьба,
Наш правый суд ей внял и терпеливо
Вас выслушает с должным уваженьем

К вам лично, к рангу вашему и к роду,
Какая вас ни увлекала б цель.
Но вы бледнеете... Эй, там, к синьоре!
Скорее кресло!

А н д ж о л и н а

Слабость на мгновенье...
Прошло... Прошу простить, но я не сяду
В том помещенье, где мой государь
И мой супруг стоит.

Б е н и н т е н д е

В чем ваша просьба?

А н д ж о л и н а

Зловещий слух,— но верный, если правда
Все, что я вижу,— до меня донесся,
И я пришла с решимостью узнать
Все худшее. Простите, что врываюсь.
И если... не могу сказать... вопрос мой...
Но вы уже ответили безмолвно,
Взор отведя и сумрачно склонясь!
О боже мой! Здесь тишина могилы!

Б е н и н т е н д е
(после паузы)

Избавь себя и нас от называнья
Ужасной нашей, но неотвратимой
Повинности пред небом и людьми!

А н д ж о л и н а

Ответь! Не верю, нет, невероятно!..
Он осужден?

Б е н и н т е н д е
Увы!

А н д ж о л и н а

И он преступен?

Б е н и н т е н д е

Синьора! Лишь понятное смятенье
Всех ваших мыслей извиняет вам

Вопрос ваш; а иначе недоверьем
Глубоко оскорбили б вы верховный
И правый суд. Спроси у дожа! Если
Отвергнет он улики, можешь верить,
Что он, как ты сама, безгрешен.

А н д ж о л и н а

Да?

Муж мой! Мой князь! Друг бедного отца!
В боях могучий и в Совете мудрый!
Пусть он возьмет слова назад! Молчишь?

Б е н и н т е н д е

Пред нами он свою вину признал
И, видишь, пред тобой не отрицает.

А н д ж о л и н а

Но не умрет он! Старца пощадите,
Чью жизнь к неделям боль и стыд сведут!
Сотрет ли день злоумыслов бесплодных
Шестнадцать люстров, полных славных дел?

Б е н и н т е н д е

Наш приговор исполнится немедля
И не смягченным — таково решение.

А н д ж о л и н а

Его — вина, но ваше — милосердьё.

Б е н и н т е н д е

Оно неправосудно здесь.

А н д ж о л и н а

Синьор!

Кто правосуден только, тот жесток!
Будь правый суд для всех, казнили всех бы.

Б е н и н т е н д е

Но казнь ему — спасенье государству.

А н д ж о л и н а

Как подданный, служил он государству,
Ваш генерал, спасал он государство,
Ваш суверен, он ведал государство.

Один из Совета

Он, как изменник, предал государство.

Анджolina

Не будь его, где было б государство?
Что было б рушить иль спасать? И вы,
Кем на смерть обречен освободитель,
Стонали б на галерах мусульманских,
Бряцали б цепью в гуннских рудниках!

Один из Совета

Здесь есть такие, что умрут, синьора,
Но жить не станут в рабстве.

Анджolina

Если *здесь*

И есть такие, ты — не в их числе:
Кто мужествен, тот милосерден к павшим...
Что ж, есть надежда?

Бенинтенде

Нет и быть не может.

Анджolina

Ну, если так, тогда умри, Фальеро!
Умри, не дрогнув, старый друг отца!
Виновен ты в великом преступленье,
Но зверством их ты обелен почти.
Я б их просила, умоляла б их,
Я клянчила б, как нищий клянчит хлеба,
Вопила бы, как им вопить пред богом,
Который им их милостью воздаст,
Будь нам с тобой пристойно это или
Не возвещай суровость глаз холодных,
Что в сердце судей — беспощадный гнев!
Прими ж удел твой, как пристойно князю!

До ж

Я вдоволь жил, чтоб научиться смерти!
Твои ж мольбы пред этими людьми —
Лишь стон овечки перед мясником
Иль в бурю крик матросов; я не взял бы
И вечной жизни от злодеев этих,

Чей гнет чудовищный хотел я снять
Со стонущих народов!

М и к е л ь С т е н о

Только слово

К вам, дож, и к этой благородной даме,
Кого я тяжко оскорбил. О, если б
Я мог стыдом, печалью, покаяньем
Стереть неумолимое былое!
Но — невозможно! Так простимся ж кротко,
По-христиански: сокрушенным сердцем
Молю вас — не простить, но пожалеть
И шлю за вас, пусть робкие, молитвы!

А н д ж о л и н а

Судья верховный, мудрый Бенинтенде,
Прими ответ мой этому синьору,
Пусть грязный Стено знает, что слова
Его могли на миг вложить в меня,
В дочь Лоредано, жалость — и не больше —
К таким, как он. Дай бог презрению прочих
Быть столь же кротким! Честь мою ценю я
Дороже сотни жизней, если б их
Прибавили к моей, но не хотела
Одну чужую погубить за то,
Что осквернить нельзя, — за чувство чести,
Которому не мнение других,
Не слава, а оно само награда!
Мне клевета — не более чем ветер
Скале, но есть чувствительнее души, —
Увы! для них подобные слова,
Как вихрь для вод; для этих душ бесчестье
И даже тень его страшней, чем гибель
Здесь и за гробом; люди, чей порок —
Дрожать перед насмешкою порока;
Кто, устояв пред зовом наслаждений,
Под гнетом горя, вдруг слабеет, если
На имя гордое, на эту башню
Надежд ложится тень; они ревнивей
Орла к высотам светлым... Пусть же все,
Что видим здесь, и чувствуем, и терпим,
Отучит раздраженных негодяев
Тех задевать, кто выше их. Порою
Льва мошкара безумит; рана в пятку

Повергла в смерть храбрейшего из храбрых;
 Позор жены повлек паденье Трои;
 Позор жены царей изгнал из Рима;
 Муж оскорбленный предал Клузий галлам,
 Что вслед за тем сломили было Рим;
 Бесстыдный жест Калигулу убил,
 Хотя весь мир сносил его жестокость;
 Обида девы маврам отдала
 Испанию; две лживых строчки Стено
 Здесь каждого десятого сгубили,
 Чуть не сгубив Сенат восьмисотлетний,
 Тиару с дожа сняли — с головой,
 Цепей добавив скорбному народу!
 Пусть он гордится, жалкий негодяй,
 Как та блудница, сжегшая Персеполь, —
 Такая слава для него как раз!
 Но пусть, навязывая нам молитвы,
 Не оскорбляет он предсмертный час
 Того, кто *был*, кем бы ни стал, героем!
 Добра не ждать из родника такого;
 Нам он не нужен ни теперь, ни впредь;
 Пусть он живет с самим собою — с бездной
 Падения. Прощают человека,
 Но не змею. Прощанья нет для Стено
 И гнева нет. Такие только жалят,
 А высшие страдают — вот закон.
 Ужаленный гадюкой, умирая,
 Раздавит гада, но без чувства злобы:
 Он должен жалить; а иные души —
 Такие ж гады, как могильный червь!

Д о ж
 (к *Бенинтенде*)

Синьор! Кончайте то, что мните долгом.

Б е н и н т е н д е

Сейчас; но прежде просим догарессу
 Покинуть зал: ей будет слишком тяжело
 Присутствовать и слушать.

А н д ж о л и н а

Да, я знаю;
 Но все должна я вынести: ведь в этом
 Мой долг. И только силою меня

Отторгнут от супруга! Приступайте!
Не бойтесь криков, слез и вздохов; сердце
Разбиться может, но безмолвно; знаю,
Что все перенесу! Читай!

Б е н и н т е н д е

Марино

Фальеро, дож Венецианский, граф
Валь-ди-Марино и сенатор, в прошлом
Командующий армией и флотом,
Патриций, многократно облеченный
Доверьем государства вплоть до высшей
Магистратуры,— слушай приговор!
Изобличенный множеством свидетельств,
Уликами и собственным признанием
В предательстве, в измене государству
Неслыханной, ты осужден на смерть.
Твои владенья отойдут в казну,
А имя будет вычеркнуто всюду,
И лишь при благодарственных молебнах
За дивное спасенье наше — вспомнят
Его в календарях, с чумою рядом,
С землетрясением, с внешними врагами,
С диаволом, чтоб милость божью славить,
Укрывшую и родину и нас
От лютой твоей. То место, где бы
Как дож ты был изображен в соседстве
С прославленными дожами, оставят
Пустым, задернув траурным покровом
С такою скорбной надписью на нем:
«Hic locus est Marini Falieri,
Decapitati pro criminibus»¹.

Д о ж

«За преступления». Пусть, но все напрасно:
Позорный мрак над именем моим,
Что должен скрыть мои черты, притянет
Глаза людей властей, чем сто портретов
Соседних, с их мишурным блеском,— *ваших*
Рабов покорных, палачей народа!
«За преступления обезглавлен». Спросят:

¹ «Здесь — место Марино Фальеро, обезглавленного за преступления» (лат.).

А в чем они? Не лучше ль их назвать,
Чтоб зритель мог, на правду опираясь,
Их оправдать или *понять* хотя б?!
Дож — заговорщик! Почему?! Пусть люди
Узнают это. Вам ли прятать вашу
Историю?

Бенинтенде

Ответит время. Внуки
Пусть наш оценят приговор. И вот он:
Как дож, в порфире и в тиаре, ты
Проществуешь на лестницу Гигантов,
Где ты и все князья венчались властью,
И там, где дож берет венец впервые,
С тебя венец впервые сдернут и —
Отрубят голову. И милость неба
С тобой да будет!

Дож

Так решила Джунта?

Бенинтенде

Да, так.

Дож

Ну что ж!.. А казнь когда?

Бенинтенде

Немедля.

И с богом примириться поспеши:
Ты через час уже пред ним предстанешь.

Дож

Я с ним уже: он раньше кровь увидит
Мою, чем души палачей моих...
Все земли конфискуете?

Бенинтенде

Да, все,

И движимость, и ценности; оставим
Две тысячи дукатов: завещай их.

Д о ж

Жестокость! Я желал бы сохранить
Поместье близ Тревизо, что Лаврентий,
Ченедский граф, епископ, дал мне в лен
Потомственный,— чтоб завещать его
(Мои владения в городе, дворец
И ценности предоставляя фиску)
Моей супруге и родне.

Б е н и н т е н д е

Родня

Прав лишена; в ней старший, твой племянник,
Сам под угрозой смерти, хоть Совет
Отсрочил суд над ним покуда. Если ж
Хлопочешь ты о догарессе вдовой,
Не бойся: не обидим!

А н д ж о л и н а

Я, синьоры,
Добычи вашей не возьму! Отныне
Себя я посвящаю только богу
И кров найду в монастыре.

Д о ж

Идем!

Ужасным будет час, но он пройдет...
Чего мне ждать еще, помимо смерти?

Б е н и н т е н д е

О, ничего! Покайся и умри.
Священник в облачение, меч отточен,
И оба ждут. Но только не надейся
Поговорить с народом: много тысяч
Уже столпилось у ворот, но мы
Их заперли. Авогадоры, Джунта,
Мы, Десять, и старшины Сорока
Одни увидят рок твой. С этой свитой
Прошествоует на место казни дож.

Д о ж

Дож?!

Бенинтенде

Дож. Ты жил и должен умереть
Как государь. Покуда не настанет
Последний, смертный миг твой, голова
С тиарой дожа будет нераздельна.
Лишь ты забыл достоинство твое
В союзе с бунтом черни, но не мы:
В тебе мы и на плахе видим князя.
Твои друзья презренные погибли
Собачьей или волчьей смертью; ты же
Как лев падешь в кругу ловцов, хранящих
Высокое сочувствие тебе,
Жалеющих о неизбежной смерти
Того, чей гнев был царственно свиреп.
Теперь — иди, готовься, но не медли;
Тебя мы сами отведем туда,
Где мы тебя впервые окружили
Как твой Сенат. И там, на том же месте,
С тобой навек простимся мы. Конвой!
Сопутствуй дождю до его покоев.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Покои дожа.

Дож под стражей и догаресса.

Дож

Теперь, когда священник удалился,
Тянуть не стоит жалкие минуты.
Еще надрыв — прощание с тобой,—
И высыплю последние песчинки
Подаренного часа. Я покончил
Со временем.

Анджolina

Увы! И я была

Причиною всего, хотя невольной;
Наш черный брак, наш траурный союз,
Тобой отцу обещанный на смертном
Его одре, смерть предрешил *твою*.

Д о ж

О нет; во мне самом таилось нечто,
Грозившее великой катастрофой;
Дивлюсь, что медлила она, хотя
Ее мне предсказали.

А н д ж о л и н а

Предсказали?

Д о ж

Уже давно — настолько, что не помню,
Но в летописях есть об этом,— я
Еще был молод — и служил Сенату
Как подеста и комендант в Тревизо.
В день праздника медлительный епископ,
Что нес дары святыя, пробудил
Мой безрассудный юный гнев нелепой
Медлительностью и ответом чванным
На мой упрек. И я его ударил,
Так что упал он со святою ношей.
Встав, он воздел трепещущую руку
В благочестивом гневе к небесам
И, указав на выпавшую чашу,
Сказал мне, обратясь: «Настанет миг,
И бог, тобой повергнутый, повергнет
Тебя; твой дом покинет слава; мудрость
Исчезнет из души твоей; в расцвете
Всех сил ума владеть тобою станет
Безумье сердца; страсти обуяют
Тебя тогда, когда в других они
Молчат иль мягко сходят в добродетель;
Величие, краса других голов
Сойдет к твоей, чтоб снять ее; почет
Твое паденье возвестит, седины —
Твой срам, и общим результатом — смерть,—
Но не такую, что прилична старцу!»
Сказав, ушел он. Этот час настал.

А н д ж о л и н а

Но как же ты, с таким предупреждением,
Рок не пытался отвратить, хотя бы
Епитимью отбыв за свой поступок?

Д о ж

Слова, сознаюсь, мне запали в сердце,
Так что нередко в суматохе жизни
Я вспоминал их — некий призрак звука,
Вливавший дрожь в мои больные сны.
Я каялся; но не в моей природе
Идти назад: что быть должно, то будет,
И — не боялся я. И даже больше:
Ты помнишь, — да и все об этом помнят, —
В тот день, когда из Рима прибыл я
Уже как дож, туман необычайный,
Невиданный пред «Бучентавром» встал,
Как облачный тот столп, что из Египта
Евреев уводил, и кормчий, сбившись,
Привел корабль не к Рива-делла-Палья,
Как надо было, а к святому Марку,
К той колоннаде, где казнят обычно
Преступников, — и там сошли мы. Вся
Венеция была потрясена
Зловещим этим предзнаменованием.

А н д ж о л и н а

Ах, бесполезно вспоминать об этом
Теперь.

Д о ж

Я все же радуюсь при мысли,
Что это все — веленья Рока: легче
Богам поддаться, а не людям; лучше
Уверовать в судьбу, а в этих смертных,
По большей части жалких, точно прах,
И столь же слабых, видеть лишь орудье
Верховных сил. Ведь сами по себе
Они не годны ни на что; не им
Быть победителями человека,
Кто побеждал для них.

А н д ж о л и н а

Свои минуты
Последние отдай иным порывам,
Смягчись и, примиренный даже с ними,
С презренными, на небо возлети.

Д о ж

Я *примирен* уверенностью твердой,
Что день придет — и дети их детей,
И этот гордый град в лазури водной,
И все, на чем их власть и блеск держались,
Все станет разореньем и проклятьем,
И новые под свист народов рухнут
Тир, Карфаген, приморский Вавилон.

А н д ж о л и н а

Так говорить не время; буря страсти
И в смертный миг тебя стремится! Смирись!
Не обольщайся: ты врагам безвреден.

Д о ж

Я — в вечности уже, гляжу я в вечность,
И так же ясно, как в последний раз
Столь нежное твое лицо я вижу,
Я вижу дни, о коих говорю,—
Судьбу вот этих стен, объятых морем,
И всех, кто в стенах!

С т р а ж

(выступая вперед)

Дождь венецианский,
Прошу вас: Десять ожидают ваше
Высочество.

Д о ж

Прощай же, Анджолина!
Последний поцелуй!.. Прости мне, старцу,
Мою любовь, столь роковую; память
Люби мою; я не просил бы столько,
Живя, но ты теперь смягчиться можешь,
Дурных во мне уже не видя чувств.
К тому ж плоды всей долгой жизни — славу,
Богатство, имя, власть, почет — все то,
Что возвращает даже на могилах
Цветы,— утратил я! Нет ничего —
Ни дружбы, ни любви, ни уваженья,—
Что хоть бы эпитафию могло
Исторгнуть у родни тщеславной! В час я
Жизнь вырвал с корнем прошлую; изжито —
Все! Только сердце чистое твое

И кроткое осталось мне; и часто
Оно, храня безмолвную печаль...
Как ты бледнеешь!.. Ах, она без чувств!
Не дышит!.. Пульса нет!.. Конвой! на помощь!
Я не могу ее оставить... Впрочем,
Так лучше: вне сознания нету мук.
Когда она из мнимой смерти встанет,
Я буду с Вечным. Кликните служанок.
Еще взглянуть! Как лед рука! Такой же
Быть и моей, когда очнешься!.. Будьте
С ней бережны; спасибо! Я готов.

Входят служанки Анджолины и окружают бесчувственную
госпожу. Дожд и стража уходят.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Двор во Дворце дожей. Внешние ворота заперты, чтобы не проник
народ.

Входит дожд в парадном облачении, сопровождаемый Советом
Десяти и другими патрициями, в сопровождении стражи,
пока процессия не достигает верхней площадки лестницы Гиган-
тов, где дожди приносят присягу. Палач уже находится там
со своим мечом.

По прибытии председатель Совета Десяти снимает дожескую
тиару с головы дожа.

Д о ж

Дожд стал ничем, и я опять — Марино
Фальеро наконец; приятно быть им,
Хоть на минуту. Здесь я был увенчан
И здесь же — бог свидетель! — с облегченьем
Снимаю этот роковой убор,
Сияющую погребушку эту,
Безвластия насмешливый венец.

Один из Десяти

Дрожишь, Фальеро?

Д о ж

Старческая слабость.

Бенинтенде

Фальеро! Нет ли у тебя к Сенату
Просьб, согласуемых с законом?

Д о ж

Что же:

О милости к племяннику прошу,
О справедливости к жене; ведь смертью,
Такою смертью, думаю, сквитался
Я с государством.

Б е н и н т е н д е

Мы уважим просьбу,
Хотя твоя неслыханна вина!

Д о ж

Неслыханна! Да, тысячи владык
В истории злоумышляли *против*
Народа! За свободу же его
Погиб один лишь и один погибнет.

Б е н и н т е н д е

И кто они?

Д о ж

Спартанский царь и дож
Венецианский: Агис и Фальеро!

Б е н и н т е н д е

Что хочешь сделать иль сказать еще?

Д о ж

Могу ль я говорить?

Б е н и н т е н д е

Ты можешь; помни,
Однако, что народ — за воротами
И голос твой к нему не долетит.

Д о ж

Я воззову ко Времени, не к людям,
И к Вечности, уже причастный к ней.
О вы, стихии, в коих растворюсь я,
Пусть голос мой как дух над вами реет;
Ты, синий вал, стремивший флаг мой; ветер,
Любовно им игравший, надувая
Крылатый парус, что летел к победам
Бесчисленным; ты, родина, которой
Дарил я кровь мою, и ты, чужбина,

Что эту кровь из щедрых ран пила;
Вы, плиты, кровь с которых, не всосавшись,
Взойдет горé; ты, небо-восприемник;
Ты, солнце, факел этой казни; ты,
Кто зажигает или гасит солнца!
Глядите! Я — виновен. А они —
Безвинны?! Гибну я; но мщенье — будет!
Грядущие века встают из бездны
Явить моим глазам, еще открытым,
Что станет с гордым градом, над которым
Вовек виси проклятие мое!
Да, зреет втайне день, когда ваш город,
Твердыня, отогнавшая Аттилу,
Падет — и подло, без борьбы падет —
Перед Аттилою-ублюдком, меньше
Потратив крови на свою защиту,
Чем эти жилы пролили в боях
И здесь прольют в миг казни. Продадут
Его и купят, и с презреньем на него
Воззрит владелец. Станет он уездом,
Империи ничтожным городком,
С Сенатом раболепным, с нищей знатью,
Со сводниками вместо горожан.
Когда еврей в твои дворцы проникнет,
Венеция, и гунн в твои приказы,
И грек на рынки, усмехаясь втайне;
Когда на узких улицах патриций
Заклянчит хлеба, выставляя титул,
Чтоб вызвать жалость к мерзкой нищете,
А кучка тех, кто сохранят обломки
Наследных благ, придет вилять хвостом
Пред варваром-наместником — на месте,
Где их отцы блистали, государи,
Где их отцы казнили государя;
Когда с гербом, что сами запятнали,
С прабабкою распутной, что гордилась,
Блудя с плечистым гондольером или
С наемником, — они триумф позора
Сквозь три звена ублюдков пронесут;
Когда их всех, рабов презренно-падших,
Подарит победитель побежденным,
И трусы в них двойную трусость презрят,
И сверхпорочный презрит в них пороки,
Чью грязь и мерзость ни единый кодекс

Не нарисует и не назовет;
Когда от Кипра, что теперь подвластен,
Последней данью к дочерям твоим,
Честь позабывшим, отойдет распутство,
Чтоб их разврат в пословицу вошел;
Когда весь тлен земель поработенных
В тебя вползет: порок без блеска, грех,
Где нет намека на любовь, но только
Привычный грубый блуд, разврат бесстрастный
И холодно изученная похоть,
Искусно извратившая природу;
Когда все это ляжет на тебя
И скучный смех, безрадостные игры,
Без чести юность, без почета старость,
Скорбь, скудость, слабость, с коими в борьбу
Не вступишь ты, роптать — и то не смея,
Тебя в последний из задворков мира
Преобразят, — тогда, сквозь агонию,
Средь всех убийств, *мое* припомни ты!
Ты, логово пьянчуг, что пьяны кровью
Князей! Геенна вод! Содом приморский!
Богам тебя я предаю подземным!
Тебя и род змеиный твой!

(Поворачиваясь к палачу.)

За дело,
Ты, раб! Руби, как я рубил врагов!
Как деспотов рубил бы я! Сильней —
Как проклял я! Руби — одним ударом!

Дож сам опускается на колени, и, когда палач заносит меч,
занавес падает.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Площадь и площадка у св. Марка. Толпа народа у решетчатых ворот Дворца дожей. Ворота заперты.

Первый гражданин

Ну, у ворот я!.. Вижу, вижу: Десять
В парадных платьях окружили дожа.

Второй

Как ни толкаюсь, не могу пробиться!
Что там? Хотя б услышать что-нибудь,

Когда глядеть нельзя народу, кроме
Тех, кто добрался до самой решетки.

Первый

Один подходит к дождю: вот снимает
Тиару с головы его; а он
Возводит к небу острый взор; я вижу —
Глаза блестят и шевелятся губы.
Тишш!.. Только шепот... Далеко — проклятье!
Не слышно слов, но голос нарастает.
Как дальний гром. Ах, если б разобрать
Хотя бы фразу!

Второй

Тише! Может быть,
Уловим звук.

Первый

Нет, ничего не выйдет,
Не слышу. О, как волосы седые
По ветру плещут, будто пена волн!
Вон, вон — пал на колени он, и все
Сомкнулись вокруг, все скрыли; о, я вижу:
Меч в воздухе сверкнул! Ах, он упал!

Народ ропщет.

Третий

Итак — убит он, несший нам свободу!

Четвертый

С простым народом был всегда он добр!

Пятый

Умны они, что заперли ворота!
Знай мы заранее, что готовят, — мы бы
С оружием сюда пришли, взломали б
Решетки!

Шестой

Ты уверен, что он мертв?

Первый

Я видел меч упавший. Эй, что это?

На балконе дворца, выходящем на площадь Св. Марка, появляется председатель Совета Десяти с окровавленным мечом и трижды потрясает им над народом.

Председатель

Возмездие свершилось над великим
Изменником!

Ворота распахиваются; народ устремляется к лестнице Гигантов, где состоялась казнь; передние кричат отставшим.

Голоса

Скатилась голова
Кровавая по лестнице Гигантов!

Занавес падает.

1820

Сарданапал

Историческая трагедия в пяти актах

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуская в свет следующие свои трагедии¹, — мне приходится сказать, что написаны они были без всякого помысла увидеть их на сцене.

Однажды театральными предпринимателями уже сделана была такая попытка, и известно, как отнеслось к этому общественное мнение. С моим же мнением, по-видимому, не считаются, и потому о нем ничего говорить не буду.

В основу той и другой пьесы положены исторические факты, поясненные в примечаниях.

Автор постарался в одном случае сохранить единство места, времени и действия, а в другом приблизиться к нему, полагая, что хотя и без этого правила можно создать нечто поэтическое, однако это нельзя будет счесть драмой. Ему известно, что в современной английской литературе «единства» не пользуются признанием. Но они не являются его личной выдумкой; автор лишь следует здесь мнению, которое еще не так давно было литературным законом для всего мира и все еще продолжает оставаться таковым во всех цивилизованных

¹ «Сарданапал» впервые появился в одном томе с «Двое Фоскари».

странах. Однако «nous avons changé tout cela»¹, — и такая отмена пользы нам не принесла.

Автор отнюдь не считает, что, придерживаясь своего мнения или чужого примера, он каким-либо образом может стать наравне с теми, кто, предшествуя ему, писал правильные и даже неправильные драмы. Он просто поясняет, почему, создавая свое произведение, каким бы ни было оно несовершенным, он предпочитал следовать правилам, чем вовсе обойтись без них. Если здание плохо построено, винить в этом надо строителя, а не законы его искусства.

В трагедии «Сарданапал» я старался следовать рассказу Диодора Сицилийского. Однако счел необходимым вести развитие действия приближенно к закону трех единств. Мятеж возникает у меня внезапно, длится всего один лишь день, хотя в истории он был следствием продолжительных военных действий.

¹ Мы все это изменили (*франц.*); здесь: мы все это отменили.

САРДАНАПАЛ

ВЕЛИКОМУ ГЕТЕ,
первому из современных писателей,
который создал литературу
в собственном отечестве
и прославил собою литературу Европы,
дерзает поднести дар уважения,
как вассал своему ленному господину,
чужеземец.

Эта недостойная трагедия, которую автор осмелился
посвятить ему,
называется
«Сарданапал».

DRAMATIS PERSONAE

Сарданапал, царь Ниневии, Ассирии и пр.
Арбас, мидянин, стремящийся захватить престол.
Белез, халдейский прорицатель.
Салемен, шурин царя.
Алтада, придворный, должностное лицо.
Панья.
Замес.
Сферо.
Балеа.
Зарина, царица.
Мирра, рабыня-ионянка, возлюбленная Сарданапала.
Женщины из гарема, стражи, слуги, халдейские
жрецы, мидяне.

Место действия — царский дворец в Ниневии.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал во дворце.

Салемен
(один)

Он оскорбил царицу — но он муж,
Он оскорбил сестру — но он мой брат,
Он оскорбил народ — но все ж он царь,
А я — и подданный, и брат ему.
Не должен он погибнуть. Не хочу

Ветвь от Немврода и Семирамиды
Увядшей зреть, тринадцати веков
Империю считать пастушьей сказкой.
Я должен пробудить его. Он слаб,
Но мужество беспечное порок
Еще не исчерпал в нем, есть и сила,
Подавленная, но еще живая
И не утопленная сластолюбьем.
Родись он бедным — был бы человеком,
Достойным трона. Но, рожден для царства,
Он по себе оставит только имя,
Что сыновья наследством не сочтут.
Не все еще потеряно. Он может
Позор и лень искупить, коль станет
Тем, кем он должен быть, как стал уже
Тем, что он есть. Зачем не в силах он
Царить достойно, а не жизнь сжигать,
Быть войск своих вождем, а не гарема?
Теряя силы в гнусных наслаждениях,
Себя он губит, а ему здоровье
Дала б охота, как война даст славу.
Нет, надо разбудить его! Вот звуки,

Из глубины покоев слышна нежная музыка.

Но в них не слышно грома. Только флейты,
Цимбалы, арфы, сладострастный рокот
Струн, наводящих сон, и голос женщин
Иль тех, кто недостойн ими зваться.
И все должно его разгулам вторить,
Меж тем как величайший царь царей
На ложе возлежит в венке из роз,
Венец свой отшвырнув, чтоб мог схватить
Его любой, решившийся на это.
Чу! вот идут. Доносится ко мне
Курений дым от раздушенной свиты.
Я вижу, как сверкают ожерелья
Его наперсниц и певиц покорных.
Идут по галерее. И среди них
В нарядах женских, женщине подобный,
Семирамиды правнук, муж-царица.
Идет. Дождаться ли? Да, стать пред ним,
Сказать ему, как подобает прямо,
О нем и о семье. Идут рабы
С владыкой, подданным своих рабов.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Входит Сарданапал в женском одеянии. Голова его увенчана цветами, его одежды небрежно развеваются. За ним следуют женщины и молодые рабы.

С а р д а н а п а л
(к своей свите)

Цветов, цветов в беседку над Евфратом!
Побольше факелов! Все приготовить
К особенному пиршеству. Туда
Прибудем в полночь. Сделать все как надо.
Галеру приготовить. Вот уже
Прохладный ветер морщит гладь реки.
Мы тотчас же и отплывем. О нимфы,
Сопутницы услад Сарданапала,
Мы снова встретимся в сладчайший час
И соберемся, словно звезды в небе.
Но вы затмите их своей красой.
До той поры свободны вы. Ты, Мирра,
Моя ионянка, пойдешь со мною
Иль с ними?

М и р р а

Господин мой...

С а р д а н а п а л

Господин?
Как холоден ответ твой! О, проклятье!
Лишь так всегда владыкам отвечают.
Ты временем вольна распоряжаться,
Подобно мне. С гостями ты пойдешь
Или со мной?

М и р р а

Твой выбор — мне закон.

С а р д а н а п а л

Не говори так. Для меня отрада
Исполнить каждое твое желанье.
Свое ж я часто высказать не смею,
Боюсь, оно не совпадет с твоим.
А ты всегда чужой уступишь воле.

М и р р а

Я остаюсь. Мне большего нет счастья,
Чем разделять твое. Но...

С а р д а н а п а л

Не пойму.

Твоя же воля может стать преградой,
Способной нас друг с другом разлучить.

М и р р а

Но близится обычный час Совета,
И лучше было б удалиться мне.

С а л е м е н

(выступая вперед)

Она права. Позволь ей удалиться.

С а р д а н а п а л

Кто это? Ты, мой брат?

С а л е м е н

Да. Брат царицы,

Твой подданный вернейший, государь.

С а р д а н а п а л

(к свите)

Как я сказал, вы все сейчас свободны.
До полночи, пока не позову.

Свита удаляется.

(К Мирре.)

Могла б остаться ты.

М и р р а

Великий царь,

Ты этого мне не сказал.

С а р д а н а п а л

Я вижу

По взгляду ионийских глаз твоих,
Что ты остаться хочешь.

М и р р а

Но твой брат...

С а л е м е н

Царицы брат, ионянка! Ты смеешь
Меня так звать и не краснеть?

С а р д а н а п а л

Краснеть?

Твой взгляд и так ее краснеть заставил,
Как день, горящий на снегах Кавказа,
Когда закат их озарит лучом.
Молчи! Тебе твоя же слепота
Мешает видеть. Как? Ты плачешь, Мирра?

С а л е м е н

Пусть плачет, пусть оплакивает многих,
Хотя сама — причина горьких слез.

С а р д а н а п а л

Будь проклят тот, кто вызвал эти слезы!

С а л е м е н

Вини себя! Тебя народ клянет.

С а р д а н а п а л

Не забывайся. Не напоминай мне,
Что я властитель.

С а л е м е н

Если бы ты помнил!

М и р р а

Прошу обоих, дайте мне уйти.

С а р д а н а п а л

Что ж, если нужно, если оскорбили
Тебя так грубо, то иди. Но помни:
Мы встретиться должны. Скорей лишусь
Я царства, чем свидания.

Мирра уходит.

С а л е м е н

Быть может,
И трона и ее лишишься.

С а р д а н а п а л

Брат,
Владею я собою и могу
Выслушивать такие речи; все же
Не раздражай мой мягкий нрав.

С а л е м е н

Но он
Уж слишком мягок и к тому ж ленив.
О, если б мне его расшевелить,
Хотя б в ущерб себе!

С а р д а н а п а л

Клянусь Ваалом,
В тирана превратишь меня!

С а л е м е н

Тираном
Ты стал уже. Ты мнишь, что тирания —
Кровь и оковы? Слабость, власть порока,
Стремленье к роскоши и нераденье,
Грех лени чувственной и безучастность
Уже рождают тысячи тиранов,
Чья общая жестокость превосходит
Все злодеянья одного владыки, —
Как ни были б они грубы, жестоки.
Пример бездумной похоти твоей
Не развращает только, а гнетет.
Он пышный твой распатывает трон,
Он губит верных трону. Если только
Ворвется враг иль вспыхнут мятежи
Внутри страны — судьба тебя накажет.
Народ с врагом сражаться не пойдет.
А мятежу и сам скорей поможет.

С а р д а н а п а л

Народ тебе такую речь внушил?

С а л е м е н

Забвенье зол, что ты принес царице,
Моей сестре, к племянникам любовь
И преданность, столь нужная царю,
Как отпрыску великого Немврода.
Еще кой-что, чего не знаешь ты.

С а р д а н а п а л

Что?

С а л е м е н

Слово, незнакомое тебе.

С а р д а н а п а л

Какое? Все-таки скажи его,
Люблю учиться.

С а л е м е н

Добродетель!

С а р д а н а п а л

Вот как!

Мне этим словом прожужжали уши,
Оно вой черни, хриплый звук трубы.
Твоя сестра мне лишь его твердит.

С а л е м е н

Так слушай о пороке.

С а р д а н а п а л

От кого?

С а л е м е н

Хотя б от ветра, коль внимать не хочешь
Ты отзвукам народных голосов.

С а р д а н а п а л

Я снисходителен и терпелив,
Ты знаешь это. Чем же ты встревожен?

С а л е м е н

Тебе грозит опасность.

С а р д а н а п а л

Продолжай!

С а л е м е н

Так вот послушай же, твои народы,—
Тебе отец немало их оставил,—
Клянут тебя и ярости полны.

С а р д а н а п а л

Чего ж хотят рабы?

С а л е м е н

Царя!

С а р д а н а п а л

А кто же

Я сам?

С а л е м е н

Для них ничто. Но для меня
Ты тот, кто еще может стать царем.

С а р д а н а п а л

Пьянчуги наглые! Чего ж им нужно?
Я дал им мир, довольство...

С а л е м е н

Мира больше,
Чем нужно славе. А довольства меньше,
Чем царь обязан дать.

С а р д а н а п а л

Кто ж виноват?

Моих сатрапов ложь и нерадение.

С а л е м е н

И царь отчасти, что из стен дворца
Выходит лишь затем, чтоб удалиться
В какой-нибудь другой дворец в горах,
Покуда зной не схлынет. О, Ваал!
Обширное ты это создал царство,
Стал богом и сияешь ты как бог
В веках своей немеркнуущею славой,
А он, потомок твой, уж не властитель

Над тем, что ты добыл трудом и кровью.
Зачем? Довольно податей ему
Для пиршеств и для прихоти любовниц.

С а р д а н а п а л

Я понял. Ты ведь хочешь, чтоб я стал
Завоевателем, вождем? О, звезды,
Чьи тайны чтут халдеи! Все рабы
Проклятые желают, чтобы я
Повел их к славе.

С а л е м е н

Почему бы нет?

Семирамида, женщина, вела
Нас, ассирийцев, к солнечным долинам,
К течению Ганга.

С а р д а н а п а л

Да, но как вернулась?

С а л е м е н

Как муж, герой. Разбита, но врагами
Не побежденная. И два десятка
Стрелков вернулось в Бактрию.

С а р д а н а п а л

А сколько

Осталось в Индии, в добычу грифам?

С а л е м е н

Нет в летописях этого.

С а р д а н а п а л

Тогда

Я сам скажу за них, что лучше было б,
Чтоб, сидя во дворце, она соткала
Десятка два одежд, чем так бежать
С двумя десятками солдат, оставив
Волкам и воронам и вражьей злобе —
Тьмы тем своих рабов. И это слава?
Так дай мне жить в бесславии всегда!

С а л е м е н

Одна ль у мужественных душ судьба?
Семирамида, двадцати царей
Родоначальница, была разбита,
Но нам дала мидян, бактрийцев, персов,
Ты так же мог бы править, как она.

С а р д а н а п а л

Она их покорила, да, но правлю
Я ими.

С а л е м е н

Только скоро будет нужен
Им меч ее, а не твоя корона.

С а р д а н а п а л

Жил некогда какой-то Вакх. Не правда ль?
Мои гречанки говорили мне,
Что был он богом в Греции их дальней,
Кумиром, чуждым ассирийской вере.
И царство Инда он завоевал,
Где проиграла бой Семирамида.

С а л е м е н

Об этом человеке слышал я,
Но он к богам за подвиг сопричислен.

С а р д а н а п а л

Хочу почтить его сейчас как бога,
А не как человека. Эй, где кравчий?

С а л е м е н

Что хочет царь?

С а р д а н а п а л

Воздать ему хвалу,
Как богу-победителю. Вина!

Входит виночерпий.

Скорей неси мне золотой мой кубок,
Украшенный бесценными камнями
И названный Немврода чашей. Лей
Вино в него до края!

Виночерпий уходит.

С а л е м е н

Только время ль
Тебе возобновлять свое веселье,
Еще не стихшее?

Входит виночерпий с вином.

С а р д а н а п а л
(беря чашу)

Высокий брат,
Коль греки, варвары окраин наших,
Не лгут, то божество их, этот Вакх,
Завоевал всю Индию. Не правда ль?

С а л е м е н

Да, потому и стал он божеством.

С а р д а н а п а л

Не так. Немногие завоеванья,
Свершенные им, мог свершить и я,
Когда б то стоило трудов, походов,
Морей пролитой воинами крови,
Опустошенных царств, сердец разбитых.
Но в этом кубке все его права
Бессмертным быть: бессмертная лоза,
Откуда он впервые выжал душу
И человеку дал, как утешенье
За все свои победные причуды.
Не будь того, он был бы только смертным,
Обычным смертным в жизни и в могиле,
Как предки, как сама Семирамида,
Чудовище среди царственного рода.
Вот почему Вакх богом стал. Теперь
Пусть он тебя очеловечит, брат мой,
Ворчливый, мрачный. Вакху вверх меня.

С а л е м е н

А я за все владения твои
Не мог бы над своей глумиться верой!

С а р д а н а п а л

Так, значит, для тебя он лишь герой,
Проливший столько крови, а не бог,
В лозу вдохнувший чары — веселить

Печальных, оживлять надеждой старых,
Быть счастьем юных, отдыхом усталых,
Дать храбрость трусу, новый мир открыть
Тем, кто пресыщен жизнью? Я вручаю
Тебя ему, как доблестному мужу,
Который нас дивит добром и злом.

(Пьет.)

С а л е м е н

И ты готов опять затеять пир?

С а р д а н а п а л

А хоть бы так! Пир лучше, чем трофей,
Несущий слезы. Но не в этом дело.
И если ты не хочешь поручить
Меня такому богу — продолжай!
Доказывай!

(Виночерпию.)

Теперь оставь нас, мальчик.

Виночерпий уходит.

С а л е м е н

Хочу я пробудить тебя от сна.
Пусть это буду я, а не мятеж.

С а р д а н а п а л

Мятеж? Но почему? Причина? Повод?
Я — царь законный, я происхожу
Из знатного прославленного рода.
Что сделал я народу и тебе,
Чтоб ты — безумствовал, а он — восстал?

С а л е м е н

Не о себе сейчас веду я речь.

С а р д а н а п а л

Ты мнишь, что я царицу оскорбил?

С а л е м е н

Да, это так, ты оскорбил ее.

С а р д а н а п а л

Князь, терпеливо выслушай меня.
Есть у нее и власть, и пышность сана,
Опека над наследниками трона,
Почет — все достоянье самодержцев.
Женился я для пользы государства,
Любил ее, как любят жен мужья,
А если вы хотите, чтобы я
Был к ней привязан, как простой халдей,—
Ни прав царей, ни я вам непонятны.

С а л е м е н

Оставим это. Можешь презирать
Мой род, слова мои. Сестра не хочет
Любви по принуждению от владыки.
Не согласится страсть она делить
С наложницей, с рабыней ионийской.
Молчит она.

С а р д а н а п а л

Но ты вот не молчишь.

С а л е м е н

Я вторю голосу тех царств, какими
Презревший их недолго будет править.

С а р д а н а п а л

О, дерзостных рабов неблагодарность!
Роптать на то, что я не лил их крови,
Не иссушил их там, в песках пустыни,
Не убелил костями берег Ганга,
Не угнетал жестокостью законов,
Не лил их пот на стройке пирамид
Иль вавилонских стен.

С а л е м е н

Войны трофеи

Все ж лучше для народа и царя,
Чем песни, флейты, празднества наложниц,
Разгул и попорченная добродетель.

С а р д а н а п а л

Мои трофеи — это Анхиал
И Тарс, построенные в день один,

А целомудренная бабка-ведьма,
Воинствующая Семирамида,
Разрушила бы их.

С а л е м е н

Твоя заслуга
Два этих города; они возникли
По прихоти твоей, в стихах воспеты,
Постыдных и для них и для тебя.

С а р д а н а п а л

Постыдных для меня? Клянусь Ваалом,
Они вполне достойны тех стихов.
Кляни мое правление, образ жизни,
Но смысла похвалы не отвергай.
В немногих строчках летопись дана
Всего земного. Вот послушай: «Царь
Сарданапал, сын Анасиндаракса,
Воздвиг за сутки Анхиал и Тарс.
Ешь, пей, люби. Все прочее не стоит
Гроша!»

С а л е м е н

Так вот достойная мораль
И наставление царя народу!

С а р д а н а п а л

А ты бы предпочел такой указ:
«Чти власть царя и множь его богатства,
Вступай в его войска, лей кровь свою,
Ниц падай перед ним и, встав, работай!»
Иль так: «Сарданапал на этом месте
Сто тысяч положил своих врагов.
Вот их могилы. Вот его трофеи».
Воителям та честь. С меня довольно,
Коль я могу снять с подданных своих
Гнет жизни, дать им умереть спокойно.
Себе я не позволю ничего,
Что им не разрешил бы. Все мы люди.

С а л е м е н

Твои отцы как боги чтились.

С а р д а н а п а л

В прахе

И смерти то не боги и не люди.
Не говори об этом. Черви — боги.
Они пируют на телах богов
Идохнут, если съедена вся пища.
Все боги смертны. Я же их потомство.
Во мне все чувства, свойственные смертным,
Ни одного божественного. Только
Тобою осуждаемое — склонность
Любить, быть милосердным и прощать
Те безрассудства, что привычны людям,
И, как то водится, прощать себе.

С а л е м е н

О, горе! Рок навис над Ниневией,
Грозит ей.

С а р д а н а п а л

Но чего же ты боишься?

С а л е м е н

Ты окружен врагами. Очень скоро
Гром разразится над тобой, над нами
И через день все то, чем ты живешь,
Пропедем станет для потомков Бэла.

С а р д а н а п а л

Что ж нам грозит?

С а л е м е н

Предательство, что сетью
Опутало тебя. Но выход есть.
Уполномочь меня своей печатью
Пресечь злодейство, и к твоим ногам
Я головы виновников сложу.

С а р д а н а п а л

А сколько их?

С а л е м е н

До счета ль мне, когда
Ты сам в опасности! Позволь идти.
Дай мне печать и мне во всем доверься.

С а р д а н а п а л

Не разрешу бесчисленных я казней.
Когда берем мы жизни у других,
Не знаем мы, что взяли, что даем.

С а л е м е н

А посягнувших на тебя казнить?

С а р д а н а п а л

Вопрос нелегко. Но ответу. Да...
Нельзя ли ближе к делу? Так кого
Подозреваешь ты? Схвати же их!

С а л е м е н

Не спрашивай меня. В ближайший миг
Ответ мой сквозь болтливую толпу
Твоих любовниц облетит дворец,
Достигнет города и все погубит.
Доверься мне.

С а р д а н а п а л

Ты знаешь, я всегда
Тебе вверялся. Вот, возьми печать.

С а л е м е н

Еще прошу.

С а р д а н а п а л

О чем же?

С а л е м е н

Я прошу,
Чтоб отложил ты пиршество ночное
В кругу гостей на берегах Евфрата.

С а р д а н а п а л

Пир отложить? Из-за какой-то кучки
Дерзнувших посягнуть на власть мою?
Пусть явятся — не поколеблюсь я,
Не встану к ним и не отброшу кубка,
А из венка ни розы не утрачу
И пира не прерву. Их не боюсь.

С а л е м е н

Но, если нужно, ты вооружишься?

С а р д а н а п а л

Быть может. Да, крепки мои доспехи
И меч не хуже. Лук же мой и дротик
Могли б служить и самому Немвроду.
Они хоть тяжелы, зато надежны.
Да, кстати, я давно не брал их в руки
И даже на охоту. Ты их видел?

С а л е м е н

Не время для подобных разговоров.
Скажи, коль нужно, ты возьмешь свой меч?

С а р д а н а п а л

Возьму и так разделаюсь с врагами,
Что все увидят: это меч, не прятка.

С а л е м е н

По их словам, он прялкой стал давно.

С а р д а н а п а л

Ложь! Пусть так говорят. От пленных греков
Мы слышали не раз такие ж песни
Об их герое, о самом Геракле,
Что полюбил лидийскую царицу.
Чернь всех народов может подхватить
Любую клевету на их царя.

С а л е м е н

Твой род не порицают люди.

С а р д а н а п а л

Да.

Не смеют. Их удел — война иль труд.
Им цепь порой меняют на броню.
Теперь у них дни мира и разгула,
Возможность пьянствовать... пустяк ли это?
Я не отдам улыбок милых женщин
За жизнь народа, что не отличает
Ничтожества от славы. Что молва
Всей этой черни, если не ценю
Ее похвал и не пугаюсь брани?

С а л е м е н

Но это люди все же. Их сердца
Чего-то стоят.

С а р д а н а п а л

И собачьи тоже.

А псов моих еще дороже. Дальше!
Я дал тебе печать. Бунтовщиков
Пытайся усмирить, но не жестоко,
Пока возможно. Причинять страданья
Противно как себе, так и другим.
Довольно у царя их, у вассалов,
Чтоб прибавлять их к грузу бед своих.
Достойней было б облегчать друг другу
Взаимным, самым мягким снисхожденьем
Гнетущее нас роковое зло.
Они ж и знать об этом не хотят.
Клянусь Ваалом, чтоб их успокоить,
Не воевал бы я, не брал налогов,
Не вмешивался в личную их жизнь.
Пусть, как хотят, свое и тратят время,
Как трачу я по вкусу своему.

С а л е м е н

Но ни во что ты ставишь долг царя,
По мненью их — в цари ты не годишься.

С а р д а н а п а л

То ложь! К несчастью, не могу я быть
Ничем иным, как лишь царем. Иначе
Ничтожнейший из них меня б сменил.

С а л е м е н

И есть уже один, что жаждет трона.

С а р д а н а п а л

О чем ты? Впрочем, если это тайна,
К чему вопросы, я нелюбопытен.
Прими же меры, если это нужно.
Я право дал тебе, я дам и помощь.
Как я хотел бы править царством мирно,
Над мирными людьми. Но вспыхнет гнев —
Тогда б им лучше воскресить Немврода,

«Охотника». Я обращаю в пустыню
Страну мою, травить зверей я стану,
Не пожелавших сделаться людьми.
Клянут меня таким, какой я есть,
Но тот, кем стану я, тот оправдает
Желанья их. Пускай клянут себя!

С а л е м е н

И ты так думаешь?

С а р д а н а п а л

Я в том уверен.
Кого не оскорбит неблагодарность!
Не стану медлить, чтоб тебе ответить,
Не словом — делом.

С а л е м е н

Сохрани свой пыл,—
Он был в дремоте, но еще не умер,—
И царствование свое прославишь,
Как царь достойный. Ухожу.
(Уходит.)

С а р д а н а п а л

Прощай!

Ушел. И на руке его мой перстень
С печатью — власть моя. Да, он суров,
А я неосторожен. И рабы
Хозяина найдут в нем. В чем опасность,
Не знаю. Он узнал. Пусть пресечет.
Мне ль тратить жизнь короткую на то,
Чтоб ограждать ее от сокращения?
Она того не стоит. В страхе жить,
Ждать мятежей и всех подозревать,
Тех, кто здесь рядом, тех, кто далеко
И тем страшней, что далеко! Коль так,
Коль жизнь мою хотят отнять и трон,
Что мне земля и что земное царство?
Я жил, любил и был самим собой.
Не меньше смерть естественна, чем эти
Дела земные. Я не проливал
Кровь океанами, как мог бы делать,
Чтоб стать одноименным грозной Смерти,
Войне и Ужасу. Но в этом я

Уж неповинен. Жизнь моя — любовь,
Лить кровь могу я лишь по принуждению.
До сей поры я ни единой капли
Из ассирийских вен еще не пролил,
Гроша не взял от злата Ниневии,
Который стоит слез ее сынам.
Меня кланут за то, что не кляну я,
Бунтуют, потому что снял я гнет.
О люди! Вам нужна коса, не скипетр,
Чтобы косить вас, как траву, пока
Пожнешь гнилой обильный урожай,
Что добрую лишь заражает почву
И превращает тучный край в пустыню.
Но что об этом думать! Эй, кто там!

Входит слуга.

Ионянку мне, Мирру, позови.

С л у г а

Она уж здесь.

Входит Мирра.

С а р д а н а п а л

(к слуге)

Ступай!

(К Мирре.)

О; как мила ты!

Желанье сердца ты предупреждаешь,
Я думал о тебе, и ты пришла.
Должно быть, есть какое-то общенье
Меж душами; предчувствие, надежды
В разлуке нас всегда влекут друг к другу.

М и р р а

Да, это так.

С а р д а н а п а л

Но что ж это такое?

М и р р а

В моей стране оно зовется — бог.
В моем же сердце — чувство божества,
И у него бессмертная природа.
Я вся подчинена ему, счастливой
Должна бы чувствовать себя — и все же...

С а р д а н а п а л

Всегда стоит преграда между нами
И тем, что мы считаем счастьем. Дай мне
Развеять грусть твою и быть счастливым.

М и р р а

Мой господин...

С а р д а н а п а л

«Мой царь, мой повелитель»

Всегда ты так почтительна со мной,
И никогда ты мне не улыбнешься —
Лишь на пирах разгульных, где шуты
Стараются со мной сравняться в пьянстве
Иль сам я до их пьянства опускаюсь.
Все время слышу эти имена:
«Царь, господин, владыка, повелитель».
Я их ценил в устах рабов, придворных;
Когда ж они слетают с уст любимых,
Столь часто уст моих касающихся, дрожь
Проходит по сердцу, ясна вся фальшь
Мне сана моего, что давит чувства
И в тех, к кому я сам влекусь душой.
Когда б мне снять докучную тиару,
Жить в хижине с тобой в горах Кавказа,
Носить корону только из цветов!

М и р р а

Да, если б мы могли!

С а р д а н а п а л

Не понимаю.

М и р р а

И никогда ты не поймешь...

С а р д а н а п а л

Чего же?

М и р р а

Прямую цену сердца, сердца женщин.

С а р д а н а п а л

Я тысячу их знал.

М и р р а

Сердец?

С а р д а н а п а л

Не меньше.

М и р р а

Я думаю, ни одного. Но время
Придет их испытать.

С а р д а н а п а л

Придет, наверно...

Послушай, Мирра, Салемен сказал —
Как он узнал, то ведомо лишь Бэлу,
Кто наше царство основал, — не мне, —
Сказал, что ныне власть моя и трон
В опасности.

М и р р а

Он поступил как надо.

С а р д а н а п а л

Ты ль это говоришь о том, кто грубо
Так оскорблял тебя, гнал от меня,
До слез довел?

М и р р а

Должна б я плакать чаще,
Краснеть и плакать. Все же был он прав,
Напомнив мне мой долг. Но говорить ты
Стал об опасности, тебе грозящей...

С а р д а н а п а л

От заговоров черных, от сетей
Мидян и недовольных войск, народов,
И бог весть от чего. От лабиринта
Неведомых вещей, угроз и тайн.
Ты знаешь Салемена — он таков,
Но все ж он честен. И оставим это.
Подумаем о нашем пире.

М и р р а

Время ль?

Ведь он предостерег тебя.

С а р д а н а п а л

Боишься?

М и р р а

Гречанка я, и мне ль бояться смерти,
Рабыня я — боюсь ли я свободы?

С а р д а н а п а л

Ты так бледна.

М и р р а

Люблю я...

С а р д а н а п а л

Как и я.

Люблю тебя я больше, много больше,
Чем жизнь свою и чем все это царство,
Которому опасность угрожает.
Но ею не смущен я.

М и р р а

Это значит,

Не любишь ни меня ты, ни себя.
Ведь полюбивший любит и себя
Другого ради. Все же безрассудно
Терять и трон, и собственную жизнь.

С а р д а н а п а л

Терять? Но кто тот дерзкий, кто посмеет
На это посягнуть!

М и р р а

Кто ж побоится?

Когда властитель сам себя забыл,
Ему о том напоминают.

С а р д а н а п а л

Мирра!

М и р р а

Ты хмуришься. А я ведь так привыкла
К твоим улыбкам, что твоя угрюмость
Мне тяжелей любого наказания,
Что может следовать за нею. Я раба,

Твоя раба, и я тебя любила
По слабости какой-то роковой.
Гречанка я, с рожденья враг царей,
Рабыня, ненавижу я оковы,
Ионянка, люблю я чужеземца.
Страсть эта унижительней цепей.
Когда б любви моей достало силы,
Чтоб подавить все прежние стремленья!
Ужель ей не дано спасти тебя?

С а р д а н а п а л

Спасти меня? О, Мирра, ты прекрасна,
Ищу в тебе любви я, не спасенья.

М и р р а

А где ж спасенье, если не в любви?

С а р д а н а п а л

Да, в женской.

М и р р а

А она — основа жизни.

Грудь женская питает вас вначале,
Словам вас учат матери уста,
Ваш первый плач и ваш последний вздох
Приходится нам, женщинам, встречать.
Мужчины же уходят от заботы
О тех, кто покидает этот мир.

С а р д а н а п а л

Ионянка моя! Твои слова
Как музыка, как хоры тех трагедий,
Любимых, почитаемых народом
В стране твоих отцов. Что ж плачешь ты?

М и р р а

Не плачу, но прошу — не говори
О предках, родине моей.

С а р д а н а п а л

Сама же

О них ты говорила.

М и р р а

Это правда.

Да, правда. И о Греции тоска

В словах моих невольно проступает.
Но от других о ней мне слышать больно.

С а р д а н а п а л

Скажи, как ты меня спасти хотела?

М и р р а

Внушив, что должен ты спасти не только
Себя, но и свои большие царства
От ужасов войны междоусобной.

С а р д а н а п а л

Я ненавижу всякую войну.
Живу я в мире, в счастье. Что же больше?

М и р р а

Но, господин мой, для людей простых
Нужны и войны, чтобы поддержать
Основу мира. Для царя же лучше
Порою устрашать, чем быть любимым.

С а р д а н а п а л

Предпочитаю я любовь народа.

М и р р а

Ну а теперь?

С а р д а н а п а л

Ты ль это говоришь?

М и р р а

Любовь к народу и к себе — едины.
Держи народ в покорности и страхе,
Не унижая, чтоб он был спокоен.
А если недоволен он — считай,
Что страх его от худшего хранит,
От собственных страстей. Но тот, кто предан
Пирам, любви, разгулу — славе чужд.

С а р д а н а п а л

Что слава? В чем она?

М и р р а

Спроси о том
Своих богов, своих великих предков.

С а р д а н а п а л

Они уже не могут мне ответить,
Жрецы ведь стали говорить о них,
Забывая лишь о прибылях для храма.

М и р р а

Так разверни летописанья предков.

С а р д а н а п а л

Я не могу, они залиты кровью.
Чего ты хочешь? Царство уж сложилось,
И мне ль его владенья умножать?

М и р р а

Но сохрани хотя бы уж свои.

С а р д а н а п а л

Надеюсь, мне они еще послужат.
Идем же, Мирра, к берегам Евфрата.
Час наступил. Галера уж готова.
Терраса приготовлена для пира,
Украшена, чтоб нас достойно встретить.
Пусть блещет красотой и светом. Звезды,
Рассыпанные там, вверху, над нами,
Ее сочтут сестрой, и мы воссядем
В цветах, как...

М и р р а

Жертвы.

С а р д а н а п а л

Нет же, как владыки,
Как пастухи-цари патриархальных
Времен, венчавшие себя цветами
И чей триумф не вызвал слез. Идем!

Входит П а н ь я.

П а н ь я

Царь, славный на века!

С а р д а н а п а л

Ни часом дольше,
Чем сможет он любить. Я ненавижу
Язык, что лжет, суля всему земному
Бессмертие в веках. Короче, Панья!

П а н ь я

Поручено сказать мне Салеменом,
Что просьбу обращает он к царю,
Чтоб он дворца не покидал сегодня.
Когда правитель возвратится, он
Изложит доводы, что оправдают
Его поступок, заслужив прощенье
Самонадеянности.

С а р д а н а п а л

Как! Отныне

Я пленник? Не могу дышать свободно?
Снеси ответ мой князю Салемену:
Когда бы вся Ассирия восстала,
Бушуя у дворца, я все ж бы вышел.

П а н ь я

Я повинуюсь. Все же...

М и р р а

Государь,

Ты столько дней и месяцев скрывался
В стенах дворца, в его роскошной неге,
Не выходя к зовущему народу
И зренья подданных не услаждая,
Сатрапов оставляя без надзора,
Богов без жертв — в беспечности безделья;
И кроме зла все в царстве задремало.
Так задержись сейчас хотя бы на день,
Чтобы спасти себя. И неужели
Ты часа не уступишь верным трону
Для них и для себя, для славных предков,
Для сыновей-наследников?

П а н ь я

Все правда.

Князь, видя крайнюю необходимость,
Меня к тебе направил с этой просьбой.
Я смею свой добавить слабый голос
К тому, что сказано.

С а р д а н а п а л

Тому не быть!

М и р р а

Но ради царства...

С а р д а н а п а л

Нет!

П а н ь я

Хоть для того,

Чтоб верные тебе могли сплотиться

Вокруг тебя и близких.

С а р д а н а п а л

Это бред!

Лукавые затеи Салемена,

Чтоб этим показать свое усердье,

Дать мне понять, как он необходим.

М и р р а

Всем дорогим молю: прими совет!

С а р д а н а п а л

До завтра все дела!

М и р р а

Дела до завтра?

Все отложить, а этой ночью смерть?

С а р д а н а п а л

Так пусть же и она придет неожиданно

Средь радостей любви, цветов, веселья.

Пусть я паду, как сорванная роза.

Так лучше, чем увянуть.

М и р р а

Уступить

Не хочешь ты и ради власти царской,

Влекущей к действию, и отказаться

Ох этих пиршеств и разгула?

С а р д а н а п а л

Нет!

М и р р а

Ради меня?

С а р д а н а п а л

Тебя?

М и р р а

Впервые милость
Я у царя Ассирии прошу.

С а р д а н а п а л

Проси ты царства, я бы уступил.
Пусть будет так, как хочешь ты.
(К Панья.)

Иди!

Ты слышал?

П а н ь я

Повинуюсь.
(Уходит.)

С а р д а н а п а л

В чем же, Мирра,
Цель столь настойчивой и жаркой просьбы?

М и р р а

Твое спасение и вера в то,
Что лишь опасность заставляет князя
Просить о том, что трудно для тебя.

С а р д а н а п а л

Я не боюсь, чего же ты боишься?

М и р р а

Боюсь того, что не боишься ты.

С а р д а н а п а л

Ты завтра же над вздором посмеешься.

М и р р а

Умрешь — я буду там, где уж не плачут.
И это много лучше, чем смеяться.

С а р д а н а п а л

Останусь я царем, как прежде.

М и р р а

Где?

С а р д а н а п а л

Там, где Ваал, Немврод, Семирамида,
В Ассирии иль где угодно с ними.

Я тот, кто есть, быть не могу другим,
И в унижении я жить не стану.

М и р р а

Когда бы так ты говорил всегда,
Тебя никто бы не посмел унижить.

С а р д а н а п а л

Унизить?

М и р р а

У тебя нет подозрений?

С а р д а н а п а л

Подозревать? На это есть шпионы.
Теряем время мы в пустых словах,
В напрасных страхах. Эй, рабы! Украсьте
Покой Немврода для ночного пира.
Коль нужно превратить дворец в тюрьму,
То выберем и цепь повеселее,
И, если доступ запрещен к Евфрату
И летнему дворцу на берегу,
Здесь не грозит ничто нам. Эй, рабы!
(Уходит.)

М и р р а

(одна)

Зачем люблю его? Гречанки любят
Героев лишь. Нет у меня отчизны,
Раба теряет все, кроме оков.
Люблю его, нет цепи тяжелее
Любви без уважения. В свой час
В любви нуждаться будет он, но где
Ее найдет? Его покинуть — низко,
Постыдней, чем изменой свергнуть с трона,
Что в Греции сочли б благодеяньем.
Я не могу. Когда б его спасла я,
Любила б не *его* я, а себя,
А в этом я нуждаюсь. Презираю
Себя я за влечение к чужеземцу,
А все ж люблю его — и тем сильнее,
Чем варварам своим он ненавистней,
Врагам извечным родины моей.
О, если б я могла в нем пробудить
Дух мужества, столь свойственный фригийцам

В их битвах между морем и Пергамом,
Он варваров своих разбил бы в прах!
Меня он любит, я его люблю,
Раба — хозяина. И от пороков
Хочу освободить. Коль не удастся
И царствовать его не научу,
Я покажу ему, как должен царь
Оставить трон. За ним следить я стану.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Портал того же зала во дворце.

Белез
(один)

Садится солнце. Кажется, что медлит
Оно с Ассирией проститься. Красным
Оно мне видится там, в облаках,
Как будто предвещает кровь. О, солнце
Закатное и первых звезд явление,
Я наблюдаю вас, чтобы прочесть
Веленья ваши, от которых время
Способно содрогнуться, видя судьбы
Ассирии! Как тихо все вокруг!
Но о поре великих потрясений
Пророчишь ты. Твой огненосный лик
Халдеям, что постигли тайну звезд,
Вещает о конце того, что вечным
До этого казалось людям. Солнце,
Оракул огненный всего живого,
Источник жизни на земле и символ
Дарующего жизнь, ужели ныне
Ты стало вестником беды? Зачем же
Не выведешь ты из глубин морских
Дней более достойных? Не сверкнешь
Для нас, как молния, огнем надежды,
А не пыланьем гнева? О, внимли мне!
Я почитатель твой, я жрец, слуга,
Слежу я за восходом и закатом,
Склоняясь пред тобою и тогда,
Когда тебя скрывают тучи. Зорко
Следил я за тобою, и молился,

И в страхе жертвы приносил тебе.
Я вопрошал, ты отвечало. Но
Уходишь ты, спускаешься все ниже,
Ушло совсем, не разрешив сомнений,
Оставив мне лишь празднество заката,
Как умирание славы. Смерть такая
Была б для нас блаженством, если б мы
Богам подобны были.

Входит Арбас из внутренних покоев.

Арбас

Почему
Ты так в моления погружен? Так зорко
Следишь за божеством, уже упедшим
В страну еще неведомого дня?
А нам нужнее ночь. Она пришла.

Белез

Но не ушла.

Арбас

Но мы готовы.

Белез

Да.

Прошла бы ночь!

Арбас

Как может сомневаться
В победе тот, кому пророчат звезды?

Белез

Но не в победе дело — в победившем.

Арбас

Тебе, мудрец, виднее. А пока
Собрал мечей я столько, что их блеск
Затмит сиянье всех твоих созвездий.
Ничто не помешает нам. Наш царь,
Подобный женщине, с толпой наложниц
Сейчас на берегу, следит за тем,
Чтоб было все для пиршества готово.
Но чаша первая последней будет
Для отпрыска Немврода.

Б е л е з

Сильный род!

А р б а с

Теперь он стал уже бессильным. Но
Мы возродим его.

Б е л е з

Ты в том уверен?

А р б а с

Его родоначальник — зверолов,
Я — воин. Так кого же мне бояться?

Б е л е з

Такого ж война.

А р б а с

Жреца, быть может?

Коль так ты думаешь, не сохранить ли
Наложниц при царе? Ты подстрекаешь
Меня на дело, и тебе и мне
Столь нужное.

Б е л е з

Взгляни на небо.

А р б а с

Вижу.

Б е л е з

Что ж видишь ты?

А р б а с

Чудесный летний сумрак

И ряд созвездий.

Б е л е з

Отыщи среди них

Звезду всех ярче, что дрожит, как будто
Расстаться хочет с небом.

А р б а с

Ну и что же?

Б е л е з

Она твоя, под нею ты родился.

А р б а с
(трогая меч)

Моя звезда — она в моем мече.
Когда я обнажу его, он блеском
Затмит все звезды. Надо нам решить,
Что делать, чтоб свершилось предсказанье
Твоих светил. Когда мы победим,
Жрецы воздвигнут храмы им, а ты
Жрецом верховным станешь тех богов.
Ведь боги справедливы и считают,
Что тот, кто храбр, всех более их чтит.

Б е л е з

Да, храбрый чтит богов. Скажи, ты видел,
Чтоб я покинул поле боя?

А р б а с

Нет.

Достойный воин ты, достойный жрец,
Искусный жрец халдейский. Но теперь
Пора забыть о звании жреца,
Стать воином.

Б е л е з

Тем и другим.

А р б а с

Так лучше.

Мне стыдно, что мы сделали так мало.
Бороться с женщинами недостойно
Завоевателя. Но свергнуть с трона
Владыку, что и нагл, и кровожаден,
Схватиться с ним, скрестить в бою мечи,
Пасть или победить — вот честь героя.
Но меч поднять на этого червя,
Мольбы его услышать!

Б е л е з

Не хвались.

Есть у него то, с чем бороться трудно.
Он — червь, но стража у него отважна,
Суров ее начальник — Салемен.

А р б а с

Не устоят.

Б е л е з

Как? Воины?

А р б а с

Но войском

Командовать ведь должен тоже воин.

Б е л е з

Да. Салемен.

А р б а с

И он не то, что царь,
Царь-баба ненависть ему внушает
Из-за сестры-царицы. Ты заметил,
Что он пиров сторонится?

Б е л е з

Пиров,

Но не Совета — он всегда в Совете.

А р б а с

С ним спорят там, ему мешают. Это
Рождает недовольство в нем. Царь — шут,
Род обесчещен, сам он презираем,
И мы мстим за него.

Б е л е з

Я сомневаюсь,

Чтоб мы заставили его так думать.

А р б а с

А если попытаться?

Б е л е з

Нужно время.

Входит Балеа.

Б а л е а

Сатрапы! Царь велел вам быть сегодня
На пиршестве.

Б е л е з

Наш долг — повиноваться.

Где? В павильоне?

Б а л е а

Нет, здесь, во дворце.

А р б а с

Как во дворце? Иной приказ был раньше.

Б а л е а

Он изменен.

А р б а с

Но почему?

Б а л е а

Не знаю.

Могу ли я уйти?

А р б а с

Нет, подожди.

Б е л е з

(Арбасу, тихо)

При нем ни слова больше. Пусть уходит.

(Изменив тон, к Балеа.)

Благодари царя, целуй кайму

Его одежд, скажи: его рабы

Довольны будут крохам со стола.

Когда начнется этот праздник? В полночь?

Б а л е а

Да. Место — зал Немврода. Я, вельможи,

Вам низко кланяюсь и удаляюсь.

Балеа уходит.

А р б а с

Не нравятся мне эти перемены.

Царь с тайным умыслом меняет место.

Б е л е з

Решенья он меняет в день сто раз.

Безволие — капризнейшее свойство,

Оно способно изменять решения

Быстрее, чем в сражениях вожди

В обход врага. Ты чем-то озабочен?

А р б а с

Всегда любил он этот павильон,
Прохладный летом.

Б е л е з

Он любил царицу
И тысячу наложниц в то же время.
Он все любил поочередно, кроме
Лишь мудрости и славы.

А р б а с

Это низость!
Он план свой изменил, и мы изменим.
Там было бы им овладеть нетрудно
Средь сонной стражи и придворных пьяных,
Но во дворце, в Немврода зале...

Б е л е з

Так ли?
Надменный воин, мнил ты легким делом
Подняться к трону — и теперь смущен,
Что скользкими ступени оказались,
Трудней, чем думалось.

А р б а с

Но час придет —
Узнаешь ты, боюсь я или нет.
Я делал ставкой жизнь свою не раз,
Теперь важнее ставка — царский трон.

Б е л е з

Ты выиграешь — так вещают звезды.
С тобой удача.

А р б а с

Будь я прорицатель,
Я то же предсказал бы и тебе.
То воля звезд, и я не смею спорить
Ни с ними, ни с жрецом их. Кто идет?

Входит С а л е м е н.

С а л е м е н

Сатрапы!

Белез

Князь!

Салемен

Вот кстати. Вас ищу я.
Не думал, что вы здесь.

Арбас

Но почему?

Салемен

Час не настал.

Арбас

Какой же час?

Салемен

Полночный.

Белез

Полночный?

Салемен

Как? А пир? А приглашение?

Белез

Да... мы забыли...

Салемен

Можно ль подчиненным
О приглашение царском забывать?

Арбас

Мы только что узнали...

Салемен

Здесь зачем вы?

Арбас

По долгу.

Салемен

По какому?

А р б а с

Долгу службы.
Дано нам право входа во дворец.
Искали мы царя.

С а л е м е н

Сюда я тоже
Пришел по праву долга.

А р б а с

Но какого?

С а л е м е н

Взять двух изменников. Эй, стража!

Входит стража.

Ваши

Мечи, сатрапы!

Б е л е з
(отдавая меч)

Вот мой меч!

А р б а с
(обнажая свой)

Вот мой.

С а л е м е н
(протягивая руку)

Хороший меч! Беру его себе.

А р б а с

Но рукоять не дам. Один клинок,
Чтоб в грудь тебе вонзить.

С а л е м е н

Ты угрожаешь?
Тем лучше! Милости суда не нужно.
Убить мятежника!

А р б а с

Со мной сразиться
Один ты б не посмел.

С а л е м е н

Безумный раб!
Перед тобой ли князю отступать?
Страшна твоя измена, но не храбрость.
И если страшен ты, то только ядом.
Не лев ты, а змея. Убить его!

Б е л е з

(бросаясь между противниками)

Арбас! Безумец! Я ведь отдал меч.
Доверься милосердию царя!

А р б а с

Нет, я скорей твоим доверюсь звездам,
Своей руке, и я умру владыкой
Души моей и тела. Не позволю
Сковать их.

С а л е м е н
(страже)

Слышали? Кто он? Кто я?

Убить его!

Стража нападает на Арбаса, который мужественно защищается
и заставляет стражу отступить.

Ах вот как! Значит, должен
Сам стать я палачом? Тогда учитесь,
Как поступать с изменой.
(Наступает на Арбаса.)

Входит Сарданапал со свитой.

С а р д а н а п а л

Прочь мечи!

Эй, стойте! Пьяны вы или оглохли?
Где меч мой? Да, меча я не ношу...
Дай мне хоть свой.

(Выхватывает у воина меч и разъединяет сражающихся.)

И где? В моем дворце!

Кто помешал бы мне сразить мечом
Двух драчунов!

Белоз
Будь справедливым.

Салемени

Или

Будь слабым.

Сарданапал
(поднимая меч)

Что?

Салемени

Рази, но пусть сначала
Падет изменник. Ты его щадишь
Для пытки, может быть.

Сарданапал

Его? Арбаса?

Кто смеет обвинять его?

Салемени

Я!

Сарданапал

Ты?

Князь, ты забылся. Кто тебе дал право?

Салемени
(указывая на перстень)

Ты сам.

Арбас
(в смущении)

Печать царя!

Салемени

Царь подтвердит.

Сарданапал

Не для того я перстень снял с руки.

Салемени
Ты снял его, чтоб я хранил тебя.
Я это делаю. Сам им скажи.

Сейчас я раб, а лишь минутой раньше
Я был наместником твоим.

С а р д а н а п а л

Вложите

Мечи в ножны.

Арбас и Салемен повинуются.

С а л е м е н

Но свой не прячь. Пусть будет
Он скипетром надежным для тебя.

С а р д а н а п а л

Тяжел мне этот скипетр, давит руку.

(К страже.)

И вы оружие прочь! Итак, сатрапы,
Что это значит?

Б е л е з

Пусть ответит князь.

С а л е м е н

Я верен правде, а они — измене.

С а р д а н а п а л

Белез — изменник, а Арбас — коварство?

Такому я союзу не поверю.

Где доказательства?

С а л е м е н

Скажу. Но прежде

Вели им сдать тебе свои мечи.

А р б а с

Мой меч обрушивался на врага

Не реже, чем и твой.

С а л е м е н

И вот на брата

Он поднят, чтоб потом разить царя!

С а р д а н а п а л

Все это вздор! Он не посмеет. Нет!
И слышать не хочу. Все эти споры —
Наемников дворцовые интриги,
Привыкших жить обманами и ложью.
Брат, ты обманут кем-то.

С а л е м е н

Нет. Пусть прежде
Свой меч покорно он отдаст тебе
И тем докажет, что он верен трону.
Тогда я все скажу.

С а р д а н а п а л

Да как же так?..
Не может быть... Арбас, суровый воин,
Мне преданный, отважный полководец,
Сатрап, искусный в управленье... Нет,
Не оскорблю его, лишив меча,
Которого он никогда врагу
Не отдавал. Возьми свой меч обратно.

С а л е м е н

Возьми свой перстень, царь.

С а р д а н а п а л

Оставь его
Разумно только пользуйся им.

С а л е м е н

Царь,
Я этим перстнем честь твою спасал.
Теперь же для меня он бесполезен.
Отдай его Арбасу.

С а р д а н а п а л

Я готов.
Но он не просит.

С а л е м е н

Он его добудет
И без притворного повиненья.

Белоз

Не знаю, что царя предубеждает
Не верить двум вождям, чьи все заботы
Обращены на благо государства.

Салемени

Молчи, изменник-воин, лживый жрец,
Двух званий воплощающий пороки,
Гнуснейшие в природе человека!
Побереги речей своих притворство
Для всех, не знающих тебя. Сообщник
Твоих всех дел смелей тебя и чужд
Халдейских хитростей.

Белоз

Ты слышишь, царь,
Сын Бэла, как он дерзостно бесчестит
Богов страны, которых почитали
Твои отцы?

Сарданапал

О, этот грех ты мог бы
Ему простить. Что толку в тех, кто мертв?
В их благочестье? Ведь и сам я смертен
И думаю, что род, мне давший жизнь,
Как всё, что здесь я вижу,— только тлен.

Белоз

В мирах надзвездных предки обитают
И...

Сарданапал

Замолчи, не то и сам на звезды
Отправишься. Изменником сам станешь.

Салемени

Царь...

Сарданапал

Ты учить осмелился меня,
Как чтить богов? Иди, ты мне не нужен.
Отдайте меч ему!

С а л е м е н

Властитель, брат,

Сдержись!

С а р д а н а п а л

Но ты сведешь меня с ума
Речами о Ваале, мертвецах
И этих звездных таинствах халдейских.

Б е л е з

Чти звезды, царь.

С а р д а н а п а л

Я чту их, я люблю,
Люблю их наблюдать в небесной сини
И сравнивать их свет с глазами Мирры,
Люблю следить игру их отраженья
На серебристом зеркале Евфрата,
Когда ночной легчайший ветерок
Чуть морщит гладь его и шелестит
Прибрежным тростником. Но божество ли
Те звезды, или храмы их, иль просто
Светильники, зажженные в ночи?
И сладость есть в неведение моем,
Она милей твоих халдейских тайн.
К тому ж, что знаю я об этих звездах?
Не больше чем и все мы — ничего.
Люблю я их сиянье, красоту,
Умру — и ничего не буду знать.

Б е л е з

Не «ничего», а «больше».

С а р д а н а п а л

Если так,
То стану ждать я этого мгновенья,
Возьми свой меч. Я званию жреца
Твой воинский талант предпочитаю,
Хоть то и это мне не по душе.

С а л е м е н

(в сторону)

Да он в разврате потерял рассудок!
Но должен я его спасти.

С а р д а н а п а л

Сатрапы!

Ты, жрец, которому я верю меньше,
Чем воину, и вовсе бы не верил,
Когда б ты не был воином, я с миром
Вас отпускаю. Не с прощеньем. Нет.
Прощенье невинному не нужно.
Зависит ваша жизнь от моего
Дыхания или, что хуже, страха.
И все-таки вам нечего бояться.
Я добр, и страхом я не одержим.
Дарю вам жизнь. Будь я таким жестоким,
Каким меня считают, ваша кровь
Со ступеней дворца текла бы в пыль
И это было б все, чего могли бы
Добиться вы в своем стремлении к власти.
Но так не будет, нет, я не хочу
Признать вину за вами, невинных
На казнь обречь, хоть муж, который лучше,
Чем вы да я, уже вас обвиняет.
Когда бы вы перед судом предстали —
Улики налицо. Пришлось бы мне
Расстаться с теми, кто был честен прежде.
Но вы свободны.

А р б а с

Царь, такая милость...

Б е л е з

(прерывая его)

Благодарим, хотя и невинновы.

С а р д а н а п а л

Жрец, Бэла восхваляй, а сын его
Не хочет благодарности.

Б е л е з

Вина ли...

С а р д а н а п а л

Молчи. Коль нет вины, но вы в обиде,
Прилична вам печаль — не благодарность.

Б е л е з

Когда бы справедливость неразлучной
Была бы с властью! Но невинный часто
Ее за милость должен принимать.

С а р д а н а п а л

Мысль здравая, хотя сейчас не к месту.
О ней ты вспомни, если пред народом
Тебе царя придется защищать.

Б е л е з

Причины нет.

С а р д а н а п а л

Причины нет, конечно,
Но есть создатели причин. Коль встретишь
Кого из них по службе во дворце
Или о том тебе расскажут звезды
Таинственными письменами, знай,
Что люди есть во всем царя опасней,
Что, властью обладая, никого
Царь не сгубил и даже тех щадит,
Кто самого его не пощадил бы,
Имея полную к тому возможность.
Но, думаю, не будет так. Сатрапы,
Свободны вы. Владейте вновь мечами
По воле собственной; они и вы
Отныне не нужны мне. Салемен,
Ступай за мной!

Сарданапал, Салемен и стража уходят. Арбас и Белез остаются.

А р б а с

Белез!

Б е л е з

Что скажешь ты?

А р б а с

Погибли мы.

Б е л е з

Нет, своего добьемся.

А р б а с

Как? Мы под подозреньем. Меч над нами
Висит, готовый пасть от дуновенья
Властителя, который почему-то
Еще щадит нас.

Б е л е з

Что об этом думать!
Нам времени нельзя уже терять.
Еще не все покинули нас силы
И ночь не миновала. Изменилось
Лишь то, что вслед доверию отсрочка
Была б безумием.

А р б а с

Но как же быть?

Б е л е з

Опять сомненья?

А р б а с

Он нас пощадил,
Он спас от Салемена.

Б е л е з

Но надолго ль
Царь с нами добрым стал? Пока не пьян.

А р б а с

Пока он трезв. И все же благородно
Он с нами поступил, нас пощадив.
Не правда ль?

Б е л е з

Да, он храбр.

А р б а с

И благороден.

Я тронут. И отныне не хочу
Я зла ему.

Б е л е з

И потеряешь мир.

А р б а с

Пусть гибнет мир, важней мне — уваженье.

Б е л е з

Мне стыдно, что одолжены мы жизнью
Женоподобному царю.

А р б а с

Но это так.
Губить спасителя — вот больший стыд.

Б е л е з

Терпи, коль нравится, но мне иное
Вещают звезды.

А р б а с

Если бы они
Здесь, на земле, мне указали путь,
Я б не пошел им вслед.

Б е л е з

То слабость духа.
Ты как старуха, в ожиданье смерти
Глаза закрыть боящаяся. Стыдно!

А р б а с

Он говорил, и был он схож с Немвродом,
Он царственною статуей казался
И божеством средь всех других царей,
Которые лишь украшеньем стали.

Б е л е з

Ты слишком презирал его, но в нем
Есть царское величие, и он
Достойный враг.

А р б а с

Тем недостойней мы.
Уж лучше бы он не щадил нас.

Б е л е з

Как?
Хотел бы ты обречь себя на гибель?

А р б а с

Я предпочел бы лучше умереть,
Чем жить неблагодарным.

Белез

Что за люди!

Задумав то, что кто-то назовет
Изменою, а разные глупцы
Нарушенною клятвою, и видя
Как этот пьяница в обличье царском
Встал меж тобой и Салеменом, ты
Сам имя заслужил «Сарданапал» —
Позорное прозвание!

Арбас

Если б раньше

Кто так меня назвал, он был бы мертв.
Но я прощаю, как он нас простил.
Сама Семирамида, я уверен,
Не захотела бы так поступить.

Белез

Царица власть с супругом не делила.
Она...

Арбас

Служить я должен верой, правдой.

Белез

И униженьем?

Арбас

Нет, по долгу чести.

И на земле я буду ближе к трону,
Чем к звездам ты, — высок, но не заносчив.
Но поступай как хочешь. Знанья, книги,
Добро и зло — все ведомо тебе.
Я не мудрец, я поступать хочу,
Как мне велит мое простое сердце.
Я все тебе сказал.

Белез

Ты кончил?

Арбас

Да,

С тобой.

Белез

Возможно, ты меня предашь,
Покинешь?

А р б а с

Думать так способен жрец,

Не воин.

Б е л е з

Что ж, быть может, ты и прав.

Окончен спор, но дай сказать мне...

А р б а с

Нет!

Твой хитрый ум, в коварстве искушенный,
Опаснее фаланги.

Б е л е з

Все свершу

Один.

А р б а с

Один?

Б е л е з

Двоим на троне тесно.

А р б а с

Трон занят.

Б е л е з

Это хуже, чем свободен.

На нем ничтожный царь. Арбас, я был
Союзником твоим, с тобою вместе
Ассирии желал я счастья. Небо
Благоволило нам, успех был близок.
Нам удавалось все, пока твой дух
Не уступил в решающее время
Недугу слабости. Нет сил терпеть
Несчастья страны моей. Я свергну
Тирана и добьюсь ее свободы
Иль сам в борьбе паду — одно из двух.
Царем я стану, ты — моим слугою.

А р б а с

Слугой?

Б е л е з

А почему бы нет? Иль лучше
Монарха-бабы стать рабом прощенным?

Входит П а н ь я.

П а н ь я
Сатрапы, царский я несу приказ.

А р б а с
Готовы выполнить его.

Б е л е з
Но прежде
Скажи, в чем он.

П а н ь я
Приказано вам тотчас
Отправиться в сатрапии свои,
Ты в Вавилон, ты в Мидию.

Б е л е з
С войсками?

П а н ь я
Приказ одних касается сатрапов
И свиты.

А р б а с
Но...

Б е л е з
Наш долг — повиноваться.
Иди скажи.

П а н ь я
Мой долг отправить вас,
А не носить ответы.

Б е л е з
(в сторону)

Вот в чем дело.
(Вслух.)
Покорно выполняю приказ царя.

П а н ь я
Иду почетную готовить стражу,
Что вашему приличествует сану,
И вас пока не стану торопить.

Панья уходит.

Белез
Покорность?

Арбас

Да.

Белез
Лишь до ворот дворца,
Который стал теперь для нас темницей.
Не дальше.

Арбас
Без сомнения, ты прав.
Для нас уже отныне вся страна
Везде зияет входами в темницу.

Белез
В могилу.

Арбас
А коль так, могилой больше
Мой меч бы вырыл.

Белез
Был бы труд не малым.
Но сбудется ль пророчество твое?
Бежать нам надобно, пока не поздно.
Ты понимаешь, что приказ царя —
Наш приговор?

Арбас
Я это так и понял.
Таков обычай деспотов восточных:
Прощенье — яд; награды, почесть — казнь,
Изгнание дальнее и рядом — смерть.
Так делали его отец и предки,
Но он в напрасной крови неповинен.

Белез
Не *хочет* и не *может*.

Арбас
Не уверен.
Я знал сатрапов при его отце.
Их посылали править областями,

Чтоб умертвить в пути. Их настигала
Болезнь обычно — так был этот путь
Тяжел и долог.

Б е л е з

Выбраться бы нам
За стены, в город, и тогда поездка
Закончится.

А р б а с

Да, у ворот дворца.
Не так ли?

Б е л е з

Нет, там нас схватить не смеют.
Тайком задумали нас умертвить —
Не во дворце, не в городе, где мы
Могли б себе защитников найти.
Ведь если б нас убить хотели здесь,
Давно бы то свершилось. Ну, идем же.

А р б а с

У нас и жизнь он захотел отнять?

Б е л е з

Да, жизнь, глупец! Охвачен деспот страхом.
Идем, не медля, к верным нам войскам!

А р б а с

К сатрапиям?

Б е л е з

Нет, к трону твоему.
Всё — силы, время, доблесть и надежду
Мы извлечем из полумер царя.
Вперед!

А р б а с

Раскаявшись, я снова стал
Изменником?

Б е л е з

Но защищать себя
Имеем право мы. Скорее в путь.
Здесь давят стены, воздух душен стал.
Чтоб не одумались, бежим скорее.

Отъездом быстрым можем подтвердить
Покорность мы решению царя
И тем у исполнительного Панья
Отнять возможность нас догнать в пути
С приказом, осуждающим на смерть.
Иного выхода нам нет. Идем.
(Уходит с Арбасом, неохотно следующим за ним.)

Входят Сарданапал и Салемени.

Сарданапал

Все обошлось и без пролитой крови —
А кровь была б постыднейшей из мер.
Изгнание — вот лучший способ.

Салемени

Да.

Для тех, кто среди цветов не замечает
Змеи.

Сарданапал

Что ж надо было сделать мне?

Салемени

Все изменить.

Сарданапал

И отменить прощенье...

Салемени

Чтоб удержать сползающий венец.

Сарданапал

Жестокость?

Салемени

И спасение.

Сарданапал

Но чем же
Они опасны были б на границе?

Салемени

Еще там нет их и могло б не быть,
Когда б меня ты слушал.

С а р д а н а п а л

Беспристрастно

Тебя я слушал, так же как и их.

С а л е м е н

Все скажется поздней. Я ухожу,
Чтобы отдать распоряженья страже.

С а р д а н а п а л

Увидимся с тобой на пире.

С а л е м е н

Царь,

Уволь меня. Я не люблю пиров.
Исполню все, но мне ль служить вакханкам?

С а р д а н а п а л

Не плохо иногда попить.

С а л е м е н

Но кто-то должен охранять при этом
Пирующих столь часто. Я ушел.

С а р д а н а п а л

Иди. Нет, задержись, мой брат, мой друг,
Князь, лучший, чем монарх, его властитель.
Не мне, тебе бы быть царем. А мне...
Не знаю чем, и не желаю знать.
Не думай только, что я равнодушен
К твоим стараньям честно мне служить
И к осуждению тобой моих безумств.
Ты добр, хотя и резок, Салемен.
Изменников казнить я не хотел
Не потому, что твой совет был плох.
Пусть живут — исправятся, быть может.
Пока они в изгнание, я спокоен,
Убей я их — лишусь я сна.

С а л е м е н

Щадя

Изменников, рискуешь ты уснуть
Навек. А казнь их сразу б пресекала
Возможность всех дальнейших злодеяний.
Дай право мне...

С а р д а н а п а л

Меня ты искушаешь.

Я слово дал.

С а л е м е н

Возьми его обратно.

С а р д а н а п а л

Как? Слово царское?

С а л е м е н

Оно должно

Быть сильным. А прощение, изгнание
Ведут лишь к раздраженью. Коль прощать,
То до конца.

С а р д а н а п а л

А кто ж меня заставил,
От должности обоих отрешив
И запретив им доступ во дворец,
Их в дальние сатрапии отправить?

С а л е м е н

Да, я забыл об этом. За совет
Ты вправе будешь упрекать, когда
Удастся им доехать.

С а р д а н а п а л

Если ж нет

И если с ними что-нибудь случится —
Запомни это, — о себе самом
Тебе придется думать.

С а л е м е н

Я иду.

Ручаюсь, будут целы.

С а р д а н а п а л

Ну, ступай.

И все же относись добрее к брату.

С а л е м е н

Служу я честно моему царю.

(Уходит.)

С а р д а н а п а л
(один)

Он строг — и слишком. А его душа —
Скала; она тверда и вознеслась
Высоко над низиной жизни. Я же —
Как почва мягкая, хоть и в цветах;
Но какова земля, таков и плод.
Быть может, я не прав был, но сознание
Моей ошибки мне совсем не в тягость.
В чем дело, я не знаю. Это чувство
То скорбь внушает мне, то наслаждение.
Как некий дух здесь, у меня в груди,
Оно живет и сердца все удары
Считает, задает ему вопросы,
Какие и Ваал, оракул неба,
В вечерней мгле, в святилище своем
Не предложил бы, хоть бесстрастный мрамор
Сурово брови хмурит и порою,
Как мнится мне, вот-вот заговорит.
Прочь мысли странные! Хочу веселья.
Вот и его прелестный вестник!

Входит М и р р а.

М и р р а

Царь,

Все небо в тучах, что грохочут громом.
Они все ближе, все бегут быстрее,
Гроза подходит к нам в сверканье молний.
Дворец ты не покинешь?

С а р д а н а п а л

Как? Гроза?

М и р р а

Да, добрый царь мой.

С а р д а н а п а л

Я совсем не прочь,
Чтобы покой сменился грозной бурей,
Смятением стихий. Но это было б
Некстати для воздушных одеяний
И нежных лиц гостей. Послушай, Мирра,
Тебя страшат и молнии и гром?

М и р р а

В моей стране внушает уваженье
Гром — голос Зевса.

С а р д а н а п а л

Зевса? Да, Ваал,
Наш бог в руках такие ж держит громы
И молнией, сверкнувшей из-за туч,
Божественность являет, но порою
Разит и свой алтарь.

М и р р а

То знак несчастий.

С а р д а н а п а л

Да, для жрецов. Но, соглашусь с тобою,
Дворца сегодня не покинем мы,
Пир будет здесь.

М и р р а

Услышал Зевс мольбы!
Эллады боги отнеслись добрее
К тебе, чем сам ты. Этою грозой
От недругов тебя отгородили,
Чтоб защитить.

С а р д а н а п а л

Дитя, коль есть опасность,
Она не меньше и в моем дворце,
Чем над Евфратом.

М и р р а

Нет, крепки здесь стены
И высоки. Охрана есть. Измене,
Чтобы проникнуть, надо пробиваться
Через ворота. Павильон же твой
Не защищен.

С а р д а н а п а л

Нет, ни один дворец,
Ни крепость, ни туманные вершины
Кавказских гор, где царственный орел
Парит, нас от измены не спасут.

Стрела найдет воздушного царя,
Как и царя земного. Успокойся.
Врагов — виновны ли они, иль нет —
Изгнали мы.

М и р р а

Они еще живут?

С а р д а н а п а л

Как? Кровожадна ты?

М и р р а

Спокойно встречу

Я казнь того, кто посягнуть посмел
На жизнь твою, иначе б недостойной
Была б своей я жизни. Не о том ли
Твердил и Салемен тебе?

С а р д а н а п а л

Как странно!

Здесь в заговоре доброта и строгость.
Ты хочешь мстить?

М и р р а

Месть — добродетель греков.

С а р д а н а п а л

Но не царей. Не нужно мне ее.
Уж если надо мстить, то я бы мстил
Царям, мне равным.

М и р р а

Есть угроза трону.

С а р д а н а п а л

Ты слишком уж по-женски судишь, Мирра.
Причина — страх.

М и р р а

Страх за тебя.

С а р д а н а п а л

И все же

То страх. Ты — женщина, а я заметил,
Что в гневе пол ваш мстителен безмерно.

Его упорство чуждо мне. Я думал,
Что ты от слабости свободна, как от детской
Былой беспомощности.

М и р р а

Господин мой,
Хвалиться я не стану ни любовью,
Ни свойствами души. С тобой делила
Я радости и горе. Я, рабыня,
Тебе верней, чем сотни приближенных.
Хранят нас боги! Мне ж довольно верить,
Что любишь ты и что моя любовь
Тебе служить в твоих готова бедах,
Хоть облегчить их не под силу ей.

С а р д а н а п а л

Несчастью места нет там, где любовь.
Оно лишь укрепить ее способно
И отступить пред тем, что угрожает
Убить ее. Но час веселья близок,
Идем встречать на пиршество гостей.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

По-праздничному освещенный зал во дворце. Сарданапал
и его гости за столами. Буря, грозовые раскаты во все время
пиршества.

С а р д а н а п а л

Полнее чаши! Вот мое где царство —
Средь глаз блестящих и счастливых лиц!
Нет доступа сюда печальным мыслям.

З а м е с

Где царь, там только радость и веселье.

С а р д а н а п а л

Не лучше ль это всех охот Немврода
Или Семирамидой взятых стран,
Потом отпавших?

А л т а д а

Твой прославлен род,
Но ни один из венценосных предков

Не превзошел тебя в стремленье к миру,
Который стал души твоей отрадой
И славой, подлинной, нелицемерной.

С а р д а н а п а л

Ты в этом прав, Алтада. Мир, веселье —
Вот благо. Слава — лишь дорога к ним.
Цель жизни — наслаждение. Я избрал
К нему кратчайший путь: не шел по трупам,
Могил не умножал.

З а м е с

Нет, никогда.
Сердца людей ликуют, шлют они
Хвалу царю, принесшему нам мир.

С а р д а н а п а л

А ты уверен, что ликуют? Знаю,
Что окружен изменой я.

З а м е с

Изменой?
Изменник тот, кто так сказал. С чего бы
Измене быть?

С а р д а н а п а л

Да, не с чего. Налей мне.
И думать не хочу о том. Здесь нет
Изменников, а коли есть, то те
Теперь далеко.

А л т а д а

Дорогие гости,
Колена преклонив, внимайте мне.
Да здравствует наш царь! О нет, не царь,
А бог — Сарданапал!

З а м е с и остальные гости

Живи вовек,
Затмивший Бэла, бог Сарданапал!

Раздается удар грома. Некоторые поднимаются с колен.

З а м е с

Встаете вы? Благоволение бога,
Его отца, нам милость шлет.

М и р р а

Нет, гнев!

Царь, запрети бесчестное веселье.

С а р д а н а п а л

Бесчестное? Богами были предки,
И подвергать бесчестью славный род
Я не хочу. Прошу всех встать. Богам,
Вверху греющим, а не мне — почет.
Я лишь любви ищу.

А л т а д а

Ее найдешь

Ты в верном сердце подданных твоих.

С а р д а н а п а л

А гром сильней грохочет. Эта ночь
Ужасна.

М и р р а

Да, для тех, кто не имеет
Надежных для защиты стен дворца.

С а р д а н а п а л

Права ты, Мирра. Если б дать защиту
Возможно было всем в моих владеньях,
Я б сделал так.

М и р р а

И, значит, ты не бог,
Когда не можешь доброе желанье
Осуществить.

С а р д а н а п а л

Но и твои ведь боги
Не в силах тоже.

М и р р а

Так не говори.
Мы прогневим их.

С а р д а н а п а л

Вот что я подумал:
Им, как и смертным, тягостны упреки.
Не будь здесь храмов, были б у богов

Молящиеся им, когда вот так же
Гроза грохочет злобно?

М и р р а

На горé

Творит молитву перс.

С а р д а н а п а л

Пред ликом солнца.

М и р р а

А вот когда бы рухнул твой дворец,
Хотела б знать я, много ли найдется
Льстецов придворных, чтоб почтить твой прах?

А л т а д а

Гречанка судит о народе нашем
Высокомерно, а его не знает.
Ассирия тем счастлива, что может
Боготворить царя.

С а р д а н а п а л

Прости гречанку

За неразумные слова.

А л т а д а

Простить ее?

Мы чтим ее почти как и тебя.
Но что там мне послышалось?

З а м е с

В ворота,

Должно быть, налетев, ударил ветер.

А л т а д а

Не лязг ли то оружия?.. Опять!

З а м е с

Нет, это шум дождя по крыше.

С а р д а н а п а л

Да.

О, Мирра, пробеги по струнам арфы,
Спой песню Сафо, той, что со скалы
В пучину бросилась.

Вбегают П а н ь я с обнаженным мечом, в разодранной одежде,
забрызганный кровью. Гости в испуге.

П а н ь я
(к страже)

Скорей к воротам!
На стены! Все к оружию! Царю
Грозит опасность. Государь, прости,
Наш долг...

С а р д а н а п а л
В чем дело?

П а н ь я
То, чего боялся
Князь Салемен. Коварные сатрапы...

С а р д а н а п а л
Ты ранен? Выпей! Дух переведи,
Мой верный Панья.

П а н ь я
То простой удар.
Я не о ране думал. Я спешил
Предупредить царя.

М и р р а
Что там? Мятеж?

П а н ь я
Когда Белез с Арбасом вышли в город,
К своим войскам, они остались с ними.
Я в путь поторопил их, но они
Призвали воинов поднять мятеж,
И те восстали с дерзостной отвагой.

М и р р а
Все?

П а н ь я
Множество.

С а р д а н а п а л
Прямых не бойся слов
И слух мой не щади.

П а н ь я

Отряд мой малый
Не изменил. Кто жив, тот верен трону.

М и р р а

Войска с изменниками?

П а н ь я

Нет, не все.
Верны бактрийцы Салемену. Он
На помощь ринулся, не доверяя
Вождам мидян. Теперь там бой кипит,
Князь борется с врагами, шаг за шагом
Отстаивая город. Мы дворец
Уже кольцом надежным окружили,
Стянув все силы, чтоб спасти царя.
(*Нерешительно.*)

Я послан...

М и р р а

Говори без колебання.

П а н ь я

Князь Салемен царя смиренно просит
Вооружиться, хоть на краткий миг
Идти к войскам. Присутствие его
Средь них полезней будет, чем все наши
Усилия.

С а р д а н а п а л

Скорее! Где мой меч?
Скорей!

М и р р а

Решился ты?

С а р д а н а п а л

Решился ль я?
Доспехов мне не нужно — тяжелы.
А где враги?

П а н ь я

С полстадии, не дальше,
От стен, где начался жестокий бой.

С а р д а н а п а л

Я на коне сражаться буду. Сферо,
Вели седлать. Во внутреннем дворе
У нас свободно может разместиться
Полконницы Аравии моей.

Сферо уходит за оружием.

М и р р а

Как я тебя люблю!

С а р д а н а п а л

Я это знаю.

М и р р а

Так вот какой ты!

С а р д а н а п а л

(одному из приближенных)

Дай мне и копье.

Где Салемен?

П а н ь я

Он там, где должен быть.

В бою с врагами.

С а р д а н а п а л

Поспеши к нему.

Не прервано ли сообщение с войском,
Мне преданным?

П а н ь я

Да, путь свободным

Оставил я. Его обороняет
Надежная фаланга Салемена.

С а р д а н а п а л

Скажи ему, чтоб он берег себя.
А сам я дорожить собой не стану.
Я еду.

П а н ь я

Эта речь — залог победы.

Панья уходит.

С а р д а н а п а л

Замес, Алтада, за мечи! Найдете
Вы в оружейной всё, что нужно вам.
Я женщин разместить повелеваю
В покоях дальних. Страже дать приказ
Отстаивать их и ценою жизни.
Начальствует Замес. А ты, Алтада,
Вооружась, сюда ко мне вернешься,
Чтоб быть со мной.

Замес, Алтада и все, кроме Мирры, уходят.
Входят Сферо и другие с оружием.

С ф е р о

Царь, вот вооруженье.

С а р д а н а п а л (надевая панцирь)

Мой добрый панцирь, щит и верный меч.
А шлем? Чуть не забыл. Да где же он?
Нет, слишком он тяжел. Не тот, что нужен.
Подай другой, украшенный камнями
Бесценными.

С ф е р о

Но, царь, в бою сверкая,
Он сразу бросится в глаза врагов,
Не охранив священного чела.
А этот шлем и проще и надежней.

С а р д а н а п а л

Не стал ли ты изменником? Нет, друг,
Приказ ты исполнишь. Иди. Постой,
Уж поздно. Обойдусь без шлема я.

С ф е р о

Надень хоть этот.

С а р д а н а п а л

Мне надеть Кавказ?
Гору на голову?

С ф е р о

Последний воин
Без шлема выйти в битву не решится.

Ты будешь узнан сразу. Ведь гроза
Прошла и месяц светит слишком ярко.

С а р д а н а п а л

Я и хочу, чтоб враг меня узнал.
Вот цель моя. Давай теперь копье.

(Идет и останавливается.)

Чуть не забыл. Дай зеркало мне, Сферио.

С ф е р о

Как? Зеркало?

С а р д а н а п а л

Да, из блестящей меди,
Трофей индийский. Принеси скорее.

Сферио уходит.

Найди себе приют надежный, Мирра.
Зачем от прочих женщин ты отстала?

М и р р а

Мне место здесь.

С а р д а н а п а л

Но я иду сражаться.

М и р р а

И я с тобой.

С а р д а н а п а л

Ты в бой?

М и р р а

Была б не первой
Гречанкой я, сражавшейся с врагом.
Я буду ждать тебя.

С а р д а н а п а л

Но здесь опасно,
Сюда скорей всего ворвется враг,
Коль победит! Уж если суждено
Мне не вернуться...

М и р р а

Все ж мы будем вместе.

С а р д а н а п а л

Но где же?

М и р р а

Там, где все сойтись должны,
В Аиде. Все ж я думаю, такая
За Стиксом есть страна. А если нет,
В могильной мгле.

С а р д а н а п а л

Боишься?

М и р р а

Нет, боюсь
Я пережить любовь и стать добычей
Мятежников. Иди и будь отважен.

Возвращается С ф е р о с зеркалом.

С а р д а н а п а л
(*смотрит в зеркало*)

Кираса, перевязь ко мне идут.
Со шлемом хуже.
(*Бросает его, потом примеряет еще раз.*)
Все ж камня эти
К лицу мне. Что ж, попробуем надеть.
Алтада, эй, Алтада!

С ф е р о

Здесь он, ждет
С твоим щитом у входа наготове.

С а р д а н а п а л

Да, я забыл — он щитоносец мой.
Весь род его имеет это право.
(*К Мирре.*)
Ну, Мирра, поцелуй. Люби меня.
Чтоб ни случилось, честью я считаю
Достойно заслужить твою любовь.

М и р р а

Ступай и победи!

Сарданапал и Сфери уходят.

Вот я одна.

Все, все ушли. А кто из них вернется?
Пусть я погибну, только б победил он.
А будет побежден он — я погибла.
Могу ль я пережить его? Он сросся
С моей душой — не знаю почему.
Не потому, что царь он; власть его
Колеблется, и трон его непрочен,
Земля готова стать ему могилой.
А я люблю его все больше. Зевс,
Прости мне чувство к варвару, который
Не знает о богах Олимпа. Все же
Люблю его. Но что там? Что я слышу?
Всё ближе клики. Это он. И если...

(Достает небольшой флакон.)

Чудесный яд Колхиды, что отец
Привез когда-то с берегов Эвксина,
Освободит меня. Уже давно
Свободу с ним могла б я обрести,
Когда бы не любовь, что заставляла
Меня забыть о том, что я раба.
Но в той стране, где все кругом рабы
И лишь один свободен, и где всякий
Горд быть рабом, чтобы иметь рабов,
Не трудно счесть и цепи украшеньем.
Но снова крики, стук мечей...

Входит Алтада.

А л т а д а

Эй, Сфери!

М и р р а

Его здесь нет. Что хочешь ты сказать?
Как бой идет?

А л т а д а

С успехом переменным.

М и р р а

А царь?

А л т а д а

В бою. Найти я должен Сфери,
Взять шлем царю и новое копье.
С открытою он бьется головою
И на виду у всех. Его узнали
Враги и наши. Выдают его
Распущенные волосы, тиара.
При лунном свете вражеским стрелкам
Заветной целью стал и лик его,
И кудри под повязкою.

М и р р а

О, боги!

Властитель молний Зевс, приди на помощь!
Царем сюда ты послан?

А л т а д а

Салеменом.

Беспечный царь об этом и не знает.
Меня сюда тайком направил князь.
А царь? Наш царь в бою, как на пиру.
Где Сфери? Может быть, он в оружейной?
Иду туда.

Алтада уходит.

М и р р а

Позор? Нет, не позор,
Что я люблю такого человека.
Но мне б хотелось — и впервые в жизни,
Чтоб был он греком. Если сам Алкид,
Надев паряд лидиянки Омфалы
И стыд забыв, за прялку сел, то так же
Любимец женщин может в должный час,
Как наш Геракл, для битвы бросить пир,
Идя на смерть, как в брачную постель,
И быть достойным девушки-гречанки,
Поэта греческого песнопений
И мавзолея в греческой земле.

Входит офицер.

Как бой идет?

О ф и ц е р

Боюсь, мы проиграли,
Быть может, безнадежно. Где Замес?
Где он сейчас?

М и р р а

Он во главе отряда,
Что охраняет женские покои.

Офицер уходит.

М и р р а

(одна)

Ушел. Принес мне весть о пораженье.
Знать больше нечего. В коротком слове
Погребены и царство и властитель,
Династия тринадцати веков,
И столько тысяч жизней, и судьба
Тех, кто еще живет. А я сама,
Как капля в уносящемся потоке,
Должна погибнуть. К счастью, жизнь моя
В моих руках. Надменный победитель
Своей меня не назовет.

Входит П а н ь я.

П а н ь я

Скорее

За мною, Мирра! Мы должны бежать,
Минуты не теряя.

М и р р а

Да. А царь?

П а н ь я

Приказано мне тайными путями
Отправить за Евфрат тебя.

М и р р а

Так, значит,

Он жив!

П а н ь я

Укрыть тебя в надежном месте.
Еще велел он передать тебе,
Чтоб ты ждала его.

М и р р а

Он отступает?

П а н ь я

Уйдет последним. Что доступно силам
Отчаянья, он совершит. Дворец свой
Отстаивает он.

М и р р а

Враг у дворца?

Мятежников я крики слышу; стены
Старинных зал осквернены их воем
В такую ночь. Ассирия, прощай!
Прощай, Немврода род! Ведь даже имя
Твое исчезнет.

П а н ь я

Мы должны бежать.

М и р р а

Нет, здесь умру я. Передай царю,
Что до конца люблю его.

Входят Сарданапал, Салемен и воины. Панья остав-
ляет Мирру и присоединяется к ним.

С а р д а н а п а л

Коль так,

Умрем, где родились, здесь, во дворце.
Сомкнем ряды. Не отступать! Послал я
К Замесу, чьи войска вполне надежны.
Они, должно быть, скоро будут здесь.
А ты о Мирре позаботься, Панья.

Панья возвращается к Мирре.

С а л е м е н

Немного отдохнем и снова в бой
За честь Ассирии.

С а р д а н а п а л

За край Бактрийский!

Бактрийцы, вашим буду я царем.
Ассирию мы сделаем тогда
Провинцией.

С а л е м е н

Они идут, идут!

Входят Белез, Арбас и мятежники.

А р б а с

Они у нас в руках. Вперед, вперед!

Б е л е з

Смелее! Пусть же небо нам поможет!

Нападают на царя и Салемена с их стражей. Те упорно защищаются, пока не подходит Замес со своим отрядом. Мятежники отступают. Их преследуют. Сарданапал хочет присоединиться к преследующим. Белез преграждает ему дорогу.

Куда, тиран? Бой кончен.

С а р д а н а п а л

Вот ты как,
Гадатель, жрец, мой подданный! Сдавайся!
Прощу тебя. Я руки не хочу
Пятнать сейчас твоей презренной кровью.
Готовлю я тебе иную участь,
Вполне тебя достойную, изменник.

Б е л е з

Твой пробил час.

С а р д а н а п а л

Нет, твой! Не звездочет я,
Но наблюдаю звезды. Я прочел
Твою судьбу под знаком Скорпиона,
А это значит, что без промедленья
Раздавлен будешь ты.

Б е л е з

Но не тобой.

Вступают в единоборство. Белез ранен и обезоружен.

С а р д а н а п а л

(подняв меч для решительного удара)

Взывай к планетам, чтобы защитили
И предсказателя, и честь его!

Белеза освобождают мятежники. Они нападают на Сарданапала, но он также освобожден своими. Воины оттесняют бунтовщиков.

Пророком оказался негодяй.
За мной! Победа наша несомненна.
(Преследует отступающих.)

М и р р а
(к Панья)

Вперед! Что ты стоишь? Не помогаешь
Отважным воинам разбить врага?

П а н ь я

Царь приказал беречь тебя.

М и р р а

Меня?

Забудь о том. Никто сейчас не смеет
Бездействовать. Мне не нужна охрана,
Я не прошу ее. Коль гибнет мир,
О женщине ли думать? Ну, иди,
Не покрывай себя позором. Или
Я, слабое создание, ринусь в бой,
И защищать меня придется там,
Где ты нужней царю.

(Уходит.)

П а н ь я

Остановись!

Ушла. Но если с нею что случится,
Погибну я. Она Сарданапалу
Дороже трона, хоть сейчас он бьется
За власть свою. Но мне ли быть слабей
Царя, который к бою непривычен?
Вернись же, Мирра. Я твое желанье
Исполню вопреки царю.

Панья уходит. Из противоположной двери появляются Алтада
и Сферо.

А л т а д а

Где Мирра?

Я видел здесь ее в разгаре схватки.
А Панья? Что могло случиться с ним?

С ф е р о

Да, оба были здесь, когда бежали
Мятежники. Я думаю, они
Сейчас в гареме.

А л т а д а

Если царь с победой,
Как следует предполагать, вернется
И не найдет ионянки своей,
То нам несдобровать.

С ф е р о

Пойдем за нею.
Она здесь близко. Если мы найдем,
То будет дар бесценный для царя,
Для блага государства.

А л т а д а

Сам Ваал
Так за монархию свою не бился,
Как сын его изнеженный. Сужденья
Друзей, врагов о слабости своей
Он опроверг. Вот так же в летний зной
Гроза, скопив все силы, в доли рушит
Поток губительный. Непостижимый
Он человек!

С ф е р о

Не больше чем другие.
Мы все сыны судьбы. Скорей идем
Искать рабыню. А не то безумство
Его любви нам может стоить пыток
И даже жизни.

Уходят. Входят Салемен, воины и другие.

С а л е м е н

Лестная победа!
Мятежники отбиты от дворца,
И нет уже преград к соединенью
С войсками за Евфратом. Нам они
Верны, а эти вести о победе
Их преданность престолу укрепят.
Где ж победитель, где наш царь?

Входят Сарданапал со свитой и Мирра.

С а р д а н а п а л

Мой брат!

С а л е м е н

Ты, вижу, ранен.

С а р д а н а п а л

Это пустяки.

Дворец очищен.

С а л е м е н

Думаю, и город.

К нам многие примкнули. Дал приказ
Парфянам я, их запасным отрядам,
Преследовать врагов. Их отступление,
Я полагаю, в бегство перейдет.

С а р д а н а п а л

Да так и есть. Они уже бегут
Так быстро, что с бактрийцами моими
Я их не мог догнать. Устал я... Кресло!

С а л е м е н

Вот царский трон.

С а р д а н а п а л

Не очень он удобен
Для отдыха. Мне что-нибудь попроще.

Ему пододвигают скамью.

Ну вот хотя б скамейку. Хорошо.
Дышать свободней стало.

С а л е м е н

Час великий,
Славнейший час твоей высокой жизни.

С а р д а н а п а л

И самый тяжкий. Где мой виночерпий?
Пусть даст воды!

С а л е м е н

(с улыбкой)

Такой приказ впервые
Я слышу. Твой суровейший советник,

Тебе могу я предложить напиток
Красней воды.

С а р д а н а п а л

Наверно, это кровь.
Ее сегодня пролито довольно.
Что ж до вина, то я к другой стихии,
К стихии чистой трижды принимал
И трижды в бой стремился этой ночью,
Таких исполнен сил, каких доньше
Вино мне не давало. Где тот воин,
Что в шлеме мне принес воды?

О д и н и з с т р а ж и

Убит

Стрелой, пронзившей череп в то мгновение,
Когда из шлема выплеснул он воду
И вновь хотел надеть его.

С а р д а н а п а л

Убит

Непагражденный! О, несчастный раб!
Да, будь он жив, я б золотом его
Пресытил. Но и золота вселенной
Не хватит заплатить за то, что он
Мне жажду утолил.

Ему подают воду, он пьет.

Я оживаю...

Отныне пью вино в часы любви,
В походах — воду.

С а л е м е п

На руке повязка.

Кем ранен ты?

С а р д а н а п а л

Почтеннейшим Белезом.

М и р р а

Он ранен...

С а р д а н а п а л

Пустяки. Все обойдется.

И все же, освежась, я замечаю,
Что боль сильней.

М и р р а

Сам сделал перевязку?

С а р д а н а п а л

Да, лентой диадемы. И впервые
Пустячное такое украшение
Послужит делу.

М и р р а

(прислужникам)

Вы скорей сыщите
Искуснейших врачей. Пойдем со мной.
Перевяжу я рану, боль твою
Я облегчу.

С а р д а н а п а л

Благодарю. Пойдем.
Боль все сильнее. Но что ты смыслишь в ранах?
А впрочем, что я! Знаешь, брат, какой я
Нашел свою красавицу во время
Жестокой схватки?

С а л е м е н

Среди прочих жепщин
Испуганной газелью.

С а р д а н а п а л

Нет, она,
Подобно молодой подруге льва,
Как женщина неистово рычащей
(А всем известно, что у женщин страсти
Доходят до последнего предела),
Как львица, у которой взяли львят,
С огнем в очах, своим порывом, криком
Звала всех в бой.

С а л е м е н

Да.

С а р д а н а п а л

В эту ночь героем
Не я один был. Видел я ее:
Пылающие щеки, глаз сверканье,

Распущенные волосы, на лбу
Лазурных жилок сеть, раскрытый рот,
И трепетно раздувшиеся ноздри,
И голос, заглушавший шум сраженья,
Как струны арфы могут покрывать
Порою рокотание цимбалов,
И белизной сверкающие руки,
Как блеск клинка, что ею вырван был
У воина поверженного — это
В глазах солдат, идущих на врага,
Ее являло вестницей победы
Или самой победой, вдохновлявшей
Нас всех на подвиг.

С а л е м е н
(в сторону)

Вот опять любовь
Владеет им. Коль не отвлечь его,
Пропало все.

(Вслух.)

Пора о ране вспомнить.
Ты только что сказал — она болит.

С а р д а н а п а л

Да, это верно. Что об этом думать!

С а л е м е н

Мпой отданы все нужные приказы,
И надо проследить за тем, чтоб было
Все выполнено. Скоро я вернусь
В твоё распоряжение.

С а р д а н а п а л

Хорошо.

С а л е м е н
(уходя)

О, Мирра!

М и р р а

Князь!

С а л е м е н

Вела себя достойно
Ты в эту ночь. Когда б он не был мужем
Моей сестры... Царя ты любишь?

М и р р а

Да,
Люблю.

С а л е м е н

И хочешь, чтоб он был царем?

М и р р а

Хочу, чтоб был он тем, кем должен быть.

С а л е м е н

Он лишь тогда останется царем
И ты его не сможешь потерять,
Когда лишь станет тем, кем быть он должен,
Когда его разбудишь ты для жизни.
Ведь власть твоя над ним сильнее всего
В дни мира и войны. Так сделай это.

М и р р а

Совет твой мне не нужен, Салемен.
Я знаю долг свой, сделаю, что в силах
У женской слабости...

С а л е м е н
(перебивая)

Она над ним
Сильна, и ты воспользуешься ею
Ему во благо.

(Уходит.)

С а р д а н а п а л

Ты о чем же, Мирра,
Шепталась там с моим суровым братом?
Смотри, начну я скоро ревновать.

М и р р а
(улыбаясь)

Не без причин. Заслуживает он
И женскую любовь, и почесть войск,

И преданность рабов, и милость трона
Всех более из подданных твоих.

С а р д а н а п а л

Хвали его, но все же не столь пылко.
Никто не должен лучше быть, чем я,
В твоих глазах. Однако ты права.

М и р р а

Идем, нам раною пора заняться.
Я поддержу тебя.

С а р д а н а п а л

Не ради раны.

Все уходят.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Сарданапал на ложе спит беспокойным сном. Мирра бодрствует над ним.

М и р р а

Я бодрствовать над ним пришла украдкой.
Как он тревожно спит! Будить его?
Нет, легче стал дышать. О бог покоя,
Властитель глаз закрытых, сладких снов,
Забвения без всяких сновидений,
Спокойствия глубокого, немого,
Подобным смерти стань, сестры твоей,
Которая безмолвна и недвижна.
Ведь для людей нет высшего блаженства,
Чем тишина и мрак твоих владений.
Зашевелился он. То боль от раны
Прошла по мускулам его лица.
Так от порыва ветра рябь бежит
По глади озера в ложбине горной,
Так ветер шевелит листвою осенней,
В тоске прижавшейся к родным ветвям.
Я разбужу его. Но нет... Быть может,
Я этим возвращу его к страданиям.
Всему виною ужас этой ночи

И боль от раны. Беспокоюсь я,
Возможно, больше, чем страдает он.
Природа лучший врач, а я при ней
Сиделкой быть должна, а не помехой.

С а р д а н а п а л
(пробуждаясь)

О нет! Пусть над бессчетным сонмом звезд
Вы сделали б властителем меня,
Такой ценой я не купил бы власти
Над вечностью. Прочь ты, Ловец зверей,
И вы, в былые дни людей-собратьев
Травившие безжалостно и жертв
Просившие кровавых! Прежде вы
Такие ж люди были, а теперь
Вас идолами сделали жрецы,—
И стали вы намного кровожадней.
Прочь ты, прабабки тень, пятой кровавой
Там, в Индии, ступавшая по трупам!
Прочь! Где я? Нет, не привиденья это,
Не бред предсмертный, вызванный из бездны,
Чтоб устрашать еще живых. О, Мирра!

М и р р а

Как бледен ты! И пот росой холодной
Лежит на лбу твоём. Но успокойся.
Ты говорил как бы из царства тени,
Но ты и жив, и царь еще. Не бойся.
Все будет хорошо.

С а р д а н а п а л

Дай руку мне.
Горячая она. Пожми сильнее.
Пусть стану, чем я был.

М и р р а

Пусть стану так же
И я тем, чем была я для тебя.

С а р д а н а п а л

Да, прихожу я в полное сознание,
Я воскрешен тобою.

М и р р а

О, мой царь!

С а р д а н а п а л

Я был в могиле, там, где червь — властитель,
А царь... Всегда я думал, что за гробом
Нет ничего...

М и р р а

И ты в том не ошибся.
Лишь трусы могут думать, что за смертью
Еще есть что-то.

С а р д а н а п а л

Мирра, если видим
Мы сны, то что же смерть покажет нам?

М и р р а

Возможно ль от нее ждать больше зла,
Чем жизнь сама обильно приносила
Тому, кто долго жил? Когда есть край
За смертной гранью, то живет в ней дух,
Лишенный плоти. Если б даже тень
Осталась там от нашей оболочки,
Препградой бывшей меж душой и небом,
То ужасов она там не увидит
И смерть ее ничем не устрашит.

С а р д а н а п а л

Я смерти не боюсь, но предо мною
Являлись тени.

М и р р а

Это только прах
Всех живших и страдавших. Что ты видел?
Забудь напрасный ужас.

С а р д а н а п а л

Мне казалось...

М и р р а

Нет, подожди. Устал ты и страдаешь,
А это вред несет душе и телу.
Усни, забудься.

С а р д а н а п а л

После, не хочу

Я снов, хоть знаю — это только сны.
Ты в силах ли мой выслушать рассказ?

М и р р а

Все выпесу — виденья жизни, смерти,
Коль суждено мне их делить с тобой
Во сне и наяву.

С а р д а н а п а л

Но я их видел

Как наяву. Своими я глазами
Следил за тем, как тени ускользали.

М и р р а

А дальше?

С а р д а н а п а л

Видел я — нет, это снилось, —
Что будто здесь, где мы сейчас с тобой,
Собрались гости, и хозяин, я,
Сам гостем был. Но не было со мной
Тебя, Замеса и других друзей.
Сел кто-то слева, злой, надменный, бледный.
Где прежде видел я его — не помню.
То был гигант с недвижимым, ясным взором.
Лежали кудри по плечам широким,
Был за спиной большой колчан, откуда,
Пройдя сквозь волосы, концы торчали
Пером орлиным оснащенных стрел.
И он молчал. Я чашу сам наполнил,
К нему придвинув. Он ее не тронул,
Но на меня взглянул тогда в упор.
Под этим взглядом я затрепетал,
Нахмурился, а он смотрел все так же
В мои глаза. И неподвижность взгляда
Меня повергла в бесконечный ужас.
Тогда к другим гостям я повернулся,
Как бы ища защиты. Только там,
Где ты со мной всегда сидела рядом,
Увидел я...

М и р р а

Что ж ты еще увидел?

С а р д а н а п а л

Там, на привычном месте, где всегда
Встречал я нежный взор твой, восседала
Тварь мерзкая, иссохшая, седая,
Глаза налиты кровью, кровь на пальцах,
На голове корона, лоб в морщинах,
Злодейская усмешка на губах,
Во взоре — похоть, — и вся кровь во мне
Тогда застыла.

М и р р а

Это все?

С а р д а н а п а л

О нет.

В одной руке, сухой, как птичья лапа,
Был кубок, где еще дымилась кровь.
В другой — такой же кубок бог весть с чем.
Охвачен ужасом, я отвернулся.
Сидели рядом и другие тени
С коронами, несхожие друг с другом,
Но с общим выраженьем.

М и р р а

Сон!

С а р д а н а п а л

О нет,

Я мог бы прикоснуться к ним рукою.
Я вглядывался в лица их с надеждой
Найти средь них знакомые. Но тщетно;
Недвижный взгляд уставив на меня,
Они не ели и не пили, только
Смотрели пристально, пока я сам
Подобным камню стал. Но и тогда
Во мне и в них от жизни что-то было.
Я между нами находил сродство,
Как будто сбросил я с себя полжизни,
Они — полсмерти, чтоб сойтись со мной.
И это состоянье было чуждым
Земле и небу. Лучше смерть, о, Мирра,
Чем бытие такое.

М и р р а

Что же дальше?

С а р д а н а п а л

Окаменев, сидел я. Вдруг поднялись
Из-за стола старуха и охотник.
Он на меня взглянул, его лицо
В величии своем вдруг озарилось
Улыбкою, чуть тронувшею губы,
Но взгляд таким же твердым оставался.
Старуха тоже как бы улыбнулась.
За ними встали и другие тени,
Им подражая, навыв обезьяннить,
Как видно, сохранив и за могилой.
Но я не встал. И ощутил я бодрость.
Мой страх прошел, и призракам в лицо
Смеялся я. Охотник дал мне руку,
И я ее пожал. В моей руке
Она растаяла, а он исчез,
И я подумал — это тень героя.

М и р р а

Да, так и есть. То был высокий предок
Твоей династии.

С а р д а н а п а л

И ты права.
Но женщина, ужасная старуха,
Прожгла мне губы гнусным поцелуем,
Смахнула на пол налитую чашу, —
И показалось мне — зловонный яд
Потек широкою рекой. Напрасно
Я оттолкнуть старался эту ведьму.
А спутники ее стояли молча,
Подобно статуям священным в храмах,
Но вот я вырвался из рук старухи,
Меня считающей убийцей-сыном,
Который мстит ей за кровосмешенье.
Потом... потом я погружен был в хаос
Мерзейший, сам уже ни жив ни мертв,
Лежал в могиле, снова воскресал,
Червей добыча и воспоминаний,
И, проходя горнило горьких мук,
Тебя в мученьях звал — и вот проснулся.

М и р р а

С тобой я не расстанусь в этом мире
И в том, другом, коль он и вправду есть.
Но успокойся. Все, что видел ты,—
Твоих тревог недавних порождение.
Ты вынес непривычный труд, который
Сломил бы и сильнейших.

С а р д а н а п а л

Да, мне легче.
Ты вновь со мной, и то, что видел я,—
Уже ничто.

Входит С а л е м е н.

С а л е м е н

Как? Царь уже проснулся?

С а р д а н а п а л

Да, брат. Но лучше было б мне не спать.
Я видел предков, что меня хотели
Увлечь с собой. Там был и мой отец,
Сидевший почему-то в стороне,
Охотник был, родоначальник наш,
И гнусная мужеубийца, та,
Что издавна слывет великой.

С а л е м е н

Я же

Тебя зову великим потому,
Что ты явил высокий дух. Пришел я
С советом на рассвете вновь ударить
По вражьим силам. Хоть они разбиты,
Но собираются напасть на нас.

С а р д а н а п а л

Который час?

С а л е м е н

Осталось ждать немного.
Два-три часа. Ты должен отдохнуть.

С а р д а н а п а л

Не этой ночью. Я во сне как будто
Провел часы.

М и р р а

Едва ли час оди.
Все время я с тобою здесь была.
Не больше часа.

С а р д а н а п а л

Все сейчас обсудим.
С рассветом в бой!

С а л е м е н

Но у меня есть просьба.
Прошу...

С а р д а н а п а л

Уже согласен.

С а л е м е н

Подожди.
Но я о ней могу тебе сказать
Лишь с глазу на глаз.

М и р р а

Князь, я удалюсь.
(Уходит.)

С а л е м е н

Достойна Мирра быть свободной.

С а р д а н а п а л

Она достойна трона. Только?

С а л е м е н

Но позволь,
Еще он занят. Речь пойдет о той,
Кто делит трон с тобою.

С а р д а н а п а л

О царице?

С а л е м е н

Да, ради безопасности ты должен
Ее с детьми немедленно, на рассвете,
Отправить в Пафлагонию, где Котт,
Наш родственник, правителем. Тогда
Спокоен будешь ты за сыновей.
Ты защитишь их от возможных бед
И сохранишь наследников престола,
Законные права их, если будет
В том надобность. Случиться может все.

С а р д а н а п а л

Да, нужно все предусмотреть. Скорей
Отправь их с верной стражей.

С а л е м е н

Все готово.

Перевезет их за Евфрат галера,
Но, может, перед этою разлукой
Захочешь ты увидеть...

С а р д а н а п а л

Сыновей?

Боюсь растрогаться я. Будут плакать
Мои малютки. Чем же я могу
Их успокоить? Тщетною надеждой,
Улыбкою притворной? Не умею
Я притворяться.

С а л е м е н

У тебя есть сердце.

Царица повидаться бы с тобою
Хотела перед вечною разлукой.

С а р д а н а п а л

Зачем? С какою целью? Я согласен
На все, что нужно ей, но не на встрече.

С а л е м е н

Ты знаешь сердце женщин, изучил их,
И потому тебе уже известно:
Когда им что-нибудь подскажет сердце,

Будь это чувство или воображение,
Весь мир забудь. Желания сестры
Не одобряю я, как ты. Но все же
Моя сестра — царица. Должен ты
Ее исполнить просьбу.

С а р д а н а п а л

Бесполезно.

Но пусть придет.

С а л е м е н

Благодарю.
(Уходит.)

С а р д а н а п а л

Мы жили
Так долго врозь. Зачем ей эта встреча?
Довольно у меня забот и горя,
Чтоб с той делить их, с кем уже давно
Я не делю любви.

С а л е м е н возвращается с З а р и н о й.

С а л е м е н

Сестра, смелее!
Тебе ль к лицу боязнь? Не забывай
О наших предках. Государь, царица!

З а р и н а

Оставь нас, брат, вдвоем.

С а л е м е н

Я повинуюсь.

Салемен уходит.

З а р и н а
(в сторону)

Вот мы одни — уж столько лет прошло
С тех пор, как в наши молодые годы
Мы сблизились — и вот живу вдовой.
Не любит он меня. Он изменился.
Другим он стал со мной. А я все та же.

Ни слова мне, ни взгляда. А бывало,
И голос мягок был, и нежен взор,
Не равнодушен, не жесток.

С а р д а н а п а л

Зарипа!

З а р и н а

Зарипа? Нет, не говори «Зарипа».
Твой тон и слово мукой долгих лет
Истреблены.

С а р д а н а п а л

Теперь уж слишком поздно
О прежних помнить снах. К чему упреки?
Не упрекай меня в последний раз.

З а р и н а

Впервые упрекаю.

С а р д а н а п а л

Это правда.
Тем тяжелей упрек твой для меня.
Над сердцем ведь не властен человек.

З а р и н а

И над рукой. С ней взял ты сердце.

С а р д а н а п а л

Брат твой

Сказал, что ты меня желала видеть
Перед разлукой...

(Не решается продолжать.)

З а р и н а

С нашими детьми.
Да, это так. Я шла благодарить
За то, что ты меня не разлучил
С единственной отрадой, с теми, кто
И на тебя похожи, и чей взгляд,
Как твой когда-то...

С а р д а н а п а л

Я хочу, чтоб дети
Хранили долг сыновний.

З а р и н а

Я детей

Люблю всей силою души, как мать
И как твоя жена. Они меж нами
Единственная связь.

С а р д а н а п а л

Тебя, Зарина,

Всегда ценил я. Пусть для них примером
Твой служит род — и больше, чем отец.
Тебе вверяю их. Готовь их к трону,
Коль то им суждено. Но ты ведь помнишь
Об этой ночи?

З а р и н а

Что о ней мне помнить!

Я б подчинилась всякому несчастью,
Когда б оно нас сблизило с тобой.

С а р д а н а п а л

Мой трон в опасности, и, может быть,
Его моим уж не увидеть детям,
Но пусть они к нему стремятся, я
Все сделаю, чтоб царство им досталось.
Погибну — пусть его добьются силой
И правят мудро, а не так, как я...
Власть растерявший.

З а р и н а

Я им передам

Лишь то, что служит памяти почетной
Отца.

С а р д а н а п а л

И пусть они узнают правду
Из уст твоих, а не из темных слухов
Толпы, всегда готовой клеветать,
Чтоб детям отвечать за грех отцов.
О, дети! Легче б вынес я несчастья,
Когда бы не было вас у меня!

З а р и н а

Молчи, не мучь души моей признаньем,
Что лучше было б не иметь детей.

Ты победишь. Они взойдут на трон,
Тебя благодаря, хотя ты сам
Так мало ими дорожил. Но если...

С а р д а н а п а л

...Трон потеряю, крикнет им весь мир:
«Отца благодарите!» — и они
Проклятием мое покроют имя.

З а р и н а

Не будет этого. Они почтят
Царя, который в свой последний час
То совершил, что многие цари
За много лет не в силах были сделать,
Чтобы оставить в летописях след.

С а р д а н а п а л

Но летописи все ж идут к концу.
Что б ни свершалось, кончатся они
Тем, чем и начались — великой славой.

З а р и н а

Побереги себя, живи для тех,
Кому ты дорог.

С а р д а н а п а л

Кто ж они? Раба,
Чья страсть правдива и чужда тщеславию!
Хоть трон мой шаток, мне она верна.
Иль гости на пиру, которым ясно,
Что с гибелью моей они — ничто?
Брат оскорбленный? Брошенные дети?
Жена покинутая?

З а р и н а

Та, что любит.

С а р д а н а п а л

Прощает?

З а р и н а

Я не думала об этом.
Что мне прощать, когда вины не знаю?

С а р д а н а п а л -

Жена моя!

З а р и н а

Благодарю за слово.

Я не надеялась его услышать.

С а р д а н а п а л

Услышишь и от подданных моих.
Рабы, которым я дарил покой,
Довольство, пищу и кого я щедро
Чуть не царями делал в их домах,
Теперь, восстав, желают смерти мне,
Пославшему им счастье. Те ж из них,
Которых не дарил я, мне верны.
Чудовищно, но правда!

З а р и н а

Так всегда.

У низких душ им данное добро
В яд превращается.

С а р д а н а п а л

А тот, кто честен,
Берет из зла добро, подобно пчелам
В цветах целебных.

З а р и н а

Собирай свой мед,
Не спрашивая, кто дает его,
И не считай, что всеми ты покинут.

С а р д а н а п а л

Я жив еще пока, еще я царь.
А коль не царь, то долго ли мне жить
Здесь, а не там, куда придем мы все.

З а р и н а

Не знаю. Жить ты должен для меня
И для своих детей.

С а р д а н а п а л

Моя Зарина,
Что ж делать мне, покорному рабу

И случая, и собственных страстей?
Нет места мне на троне, нет и в жизни.
Не знаю, чем бы мог я стать, но ясно,
Что я совсем не то, чем должен быть.
Не создан я ценить красу твою,
Был я влюблен в ту, что твоей не стоит.
Мне преданность тебе была бы долгом,
А я всю жизнь лишь ненавидел цепи,—
Чужие и свои (что подтвердилось
Сегодняшним восстанием). Что еще скажу я,
С тобой прощаясь? Глубоко ценю
Сокровища души твоей, но пользы
Извлечь из них я никогда не мог.
Так рудокон, на ценную руду
Нагнувшийся, стоит в раздумье тяжком,
Не смея к самородкам прикоснуться
И взвесить их; они принадлежат
Хозяину, а он обязан только,
Не видя, что у ног лежит, работать
И, ползая, киркой своею бить
Упорный грунт.

З а р и н а

Когда любовь моя
В твоих глазах достойна уваженья,
Мне больше нечего желать. Скорей
Бежим отсюда. Мы узнаем счастье.
Что нам Ассирия! В самих себе
Мы новый мир найдем, блаженства полный,
Способный заменить тебе и мне
И власть и царство.

Входит С а л е м е н.

С а л е м е н

Должен разлучить вас.
Часы текут, и дорого нам время.

З а р и н а

Безжалостный! Зачем ты хочешь, брат,
Отнять минуты счастья?

С а л е м е н

Счастья?

З а р и н а

Да.

Он так был добр! И думать не хочу
Я о разлуке!

С а л е м е н

О, прощанье женщин!

Оно ведет к решению остаться.
Я это все предвидел. Нет, сестра,
Как ни проси, по этому не быть.

З а р и н а

Не быть?

С а л е м е н

Останешься — погибнешь.

З а р и н а

С ним!

С а л е м е н

С детьми.

З а р и н а

О, горе!

С а л е м е н

Слушай, как царица
И как моя сестра. Готово все,
Чтобы спасти тебя и сыновей,
Последнюю надежду нашу. Знаю,
Что скорбь твоя достойна. Но важнее
Нам польза государства. Ведь враги
Пойдут на все, чтоб взять детей царя.

З а р и н а

О, замолчи!

С а л е м е н

Нет, слушай. Если мы
Спасем от рук мидян твоих детей,
Погибнет план бунтовщиков — пресечь
Немврода род. Коль царь погибнет, дети
Жить будут для отмщенья и победы.

З а р и н а

Останусь с ним.

С а л е м е н

Как? Сиротами ты
Детей оставишь в стороне чужой
Без матери и без отца?

З а р и н а

Ужасно...

Нет, я не вынесу.

С а л е м е н

Решай, как быть.

С а р д а н а п а л

Он прав, Зарина. Надо покориться
Тому, что требует необходимость.
Погубишь все, оставшись здесь со мной,
Уехав, ты ценнейшее спасешь,
Что есть еще у нас и тех людей,
Что нам верны.

С а л е м е н

Нельзя уж медлить дольше.

С а р д а н а п а л

Решай! При новой встрече буду я
Тебя достоин. Если ж не придется
Нам свидеться, то помни, что ошибки
Не повторятся. Все же я боюсь,
Ты будешь сокрушаться всей душой
Об имени поруганном моем,
Об имени того, кто был когда-то
Ассирии властителем всесильным.
Растроган я. Но нужно твердым быть.
Грешил я лишь по слабости душевной.
Утри же слезы, их остановить
Не в силах был бы я, как бег Евфрата.
Не плачь, иначе мужество, какое
Сейчас так пужно мне, меня покинет.
Брат, уведи царицу.

З а р и н а

Небо! С ним

Навек расстаться!

С а л е м е н
(пытаясь увести ее)

Повинуйся мне.

З а р и н а

Нет! Не хочу, чтоб умер он один,
Как не хочу одна остаться жить.

С а л е м е н

Он *не умрет один*. А ты так долго
Жила одна.

З а р и н а

О нет. Супруга образ,
Столь милый мне, со мною был всегда.

С а л е м е н
(приближаясь к ней)

Прости, но вынужден употребить
Я братское насилие.

З а р и н а

Никогда!
Спасите! Прочь! О мой Сарданапал,
С тобой меня так грубо разлучают.
Что ж смотришь ты?

С а л е м е н

Не медли, а не то
Погибло все.

З а р и н а

Кружится голова,
В глазах туман. Где он?
(*Теряет сознание.*)

С а р д а н а п а л
(подходя)

Оставь ее.
Она мертва? Твоя вина!

С а л е м е н

Не бойся.

То просто обморок. И свежий воздух
Ее в сознание скоро приведет.

(В сторону.)

Воспользоваться временем я должен
И отнести ее скорее к детям,
В галеру царскую.

(Уносит Зарину.)

С а р д а н а п а л

(один)

Мне ль так страдать,
Не причинявшему мучений людям!
Неправда! С ней любили мы друг друга.
О, роковая страсть! Угаснуть ты
Должна была одновременно. Я
Расплачиваюсь дорого, Зарина,
За все твои мученья. Если б мне
Любить одну тебя, меня бы чтити
Мои народы. Но в какую бездну
Тот ввержен, кто потребовал себе
Почета по прямым правам рожденья
И всюду находил его, пока
Не потерял, свернув с дороги чести,
Уж навсегда по собственной вине!

Входит М и р р а.

Ты здесь? Кто звал тебя?

М и р р а

Сама пришла я,

Услышав здесь и крики и стенанья.
И показалось мне...

С а р д а н а п а л

Сюда входить

Не смеешь ты без зова.

М и р р а

Я могла бы

Тебе напомнить, что ты был учтивей,
Когда меня ты упрекал за то,
Что я стесняюсь помешать тебе,

И говорил, что я могу входить
К тебе, когда и делом занят ты.
Я удаляюсь.

С а р д а н а п а л

Коль пришла, останься.
И извини меня. Так много было
Тревог, что я расстроен и сердит.
Но я приду в себя.

М и р р а

Я терпелива.

И рада буду...

С а р д а н а п а л

Перед тем, как ты
Вошла сюда, покинула меня
Зарина, всей Ассирии царица.

М и р р а

Ах!

С а р д а н а п а л

Ты бледнеешь, что с тобою?

М и р р а

Так...

С а р д а н а п а л

В другую дверь, по счастью, ты вошла.
Не встретились. Царице было б больно.

М и р р а

Я ей сочувствую.

С а р д а н а п а л

Несовместимо

С природою сочувствие такое,
У вас различны чувства.

М и р р а

Лишь презренье

У ней ко мне, к наложнице-рабыне.
Сама себя я презираю больше.

С а р д а н а п а л

Презрение к тебе, внушившей зависть
Всех женщин, как к владычице моей!

М и р р а

Будь ты владыкой тысячи миров,
Я, став наложницей твоей, не меньше
Унизилась, чем если б стала
Подругою простого пастуха,
И даже больше, будь пастух тот греком.

С а р д а н а п а л

О, Мирра!

М и р р а

Да, такая я.

С а р д а н а п а л

В дни горя

Все отступаются от человека.
Но я еще не пал и не хочу
Выслушивать упреки оттого,
Что я их заслужил. Пока не в ссоре,
Расстаться, Мирра, мы должны с тобой.

М и р р а

Расстаться?

С а р д а н а п а л

Да. Кончали же разлукой,
Кто жил и кто еще живет.

М и р р а

Зачем?

С а р д а н а п а л

Чтобы спасти тебя. С надежной стражей
На родину твою тебя пошлю,
Царицей не была ты, но по-царски
Хочу тебя приданым наградить.

М и р р а

О, замолчи!

С а р д а н а п а л
Уехала царица,
Последуй же и ты ее примеру.
Умру один. Друзей себе ищу я
Лишь в дни великой радости и счастья.

М и р р а
Мое же счастье — быть с тобою вместе.
О, не гони меня!

С а р д а н а п а л
Решай сейчас же,
Пока еще не поздно.

М и р р а
Если поздно,
То мы уж не расстанемся с тобой.

С а р д а н а п а л
А я-то думал, ты расстаться хочешь!

М и р р а
Я?
С а р д а н а п а л

Ты ведь говорила о позоре.

М и р р а
Да,
И лишь моя любовь сильнее, чем он.

С а р д а н а п а л
Беги его.

М и р р а
Уйдешь ли от бывшего?
Ни сердца мне, ни чести не вернуть.
Ты смерть моя и жизнь. Коль победишь,
Нам — слава. А падешь — делю с тобою
Я гибель. Ведь еще недавно ты,
Что я верпа тебе, не сомневался.

С а р д а н а п а л
Что мужественна ты, я знал всегда.
И верил бы любви твоей, но ты
Сказала мне...

М и р р а

Но те слова — пустое.
Дела — вот доказательство любви.
Так будет и всегда, пока мы вместе.

С а р д а н а п а л

Благодарю. Я знаю, что я прав.
Враг будет побежден, настанет мир —
Единственная нужная победа.
В завоеваниях не вижу я
Почета, а в войне — достойной славы,
И утверждать оружием права
Считаю оскорблением я, которым
Меня хотели б уязвить враги.
Я вечно буду помнить эту ночь,
Но и другим ее запомнить надо.
Казалось мне, что я правленьем мирным
Внес в летопись, запачканную кровью,
Спокойствие и создал тем оазис
В пустыне, заслужив любовь потомков,
Благословивших век Сарданапала.
Из царств моих мечтал создать я рай.
Я принял за любовь восторги черни,
За истину — моих придворных лести
И за награду — поцелуй женщин, —
И только в этом не ошибся, Мирра.

(Целует ее.)

Целуй меня. Пусть жизнь возьмут и власть, —
Тебя я не отдам!

М и р р а

Да, никогда!
Брат-человек у брата-человека
Отнять все может, погибают царства,
Войска бегут, друзья врагами стали,
Рабы ушли. Везде обман. Одна
Любовь способна выносить все беды.

Входит С а л е м е н.

С а л е м е н

По делу я. Как, здесь она?

С а р д а п а п а л

Не надо
Упреков. Вижу, вести ты принес
Важней, чем спор о жепщине, мой брат.

С а л е м е н

Из женщин мне одна важнее всех —
Царица. Удалось ее спасти.
Она уехала.

С а р д а п а п а л

Здорова?

С а л е м е н

Да.

Уже бодрее после всех волнений.
Бесслезными глазами оглядела
Она детей уснувших, а потом
Не отводила взора от дворца,
Пока галера по реке скользила
В сиянье звезд, и с той поры ни слова
Не проронила.

С а р д а п а п а л

Если бы я сам
Не чувствовал такой же скорби!

С а л е м е н

Поздно

Тебе скорбеть. Ты мук ее теперь
Не облегчишь. Вот весть уже иная:
Мятежники халдеи и мидяне,
Собравшись под началом двух вождей,
Вооружась, значительным отрядом
Готовятся напасть на нас. Сатрапы
Примкнули к ним.

С а р д а п а п а л

Мятежники? Опять?
Мы первыми ударим.

С а л е м е н

Безрассудно,
Хотя и было раньше решено.

Вот если подоспеют к нам с зарей
Отряды, за которыми послал я,
Тогда рискнем — с надеждой на победу.
Пока же вынуждены выждать
Мы приступа.

С а р д а н а п а л

Как ненавижу я
Медлительность. Да, правда, безопасней
Сражаться нам за крепкими стенами,
Врагов бросая в рвы, чтобы они
Там, умирая, корчились на кольях,
Но это мне претит. Уж лучше приступ
Хоть в гору, чтобы сбросить вниз врага
Иль захлебнуться в собственной крови.
Вперед, на приступ!

С а л е м е н

Ты — как юный воин.

С а р д а н а п а л

Я человек, а не солдат. Противно
Мне званье воина и те, кто им
Гордится. Но веди меня туда,
Где ждут врага.

С а л е м е н

Но жизнью рисковать
Не должен ты. Ведь жизнь твоя дороже,
Чем жизнь других. И в ней вся суть войны.
Начать войну, разжечь и погасить,
Продлить или окончить — от нее
Зависит все.

С а р д а н а п а л

Тогда окончим разом
Войну и жизнь мою. Что их тянуть!
Мне надоели обе.

Трубы за сценой.

С а л е м е н

Слышишь?

С а р д а н а п а л

Да.

Идем!

С а л е м е н

А рана?

С а р д а н а п а л

Это пустяки.

Залечена, забыта. В бой! Вперед!
Вошел бы глубже в тело нож врача,
А он, проклятый раб, едва кольнул!
Итак, вперед!

С а л е м е н

Когда бы и в бою

Ты столь же ранен был легко!

С а р д а н а п а л

О да,

Но только б победить! А то придется
Помочь врагу убить царя.

Снова трубы.

Вперед!

С а л е м е н

Я за тобой!

С а р д а н а п а л

Мой меч! Скорей мой меч!

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Тот же зал во дворце.

М и р р а и Б а л е а.

М и р р а

(стоя у окна)

Вот наконец и день. О, что за ночь
Ему предшествовала! Как прекрасна
Она была там, в небесах, вся в грозах,
Но оттого прекрасней во сто крат.

И как ужасно на земле, где мир,
Любовь, надежда, радость в миг единый
Растоптаны страстями душ людских
И превратились в беспросветный хаос.
И так всегда! А солнце вновь взойдет,
Возникнут в чистом небе облака
С нагроможденьем башен, снежных гор
И пеной волн, пышней, чем в океане.
Там, в небе — подражание земле,
Столь схожее, что кажется нам вечным,
Столь быстротечное, что мы должны
Считать его виденьем преходящим;
Оно рассеяно по своду неба,
А все же трогает, смягчает душу
И с ней сливается, лишь ночь придет,
А с ней любовь и скорбь! И те, кто знает
Тех близнецов, что души возвышают,
Тот никогда не сможет променять
Их на восторги и на те чертоги,
Где можно от тревог найти спасенье
На краткий миг; ведь в этой мгле ночной
Коснулись неба мы и обрели
Покой от всех забот существования
И вознеслись мечтой над прахом жизни,
Хотя и были в этот скорбный час
Обычными из тружеников-смертных.
Печаль и радость — разные названья
*Едино*го, и лишь борьба в душе
Различные дает им имена,
А суть — в недостижимой жажде счастья.

Б а л е а

Глядишь спокойно ты, как солнце всходит
В последний раз, быть может...

М и р р а

Потому

Я и спокойна. Только упрекаю
Свои глаза в миг расставанья с ним
За то, что любовались им столь часто
Без должного восторга, преклоненья
Пред тем, кто землю бrenную хранит,
Как и меня. Взгляни на божество

Халдеев, перед ним почти готова
Уверовать я в вашего Ваала.

Б а л е а

Он правит небом, как землей когда-то.

М и р р а

Он на земле еще сильнее; вовеки
Земной монарх не знал той власти, славы,
Что слиты лишь в одном его луче.

Б а л е а

Он — бог.

М и р р а

Мы, греки, тоже так считаем,
А все ж, я думаю, светило это
Скорее обиталище богов,
Чем бог единый. Посмотри, сквозь тучи
Пробился луч, залив глаза мне светом,
Мир заслонившим. Силы нет смотреть!

Б а л е а

Чу! слышишь шум?

М и р р а

Игра воображенья!
Бой за стеной идет. Не так как ночью,
Когда сражались здесь, в самом дворце,
Что стал нам крепостью в час роковой
Внезапного вторжения. И здесь,
В строенье, опоясанном дворами
И залами, что пирамид обширней,
Захватывать все нужно постепенно,
Чтобы сюда ворваться, как вчера.
Мы здесь равно укрыты от беды
И от победы.

Б а л е а

Но враги могли
Еще недавно и сюда добраться.

М и р р а

Внезапность помогла им. Но смогли
Мы их отбить. У нас ведь и сейчас
И бдительность, и доблесть для защиты.

Б а л е а

Да будет так!

М и р р а

Того желают все,
Но страх остался. Я полна тревоги.
Стараясь об этом и не думать.
Но тщетно.

Б а л е а

Поведение царя
Не столь в бою мятежников страшило,
Как удивляло верных слуг его.

М и р р а

Нетрудно удивить иль утратить
Людские толпы. Это ведь рабы.
А царь был смел.

Б а л е а

Он не убил Белеза?

М и р р а

Он сбил его ударом крепким с ног,
И негодяй спастись пытался бегством.
Но, пожалев о нем в последний миг,
Царь спас его, своим венцом рискуя.

Б а л е а

Ты слышишь?

М и р р а

Приближаются шаги,
Но тихо...

Входят воины, внося раненого Салемена с обломком копья
в бок; они укладывают его на ложе.

М и р р а

Зевс!

Б а л е а

Все кончено!..

С а л е м е н

Неправда.

Убей раба, когда простой он воин!

М и р р а

Не нужно. То дворцовый мотылек,
Порхавший подле нашего монарха.

С а л е м е н

Ну, пусть живет он!

М и р р а

Будешь жить и ты.

С а л е м е н

Хотелось бы мне пережить мятеж.
Но... почему я принесен сюда?

В о и н

Приказ царя. Копье тебя сразило,
Ты пал, лишился чувств. И царь велел
Нести тебя сюда.

С а л е м е н

И в том был смысл,
Поскольку я мог показаться мертвым
В холодном этом помутненье чувств.
Могли солдаты дрогнуть. Но увы!
Кровь так и хлещет.

М и р р а

Дай взглянуть на рану;
Не чуждо мне искусство врачеванья.
У нас в стране, где войны непрестанны,
Ран не боятся...

В о и н

Лучше извлеките

Копье.

М и р р а

Постой! Нет, это невозможно.

С а л е м е н

Тогда конец мне!

М и р р а

Да, кровотечение,
Когда ты это извлечешь копье,
Опасно. Я страшусь за жизнь твою.

С а л е м е н

Я смерти не боюсь. Но где был царь,
Когда меня из битвы выносили?

В о и н

Сражался он, и голосом и жестом
Он дрогнувшие ободрял войска,
Когда упал ты.

С а л е м е н

Может быть, ты слышал,
Кто должен заменить меня?

В о и н

Не слышал.

С а л е м е н

Спешу к царю с моей последней просьбой;
Меня пусть сменит Зама. С Оффратаном,
Сатрапом Сузы, помощь к нам идет.
Меня же здесь оставь. Не так нас много,
Чтобы тебе покинуть поле боя.

В о и н

Но, князь...

С а л е м е н

Не возражай. Здесь царедворец
И женщина — достаточно с меня,
Раз не дали мне в битве честно пасть.
Солдат же праздных я не потерплю.
К чему ты здесь? Ступай! — вот мой приказ.

Воины уходят.

М и р р а

Отважный дух! Ужель должна земля
Так скоро потерять тебя?

С а л е м е н

О, Мирра!

Я б предпочел такой конец, когда бы
При этом мог спасти царя иль царство.
Но обречен я...

М и р р а

Ты бледнее воска.

С а л е м е н

Дай руку! Этого копья обломок
Лишь множит боль, не продлевая жизни.
Но я бы сам извлек его из раны
И жизнь с ним вместе, только бы узнать,
Как бой идет.

Входит Сарданапал с воинами.

С а р д а н а п а л

О, брат мой!..

С а л е м е н

Как сражение?

Проиграно?

С а р д а н а п а л
(безнадежно)

Ты видишь, я же *здесь*.

С а л е м е н

Уж лучше б умер ты, как я сейчас!
(*Вырывает обломок копья из раны и умирает.*)

С а р д а н а п а л

Так будет и со мной, коль подкрепление,
Последнюю надежду осажденных,
К нам Офратан не приведет.

М и р р а

Ты разве

Не получил от Салемена весть
Вождем назначить Заму?

С а р д а н а п а л

Да.

М и р р а

Где ж он?

С а р д а н а п а л

Мертв.

М и р р а

А Алтада?

С а р д а н а п а л

Ранен.

М и р р а

Панья? Сферо?

С а р д а н а п а л

Да, Панья жив. Но Сферо где, не знаем...
Один я.

М и р р а

Все потеряно?

С а р д а н а п а л

Нет, стены,
Хоть мало там защитников, надежны.
Врагу не одолеть их. Но измена...
Зато в открытом поле...

М и р р а

Салемен
На вылазку не захотел решиться,
Пока не подоспеет подкрепление.

С а р д а н а п а л

Я отмепил тот план.

М и р р а

Что ж, смелый промах!

С а р д а н а п а л

И роковой! О, брат мой, я бы отдал
Все царства, коих был ты украшеньем,
Свой меч и щит — достоинство мое,
Чтобы вернуть тебя. Слез лить не стану.
Тебя оплачут так, как сам хотел ты.
Мне горько, что ты умер, все же веря,
Что царство наше я переживу —
Из рода в род идущее наследство.
Коль я спасу его, тебе почет
И благодарность преданных сердец,
А нет — мы скоро встретимся, ведь дух
Живет вне тела. Понял ты меня

Уже теперь. Дай сердце мне прижать
К твоей груди — оно так скорбно бьется
(обнимает тело)
С твоим умолкшим рядом. Унесите
Отсюда тело!

В о и н

Но куда?

С а р д а н а п а л

Ко мне,
Пусть там оно лежит, на царском ложе,
Как если б то был царь. А мы потом
Обсудим чин достойных похорон.

Воины выносят тело Салемена. Входит П а н ь я.

С а р д а н а п а л

Ну, Панья, ты расставил часовых,
Приказ мой передал?

П а н ь я

Да, государь!

С а р д а н а п а л

Тверды ль мои войска?

П а н ь я

О повелитель?..

С а р д а н а п а л

Ну и ответ! Царь спрашивает дважды,
А на вопрос вопросом отвечают.
Недобрый знак. Так что ж, пал дух у войска?

П а н ь я

Смерть Салемена, крик мятежных толп,
Его паденьем воодушевленных,
У войск родили...

С а р д а н а п а л

Ярость! Не унынье.
Их надо ободрить.

П а н ь я

Потерю нашу
Не искупить победою...

С а р д а н а п а л

Увы,
Уж этого ль не знать мне? Но пока
Мы в этих стенах — а они крепки,—
Есть люди, что сквозь стан врагов пробьются,
Чтоб оставался этот царский дом
Дворцом — не крепостью и не тюрьмою.

Поспешно входит о ф ф и ц е р.

Ты мрачен? Говори!..

О ф ф и ц е р

Не смею...

С а р д а н а п а л

Что!

В то время как рабы восстать посмели?
Забавно! Все ж нарушь свое молчанье.
Боишься огорчить царя? Слыхал
Я вести и похуже.

П а н ь я
(офицеру)

Говори!

О ф ф и ц е р

Тот вал, что ограждает берега,
Вдруг рухнул под напором наводнения.
Евфрат, вздуваясь, катится на нас
С высоких гор, где он берет начало.
От гроз и ливней набухая, он
Теперь уже смывает все преграды.

П а н ь я

Недобрый знак! Преданье роковое
Гласит: «Опасности не знает город,
Пока Евфрат не стал его врагом».

С а р д а н а п а л

Сейчас всего важнее наводнение,
Намного ли наш вал размыт?

П а н ь я

Примерно

На двадцать стадий.

С а р д а н а п а л

И открыт тем доступ

Для наступающих?

О ф и ц е р

Нет, гнев реки

Препятствует покуда наступленью.
Но, лишь она войдет спокойно в русло
И можно будет ставить переправы,
Враги возьмут дворец.

С а р д а н а п а л

О, никогда!

Хоть люди, боги, знаки и стихии
Восстали на того, кто неповинен,
Пещерою не станет дом отцов,
Пристанищем волков.

П а н ь я

Позволь же мне

Идти и там, на месте разрушений,
Закрыть от нападения проломы,
Открытые врагу.

С а р д а н а п а л

Ступай и действуй

И донесенье принеси скорее
О том, что можно было разузнать
Про наступление грозных волн Евфрата.
Ступай!

М и р р а

Вот даже волны восстают
Против царя.

С а р д а н а п а л

Они мне неподвластны.
Для них нет казни, можно их простить.

М и р р а

Ты духом тверд. Не веришь ты приметам.

С а р д а н а п а л

Я не боюсь их. Я и без примет
Предвидел все. Вернейший предсказатель —
Отчаянье...

М и р р а

Отчаянье? Да что ты!

С а р д а н а п а л

Ну не совсем оно. Когда мы знаем,
Что может предстоять, как это встретить,
Решимость наша может заслужить
Иное благородное название.
Но что теперь слова? Конеч словам,
Делаю земным...

М и р р а

И есть еще нам дело
Последнее, великое для смертных,
Венчающее все, что есть, что будет,
Единое для всех людей на свете,
Столь разных по рождению, цвету кожи,
По языку, по чувствам, по стремленьям,
В которых ни единой точки сходства —
Лишь та одна, к которой все идем мы
Сквозь лабиринты тайны, — то есть жизнь.

С а р д а н а п а л

Размотан путеводный наш клубок,
И мы, кому уж нечего бояться,
Над прежним страхом можем улыбнуться,
Как дети над уловкой взрослых.

Возвращается П а н ь я.

П а н ь я

Верно

Доложено нам было. Я назначил
Двойную стражу, сняв ее со стен

В надежном месте, чтобы можно было
Вести нам за проломом наблюденье.

С а р д а н а п а л

Ты выполнил свой долг и, так как узы,
Связующие нас, порвутся скоро,
Возьми, прошу тебя, вот этот ключ!

(Передает ему ключ.)

От потайной оп комнаты, где ложе
Для отдыха царя. Теперь на нем
Положен тот, кто был меня достойней.
На золотой парче, на ложе предков,
Где ряд царей когда-то возлежал,
Лег тот, кто Салеменом был. Найди
Тайник в стене. Открой. Там тьма сокровищ.
Возьми себе и дай друзьям. Всем хватит.
Освободи рабов, и пусть дворец
Покинут все, чтоб часа не прошло.
Пусть праздничные царские лады
Теперь послужат людям для спасенья.
Евфрат бушует. Неподвластен он
Ни царской власти, ни мятежной силе.
Снеши! Будь счастлив!

П а н ь я

Лишь с тобою вместе!
Поддержкой стань, царь, подданным своим.

С а р д а н а п а л

Нет, Панья, я останусь здесь. Ступай,
Исполни долг свой!

П а н ь я

Это в первый раз,
Когда не подчинюсь я.

С а р д а н а п а л

Все вокруг
Со мною спорят. Даже среди своих
Нашлись мятежники. Не потерплю!
Вот мой приказ последний. Будешь спорить
Ты с ним?

П а н ь я

Пока не буду.

С а р д а н а п а л

Хорошо.

Клянись его исполнить, лишь я дам
Сигнал.

П а н ь я

Клянусь, хоть и с тяжелым сердцем,
Но предан я тебе.

С а р д а н а п а л

Тогда вели

Собрать здесь хворост, листья — словом, все,
Что может вспыхнуть от единой искры;
Кленовые поленья, ветки, смолы,
Чтоб сделать пламя мощным и душистым;
Все нужное для жертвоприношенья,
Большого погребального костра,
Сложи у трона.

П а н ь я

Царь...

С а р д а н а п а л

Так я велю.

Ты клялся мне.

П а н ь я

И должен покориться
Без клятвы.

Панья уходит.

М и р р а

Что задумал ты?

С а р д а н а п а л

Узнаешь

То, что весь мир не сможет позабыть.

П а н ь я возвращается с воинами.

П а н ь я

Царь, на пути мне повстречался вестник,
Он послан, чтоб вести переговоры
С тобой.

С а р д а н а п а л
Пусть говорит он.

В е с т н и к

Царь Арбас...

С а р д а н а п а л
Как? Он уже царем стал?

В е с т н и к

И Белез,
Помазанный первосвященник.

С а р д а н а п а л
Вот как!
Коль новый трон, то новый и алтарь!
Хозяйскую ты выполняешь волю,
А не мою...

В е с т н и к

Сатрапа Офратана.

С а р д а н а п а л
Как? Он же наш!

В е с т н и к

Нет, он среди восставших.
Вот перстень и печать его.

С а р д а н а п а л

Все трое —
Изменники. Ты умер, Салемен,
Не увидав еще одной измены.
Тебе он друг был, мне же верный раб.
Что ж дальше?

В е с т н и к

Ты получишь жизнь, свободу
И можешь выбрать место для жилья
В одной из отдаленнейших провинций,
Быть под надзором, но не в заточенье,
Жизнь в мире проводить, но при условии,
Что выдадут трех юных принцев нам
Заложниками.

С а р д а н а п а л
(с иронией)

Как великодушно!

В е с т н и к

Я жду ответа!

С а р д а н а п а л

А давно ли стали
Рабы решать судьбу своих царей?

В е с т н и к

Свободу обрета.

С а р д а н а п а л

Свободу бунта...

Так знай, ты, как изменник, примешь кару,
Хоть ты измены лишь глашатай. Панья!
Пусть сбросят голову его со стен
В ряды мятежников, а тело — в воду.
Кончайте с ним.

Панья и стража хватают вестника.

П а н ь я

Такое приказанье
Исполню с радостью. Эй, взять его.
Но не пятняйте зал презренной кровью,
Убейте, но не здесь.

В е с т н и к

Одно лишь слово:
Моя священна должность.

С а р д а н а п а л

А моя?

Но ты пришел и смел меня просить
Отречься от нее.

В е с т н и к

Мне приказали,
Отказываться было бы опасней,
Чем молча подчиниться.

С а р д а н а п а л

Вот они,
Владыки новые! Лишь час на троне,
А уж жестоки, как и венценосцы
По праву.

В е с т н и к

Жизнь моя в твоих руках,
Твоя же — не хочу тебя обидеть —
В опасности не меньше, чем моя,
Но будет ли династии достойно,
Династии Немврода, уничтожить,
Кончая век свой, мирного посланца
И преступить не только то, что люди
Священным чтут в общении друг с другом,
Но и ту связь, что нас роднит с богами?

С а р д а н а п а л

Он прав! Освободить! Моим решением,
Последним, да не будет гнев. Возьми
(берет золотой кубок со стола)
Мой кубок золотой. Пей в нем вино
И вспоминай меня. Или расплавь
На слитки — ради веса и цены.

В е с т н и к

Благодарю тебя за жизнь, за этот
Бесценный дар — он честь и украшенье.
Какой же дашь ответ мне?

С а р д а н а п а л

Я прошу
Хоть час для размышленья.

В е с т н и к

Только час?

С а р д а н а п а л

Да. Если же по истечение часа
Уже не будет от меня вестей,
То, значит, я условия отверг,
Пусть поступают как хотят.

В е с т н и к

Я буду
Почтительным посланцем царской воли.

С а р д а н а п а л
Еще одно.

В е с т н и к
Готов исполнить все,
Что поручишь мне.

С а р д а н а п а л
Мой привет Белезу.
Скажи ему — и года не пройдет,
Как с ним я встречу.

В е с т н и к
Где же?

С а р д а н а п а л
В Вавилоне.
Оттуда он пойдет ко мне навстречу.

В е с т н и к
Исполню все, что приказал ты.

С а р д а н а п а л
Панья,
Поторопись мою исполнить волю.

П а н ь я
Мой государь, уж я распорядился.
Входят воины и сооружают вокруг трона погребальный костер.
Ты видишь?

С а р д а н а п а л
Выше, воины мои,
Плотней кладите сучья в основание,
Чтоб пламя легче пищу находило
И мог бы высоко вставать костер,
Чтоб было погасить его нельзя.
Пусть трон мой будет в центре. Не оставлю,
Неугасимым пламенем объятый,
Его новопришельцам. Вы сложите

Костер, как будто он моим врагам —
Не мне. Вот так! Он выглядит неплохо.
Скажи мне, Панья, годен ли костер
Для погребения царя?

П а н ь я

И царства.

Тебя я понял.

С а р д а н а п а л

Осуждаешь?

П а н ь я

Нет.

Дай я зажгу костер. Сгорю с тобою.

М и р р а

Нет, я.

П а н ь я

Как? Женщина?

М и р р а

Коль долг солдата

Жизнь отдавать, то почему и нам

Нельзя с любимым погибнуть?

П а н ь я

Это странно!

М и р р а

Не столь уж редко так бывает, Панья!

Но ты живи. Прощай! Костер готов.

П а н ь я

Нет, стыдно мне, что позволяю я

Царю лишь с женщиной одною смерть

Делить.

С а р д а н а п а л

Уж многие в обитель смерти

Ушли, чтоб обо мне предупредить.

Но ты живи!

П а н ь я

В позоре?

С а р д а н а п а л

Не забудь,

Ты обещанье дал.

П а н ь я

Коль так, прощай.

С а р д а н а п а л

Получше обыщи мои покои,
Все золото возьми без колебаний,
Чтоб не досталось ничего рабам,
Меня сгубившим. А перенесешь
Все на свои ладьи, дай мне сигнал
Своей трубой пред тем, как в путь отбыть.
Далеко берег вражеский, поток
Так шумен, что он не позволит эху
Дойти к мятежникам. А ты беги
К ладьям, чтобы они могли скорее
Плыть по Евфрату. А когда достигнешь
Пределов пафлагонских, где царица
Живет с тремя моими сыновьями,
Скажи, что видел ты, со мной прощаясь,
Напомни ей о том, что я сказал ей
При расставании.

П а н ь я

Дай руку мне,

Позволь ее прижать к своим губам
Мне и солдатам, что готовы жизнь
Отдать тебе!

С а р д а н а п а л

О лучшие друзья,

Последние! Не будем длить прощанье,
Оно должно быть кратким, коль навеки.

Солдаты и Панья окружают царя, целуют его руку и край
одежды.

Не то мгновенья превратятся в вечность.
Ступайте, будьте счастливы. Меня
Жалеть не надо. Лучше нам жалеть
О прошлом, чем о настоящем. Наше
Грядущее — в руках богов, коль боги
Впрямь существуют. Это я узнаю.

Панья и солдаты уходят.

М и р р а

О, честные сердца! Приятно видеть
В последний миг их любящие лица!

С а р д а н а п а л

Да и любимые. Послушай, если
Ты в этот миг — а мы ведь у предела —
Уже почувствовала смертный страх
Пред тем, как ринуться в огонь, тебя
Любить не буду меньше, даже больше,
За женский твой порыв; еще есть время
Тебе спастись.

М и р р а

Нет, я зажгу сама
Один из факелов от той лампы
Неугасимой, что горит вон там
Перед священным алтарем Ваала.

С а р д а н а п а л

Зажги. А что же дальше?

М и р р а

Ты увидишь.

Мирра уходит.

С а р д а н а п а л (один)

Она тверда. О предки! Встречей с вами
Очищусь я от многих скверн земных,
От тягот неизменных бытия.
Я не оставлю древнего жилища
На поругание восставшей черпи.
О, если я не уберег наследства,
Завещанного вами в лучшей части,
Священные реликвии, строенья,
Сокровища, оружие, надгробья,—
Все ценное вам принесу с собой
В огне всепоглощающей стихии,
Которая нам возвышает душу,
Освобождая нас от груза плоти
В работе пламени; такой огонь
Большого погребального костра

Не только столб из пламени и дыма
Или маяк, зажженный только на день
И в пепел превратившийся, но свет,
Который как урок дан всем народам
И всем царям — столь быстротечно время
Сметает память подвигов, героев
И царств, могущественных, как мое.
Коль время пощадит мои деянья,
Им будут даже подражать, быть может,
Но жизнь костром не завершат.

Возвращается Мирра; в одной руке у нее горящий факел,
в другой — кубок.

Мирра

Взгляни.

Вот светоч, указующий путь к звездам.

Сарданапал

А кубок?

Мирра

Возлияние богам.

Моей страны обычай.

Сарданапал

А моей —

Пить лишь в кругу мужчин. Я не забыл
Обычай. Пусть я один сейчас,
Глоток я выпью в память о пирах
Давно минувших.

(Берет кубок, пьет, отряхнув последние капли.)

Это возлиянье

В честь славного Белеза.

Мирра

Почему

Ты чаще вспоминаешь о Белезе,
Чем о сообщниках?

Сарданапал

Один из них

Простой солдат, подобие меча
В руке его приятеля; другой же
Искусный двигатель марионетки.

Но не хочу сейчас о них я думать.
Ты вправду ли последуешь за мной
Свободно, смело?

М и р р а

Девушку Эллады
Любовь ведет на подвиг, а вдову
Индийскую — обычай.

С а р д а н а п а л

Ну, тогда
Дождемся лишь сигнала...

М и р р а

Медлит он.

Пора...

С а р д а н а п а л

Прощай! Последнее объятье!

М и р р а

Но нас с тобою ждет еще одно.

С а р д а н а п а л

Огонь смешает прах наш, чистый пепел.

М и р р а

Да, чистый, как любовь моя к тебе,
Свободная от всех земных страстей.
Да, пепел чист. Одно меня тревожит.

С а р д а н а п а л

Что?

М и р р а

Добрая рука не соберет
Наш прах в единой урне.

С а р д а н а п а л

Если так,
Пускай уж лучше прах наш разнесут
Повсюду ветры, в воздухе развеют,
Чтобы его не осквернили руки

Рабов, предателей. В дворце горящем
Среди его дымящихся развалин
Мы памятник оставим благородней,
Чем пирамиды гордого Египта
Или быки, о коих неизвестно,
В честь Аписа воздвигнуты они
Или во славу неких фараонов,—
Те монументы, что забыли сами
Свое минувшее!

М и р р а

Прощай, земля,
Мой лучший край, Иония родная,
Свободная, прекрасная. С тобой
Прощаюсь я. Но мой последний вздох...

С а р д а н а п а л

Кому?

М и р р а

Тебе!

Снаружи звучит труба Панья.

С а р д а н а п а л

Сигнал.

М и р р а

Пора.

С а р д а н а п а л

Прощай,
Ассирия, земля моих отцов,
Ты для меня отечество — не царство,
Дал мир тебе и радость я, и вот —
Награда. Даже и могилы
В тебе я не найду.
(*Всходит на погребальный костер.*)
Нам пора!

М и р р а

Готов ли ты?

С а р д а н а п а л
Как факел твой.

Мирра зажигает костер.

М и р р а
Он вспыхнул. Я иду!

Мирра бросается в пламя.

Занавес.

1821

Камин

Мистерия

СЭРУ ВАЛЬТЕРУ СКОТТУ, БАРОНЕТУ

эта мистерия о Каине посвящена
его преданным другом
и покорным слугой.

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижеследующие сцены названы «мистерией», потому что в старину драмы на подобные сюжеты носили название «мистерий» или «моралитэ». Автор, однако, вовсе не так свободно обращался со своим сюжетом, как это принято было прежде, в чем читатель может убедиться, ознакомившись с такого рода драмами — вполне светского характера — на английском, французском, итальянском и испанском языках. Автор старался, чтобы каждое действующее лицо мистерии говорило соответствующим ему языком, и когда он брал что-нибудь из Священного писания — очень редко, впрочем, — то сохранял, насколько позволял стих, подлинные слова библейского текста.

Читатель, наверное, помнит, что в книге «Бытия» не сказано, что Еву соблазнил дьявол, а говорится о змие, и то потому, что он «самая хитрая из полевых тварей». Какое бы толкование ни давали этому раввины и отцы церкви, я беру эти слова в их непосредственном смысле и отвечаю, как епископ Ватсон в подобных случаях, — когда он был экзаменатором в кембриджских школах и ему возражали, приводя отцов церкви, он говорил: «Посмотрите, вот Книга!» — и показывал Библию. Так поступаю и я.

Нужно также помнить, что мой сюжет не имеет ничего общего с Новым заветом, и всякий намек на него был бы в данном случае анахронизмом. Поэм на эти сюжеты я в последнее время не видал. Мильтона я не читал с двадцатилетнего возраста, но тогда я так часто его перечитывал, что вполне его помню и теперь. Гесснеровскую «Смерть Авеля» я читал в восемь лет, в Эбердине, и помню только, что был в восторге от нее. Относительно содержания у меня осталось только в памяти, что жену Каина звали Магалой, а жену Авеля Тирсой. У меня они названы Адой и Селлой — это самые ранние женские имена, встречающиеся в книге «Бытия»; так звали жен Ламеха. Имена жен Каина и Авеля не приводятся. Ввиду общности сюжета, может быть, есть и сходство в изложении моей мистерии и поэмы Гесснера; я этого не знаю, и это меня мало интересует.

Прошу читателя помнить (об этом часто забывают), что ни в одной из книг Моисея, также как во всем Ветхом завете, нет никаких намеков на грядущую судьбу мира. О причинах этого странного упущения читатель может справиться в «Divine Legasy» Варбуртона. Удовлетворительно ли его объяснение или нет, — лучшего до сих пор не было дано. Я поэтому представил его новым для Каина, чем, полагаю, не исказил смысла Священного писания.

Что касается языка Люцифера, то, конечно, он говорит не как пастор о подобных сюжетах, но я сделал все, что мог, чтобы удержать его в границах духовной вежливости.

Если он отрекается от того, что соблазнял Еву в образе змеи, то только потому, что в книге «Бытия» нет ни малейшего намека на что-либо подобное и в ней говорится только о змее с ее змеиными свойствами.

Примечание. Читатель заметит, что автор отчасти следует теории Кьюве, предполагавшего, что мир был несколько раз разрушен до сотворения людей. Эта гипотеза основана на том, что найдены останки огромных и неведомых животных в разных геологических пластах, и мнение это не противоречит учению Моисея, а даже скорее — подтверждает его. В этих пластах не найдено человеческих останков, но есть рядом с неведомыми животными также известные нам. Слова Люцифера о том, что предшествовавший Адаму мир был населен разумными

существами, превосходившими умом людей и по своей мощи пропорциональными мамонту, и т. д., конечно, поэтический вымысел, имеющий целью помочь ему доказать свою правоту.

Я должен также прибавить, что существует «tramelogedia» Альфьери под заглавием «Abele». Я никогда ее не читал, также как не читал ничего из посмертных произведений этого писателя, за исключением его биографии.

Равенна, 20 сентября 1821 г.

КАИН

Змий же бо мудрейший всех зверей
сущих на земли, ихже сотвори господь
бог.

«Быт.», 3, 1.

DRAMATIS PERSONAE

Адам.	Люцифер.
Каин.	Ева.
Авель.	Ада.
Ангел господень.	Селла.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Местность близ рая.— Восход солнца.

Адам, Ева, Каин, Авель, Ада, Селла — на молитве.

Адам

Иего́ва, вечный, мудрый, бесконечный!
Ты, кто воззвал единым мощным словом
Из мрака свет — хвала тебе и слава!
На утре дня — хвала тебе и слава!

Ева

Иего́ва! Ты, кто дал нам день, и утро
Впервые отделил от тьмы, и воды
С водами разлучил, и назвал небом
Твердь между вод — хвала тебе и слава!

А в е л ь

Иего́ва! Ты, кто разделил стихии
На землю, воду, воздух и огонь,
Кто, сотворив светила дня и ночи,
Создал и тех, которые могли бы
Любить тебя, любить твои создания
И ликовать — хвала, хвала тебе!

А д а

Иего́ва, бог! Отец всей сущей твари,
Создавший человека всех прекрасней,
Достойней всех земной любви, дозволь мне
Любить его! — Хвала, хвала тебе!

С е л л а

Иего́ва! Ты, кто, все благословляя,
Все сотворив и все любя, дозволил
Войти в Эдем и погубить нас змию,
Храни нас впредь! Хвала тебе и слава!

А д а м

Мой первенец, а что же ты молчишь?

К а и н

Что делать мне?

А д а м

Молись.

К а и н

Ведь вы молились.

А д а м

От всей души.

К а и н

И громко: я вас слышал.

А д а м

Как и творец, надеюсь я.

А в е л ь

Аминь.

А д а м

Но ты молчишь, сын Каин.

Каин
Адам
Скажи ясней.

Каин
Мне не о чем молиться.

Адам
И не за что быть благодарным?

Каин
Нет.
Адам
Но ты живешь?

Каин
Чтоб умереть?

Ева
О, горе!
Плод дерева запрещенного созрел.

Адам
И мы опять должны его вкусить.
Зачем, о боже, дал ты древо знания?

Каин
Зачем ты не вкусил от древа жизни?
Тогда б он не страшил тебя.

Адам
О Каин!
Не богохульствуй: это речи змия.

Каин
Что ж, змий не лгал! Дало же древо знание,
Другое — жизнь дало бы. Жизнь есть благо,
И знание есть благо. Как же может
Быть злом добро?

Ева
Мой сын, ты говоришь,
Как я, свершая грех свой, говорила:

Не дай его мне видеть возрожденным
В твоём грехе. Я примирилась с небом.
Не дай мне зреть, здесь, за вратами рая,
Свое дитя в той сети, что сгубила
В раю его родителей. Доволен
Будь тем, что есть: довольствуйся мы раем,
И ты б теперь доволен был. О сын мой!

А д а м

Молитва наша кончена, идемте
К своим трудам урочным, не тяжелым,
Но все ж необходимым: нивы щедро
Нам воздают за малый труд.

Е в а

Сын Каин,

Смотри, как он покорен и как бодр:
Бери пример.

Адам и Ева уходят.

А в е л ь

Брат, не гневи печалью
Предвечного: печаль бесплодна.

А д а

Каин,

Ты и на Аду хмуришься?

К а и н

Нет, Ада!

Но я один побуду. Авель, мне
Не по себе; но это ненадолго.
Иди же, брат. И вы идите, сестры.
Не должно нежность грубостью встречать:
Я буду вслед за вами.

А д а

Если ж нет,

Я за тобой вернусь сюда.

А в е л ь

Да будет

Мир над тобою, брат!

Авель, Селла и Ада уходят.

К а и н
(один)

И это жизнь!

Трудись, трудись! Но почему я должен
Трудиться? Потому, что мой отец
Утратил рай. Но в чем же я виновен?
В те дни я не рожден был,— не стремился
Рожденным быть,— родившись, не люблю
Того, что мне дало мое рождение.
Зачем он уступил жене и змию?
А уступив, за что страдает? Дерево
Росло в раю и было так прекрасно:
Кто ж должен был им пользоваться? Если
Не он, так для чего оно росло
Вблизи его? У них на все вопросы
Один ответ: «Его святая воля,
А он есть благ». Всесилен, так и благ?
Зачем же благость эта наказует
Меня за грех родителей?

Но кто-то

Идет сюда. По виду это ангел,
Хотя он и суровей и печальней,
Чем ангелы: он мне внушает страх.
Он не страшнее тех, что потрясают
Горящими мечами пред вратами,
Вокруг которых часто я скитаюсь,
Чтоб на свое законное наследье —
На райский сад взглянуть хотя мельком,
Скитаюсь до поры, пока не скроет
Ночная тьма Эдема и бессмертных
Эдемских насаждений, осенивших
Зубцы твердынь, хранимых грозной стражей;
Я не дрожал при виде херувимов,
Так отчего ж я с трепетом встречаю
Того, кто приближается? Он смотрит
Величественней ангелов; он так же
Прекрасен, как бесплотные, но, мнится,
Не столь прекрасен, как когда-то был
Иль мог бы быть: скорбь кажется мне частью
Его души,— хотя доступна ль скорбь
Для ангелов? Но он подходит.

Л ю ц и ф е р
(приближаясь)

Смертный!

К а и н

Кто ты, о дух?

Л ю ц и ф е р

Я повелитель духов.

К а и н

Но если так, зачем ты их покинул
Для смертного?

Л ю ц и ф е р

Я знаю мысли смертных
И сострадаю смертным.

К а и н

Как! Ты знаешь,

Что мыслю я?

Л ю ц и ф е р

Да, это мысли всех
Достойных мысли; это говорит в вас
Бессмертие.

К а и н

Бессмертие? О нем
Не знаем мы: безумием Адама
Мы лишены плодов от древа жизни,
Меж тем как мать вкусила слишком рано
Плода от древа знания — нашей смерти.

Л ю ц и ф е р

Ты будешь жить,— не верь им.

К а и н

Я живу,

Но лишь затем, чтоб умереть, и в жизни
Я ничего не вижу, что могло бы
Смерть сделать ненавистною мне, кроме
Врожденной нам привязанности к жизни,
Презренной, но ничем не победимой:
Живя, я проклиная час рожденья
И презираю самого себя.

Л ю ц и ф е р

Но ты живешь и будешь жить: не думай,
Что прах земной, что плоть твоя есть сущность.
Прах твой умрет, а ты вовек пребудешь
Тем, чем ты был.

К а и н

Чем был? Но и не больше?

Л ю ц и ф е р

Быть может, ты подобен будешь нам.

К а и н

А вы?

Л ю ц и ф е р

Мы вечны.

К а и н

Счастливы?

Л ю ц и ф е р

Могучи.

К а и н

Я говорю, вы счастливы?

Л ю ц и ф е р

Мы — нет.

А ты?

К а и н

Взгляни!

Л ю ц и ф е р

О жалкий прах! Ты смеешь
Считать себя несчастным?

К а и н

Я несчастен.

А ты с твоим могуществом — кто ты?

Л ю ц и ф е р

Тот, кто дерзал с твоим творцом равняться
И кто тебя таким не сотворил бы.

К а и н

Да, ты глядишь почти что богом. Ты...

Л ю ц и ф е р

Но я не бог и, не достигнув бога,
Хочу одно: самим собой остаться.
Он победил,— пусть царствует!

К а и н

Кто — он?

Л ю ц и ф е р

Творец земли, творец людей...

К а и н

И неба,

И сущего на небе. Так поют
Архангелы, так говорит родитель.

Л ю ц и ф е р

Они поют и говорят лишь то,
Что им велят. Их устрашает участь
Быть в мире тем, чем мы с тобою стали:
Ты — меж людей, я — меж бессмертных духов.

К а и н

А мы с тобой — кто мы?

Л ю ц и ф е р

Мы существа,

Дерзнувшие сознать свое бессмертье,
Взглянуть в лицо всесильному тирану,
Сказать ему, что зло не есть добро.
Он говорит, что создал нас с тобою —
Я этого не знаю и не верю,
Что это так,— но, если он нас создал,
Он нас не уничтожит: мы бессмертны!
Он должен был бессмертными создать нас,
Чтоб мучить нас: пусть мучит! Он велик,
Но он в своем величии несчастней,
Чем мы в борьбе. Зло не рождает благо,
А он родит одно лишь зло. Но пусть
Он на своем престоле величаем
Творит миры, чтоб облегчить себе
Ни с кем не разделенное бессмертье,

Пусть громоздит на звезды звезды: все же
Он одинок, тиран бессмертный. Если б
Он самого себя мог уничтожить,
То это был бы лучший дар из всех
Его даров. Но пусть царит, пусть страждет!
Мы, духи, с вами, смертными, мы можем
Хоть сострадать друг другу; мы, терзаясь,
Мучения друг другу облегчаем
Сочувствием: оно весь мир связует;
Но он! в своем величии несчастный,
В несчастии не знающий отрады,
Он лишь творит, чтоб без конца творить!

К а и н

Ты говоришь о том, что хоть неясно,
Но уж давно в моем уме носилось:
Я никогда не мог согласовать
Того, что видел, с тем, что говорят мне.
Мать и отец толкуют мне о змие,
О древе, о плодах его; я вижу
Врата того, что было их Эдемом,
И ангелов с палящими мечами,
Изгнавших нас из рая; я томлюсь
В трудах и думах; чувствую, что в мире
Ничтожен я, меж тем как мысль моя
Сильна, как бог! Но я молчал, я думал,
Что я один страдаю. Мой отец
Давно смирился; в матери угасла
Та искра, что влекла ее к познанию;
Брат бдит стада и совершает жертвы
Из первенцев от этих стад тому,
Кто повелел, чтоб нам земля давала
Плоды лишь за тяжелый труд; сестра
Поет ему хвалы еще до солнца,
И даже Ада, сердцу моему
Столь близкая, не понимает мыслей,
Меня гнетущих: я еще не встретил
Ни в ком себе сочувствия! Тем лучше:
Я с духами в сообщество вступаю.

Л ю ц и ф е р

Ты этого сообщества достоин.
Иначе ты не видел бы меня:
Довольно было б змия.

К а и н

А! Так это
Ты соблазнитель матери?

Л ю ц и ф е р

Ничем,
Помимо правды, я не соблазняю.
Ведь вы вкусили знания, ведь были
Плоды на древе жизни? Разве я
Давал запрет вкушать от них? И я ли
Растил плоды запретные к соблазну
Существ, душой невинных, любопытных
В своей святой невинности? Я б создал
Богам и вас, а он лишил вас рая,
«Чтоб вы от древа жизни не вкусили
И не были, как боги». — Таковы
Его слова.

К а и н

Ты прав. Я это слышал
От тех, кому они звучали в громе.

Л ю ц и ф е р

Так кто ж злой дух? Тот, кто лишил вас жизни,
Иль тот, кто вам хотел дать жизнь, и радость,
И знание?

К а и н

Им нужно было оба
Сорвать плода иль не срывать совсем.

Л ю ц и ф е р

Один уж ваш; стремитесь к другому.

К а и н

Но как?

Л ю ц и ф е р

Сопротивляясь. Угасить
Ничто не может духа, если хочет
Дух быть самим собой и средоточьем
Всего, что окружает дух; он создан,
Чтоб царствовать.

К а и н

Не ты ли соблазнил
Отца и мать?

Л ю ц и ф е р

Я? Жалкий прах! Зачем мне
Вас соблазнять? И как?

К а и н

Мне говорили,
Что змий был дух.

Л ю ц и ф е р

Кто это говорит?
Не жалкое ль тщеславье человека,
Что силится свалить свое паденье
На нас, на духов? Змий был змий, не больше,
Но и не меньше тех, что соблазнились.
Он тоже прах, но он мудрее их,
Затем, что победил их. Разве стал бы
Я принимать подобье смертной твари?

К а и н

Но тварь в себе скрывала злого духа.

Л ю ц и ф е р

Нет, тварь его лишь разбудила в тех,
С кем говорил язык ее коварный.
Я говорю, что змий был только змий:
Спроси у херувимов, стерегущих
Запретный плод. Когда века веков
Пройдут над вашим прахом безглагольным,
Потомки ваши баснею украсят
Ваш первый грех и мне припишут образ,
Который презираю я, как все,
Что пред творцом склоняется, создавшим
Все сущее в живых для поклоненья
Перед его бессмертием угрюмым.
Но мы — мы знаем истину и станем
Провозглашать лишь истину. Адам
Пленен был пресмыкающейся тварью.
Но дух не пресмыкается: чему
Завидовать в пределах тесных рая
Владыке беспредельного пространства?

Но я с тобою речь веду о том,
Чего ты, несмотря на древо знания,
Не можешь знать.

К а и н

Но укажи мне то,
Чего я не хотел бы знать, не жаждал?

Л ю ц и ф е р

Дерзнешь ли ты взглянуть на смерть?

К а и н

Ее

Никто еще не видел.

Л ю ц и ф е р

Испытать же

Придется всем.

К а и н

Отец мой говорит

О ней как о чудовище; мать плачет
При слове «смерть»; брат Авель к небесам
Возводит очи; Селла потупляет
Свои к земле, шепча молитву; Ада
Глядит в мои.

Л ю ц и ф е р

А ты?

К а и н

Когда я слышу

Об этой всемогущей и, как видно,
Ничем не отвратимой смерти, думы
Несметные в моем уме теснятся
И жгут его. Возможно ль с ней бороться?
Я мальчиком со львом боролся в играх
И так сжимал в объятиях его,
Что он ревел и обращался в бегство.

Л ю ц и ф е р

Смерть не имеет образа, но все,
Что носит вид земных существ, поглотит.

К а и н

Я смерть считал за существо. Что может
Столь злостным быть, помимо существа?

Л ю ц и ф е р

Спроси у разрушителя.

К а и н

Какого?

Л ю ц и ф е р

Иль у творца — зови его как хочешь.
Ведь он творит затем, чтоб разрушать.

К а и н

Я этого не знал еще, но думал
Почти что то же самое, как только
Я услышал о смерти. Я не знаю,
Что значит смерть, но смерть мне
представлялась

Всегда ужасным чем-то. Я нередко
Вперял свой взор во тьму пустынной ночи,
Ища ее; я видел чьи-то тени
У райских стен, во мраке, где пылают
Мечи в деснице ангелов, и жадно
Следил за тем, что мне казалось смертью,
Весь трепеща от страха и желанья
Увидеть то, пред чем мы все трепещем.
Но мрак был пуст, и я свой взор усталый
От стен родного рая отвращал
К светилам горним, к синему эфиру,
К его огням, столь нежным и прекрасным.
Ужели и они умрут?

Л ю ц и ф е р

Быть может;

Но надолго всех вас переживут.

К а и н

Я рад. Но смерть! Смерть мне внушает трепет.
Она есть нечто грозное: но что же?
Она нам всем, виновным и невинным,
Как зло была объявлена: какое?

Л ю ц и ф е р

Вновь прахом стать.

К а и н

Стать неподвижным прахом
Еще не зло; но только бы не быть
Ничем иным!

Л ю ц и ф е р

Презренное желанье!
Презренней, чем желания Адама:
Тот хоть стремился к знанью.

К а и н

Но не к жизни;
Иначе почему он не вкусил
От древа жизни?

Л ю ц и ф е р

Изгнан был из рая.

К а и н

Ужасная ошибка! Он был должен
Сперва сорвать плод жизни, но, не зная
Добра и зла, не ведал он и смерти.
Увы! Я смерть узнал еще так мало,
Но уж страшусь... того, чего не знаю.

Л ю ц и ф е р

А я, познавший все, уж не страшусь
Ни перед чем. Вот истинное знанье.

К а и н

Наставь меня.

Л ю ц и ф е р

С условием.

К а и н

Каким?

Л ю ц и ф е р

Пади и поклонись мне, как владыке.

К а и н

Ты разве бог?

Л ю ц и ф е р

Не бог.

К а и н

Так равный богу?

Л ю ц и ф е р

О нет, я не имею ничего
С ним общего — и не скорблю об этом.
Я соглашусь быть чем угодно — выше
Иль даже ниже — только не слугою
Могуущества Иеговы. Я не бог,
Но я велик: немало тех, что сердцем
Чтут власть мою, — их будут сонмы; будь же
Из первых — ты.

К а и н

Я никогда еще

Пред божеством отца не преклонялся,
Хотя нередко Авель умоляет,
Чтоб мы свершали жертвы богу вместе.
Зачем же мне склоняться пред тобой?

Л ю ц и ф е р

Ты никогда пред ним не преклонялся?

К а и н

Ты разве не слышал меня? И разве
Ты сам не знал об этом? Ты всеведущ.

Л ю ц и ф е р

Но не поклонник бога — мой поклонник.

К а и н

Я не хочу сгибаться ни пред кем.

Л ю ц и ф е р

Ты все же мой: непоклоненье богу
Есть поклоненье мне.

К а и н

Скажи яснее.

Л ю ц и ф е р

Ты сам поймешь — со временем.

К а и н

Открой

Мне тайну моего существованья.

Л ю ц и ф е р

Иди за мной.

К а и н

Мне нужно на работу.

Я обещал...

Л ю ц и ф е р

Что обещал?

К а и н

Для жертвы

Набрать плодов.

Л ю ц и ф е р

Не ты ли говорил,

Что пред творцом ни разу не склонялся?

К а и н

Но Авель упросил меня. Ведь жертву
Свершу не я — скорее он. И Ада...

Л ю ц и ф е р

Чем ты смущен?

К а и н

Она моя сестра,
Мы рождены одним и тем же чревом
В один и тот же день: она слезами
Исторгла обещанье у меня.
Я все готов перенести для Ады,
Я преклонюсь пред чем угодно, лишь бы
В слезах ее не видеть.

Л ю ц и ф е р

Так иди

Вослед за мной.

К а и н

Дух, я иду.

А д а
(входя)

Брат Каин!

Я за тобой: уж полдень,— наступает
Час отдыха и радости, и нам
Недостает тебя. Ты не работал,
Но я твой труд исполнила; созрели
Твои плоды и блещут точно солнце.
Идем.

К а и н

Иль ты не видишь?

А д а

Вижу — ангел.

Мы видим их нередко. Он разделит
Час нашего полдневого досуга?

К а и н

Он не похож на ангелов, которых
Мы видели.

А д а

Есть разве и другие?

Но и ему мы будем рады — так же,
Как и другим: те не гнушались нами.

К а и н
(Люциферу)

Идешь ли ты?

Л ю ц и ф е р

Иди за мной.

К а и н

Я должен

Идти за ним.

А д а
И нас покинуть?

К а и н
Да

А д а
И даже Аду?
К а и н

Ада!

А д а
Так позволь мне
Идти с тобой!

Л ю ц и ф е р
Нет, он пойдет один.

А д а
Кто ты, разъединяющий так властно
Сердца людей?

К а и н
Он бог.

А д а
А кто об этом
Тебе сказал?

К а и н
Он говорит, как бог.

А д а
Так говорил и лживый змий.

Л ю ц и ф е р
Нет, Ада,
Змий вам не лгал: дало же древо знания
Познание.

А д а
На горе нам!

Л ю ц и ф е р

О да.

Но это горе — знание, и, значит,
Змий вам не лгал; он истиной прельстил вас,
А истина, по существу, есть благо.

А да

Но истина несет нам только беды:
Изгнание из нашего приюта,
Тяжелый труд, душевный гнет и страх,
Томление о прошлом и надежды
На то, что не вернется. Не ходи
За этим духом, Каин! Примирись
С своей судьбой, как мы с ней примирились,
Люби меня, как я тебя люблю.

Л ю ц и ф е р

Сильней отца и матери?

А да

Сильнее!

Но разве это тоже смертный грех?

Л ю ц и ф е р

Пока — не грех; но будет им — в грядущем,
Для вашего потомства.

А да

Как! Ужели

Любить Эноха дочь моя не будет?

Л ю ц и ф е р

Не так, как Ада — Каина.

А да

О боже!

Ужель они не будут ни любить,
Ни жизнь давать созданиям, что возникли б
Из их любви, чтоб вновь любить друг друга?
Но разве не питаются они
Одною грудью? Разве не родился
Он, их отец, в один и тот же час
Со мной от лона матери? И разве

Не любим мы друг друга и любовью
Не множим тех, что будут так же нежно
Любить, как мы их любим? — как люблю я
Тебя, мой брат? Нет, не ходи за ним —
За этим духом: это дух — нам чуждый.

Л ю ц и ф е р

Но я не говорил тебе, что ваша
Любовь есть грех: она преступной будет
В глазах лишь тех, что вас заменят в жизни.

А д а

Так, значит, добродетель и порок
Зависят от случайности? Тогда
Мы все — рабы.

Л ю ц и ф е р

Рабами даже духи
Могли бы стать, не предпочти они
Свободных мук бряцанию на арфах
И низким восхвалениям Иеговы
За то, что он, Иего́ва, всемогущ
И не любовь внушает им, а ужас.

А д а

Кто всемогущ, тот и всеблаг.

Л ю ц и ф е р

Таким ли

Он был в раю?

А д а

Враг! Не смущай меня
Своею красотою; ты прекрасней,
Чем демон змий, но так же лжив.

Л ю ц и ф е р

Правдив.

Спроси у вашей матери, у Евы,
Солгал ли змий?

А д а

О мать! Твое паденье
Для чад твоих губительнее было,
Чем для тебя; ты провела хоть юность

В Эдеме, в беззаботном и блаженном
Общении с блаженными; а нас,
Не ведавших Эдема, обступают
Враги, что лишь присвоили себе
Слова творца и соблазняют наши
Мятущиеся души нашей жадной,
Неутоленной мыслью, как тебя
Змий соблазнил на лоне беззаботных,
Невинных, юных радостей твоих!
Бессмертному, стоящему пред нами,
Я не могу ответить, не могу
Проклясть его; я с сладостной боязнью
Любуюсь им — и не могу бежать:
В его глазах — таинственная прелесть,
И я не в силах взора отвести
От этих глаз; в груди трепещет сердце,
Мне страшно с ним, но он влечет меня,
Влечет к себе все ближе... Каин! Каин!
Спаси меня!

К а и н

Не бойся: он не демон.

А д а

Но и не бог, не ангел божий: я
Видала херувимов, серафимов;
Он не похож на них.

К а и н

Есть духи выше:

Архангелы.

Л ю ц и ф е р

Еще есть выше.

А д а

Есть,

Но разве те блаженны?

Л ю ц и ф е р

Если рабство
Равняется блаженству — не блаженны.

А д а

Я слышала, что нежны — серафимы,
А мудры — херувимы. Дух, ты — мудрый,
Ты — херувим, тебе любовь чужда.

Л ю ц и ф е р

Когда любовь от знания гибнет, — кем же
Быть должен тот, кого, узнав, не любишь?
Всезнающим и мудрым херувимам
Любовь чужда; так, значит, серафимы
Лишь по незнанию любят. Что любовь
Несовместима с знанием, мы видим:
Пример — судьба Адама. Выбирайте
Меж знанием и любовью, — ведь другого
Нет выбора. Адам уже избрал:
Он почитает бога лишь из страха.

А д а

О Каин! Избери любовь.

К а и н

С любовью

К тебе, сестра, я был рожден. Но больше
Я ничего на свете не люблю.

А д а

А мать, отец?

К а и н

Они нас не любили,
Срывая плод, лишивший нас Эдема.

А д а

Мы не были в то время рождены,
А если бы и были — неужели
Мы не должны любить их так же нежно,
Как любим мы своих малюток, Каин?

К а и н

Мои едва лепечущие крошки!
Будь я уверен в счастье их, я мог бы
Почти простить... Но это не простится
Через тысячи столетий! Никогда
Любить не будут память человека,

Что семя человеческого рода
И семя зла посеять мог в один
И тот же час. Он пал, но мало было
Ему своих страданий: он зачал
Меня, тебя, всех нас, — пока немногих,
И весь безмерный, бесконечный ряд,
Мириады, сонмы тех, что народятся
Для новых, горших мук и чьим отцом
Быть должен я! Твоя любовь и юность,
Моя любовь и радость, миг блаженства,
Мгновение покоя, все, что любим
Мы в детях и друг в друге — все ведет
И нас и их путем греха и скорби,
Лишь изредка даруя миг отрады,
К неведомому — смерти. Дерево знания
Нас обмануло: грех свершен, но все ли
Познали мы о жизни и о смерти?
Мы знаем лишь одно: что мы несчастны.

А д а

Я не несчастна, Каин, и когда бы
Ты счастлив был...

К а и н

Будь счастлива одна,
Я не нуждаюсь в том, что унижает
Во мне мой дух.

А д а

Одна я не хочу
И не могу быть счастлива; но с теми,
Что близки мне, я думаю, могла бы!
Я не смущаюсь смерти, непонятной
И потому не страшной мне, хотя
Она и страшной кажется, как часто
Приходится мне слышать.

Л ю ц и ф е р

Так одна
Ты счастлива не можешь быть?

А д а

Но кто же
Один бы мог быть счастлив или добр?

Одна! но мне мое уединенье
Всегда грехом казалось, если я
Не чаяла, что скоро встречу с близким.

Лю ц и ф е р

Но бог твой одинок: так неужели
Не счастлив он, не добр?

А д а

Он не один:
Есть ангелы и смертные,— он счастлив,
Даруя счастье ангелам и смертным.
Ведь радость в том, чтоб радовать других.

Лю ц и ф е р

А твой отец,— давно ли из Эдема
Был изгнан он? А Каин? Ты сама?
Спокойна ли душа твоя?

А д а

Увы!

Но ты — ведь ты не ангел?

Лю ц и ф е р

Нет, не ангел.

А почему — спроси у всеблагого,
Всесильного создателя вселенной:
Он знает тайну эту. Мы смирились,
Другие воспротивились — и тщетно,
Как говорят нам ангелы. По мне же,
Не тщетно, нет,— раз лучше быть не может.
Есть в духе мудрость,— мудрость же влечет
Дух к истине, как сквозь рассветный сумрак
Ваш взор влечет далекий блеск денницы.

А д а

Она прекрасна; я ее люблю
За красоту.

Лю ц и ф е р

Боготворишь иль любишь?

А д а

Отец боготворит лишь одного,
Незримого.

Л ю ц и ф е р

Незримое являет
Себя в прекрасных символах. А эта
Звезда есть вождь небесной звездной рати.

А д а

Отец и бога видел.

Л ю ц и ф е р

Да. А ты?

А д а

Я видела творца в его твореньях.

Л ю ц и ф е р

А в существе?

А д а

Нет; разве лишь в отце,
Который есть подобие Иеговы,
Иль в ангелах, столь на тебя похожих.
Их образ лучезарнее, чем твой,
Хотя не так он властен и прекрасен:
Как тихий полдень, светом напоенный,
Они на нас взирают, ты же — ночь,
Ночной эфир, где облака, белея,
Сквозят на темном пурпуре, а звезды
Лучистыми огнями испещряют
Тайственный и дивный свод небес.
Несметные, мерцающие нежно,
Но так к себе влекущие, они
Мои глаза слезами наполняют,
Как ты теперь. Ты кажешься несчастным;
Не делай нас такими же! Ты видишь —
Я плачу о тебе.

Л ю ц и ф е р

О эти слезы!

Когда б ты знала, сколько их прольется!

А д а
Мной?
Л ю ц и ф е р
Всеми.

А д а
Кем?
Л ю ц и ф е р
Мирьядами мирьяд,
Миллионами миллионов, — всей землею,
Опустошенной, снова населенной,
И адом переполненным, чье семя
В твоей груди.

А д а
О Каин! Этот дух
Нас проклиная.

К а и н
Он меня ведет.

А д а
Ведет — куда?

Л ю ц и ф е р
Туда, где он пробудет
Лишь только час, но где увидит то,
Что создано несчетными веками.

А д а
Возможно ль это?

Л ю ц и ф е р
Разве ваш создатель
В шесть дней не создал мир ваш из обломков
Былых миров? И разве я, помощник
В его создание мира, не могу
В час показать того, что создавал он
Иль разрушал в часы?

К а и н
Веди меня.

А д а

Но через час вернется он?

Л ю ц и ф е р

Вернется.

Мы временем не связаны. Я вечность
Могу вместить в единое мгновенье
И превратить мгновенье в вечность. Духи
Свое существование измеряют
Не тем, чем вы. Но это тайна.— Каин,
Иди за мной.

А д а

Но он ко мне вернется?

Л ю ц и ф е р

Да, женщина. Он первый и последний,
За исключением только Одного,
Из этих мест вернется, чтобы сделать
Их мир, еще безмолвный и пустынный.
Таким же населенным, как и землю.

А д а

Где ты живешь?

Л ю ц и ф е р

В пространстве. Где могу
Я обитать? Там, где твой бог, иль боги.
Все в мире разделил я: вечность, время,
Жизнь, смерть, пространство, землю, небо
И то, что ни земля, ни небо — мир,
Который населен и населится
От тех, что населяли иль населят
То и другое: вот мои владенья.
Я разделил с ним царство и владею
Еще и тем, где он не властен. Если б
Я не был столь могуществен, то разве
Я был бы здесь? Здесь ангелы витают.

А д а

Но ангелы витали и в раю,
Где говорил лукавый змий.

Л ю ц и ф е р

Ты слышал
Призыв мой, Каин? Если жаждешь знания,
Иди за мною — жажда утолится,
И даже без запретного плода,
Способного лишить тебя навеки
Единственного блага, что оставил
Тебе мой враг. Иди за мною, Каин.

К а и н

Дух, я иду.

Люцифер и Каин уходят.

А д а

(вослед им)

О Каин! Брат мой! Каин!

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Бездна пространства.
Л ю ц и ф е р и К а и н.

К а и н

Не падая, я воздух попираю,
Хотя боюсь, что упаду.

Л ю ц и ф е р

Не бойся —
Доверься мне, владыке этой бездны.

К а и н

Но разве вера в духа не греховна?

Л ю ц и ф е р

Сомнение — гибель, вера — жизнь. Таков
Устав того, кто именует бесом
Меня пред сонмом ангелов, они же
Передают название это тварям,
Которым непонятно то, что выше

Их жалких чувств, которые трепещут
Велений господина и считают
Добром иль злом все, что прикажет он.
Я в рабстве не нуждаюсь. Ты увидишь
За тесной гранью маленького мира,
Где ты рожден, несметные миры,
И я не обреку тебя на муки
За страхи и сомненья. Будет день —
И человек, несомый водной хлябью,
Другому скажет: *веруй и гряди* —
И тот пойдет по хляби невредимо.
Я веры, как условия спасенья,
Не требую. Лети со мной, как равный,
Над бездною пространства, — я открою
Тебе живую летопись миров
Прошедших, настоящих и грядущих.

К а и н

О бог иль бес — кто б ни был ты: что это?
Ужель земля?

Л ю ц и ф е р

Ты не узнал земли?
Той персти, из которой ты был создан?

К а и н

Как! Этот круг, синеющий в эфире
Вблизи кружка, похожего на то,
Что ночью освещает нашу землю,
И есть наш рай? А где же стены рая?
И те, что стерегут их?

Л ю ц и ф е р

Покажи

Мне место рая.

К а и н

Это невозможно!
Чем дальше мы уносимся вперед,
Тем круг земли становится все меньше
И, уменьшаясь, светится вдали
Все ярче серебристым звездным светом.
Мы с быстротою солнечных лучей
Летим вперед, и он уж начинает

Теряться средь бесчисленного сонма
Окрестных звезд.

Л ю ц и ф е р

Но что бы ты подумал,
Когда б узнал, что есть миры громадней,
Чем мир земной, что есть создания выше,
Чем человек, что их число несметно,
Что все они на смерть обречены
И все живут, все страждут?

К а и н

Я б гордился
Своим умом, постигнувшим все это.

Л ю ц и ф е р

А если дух твой скован от рождеья
Тяжелой, грубой плотью, если он,
Столь гордый тем, что знает, жаждет новых,
Все новых, высших знаний, а меж тем
Не победит ничтожнейших, грубейших,
Мерзейших нужд и вышею отрадой
Считает только сладостный и грязный,
Без меры истомляющий обман,
Влекущий к созиданию лишь новых
Несметных душ, несметных тел, с рожденья
Приговоренных к смерти?

К а и н

Дух! я знаю
О смерти только то, что смерть ужасна,
Что смерть — наш общий горестный удел,
Как слышал я от матери, которой
Обязаны мы смертью вместе с жизнью.
Но если так, дай умереть мне, дух!
Ведь быть отцом созданий, обреченных
На жизнь среди страданий и на гибель,
Не все ль равно, что смерть плодить и в мире
Распространять злодейство?

Л ю ц и ф е р

Ты не можешь
Весь умереть: есть нечто, что бессмертно.

К а и н

Бог это скрыл, изгнав отца из рая
И заклеив зловещим знаком смерти
Его чело. Но пусть во мне погибнет
Хоть смертное, чтоб в остальном я был
Как ангелы.

Л ю ц и ф е р

Я ангельского чина:
Ты хочешь быть таким, как я?

К а и н

Но кто ты?

Я вижу только мощь твою и то,
Что ты мне открываешь мир, гнетущий
Величием мою земную мощь
И все же не превысивший желаний
И дум моих.

Л ю ц и ф е р

О гордые желанья,
Которые так скромно разделяют
Юдоль червей!

К а и н

А ты,— ты разделяешь
Обители с бессмертными,— ты разве
Не кажешься печальным?

Л ю ц и ф е р

Я печален.

Итак, скажи: ты хочешь быть бессмертным?

К а и н

Ты говоришь, что я им *должен* быть.
Я этого не знал еще, но если
Должно так быть, то я хочу изведать
Бессмертие заранее.

Л ю ц и ф е р

Ты изведаль.

К а и н

Когда и как?

Л ю ц и ф е р

Страдая.

К а и н

Но страдапья
Должны быть вечны?

Л ю ц и ф е р

Это мы узнаем,—
Мы и твои потомки. Но взгляни:
Как все полно величия!

К а и н

О дивный,
Невыразимо дивный мир! И вы,
Несметные, растущие без меры
Громады звезд! Скажите: что такое
И сами вы, и эта голубая
Безбрежная воздушная пустыня,
Где кружитесь вы в бешеном веселье,
Как листья вдоль прозрачных рек Эдема?
Исчислены ль пути для вас? Иль вы
Стремитесь в даль, сжимающую душу
Своею бесконечностью, свободно?
Творец! Творцы! Иль я не знаю — кто!
Как дивны вы и как прекрасны ваши
Создания! Пусть я умру, как атом,—
Быть может, умирает он! — иль ваше
Величие постигну! Мысль моя
Достойна вас, хоть прах и недостойн.
Дух! Дай мне умереть иль покажи
Мне ближе их.

Л ю ц и ф е р

Ты разве к ним не близок?
Взгляни на землю.

К а и н

Где она? Я вижу
Лишь сонмы звезд.

Л ю ц и ф е р

Гляди сюда.

К а и н

Не вижу.

Л ю ц и ф е р

Но приглядишься: она еще мерцает.

К а и н

Вон там?

Л ю ц и ф е р

Да, там.

К а и н

Возможно ли? Я видел
Ночной порой в лугах и в темных рощах
Святящих мух: они сверкали ярче,
Чем этот мир, который их питает.

Л ю ц и ф е р

Ты видел и миры и светляков,—
Те и другие искрятся,— что ж скажешь
Ты мне о них?

К а и н

Скажу, что и миры
И светляки по-своему прекрасны
И что полет ночной ничтожной мушки
И мощный бег бессмертного светила
Равно руководимы...

Л ю ц и ф е р

Кем?

К а и н

Открой мне.

Л ю ц и ф е р

И ты взглянуть дерзнул бы?

К а и н

Как мне знать,
На что взглянуть дерзну я? Ты пока
Не показал мне ничего такого,
Чтоб не дерзнул я большего увидеть.

Л ю ц и ф е р

К чему тебя влекло всего сильнее?

К а и н

К тому, чего я никогда не ведал
И ведать бы не должен — к тайне смерти.

Л ю ц и ф е р

Я покажу отживших и умерших,
Как показал бессмертных.

К а и н

Покажи.

Л ю ц и ф е р

Тогда вперед на наших мощных крыльях!

К а и н

О, как мы рассекаем воздух! Звезды
Скрываются от наших глаз! Земля!
Где ты, земля? Дай мне взглянуть на землю,
Я сын ее.

Л ю ц и ф е р

Земли уже не видно.

Пред вечностью она гораздо меньше,
Чем ты пред ней. Но ты с землею связан
И скоро к ней вернешься. Прах земной —
Часть нашего бессмертия.

К а и н

Куда же

Лежит наш путь?

Л ю ц и ф е р

К тому, что только призрак
Былых миров, земля же их обломок.

К а и н

Так мир не нов?

Л ю ц и ф е р

Не более чем жизнь.

А жизнь древней, чем ты, чем я, и даже
Древней того, что выше нас с тобою,

Есть многое, что никогда не будет
Иметь конца; а то, что домогалось
Считаться не имеющим начала,
Имеет столь же низкое, как ты;
И многое великое погисло,
Чтоб место дать ничтожному, — такому,
Что и помыслить трудно: ибо в мире
Лишь время и пространство неизменны,
Хотя и перемены только праху
Приносят смерть. Ты — прах, ты не постигнешь
Того, что выше праха, и увидишь
Лишь то, что было прахом.

К а и н

Только прахом!

Но я дерзну взглянуть на все, что хочешь.

Л ю ц и ф е р

Тогда — вперед!

К а и н

Как быстро меркнут звезды!

А ведь они казались мне мирами,

Когда мы приближались к ним.

Л ю ц и ф е р

Они

И есть миры.

К а и н

И есть на них эдемы?

Л ю ц и ф е р

Быть может, есть.

К а и н

И люди?

Л ю ц и ф е р

Есть и люди.

Иль существа, что выше их.

К а и н

И змии?

Люцифер

Раз люди есть — как им не быть? И разве
Дышать должны ходячие лишь твари?

Каин

Как быстро меркнут звезды вслед за нами!
Куда летим мы?

Люцифер

К миру привидений,
Существ, еще не живших и отживших.

Каин

Но мрак растет — все звезды уж исчезли.

Люцифер

Но ты, однако, видишь.

Каин

Жуткий сумрак!

Ни ярких звезд, ни солнца, ни луны,
И все же в этом сумраке я вижу
Какие-то угрюмые громады,
Но только непохожие на те,
Которые светились в пространстве
Своими ореолами и были,
Как мне тогда казалось, полны жизни.
На тех, сквозь их сияние, я видел
Глубокие долины, выси гор
И водные безбрежные равнины;
Вкруг тех сияли огненные кольца
И диски лун, напоминая землю;
А здесь все страшно, сумрачно!

Люцифер

Но ясно.

Ты ищешь смерть увидеть и умерших?

Каин

Раз грех Адама предал всех нас смерти,
То я хочу заранее увидеть
То, что мы все увидим поневоле
Когда-нибудь.

Л ю ц и ф е р

Смотри.

К а и н

Повсюду мрак!

Л ю ц и ф е р

И *вечный* мрак; но мы с тобой раскроем
Врата его.

К а и н

Гигантскими клубами
Катится пар — откуда он?

Л ю ц и ф е р

Войди.

К а и н

Верпуть ли я?

Л ю ц и ф е р

Не сомневайся в этом.
Ведь кто наполнить должен царство смерти?
Ты и твой род. Оно еще так пусто
В сравненье с тем, чем будет.

К а и н

Облака

Все шире расступаются пред нами,
Кругами обвивая нас.

Л ю ц и ф е р

Входи.

К а и н

А ты?

Л ю ц и ф е р

Входи. Ты без меня не мог бы
Проникнуть в царство призраков. Смелее!

Исчезают в облаках.

СЦЕНА ВТОРАЯ
Царство смерти.
Люцифер и Кайн.

К а и н

Как молчалив, как необъятен этот
Угрюмый мир! Он населен обильней,
Чем даже те горящие громады,
Которые в воздушных безднах блещут
В таком несметном множестве, что я
Сперва считал их за каких-то светлых
Небесных обитателей. Но как
Здесь сумрачно, как все напоминает
Угасший день!

Л ю ц и ф е р

Здесь царство смерти. Хочешь
Увидеть смерть?

К а и н

Я не могу ответить,
Не ведая, что значит смерть. Но если
Отец мой прав... О боже! Я подумать
Страшусь о ней! Будь проклят тот, кто дал
Мне бытие, ведущее лишь к смерти!

Л ю ц и ф е р

Ты проклинаешь мать, отца?

К а и н

Но разве
Они меня не проклинали, дерзнувши
Вкусить от древа знания?

Л ю ц и ф е р

Ты прав:
Меж вами обоюдное проклятье.
Но твой Энох, твой брат?

К а и н

Они должны
Делить мое проклятие со мною,
Родителем и братом их. Что принял
В наследство сам, то им и завещаю.

О бесконечный и угрюмый мир
Скользящих теней, призраков-гигантов,
То явственных, то смутных, но всегда
Печальных и величественных, — что ты?
Жизнь или смерть?

Л ю ц и ф е р

И жизнь и смерть.

К а и н

Но что же
Тогда есть смерть?

Л ю ц и ф е р

А разве не сказал вам
Создатель ваш, что смерть — другая жизнь?

К а и н

Мы от него пока одно узнали —
Что мы умрем.

Л ю ц и ф е р

Придет, быть может, день,
Когда он вам раскроет тайну эту.

К а и н

Счастливым день!

Л ю ц и ф е р

О да! Ведь эта тайна
Откроется в невыразимых муках,
Соединенных с вечной адской мукой,
Еще не рожденным, что родятся
Лишь для нее — для этой вечной муки.

К а и н

Как величавы тени, что витают
Вокруг меня! В них не заметно сходства
Ни с духами, которых видел я
На страже заповедных врат Эдема,
Ни с мертвыми — с моим отцом и братом,
Со мной самим, с моей сестрой, с женою,
А между тем, отличные от духов
И от людей своим непостижимым,
Невиданным мной обликом, они,

Бесплотным уступая, превышают
Людей и красотой горделивой,
И мощью, и величием. У них
Нет крыльев, как у ангелов, нет лика,
Как у людей, нет мощных форм животных,
Нет ничего подобного тому,
Что видел я; они в себе вмещают
Всю красоту прекраснейших, сильнейших
Земных существ, но так не схожи с ними,
Что я не знаю — были ли они
Когда-нибудь живыми существами?

Л ю ц и ф е р

Когда-то были.

К а и н

Были? Где?

Л ю ц и ф е р

Где ты

Живешь.

К а и н

Когда?

Л ю ц и ф е р

Когда владели миром,
Который называешь ты землей.

К а и н

Но в этом мире первый — мой родитель.

Л ю ц и ф е р

Из вас он, правда, первый, но из них
Он даже недостойн быть последним.

К а и н

А кто они?

Л ю ц и ф е р

Они есть то, чем будут
Все смертные.

К а и н

А были чем?

Л ю ц и ф е р

Живыми,
Великими, разумными — во всем
Настолько превышавшими Адама,
Насколько сын Адама превышает
Своих потомков будущих.

К а и н

Увы!

И все они погибли, все исчезли
С лица земли?

Л ю ц и ф е р

С лица *своей* земли,
Как некогда и ты с *своей* исчезнешь.

К а и н

Но ты сказал, что прежде их землю
Была моя?

Л ю ц и ф е р

Была.

К а и н

Но изменилась.
Моя земля для них была бы слишком
Ничтожна.

Л ю ц и ф е р

Да, она при них была
Прекраснее.

К а и н

И почему так пала?

Л ю ц и ф е р

Спроси его.

К а и н

Но как он это сделал?

Л ю ц и ф е р

Смешением стихий, преобразивших
Лицо земли. Но дальше, — созерцай
Минувшее.

К а и н

Минувшее ужасно!

Л ю ц и ф е р

Но истинно. Смотри на эти тени:
Они когда-то жили и дышали,
Как ты теперь.

К а и н

И некогда я буду

Подобен им?

Л ю ц и ф е р

На это пусть ответит
Создатель ваш. Я показал, чем стали
Предшественники ваши. Созерцай их
Иль, если это тяжело для тебя,
Вернись к земле, к своим трудам: ты будешь
Перенесен на землю невредимо.

К а и н

Я здесь останусь.

Л ю ц и ф е р

Надолго?

К а и н

Навеки.

Я все равно сюда вернуться должен,
Мне тяжело жить на земле: так лучше
Остаться здесь.

Л ю ц и ф е р

Но это невозможно:
Мир призраков — действительность, а ты
Теперь их созерцаешь как виденье.
Чтоб разделить обитель их, ты должен
Войти сюда вратами смерти — так же,
Как и они.

К а и н

Какими же вратами
Входили мы?

Л ю ц и ф е р

Моими. Ты на землю
Вернуться должен; в царстве бездыханных
Ты дышишь только мною. Не мечтай же
Остаться в нем, пока твой час не пробил.

К а и н

А вот они,— скажи, они не могут
На землю возвратиться?

Л ю ц и ф е р

Их земля
Прошла навеки: бурные стихии
Лицо земли так резко изменили,
Что на ее поверхности теперь
Едва ль найдется атом, им знакомый.
А это был прекрасный,— о, какой
Прекрасный мир!

К а и н

Он и теперь прекрасен.
Я не с землей, хотя на ней тружусь я,
Веду вражду, а с тем, что я беру
Все, что она прекрасного приносит
Ценой труда, что, жажда познания,
Не в силах этой жажды утолить,
Что на земле меня приводит в трепет
И жизнь и смерть.

Л ю ц и ф е р

Чем стал твой мир, ты видишь,
Но чем он был — не можешь и постигнуть.

К а и н

А это кто? Вот эти исполины,
Которые, мне кажется, похожи
На диких обитателей дремучих
Земных лесов, но только в десять раз
Громадней и страшнее тех, громадней,
Чем стены рая,— эти привиденья,
Чьи очи пламенеют, как мечи
В десницах херувимов, стерегущих
Эдемский сад, и чьи клыки торчат
Как голые деревья?

Л ю ц и ф е р

Это то же,
Что мамонты земные. Мириады
Таких существ лежат в земле.

К а и н

И больше

Уж нет таких?

Л ю ц и ф е р

Нет; если б вам пришлось
Вступить в борьбу с такими существами,
То вы могли бы сделать бесполезным
Проклятие, висящее над вами:
Так скоро вы погибли бы.

К а и н

Но разве

Борьба необходима?

Л ю ц и ф е р

Ты забыл

Завет того, кто вас изгнал из рая:
«Борьба со всем, что дышит, смерть всему,
И всем болезни, скорби и мученья», —
Плод древа запрещенного.

К а и н

Но звери —

Они ведь не касались древа зная?

Л ю ц и ф е р

Ваш бог сказал, что создал их для смертных,
А смертных — для создавшего. Вы разве
Хотели бы, чтоб участь их была
Счастливее, чем ваша? Грех Адама
Всех погубил.

К а и н

Несчастные! Им тоже,
Как и сынам Адама, суждено
Страдать за грех, не ими совершенный,
За райский плод, который не дал зная,

А дал лишь смерть. Он оказался лживым,
Мы ничего не знаем. Он сулил
Нам знание — ужасною ценою,
Но знание; а что же знаем мы?

Л ю ц и ф е р

Быть может, смерть даст высшее познание;
Ведь только смерть для смертных несомненна
И, значит, к несомненному приводит.
Нет, ты не прав,— запретный плод не лжив,
Хотя и смертоносен.

К а и н

Непонятный,
Угрюмый мир!

Л ю ц и ф е р

Твой час еще не пробил.
Материя не может в совершенстве
Постигнуть духа. Все же ты узнал,
Что есть миры такие.

К а и н

Я и прежде
О смерти знал.

Л ю ц и ф е р

Но не о царстве смерти.

К а и н

Оно мне непонятно.

Л ю ц и ф е р

Будет день,
Когда оно тебе понятней станет.

К а и н

А это безграничное пространство
Текучей ослепительной лазури,
Которое сравнил бы я с водой,
С рекою, проходящей из Эдема
Близ нашего жилища, если б только
Не эта безграничность, беспредельность,
Не этот цвет небесный,— это что?

Л ю ц и ф е р

И этому лазурному пространству
Есть слабое подобье на земле,
И на его прибрежьях поселятся
Твои потомки: призрак океана.

К а и н

Оно горит, как солнце,— целый мир
Лазурных вод! Но в этом ярком блеске
Я различил играющих чудовищ:
Что это?

Л ю ц и ф е р

Призраки левиафанов.

К а и н

А этот непомерно-длинный змей
С струящеюся гривой, что воздвигнул
Чудовищную голову из бездны
И в десять раз превысил высочайший
Эдемский кедр,— вот этот змей, что мог бы
Обвиться вокруг небесных тел,— похож ли
Он на того, что нежился когда-то
Под деревом в Эдеме?

Л ю ц и ф е р

Еве лучше
Известен змий, ее прельстивший.

К а и н

Этот
Ужасен слишком. Верно, искуситель
Красивей был.

Л ю ц и ф е р

А ты его не видел?

К а и н

Я гадов много видел, но того,
Что Еве дал запретный плод,— ни разу.

Л ю ц и ф е р

И твой отец его не видел?

К а и н

Нет;

Ведь мой отец был соблазнен не змием:
Змий соблазнил лишь Еву.

Л ю ц и ф е р

О невинность!

Когда тебя или сынов твоих
Смущают жены чем-нибудь, что ново
И необычно, знай, что пред тобой —
Сам искуситель.

К а и н

Слишком запоздали

Твои советы: змиям больше нечем
Жен искушать.

Л ю ц и ф е р

Но есть еще немало

Таких вещей, которыми и жены
Своих мужей и жен мужья способны
Вводить в соблазн: вам это надо помнить.
Я вам добра желаю, предлагая
Подобные советы, — я даю их
В ущерб себе... хоть правда, что не будут
Им следовать.

К а и н

Мне это непонятно.

Л ю ц и ф е р

И к лучшему! Твой мир и ты так юны!
Ты мнишь себя преступным и несчастным —
Не правда ли?

К а и н

Преступным — нет, но скорби
Я испытал немало.

Л ю ц и ф е р

Первородный

Сын первого из смертных! Твой удел
Жить во грехе и скорби, но Эдемом
Покажутся тебе твои несчастья
В сравнение с тем, что ты узнаешь вскоре,

А то, что ты узнаешь, будет раем
В сравнение с тем, что испытать должны
Твои сыны... Но нам пора на землю.

К а и н

Ужели ты привел меня сюда
Лишь для того, чтоб показать мне это?

Л ю ц и ф е р

Не ты ли жаждал знания?

К а и н

О да,
Но лишь затем, чтоб знание служило
Дорогой к счастью.

Л ю ц и ф е р

Если счастье в знанье,
То ты уж счастлив.

К а и н

Прав же был творец,
Велевший не касаться древа знания!

Л ю ц и ф е р

А если бы губительного древа
Не насаждал, еще бы лучше сделал.
Однако и неведение зла
От зла не ограждает. Зло всесильно.

К а и н

Я этому не верю, нет! Я жажду
Душой добра!

Л ю ц и ф е р

А кто его не жаждет?
Кто *любит* зло? Никто, ничто.

К а и н

Но в эти
Несметные и дивные миры,
Которые мы видели с тобою,
Пока не погрузились в царство смерти,
Не увидит зло: так все они прекрасны!

Л ю ц и ф е р

Ты видел их лишь издали.

К а и н

Но даль

Могла лишь уменьшать их красоту:

Вблизи их красота неизреченна.

Л ю ц и ф е р

Но подойди к прекраснейшему в мире

И приглядишься к нему.

К а и н

Я это делал:

Вблизи оно еще прелестней.

Л ю ц и ф е р

Нет,

Тут есть обман. Скажи, о ком ты думал?

К а и н

Я думал о сестре моей. Все звезды,
Вся красота ночных небес, вся прелесть
Вечерней тьмы, весь пышный блеск рассвета,
Вся дивная пленительность заката,
Когда, следя за уходящим солнцем,
Я проливаю сладостные слезы
И, мнится, вместе с солнцем утопаю
В раю вечерних легких облаков,
И сень лесов, и зелень их, и голос
Вечерних птиц, поющих про любовь,
Сливающийся с гимном херувимов,
Меж тем как тьма уж реет над Эдемом,
Все, все — ничто пред красотою Ады.
Чтоб созерцать ее, я отвращаю
Глаза свои от неба и земли.

Л ю ц и ф е р

Но если ты владеешь существом
Столь дивной красоты, то почему
Несчастен ты?

К а и н

Зачем я существую

И почему несчастен ты, и все,
Что существует в мире, все несчастно?
Ведь даже тот, кто создал всех несчастных,
Не может быть счастливым: созидать,
Чтоб разрушать — печальный труд! Родитель
Нам говорит: Он всемогущ, — зачем же
Есть в мире зло? Об этом много раз
Я спрашивал отца, и он ответил,
Что это зло — лишь путь к добру. Ужасный
И странный путь! Я видел, как ягненка
Ужалил гад: он извивался в муках,
А подле matka жалобно блеяла;
Тогда отец нарвал и положил
Каких-то трав на рану, и ягненок,
До этого беспомощный и жалкий,
Стал возвращаться к жизни понемногу
И скоро уж беспечно припадал
К сосцам своей обрадованной матки,
А та, вся трепеща, его лизала.
Смотри, мой сын, сказал Адам, как зло
Родит добро.

Л ю ц и ф е р

Что ж ты ему ответил?

К а и н

Я промолчал, — ведь он отец мой, — только
Тогда ж подумал: лучше бы ягненку
Совсем не быть ужаленным змеею,
Чем возвратиться к жизни, столь короткой,
Ценою мук.

Л ю ц и ф е р

Но ты сказал, что ты
Из всех существ, тобой любимых, любишь
Всего сильнее ту, что воспиталась
С тобой одною грудью и питает
Своей — твоих малюток.

К а и н

Да, сказал:
Чем был бы я без Ады?

Люцифер
Тем, чем я.

Каин

Ты чужд любви.

Люцифер
А он, твой бог, что любит?

Каин

Все сущее, как говорит отец;
Но, сознаюсь, я этого не вижу.

Люцифер
Поэтому не можешь и судить,
Чужда ли мне любовь иль нет. Есть нечто
Великое и общее, в котором
Все частное, как снег пред солнцем, тает.

Каин

Как снег — что это значит?

Люцифер
Будь доволен

Неведением того, что испытают
Сыны сынов твоих, и наслаждайся
Теплом небес, не знающих зимы.

Каин

Но ты любил существ, тебе подобных?

Люцифер

А ты — ты любишь самого себя?

Каин

Да, но не так, как ту, что украшает
Мне жизнь мою, что мне дороже жизни,
Затем, что я люблю ее.

Люцифер
Ты любишь,

Пленяясь красотой ее, как Ева
Пленилась райским яблоком когда-то;
Но красота поблекнет — и любовь
Угаснет, как и всякое желанье.

К а и н

Но отчего ж поблекнет красота?

Л ю ц и ф е р

От времени.

К а и н

Но дни идут, проходят,
А Ева и Адам еще прекрасны,
Не так, как серафимы, как сестра,
Но все ж прекрасны.

Л ю ц е ф е р

Время беспощадно

Изменит их.

К а и н

Мне это очень больно:
Но все ж я не могу себе представить,
Что разлюблю когда-нибудь сестру,
И если красота ее поблекнет,
То, думаю, создатель красоты,
При гибели прекрасного создания,
Утратить должен более, чем я.

Л ю ц и ф е р

Мне жаль тебя: ты любишь то, что гибнет.

К а и н

Как мне — тебя: ты ничего не любишь.

Л ю ц и ф е р

А брат — ты любишь брата?

К а и н

Да, люблю.

Л ю ц и ф е р

Его твой бог и твой отец так любят!

К а и н

И я люблю.

Л ю ц и ф е р

Похвально и смиренно!

К а и н
Смиренно?
Л ю ц и ф е р
Да, ведь он не первородный
И с детства был любимцем Евы.

К а и н
Что ж,
Змий первым был любимцем, он — вторым,
Л ю ц и ф е р
Он и отца любил.

К а и н
И об этом
Я не скорблю. Как будто я не должен
Любить того, кого отец мой любит!

Л ю ц и ф е р
Но и Иего́ва, кроткий ваш владыка,
Всещедрый насадитель райских кущ,
На Авеля с улыбкою взирает.

К а и н
Я не видал Иего́вы и не знаю,
Пристойно ли Иего́ве улыбаться.

Л ю ц и ф е р
Так ангелов Иего́вы видишь.

К а и н
Редко.
Л ю ц и ф е р
И все-таки ты должен был заметить,
Что Авель им угоден: от него
Все жертвы восприимлются.

К а и н
И пусть!
Зачем ты говоришь со мной об этом?

Л ю ц и ф е р
Затем, что ты об этом много думал.

К а и н

А если бы и думал,— для чего
Будить во мне...

(В волнении останавливается.)

Дух! Мы с тобою в мире,
Далеком от земли; не говори же
Мне о земле. Ты показал мне много
Чудесного; ты показал мне мощных
Предшественников наших, попиравших
Ту землю, от которой уцелел
Один обломок; ты мне показал
Тьмы тем миров, среди которых тускло
Мерцает наш ничтожный мир, теряясь
В воздушной бесконечности; ты тени
В зловещем царстве смерти показал мне;
Ты много показал мне — но не все:
Дай мне узреть обители Иеговы
Или свою обитель: где они?

Л ю ц и ф е р

Здесь и везде — в пространстве бесконечном.

К а и н

Но есть же у тебя и у Иеговы
Какой-нибудь приют определенный?
Он есть у всех. Землей владеют люди,
В других мирах свое есть население,
У всех живых созданий есть своя
Особая стихия; ты сказал мне,
Что даже бездыханным есть обитель,
Так, значит, есть и богу и тебе.
Вы вместе обитаете?

Л ю ц и ф е р

Мы вместе
Лишь царствуем; но обитаем порознь.

К а и н

О, если б был один из вас! Быть может,
Единство цели создало б согласие
Стихий, теперь враждующих! И что

Вас привело к такой вражде, — вас, мудрых
И бесконечных? Разве вы не братья
По сущности, по естеству и славе?

Л ю ц и ф е р

А вы — вы братья с Авелем?

К а и н

Мы братья.

И братьями останемся. Но если б
И не были мы братьями: дух разве
Подобен нам? Как может враждовать
Бессмертный с бесконечным, превращая
Весь мир в обитель скорби? И за что?

Л ю ц и ф е р

За власть.

К а и н

За власть? Но ты мне говорил,
Что оба вы бессмертны.

Л ю ц и ф е р

Да, бессмертны.

К а и н

А голубая бездна бездн пространства
Не бесконечна разве?

Л ю ц и ф е р

Бесконечна.

К а и н

Так царствуйте в ней оба, не враждуя.
Иль тесно вам?

Л ю ц и ф е р

Мы царствуем в ней *оба*.

К а и н

Но зло творит — один из вас.

Л ю ц и ф е р

Который?

К а и н

Ты! Разве ты не можешь на земле
Творить добро? Ты можешь, но не хочешь.

Л ю ц и ф е р

Пусть он творит. Вы — не мои создания,
Он создал вас.

К а и н

Так предоставь отцу
Его детей, им созданных. Открой мне
Свою или его обитель.

Л ю ц и ф е р

Я

Могу открыть их обе. Но настанет
Великий час, когда одна из них
Откроется *навек* пред тобою.

К а и н

Но не теперь?

Л ю ц и ф е р

Твой смертный ум не в силах
Постигнуть даже малого — того,
Что видел ты. И ты стремишься к Тайне!
К великой ипостати *Двух Начал!*
К их сокровенным тронам! Прах! Ты дерзок.
Но зреть хотя одно из них — есть смерть.

К а и н

Пусть я умру — но только бы узреть их!

Л ю ц и ф е р

Речь сына той, что обольстилась змием!
Но эта смерть — бесплодной смертью будет.

К а и н

Но разве смерть их не откроет?

Л ю ц и ф е р

Смерть —

Преддверие.

К а и н

Так, значит, смерть приводит
К чему-нибудь разумному! Теперь
Я менее боюсь ее.

Л ю ц и ф е р

И, значит,
Тебе пора на землю возвратиться,
Где должен ты умножить род Адама,
Есть, пить, любить, дрожать за жизнь, работать,
Смеяться, плакать, спать — и умереть.

К а и н

Но если так, скажи, с какою целью
Блуждали мы?

Л ю ц и ф е р

Но ты стремился к знанию;
А все, что я открыл тебе, вещает:
Познай себя.

К а и н

Увы! Я познаю,
Что я — ничто.

Л ю ц и ф е р

И это непреложный
Итог людских познаний. Завещай
Свой опыт детям, — это их избавит
От многих мук.

К а и н

Высокомерный дух!
Ты властен, да; но есть и над тобою
Владыка.

Л ю ц и ф е р

Нет! Клянуся небом, где
Лишь он царит! Клянуся бездной, сонмом
Миров и жизней, нам подвластных, — нет!

Он победитель мой — но не владыка,
Весь мир пред ним трепещет,— но не я:
Я с ним в борьбе, как был в борьбе и прежде,
На небесах. И не устану вечно
Бороться с ним, и на весах борьбы
За миром мир, светило за светилом,
Вселенная за новою вселенной
Должна дрожать, пока не прекратится
Великая нещадная борьба,
Доколе не погибнет Адонаи
Иль враг его! Но разве это будет?
Как угасить бессмертие и нашу
Неугасимую взаимную вражду?
Он победил, и тот, кто побежден им,
Тот назван злом; но благ ли победивший?
Когда бы *мне* досталась победа,
Злом был бы *он*. Вот вас, еще недавно
Пришедших в мир, еще столь юных смертных,
Какими одарил он вас дарами?

К а и н

Немногими — и горькими.

Л ю ц и ф е р

Вернись же

К своей земле, вкуси и остальных
Его небесных милостей. Даятель
Добра и зла не создал их такими,
Добро и зло суть сами по себе.
Но, если он дает добро,— зовите
Его благим; а если от него
Исходит зло, то изыщите верный
Источник зла,— не говорите: это
Свершил злой дух. Один лишь добрый дар
Дало вам древо знания — ваш разум:
Так пусть *оң* не трепещет грозных слов
Тирана, принуждающего верить
Наперекор и чувству и рассудку.
Терпи и мысли — созидай в себе
Мир внутренний, чтоб внешнего не видеть:
Сломи в себе земное естество
И приобщись духовному началу!

Исчезают.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Местность близ Эдема.
Каин и Ада.

Ада

Иди тихонько, Каин.

Каин

Хорошо;

Но почему?

Ада

Вон там под кипарисом
Спит на листе наш мальчик.

Каин

Кипарис!

Угрюмый он, зачем ты положила
Под ним дитя? Он смотрит так, как будто
Оплакивает то, что осеняет.

Ада

Но он ветвист, под ним темно, как ночью,
Он точно создан, чтобы охранять
От зноя спящих.

Каин

Спящих сном последним
И вечным. Но води меня к Эноху.

Подходят к ребенку.

Как он красив! Как разгорелись щечки!
Румянец их не уступает розам,
Рассыпанным под ним.

Ада

А посмотри,
Как хорошо полуоткрыл он губки!
Нет, не целуй; он скоро сам проснется,
Он высался, но жаль будить!

Каин

Да, правда,

Я удержусь пока от искушенья.
Он спит и улыбается! Спи мирпо
И улыбайся, маленький наследник
Земли такой же юной, как ты сам!
Спи, улыбаясь! Ты переживаешь
Часы и дни невинности и счастья.
Ты не срывал запретного плода,
Не знаешь наготы своей. Настанет
И для тебя час кары за какой-то
Тяжелый грех, которого ни ты,
Ни я не совершали; но покуда
Спи безмятежно! Щечки покраснелись,
Из-под ресниц трепещущих и темных,
Как кипарис, колеблемый над ним,
Просвечивает ясною лазурью
Дремотная улыбка... Спит и грезит —
О чем? О рае!.. Грезь о нем, мечтай,
Мой мальчик обездоленный! Он — греза:
Уж никогда и никому из смертных
Не быть в его обители блаженной!

Ада

Не сетуй, милый Каин, не тоскуй
О прошлом над малюткою! Что пользы
Весь век Эдем оплакивать? Ужели
Нельзя создать другого?

Каин

Где?

Ада

Где хочешь:

Раз ты со мной — я счастлива без рая.
Иль у меня нет мужа, нет малюток;
Родителя и брата, кроткой Селлы
И матери, которой мы столь многим
Обязаны — помимо жизни?

Каин

Смертью

Мы тоже ей обязаны.

А д а

О Каин!

Тот гордый дух, с которым ты ходил,
Тебя еще сильнее опечалил.
Я думала, что дивные виденья,
Которые тебе он обещал,
Тьмы тем миров, отживших и живущих,
Которые ты видел, успокоят,
Насытят ум твой знанием; но вижу,
Что дух принес одно лишь зло. И все же
Я благодарна духу и готова
Простить его за то, что ты вернулся
Так скоро к нам.

К а и н

Так скоро?

А д а

Да, прошло

Лишь два часа с тех пор, как мы расстались,
Лишь два часа — по солнцу.

К а и н

Я вблизи

Смотрел на это солнце, созерцал
Миры, что озарялись им когда-то,
Но никогда не озарятся больше,
И те миры, что солнечного света
Не ведали от века: мне казалось,
Что протекли года.

А д а

Едва часы.

К а и н

Так, значит, дух наш время измеряет
Тем, что он видит: радость или скорбь,
Величье иль ничтожество; я видел
Деяния бессмертных, созерцал
Угасшие светила и, взирая
На вечное, участвовал, казалось,
И сам в его величии; теперь
Я снова — прах и снова понимаю,
Что я — ничто: дух истину сказал мне.

А д а

Нет, дух сказал неправду. Сам Иего́ва
Не говорил нам этого.

К а и н

Но создал
Ничтожеством; он поманил нас раем,
Бессмертием, но сотворил из праха
И в прах вернет — скажи, за что?

А д а

Ты знаешь,
За грех отца.

К а и н

А мы — в чем *мы* виновны?
Он согрешил, пусть *он* и умирает.

А д а

Нехорошо сказал ты; это мысли
Того, кто был с тобой, а не твои.
Я умереть готова — лишь бы жили
Отец и мать.

К а и н

Да,— если б можно было
Насытить этой жертвой Ненасытность
И если б этот мирно спящий крошка
И те, что от него произойдут,
Не испытали смерти и страданий.

А д а

Как знать, не будет ли когда-нибудь
Такою искупительною жертвой
Спасен весь род Адама?

К а и н

Искупленье!
Но в чем мы виноваты? Почему
Я должен пасть за грех, не мной свершенный,
Иль от другого жертвы ждать за этот
Таинственный и безымянный грех,
Весь состоявший только в жажде знания?

А д а

Увы! Ты говоришь, что ты не грешен,
А сам грешишь: твои слова — кощунство,

К а и н

Тогда оставь меня.

А д а

О, никогда,
Хотя бы сам творец тебя оставил!

К а и н

А это что такое?

А д а

Алтари,
Воздвигнутые Авелем. Он хочет
Свершить с тобою жертву.

К а и н

Алтари!

А кто ему сказал, что я согласен
Делить его корыстные молитвы,
В которых вовсе нет благоговенья,
А есть лишь страх? Мне алтаря не нужно,
Мне нечего сжигать на нем.

А д а

Но богу

Всяк дар угоден, если этот дар
Приносится с душевным сокрушеньем
И кротостью: сожги цветы, плоды...

К а и н

Я сеял, рыл, я был в поту, согласно
Проклятию; но что еще мне делать?
Смиранным быть — среди борьбы с стихией
За мой насущный хлеб? Быть благодарным
За то, что я во прахе пресмыкаюсь,
Зане я прах и возвращусь во прах?
Что я? Ничто. И я за это должен
Ханжою быть и делать вид, что очень
Доволен мукой? Каяться — но в чем?

В грехе отца? Но этот грех давно уж
Искуплен тем, что претерпели мы,
И выше всякой меры искупится
Веками мук, предсказанных в проклятье.
Он сладко спит, мой мальчик, и не знает,
Что в нем *одном* — зачатки вечной скорби
Для *мириад* сынов его! О, лучше б
Схватить его и раздробить о камни,
Чем дать ему...

А д а

Мой бог! Не тронь дитя —
Мое дитя! *Твое* дитя! О Каин!

К а и н

Не бойся! За небесные светила,
За власть над ними я не потревожу
Ничем малютку, кроме поцелуя.

А д а

Но речь твоя ужасна!

К а и н

Я сказал,
Что лучше умереть, чем жить в мученьях
И завещать их детям! Если ж это
Тебя пугает, скажем мягче: лучше б
Ему совсем на свет не появляться.

А д а

О нет, не говори так! А блаженство
Быть матерью — кормить, любить, лелеять?
Но чу! Он просыпается. Мой милый!

(*Подходит к ребенку.*)

О, посмотри, как полон жизни он,
Сил, красоты, здоровья! Как похож
Он на меня — и на тебя, но только
Когда ты кроток: мы ведь все тогда
Похожи друг на друга; правда, Каин?
Люби же нас — и самого себя,
Хоть ради нас, — ты нам обоим дорог!
Смотри, он засмеялся, протянул
К тебе ручонки, смотрит ясным взором
В твои глаза... Не говори о муках!

Тебе могли бы сами херувимы
Завидовать,— они детей не знают.
Благослови его.

К а и н

Благословляю
Тебя, малютка, если только может
Благословенье смертного отринуть
Проклятие, завещанное змием.

А д а

Аминь. Благословение отца
Сильнее пресмыкающейся твари.

К а и н

Я не уверен в этом. Но да будет
Над ним благословение!

А д а

Наш брат
Идет сюда.

К а и н

Твой брат.

А в е л ь
(*входя*)

Брат Каин, здравствуй!
Господний мир с тобою!

К а и н

Авель, здравствуй.

А в е л ь

Сестра мне говорила, что с тобою
Беседовал какой-то дух. Он ангел?

К а и н

Нет.

А в е л ь

Так зачем общаться с ним? Быть может,
Он враг творца.

К а и н

И друг людей. А был ли
Таким творец, как ты назвал его?

А в е л ь

Назвал его! Ты, Каин, нынче странный.
Иди, сестра,— мы совершим сожжение.

А д а

Прости на время, Каин! Поцелуй
Малютку-сына,— пусть его невинность
И Авеля молитвы возвратят
Тебе и мир и веру!
(*Уходит с ребенком.*)

А в е л ь

Где ты был?

К а и н

Не знаю.

А в е л ь

Как? Но, может быть, ты знаешь,
Что видел ты?

К а и н

Бессмертие и смерть,
Безмерность и величие пространства,
Тьму тем миров, отживших и живущих,
Вихрь стольких ослепляющих миров,
Солнц, лун и звезд, в их громозвучных сферах,
Что я к беседе с смертным не способен;
Оставь меня.

А в е л ь

Твое лицо пылает,
Твои глаза сверкают странным блеском,
Твои слова звучат необычайно.
Скажи, что это значит?

К а и н

Это значит...
Прошу тебя, оставь меня!

А в е л ь

Не прежде,
Чем мы с тобой помолимся творцу,
И совершим пред ним сожжепье.

К а и н

Авель,

Прошу тебя — сверши его один.
Тебя Иего́ва любит.

А в е л ь

Я надеюсь,

Обоих нас.

К а и н

Но более тебя.
Я не смущаюсь этим: ты достойный
Слуга творца, — так и служи ему,
Но без меня.

А в е л ь

Я был бы нечестивый
Сын нашего великого отца,
Когда б не почитал тебя, как младший,
И не просил тебя пред алтарем
Главенствовать, как старшего.

К а и н

Но я

Главенства никогда не домогался.

А в е л ь

Тем мне грустней. Не откажи хоть нынче
Принять его: твоя душа томится
Под гнетом наваждения; молитва
Тебя бы успокоила.

К а и н

Нет, Авель.

Ничто не даст душе моей покоя,
Да я и никогда, со дня рожденья,
Не знал его. Уйди, оставь меня,
Иль я уйду, чтоб не мешать тебе
Идти к своей благочестивой цели.

А в е л ь

Нет, мы должны идти к ней неразлучно.
Молю тебя об этом!

К а и н

Я согласен.

Что нужно делать?

А в е л ь

Выбери один

Из алтарей.

К а и н

Но я доволен буду

Любым из них: я вижу в них лишь камень
Да свежий дерн.

А в е л ь

И все же нужно выбрать.

К а и н

Я выбрал.

А в е л ь

Этот? Он и подобает

Тебе как первородному: он выше.
Теперь готовь дары для всесожженья.

К а и н

А где твои?

А в е л ь

Вот первенцы от стад:

Смиренная пастушеская жертва.

К а и н

Я не имею стад, я земледелец,
И возложу на жертвенник плоды —
То, чем земля мой труд вознаграждает.

Разводят на алтарях огонь.

А в е л ь

Ты, брат, как старший, должен принести
Хвалу творцу и всесожженье первый.

К а и н

Нет, ты начни,— я в этом неискусен;
Я буду подражать тебе.

А в е л ь

(преклоняя колени)

О боже!

Ты, кто вдохнул в нас дуновение жизни,
Кто создал нас, благословил и не дал
Погибнуть чадам грешного отца,
Которые погибли бы навеки,
Когда бы правосудие твое
Не умерялось благостью твоею
К великим их неправдам! Боже вечный,
Даятель жизни, света и добра,
Единый вождь, ведущий все ко благу
Своею всемогущей, сокровенной,
Но непреложной благостью! Прими
От первого из пастырей смиренных
Сих первенцев от первородных стад,
Дар недостойный господя, ничтожный,
Как все пред ним ничтожно, но несомый.
Как дань благодарения того,
Кто, пред лицом твоих небес пресветлых,
Слагая жертву эту, повергает
Свой лик во прах, от коего он создан,
И воздает хвалу тебе — вовеки!

К а и н

(не преклоняя колени)

Дух, для меня неведомый! Всесильный
И всеблагый — для тех, кто забывает
Зло дел твоих! Иего́ва на земле!
Бог в небесах,— быть может, и другое
Носящий имя,— ибо бесконечны
Твои дела и свойства! Если нужно
Мольбами ублажать тебя,— прими их!
Прими и жертву, если нужно жертвой
Смягчать твой дух: два существа повергли
Их пред тобою. Если кровь ты любишь,
То вот алтарь дымящийся, облитый,
Тебе в угоду, кровью жертв, что тлеют
В кровавом фимиаме пред тобою.

А если и цветущие плоды,
Взлелеянные солнцем лучезарным,
И мой алтарь бескровный удостоишь
Ты милостью своею, то воззри
И на него. Тот, кто его украсил,
Есть только то, что сотворил ты сам,
И ничего не ищет, что дается
Ценой молитвы. Если дурен он,
Рази его,— ведь ты могуч и властен
Над беззащитным! Если же он добр,
То пощади — иль порази,— как хочешь,
Затем что все в твоих руках: ты даже
Зло именуешь благом, благо — злом,
И прав ли ты — кто знает? Я не призван
Судить о всемогуществе: ведь я
Не всемогущ,— я раб твоих велений!

Огонь на жертвеннике Авеля разрастается в столп ослепительного
пламени и поднимается к небу; в то же время вихрь опрокиды-
вает жертвенник Каина и далеко раскидывает по земле плоды.

А в е л ь
(*коленопреклоненный*)

О брат, молись! Ты прогневил Иего́ву:
Он по земле твои плоды рассеял.

К а и н

Земля дала, пусть и возьмет земля,
Чтоб возродить их семя к новой жизни.
Ты угодил кровавой жертвой больше:
Смотри, как небо жадно поглощает
Огонь и дым, насыщенные кровью.

А в е л ь

Не думай обо мне; пока не поздно,
Готовь другую жертву для сожженья.

К а и н

Я больше жертв не буду приносить
И не стерплю...

А в е л ь
(*встает с колен*)

Брат! Что ты хочешь делать?

К а и н

Низвергнуть в прах угодника небес,
Участника в твоих молитвах низких —
Твой жертвенник, залитый кровью агнцев,
Вскормленных и вспоенных для закланья.

А в е л ь
(удерживая Каина)

Не прибавляй безбожных дел к безбожным
Словам. Не тронь алтарь: он освящен
Божественной отрадою Иего́вы,
Его благоволением.

К а и н

Его!

Его отрадой! Так его отрада —
Чад алтарей, дымящихся от крови,
Страдания блеющих маток, муки
Их детищ, умиравших под твоим
Ножом благочестивым! Прочь с дороги!

А в е л ь

Брат, отступись! Ты им не завладеешь
Насильственно; но если ты намерен
Для новой жертвы взять его — возьми.

К а и н

Для жертвы?! Прочь, иль этой жертвой будет...

А в е л ь

Что ты сказал?

К а и н

Пусти! Пусти меня!
Твой бог до крови жаден, — берегись же:
Пусти меня, не то она прольется!

А в е л ь

А я во имя бога становлюсь
Меж алтарем священным и тобою:
Он господу угоден.

Каин

Если жизнью
Ты дорожишь,— уйди и не мешай мне.
Иначе я...

Авель

Бог мне дороже жизни.

Каин

(поражая Авеля в висок головней, которую схватил с жертвенника)

Так пусть она и будет жертвой богу!
Он любит кровь.

Авель
(падая)

Брат! Что ты сделал?!

Каин

Брат!

Авель

О боже сил! Прими мой дух смиренный
И отпусти убийце: он не ведал,
Что делает. Брат Каин, дай мне руку —
Дай руку мне... скажи несчастной Селле...

Каин

(после минутного оцепенения)

Дать руку?.. Руку?.. В чем моя рука?
(Медленно озирается после долгого молчания.)
Где я? Один! Где Авель? Каин, где ты?
Возможно ли, что Каин — я? Проснись,
Встань, брат! Скажи, зачем ты лег на землю?
Теперь не ночь... И отчего ты бледен?
Брат, что с тобой?.. Ты был еще сегодня
Так полон жизни! Авель, не шути,—
Прошу тебя. Удар мой был ужасен,
Но он ведь не смертелен... Ах, зачем
Ты шел ему навстречу? Я ударил,
Но ведь ударил только! О, я знаю,—
Ты хочешь напугать меня! Вздохни,

Пошевелись,— хоть раз пошевелись!
Вот так... вот так... Ты дышишь! Брат! Дыши!
О боже мой!

А в е л ь
(едва слышно)

Кто здесь вызывает к богу?

К а и н
Убийца твой.

А в е л ь
Пусть бог ему отпустит.
Брат, не забудь о Селле; у нее
Брат — только ты.
(Умирает.)

К а и н
А у меня нет брата!..
Но он глядит! Так он не мертв? Ведь смерть
Подобна сну, а сон смыкает очи..
Вот и уста открыты — значит, дышат?
Но нет, они не дышат!.. Сердце, сердце,—
Послушаю, не бьется ль сердце?.. Нет!
Так где же я? Во сне иль наяву,
В каком-то страшном мире? Все кружится
В глазах моих... А это что? Роса?
(Касается рукой лба, потом смотрит на нее.)
Нет, не роса! Нет, это кровь — кровь брата,
И эта кровь — мной пролита! — На что же
Мне жизнь теперь, когда я отнял жизнь,
Исторгнул дух из столь родной мне плоти?
Но он не мертв! Смерть разве есть молчанье?
Нет, встанет он,— я буду ждать, я буду
Стеречь его. Ведь жизнь не столь ничтожна,
Чтоб так легко угаснуть. И давно ли
Он говорил?.. Скажу ему... Но что?
Брат!.. Нет, не так — он мне не ответит
На этот зов: брат не убил бы брата..
И все-таки... И все-таки — хоть слово!
Хоть только звук из милых уст, чтоб я
Мог выносить звук собственного слова!

Входит Селла.

Селла

Я слышу стон,— кто стонет здесь? Вон Каин,
Вон Авель распростертый... Каин, что ты
Здесь делаешь? Он задремал? О небо!
Он бледен, он... Нет, то не кровь! Откуда
Возьмется кровь? Откуда? Авель, Авель!
Что это значит? Что с тобой?.. Не дышит,
Не движется: рука скользит, как камень,
Из рук моих! О бессердечный Каин!
Как мог ты не поспеть к нему на помощь?
Ты б отразил убийцу, ты могуч,
Ты должен был спасти его... Родитель!
Мать! Ада! где вы? В мире — Смерть!
(Убегает, призывая родителей.)

Каин

Да, смерть!

И это я, который ненавидел
Так страстно смерть, что даже мысль о смерти
Всю жизнь мне отравила,— это я
Смерть в мир призвал, чтоб собственного брата
Толкнуть в ее холодные объятия!
Я наконец проснулся,— обезумил
Меня мой сон,— а он уж не проснется!

Входят Адам, Ева, Ада и Селла.

Адам

Я прихожу на скорбный голос Селлы.
Что вижу я? Так это правда? Сын мой!
Вот, женщина, след змия!

Ева

О, молчи,

Молчи о нем: глубоко зубы змия
Впились мне в грудь! Мой ненаглядный Авель!..
Иего́ва! Наказанье превышает
Мои грехи!

Адам

Кто это сделал, Каин?

Ты был при нем,— скажи, кто это сделал?
Враждебный ли нам ангел, отступивший
От господя, иль дикий зверь лесной?

Е в а

Ах, в этой тьме, как молния, сверкает
Зловещий свет: вон головня, — смотрите.
Она в крови!

А д а м

Скажи хоть слово, Каин,
Скажи и убеди нас, что в несчастье
Мы не вдвойне несчастны.

А д а

Отвечай им,

Скажи, что *ты* невинен.

Е в а

Он виновен,

Теперь я это вижу; он поник
Преступной головой и закрывает
Свиренный взор кровавыми руками.

А д а

Мать, ты несправедлива... Каин, что же
Ты не рассеешь страшных обвинений,
Сорвавшихся с уст матери в минуту
Безумных мук?

Е в а

Внемли мне, о Иегова!

Будь проклят он проклятием вечным змия!
Да будет он снедаем вечной скорбью,
Да будет...

А д а

Мать! Остановись, — он сын твой,
Он мой супруг, он брат мой...

Е в а

Он лишил

Тебя родного брата, Селлу — мужа,
Меня — родного сына. Будь же он
Навеки скрыт от глаз моих! Все узы
Я разрываю с ним, не пощадившим
Связь братских уз. О смерть! Не я ль ввела
Тебя в наш мир? Зачем же не *меня* ты
Взяла от мира?

А д а м

Ева! Ты доводишь
Свою печаль до ропота на бога.
Наш тяжкий рок был нам давно предсказан,
И вот сбылось реченное,— склоним же
Свою главу пред господом: да будет
Его святая воля!

Е в а

Не господь —
Нет, это он, вот этот призрак Смерти,
Которого на свет я породила,
Чтоб он усеял землю мертвецами,—
Поверг его! Да будут же над ним
Проклятья всех живущих, и в мученьях
Пусть он бежит в пустыню, как бежали
Из рая мы, пока родные дети
Не умертвят братоубийцу! Пусть
Горящими мечами херувимов
Преследуем он будет дни и ночи!
Пусть все плоды земные превратятся
В его устах во прах и пепел — змеи
Устелют все пути его,— листву,
Где он главу усталую преклонит,
Усеют скорпионы! Пусть он грезит
Во сне своею жертвой, наяву —
Зрит лишь одно — зловеший образ Смерти!
Пусть все ручьи, когда, стгорая жаждой,
Прильнет он к ним нечистыми устами,
Ручьями крови станут! Пусть стихии
Его врагами будут! Пусть живет он
В мучениях, в которых умирают,
А смерть ему пусть будет хуже смерти!
Сгинь с глаз, братоубийца! Этот звук
Отныне мир заменит словом *Каин*,
И будет ненавистен он вовеки
Для мириад сынов твоих. Пусть всюду,
Где ступишь ты, трава иссохнет! Пусть
Зеленый лес тебе откажет в сени,
Земля — в жилище, прах — в могиле, солнце —
В сиянии и небеса — в их боге!

(Уходит.)

А д а м

Иди от нас: мы жить не можем вместе.
Иди! Оставь усопшего — отныне
Я одинок — мы не должны встречаться.

А д а

Отец, будь милосерд! Не прибавляй
К проклятиям Евы нового проклятия!

А д а м

Я не клянусь. Его проклятье — совесть.
Селла! Идем.

С е л л а

Мой долг — остаться здесь,
Над телом мужа.

А д а м

Мы сюда вернемся,
Дай лишь уйти тому, кто уготовал
Тебе твой долг ужасный.

С е л л а

Дай хоть раз
Поцеловать мне холодный прах и эти
Уста, навек остывшие. О Авель!

Уходят Адам и Селла.

А д а

Ты слышал, Каин: мы должны идти.
Я в путь уже готова, — остается
Нам взять детей. Я понесу Эноха,
Ты — девочку. Нам надо до заката
Найти ночлег, чтоб не идти пустыней
Под кровом тьмы. Но ты молчишь, не хочешь
Ответить мне — твоей супруге, Аде?

К а и н

Оставь меня.

А д а

Но ты оставлен всеми!

Каин

И ты оставь. Ты разве не страшишься
Жить с Каином, с убийцей?

Ада

Я страшусь

Лишь одного — с тобой разлуки. Трепет
Внушает мне твой тяжкий грех, но мне ли
Судить его? Судья — всевышний.

Голос

Каин!

Ада

Ты слышишь голос?

Голос

Каин! Каин!

Ада

Слышишь?

То голос ангела.

Входит ангел господень.

Ангел

Где брат твой, Авель?

Каин

Я разве сторож Авеля?

Ангел

О Каин!

Что сделал ты? Глас неповинной крови
Ко господу взывает. Проклят ты
Отныне всей землею, что отверзла
Свои уста, чтоб эту кровь приять.
За тяжкий труд она тебе отныне
Не даст плода. Скитальцем бесприютным
Ты будешь жить отныне.

Ада

Он не в силах

Перенести такого наказания;

Вот ты изгнал его с лица земли,
И скроется он от лица господня,
Изгнанник и скиталец на земле,
И будет беззащитен: всякий встречный
Убьет его.

К а и н

О, если бы! Но кто
Убьет меня? Кто встретит на безлюдной,
Пустой земле?

А н г е л

Но ты — убийца брата:
Кто может защитить тебя от сына?

А д а

Будь милосерд, пресветлый! Как помыслить,
Что эта грудь скорбящая питает
Отцеубийцу лютого?

А н г е л

Он будет
Тогда лишь тем, чем был его отец.
Грудь Евы не питала ли в дни оны
Того, кто здесь теперь лежит во прахе?
Братоубийца может породить
Отцеубийц. Но этого не будет:
Мой бог велит мне положить печать
На Каина, чтоб он в своих скитаньях
Был невредим. Тому в семь раз воздастся,
Кто посягнет на Каина. Приблизься.

К а и н

Скажи, зачем?

А н г е л

Затем, чтоб заклеить
Твое чело, да огражден ты будешь
От рук убийц.

К а и н

Нет, лучше смерти!

А н г е л
(налагая клеймо на чело Каина)

Ты должен

И будешь жить.

К а и н

Мое чело пылает,
Но мозг горит сильнее во сто крат.

А н г е л

Строптив ты был и жёсток с дня рожденья,
Как почва, над которою отныне
Ты осужден трудиться; он же — кроток,
Как овцы стад, которые он пас.

К а и н

Я был зачат в дни первых слез о рае,
Когда отец еще скорбел о нем,
А мать была еще под властью змия.
Я сын греха; я не стремился к жизни,
Не сам создал свой темный дух; но если б
Я мог своею собственною жизнью
Дать жизнь ему... Ужели даже смерть
Не примет этой жертвы? Он восстанет,
Я буду мертв; он был угоден богу,
Так пусть он вновь воспримет жизнь, а я
Лишусь ее томительного ига!

А н г е л

Ты должен жить. Твой грех — неизгладимый.
Иди, исполни дни свои — и впредь
Не омрачай их новыми грехами.

(Исчезает.)

А д а

Он отошел. Пойдем и мы. Я слышу
Плач нашего малютки.

К а и н

О, малютка
Не знает сам, о чем он плачет; я же,
Проливший кровь, уж не могу лить слез,
Хотя всех рек Эдема не хватило б,

Чтоб смыть мой грех. Уверена ли ты,
Что от меня мой сын не отвернется?

А д а

Когда б не так, то я...

К а и н

Оставь угрозы,
Немало мы внимали им; иди,
Бери детей — я буду за тобою.

А д а

Я одного тебя здесь не оставлю.
Уйдем отсюда вместе.

К а и н

О безмолвный
И вечный обличитель! Ты, чья кровь
Весь мир мне затемняет! Я не знаю,
Что ты теперь; но если взор твой видит,
Чем стал твой брат, то ты простишь того,
Кому ни бог, ни собственное сердце
Уж не дадут забвения. Прощай!
Я не дерзну, не должен прикасаться
К тому, чем стал ты от руки моей.
Я, кто с тобой рожден одной утробой,
Одною грудью вскормлен, кто так часто
С любовью братской к сердцу прижимал
Тебя в дни нашей юности,— я больше
Тебя уж не увижу и не смею
Исполнить то, что должен был исполнить
Ты для меня — сложить твой прах в могилу
Изрытую для смертного впервые,
И кем же? Мной!.. Земля! Земля! За все,
Что ты мне даровала, я дарую
Тебе лишь труп!.. Теперь идем в пустыню.

А д а

(припадая к телу Авеля и целуя его)

Ужасною, безвременною смертью
Погиб ты, брат! Из всех, в слезах скорбящих,
Лишь я одна скрываю скорбь. Мой долг
Не проливать, но осушать те слезы,
И все ж никто так не скорбит, как Ада,

Не только о тебе, но и о том,
Кто твой убийца... Каин! Я готова
Делить твои скитания.

Каин

К востоку
Лежит нам путь. Там мертвый край, он больше
Пристоен мне.

Ада

Веди! Ты должен быть
Моим вождем отныне, и да будет
Твоим — наш бог. Идем, возьмем детей.

Каин

А он — он был бездетен. И навеки
Иссяк источник кроткий, что потомством
Украсить мог супружеское ложе
И умягчить сердца моих потомков,
Соединивши чад своих с моими.
О Авель, Авель!

Ада

Мир ему!

Каин

А мне?

Уходят.

1821

Ирландская аватара

Ирландия, как слон, которого бьют по
пяткам, становится на колени, чтобы при-
нять жалкого ездока.

Курран

Еще Брунсвика дочь не лежит в саркофаге,
Ее праха земля еще не приняла,
А Георг устремился в порыве отваги
К той стране, что ему, как невеста, мила!

Промелькнула короткая эра свободы
И померкла, как радуга, вспыхнув бледней,—
Средь столетий глухих лишь недолгие годы
Не давили ее, не глумились над ней.

Там, как прежде, ирландец-католик в оковах,
Еще замок стоит, нет парламента там,
Из страны угнетенной от скал известковых
Направляется голод к пустым берегам.

Там стоят эмигранты, свой дом покидая,
И на берег пустынный печально глядят:
Пусть была им тюрьмою земля их родная,
Но слезами невольно туманится взгляд.

Вот является он, королевский мессия,
Словно Левиафан, приплывает он вдруг;
Пусть готовит банкеты ему дорогие
Легион поваров, и лакеев, и слуг!

Пусть парады, балы королевской персоной,
Молодьясь, украшает румяный старик —
Если б только трилистник ирландский зеленый
С серой шляпы и в старое сердце проник!

Если б только весна юных чувств благородных
Расцвела в этом сердце, засохшем давно,
То твое раболепство торжеств всенародных,
Может, было б свободой тогда прощено.

То безумье иль низость? На лбу его много
И морщин и грехов. Он лишь глины комок,
Если б даже и был он подобием бога —
Раболепства такого снести б он не смог!

Вопль приветствий! И, спеси надменной в угоду,
Расточают ораторы льстивую речь,
Но твой Граттен не так говорил про свободу,
Возмущенье хотел он словами разжечь.

Самый лучший из лучших, был Граттен твой славен,
Так возвышен и прост и так скромн был он!
Демосфену был он красноречием равен
И в искусстве ораторском непревзойден.

Туллий был не один, Рим накапливал силы
Постепенно для роли своей мировой,
Но твой Граттен восстал, словно бог из могилы,
Средь веков как спаситель единственный твой!

Все сердца зажигал он огнем Прометея,
Кровожадных зверей укрощал, как Орфей.
Тирания пред ним содрогалась, немея,
И Продажность разил он сверканьем речей!

Но вернемся к рабам и тирану! Пусть внемлет
Торжеству и веселью средь Голода, Мук!
Только рабство ликует, свобода приемлет,
Если цепь на неделю ослабят ей вдруг,

В нищете жалким блеском дворец золотите!
(Так скрывает свое разоренье банкрот.)
Снизолел к тебе, Эрин, король, твой властитель,
Так целуй его ноги, не видя щедрот!

Иль вдруг дрогнут у идола ноги из глины
И свобода исторгнута будет в бою —
Ведь, как волки, всегда короли-властелины
Отдают лишь из страха добычу свою...

Любят хищники кровь, короли ж без изъятья
Любят царскую власть, раболепный восторг.
Оттого все они заслужили проклятья —
Грозный Цезарь и жалкий, презренный Георг!

Фингал, ленту носи! Прославляй же, О'Коннел,
Совершенства его!!! А презренье долой,
То ошибка была, и народ это понял,
И «да здравствует плут, государь молодой!».

Бедный Фингал, иль лентой своей ты оковы
Миллионов католиков скроешь от глаз?
Эрин, Эрин, сковать тебя крепче готовы
Те рабы, что поют ему гимны сейчас!

«Нужен дом королю!» — дань грошей твоих медных
Собирай с бедняков, чтоб восстал, наконец,
Над тюрьмою для нищих и домом для бедных
Вавилонскою башней высокий дворец!

Подавайте Вителлию яства когортой,
Пусть обжора по горло набьет пищевод!
Из глупцов-самодуров Георг он четвертый —
Так застольный хор пьяниц тирана зовет.

Пусть от блюд и столы подогнутся со стоном,
Стонет весь твой народ. Угощенье готовь!
Пусть же льются на пиршестве вина пред троном
Так, как льется народа ирландского кровь!

Идол твой не один! Рядом с ним восседая,
Появился и новый Сеян! Посмотри!
Все презреньем клеймят и клянут негодя,
Все смеются над ним. Это твой Кэстлери!

Это сын твой! Краснеть бы тебе и стыдиться!
Ведь родную страну заточил он в тюрьму,
А ты хочешь чудовищем этим гордиться,
За убийства улыбками платишь ему!

Нет в нем пылкости, мужества. Светлый твой гений
Не дал искры мерзавцу, всего он лишен,
И сама ты, Ирландия, в муках сомнений,—
Как ты вдруг породила такого, как он!

Если так — по пословице старой народной
Змей в Ирландии не порождает земля,—
Но смотри — ядовитой змеею холодной
Он, прогревшись, лежит на груди короля.

О Ирландия! Разве ты мучилась мало
И не падала низко на дно нищеты?
А теперь еще глубже ты в пропасть упала,
И с восторгом тирана приветствуешь ты!

Я за право твое поднимаю свой голос,
Как свободный, хочу, чтоб, свободу любя,
Ты с оружием против насилья боролась,
Трепет сердца последний отдам за тебя!

Ты сынов благородных растила в заботах,
Ты не родина мне, но тебя я люблю.
Я скорбел об ушедших твоих патриотах
И оплакивал их, но теперь не скорблю.

Шеридап твой, и Граттен, и Курран спокойно
Там лежат на чужбине английской вдали,
Но в боях красноречья они так достойно
Защищали свободу ирландской земли.

Крепок сон их в английских холодных могилах,
Гнет насилья на дальних родных берегах,
И рабы, что целуют оковы, не в силах
Осквернить их цепями нескованный прах!

Хоть сынов твоих доблесть страдает от гнета
И свобода чужда берегам их родным —
Есть возвышенное и есть пылкое что-то
У ирландцев в сердцах! Слава — мертвым твоим!

Если что и удержит меня от презренья
К шумным толпам народа, что жалок, и хмур,
И так рабски-покорно выносит гоненья, —
Это славный твой Граттен и гений твой Мур!

1821

Видение Суда

Написано Quevedo Redivivus в ответ на поэму под таким же заглавием автора «Уота Тайлера»

«Он Даниил второй, я повторяю». Спасибо, жид, что подсказал ты мне Сравнение такое.

Шекспир,
«Венецианский путеш», д. IV, сч. I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Говорят очень верно, что «один дурак порождает многих» (что глупость заразительна), а у Попа есть стих, где сказано, что «дураки вбегают туда, куда ангелы едва решаются вступить». Если бы м-р Саути не совался туда, куда не следует, куда он никогда до того не попадал и никогда более не попадет, нижеследующая поэма не была бы написана. Весьма возможно, что она не уступает его поэме, потому что хуже последней ничего не может быть по глупости, прирожденной или благоприобретенной. Грубая лесть, тупое бесстыдство, нетерпимость ренегата и безбожное лицемерие поэмы автора «Уота Тайлера» до того чудовищны, что достигают своего рода совершенства — как квинтэссенция всех свойств автора.

Вот все, что я могу сказать о самой поэме, и я прибавлю только несколько слов о предисловии к ней. В этом предисловии благородному лауреату угодно было нарисовать картину фантастической «сатанинской школы», на которую он обращает внимание представителей закона, прибавляя, таким образом, к своим другим лаврам притязания на лавры доносчика. Если где-нибудь, кроме его воображения, существует подобная школа, то разве он не достаточно защищен против нее своим крайним самомне-

нием? Но дело в том, что м-р Саути, как Скраб, заподозривает нескольких писателей в том, что они «говорили о нем, потому что они сильно смеялись».

Я, кажется, достаточно знаю большинство писателей, на которых он, по-видимому, намекает, чтобы утверждать, что каждый из них сделал больше добра своим ближним в любой год, чем м-р Саути навредил себе своими нелепостями за целую жизнь, а этим не мало сказано. Но я должен предложить еще несколько вопросов:

Во 1-х, действительно ли м-р Саути автор «Уота Тайлера»?

Во 2-х, получил ли он от Верховного судьи излюбленной им Англии отказ в законном удовлетворении за незаконное напечатание богохульственного и возмутительного сочинения?

В 3-х, не назвал ли его Вильям Смит открыто в парламенте «злым ренегатом»?

В 4-х, разве он не поэт-лауреат, хотя у него на совести есть такие стихи, как о цареубийце Мартине?

И в 5-х, соединяя все предшествовавшие пункты, как у него хватает совести обращать внимание закона на произведения других, каковы бы они ни были?

Я уже не говорю о гнусности такого поступка — она слишком очевидна, но хочу только коснуться причин, вызвавших его; они заключаются ни более и ни менее как в том, что его недавно слегка высмеяли в нескольких изданиях — так же как его прежде высмеивали в «*Anti-jacobin*» его теперешние покровители. Отсюда вся эта ерунда про «сатанинскую школу» и т. д.

Как бы то ни было, а это вполне на него похоже — «*qualis ab incepto*».

Если некоторые читатели найдут в нижеследующей поэме нечто оскорбительное для своих политических убеждений, то пусть они винят в этом м-ра Саути. Пиши он гексаметры, как он писал все другое, автору не было бы до этого никакого дела, если бы только он избрал другой сюжет. Но возведение в святые монарха, который — каковы бы ни были его семейные добродетели — не прославился никакими успехами и не был патриотом (несколько лет его царствования прошли в войнах с Америкой и с Ирландией, не говоря уже о его нападении на Францию) — это, как и всякое преувеличение, естественно, вызывает протест. Как бы о нем ни говорилось в этом новом «Видении», история не будет более благосклонна в своем суждении

о его государственной деятельности. Что касается его добродетелей в частной жизни (хотя и стоивших очень дорого народу), то они вне всякого сомнения.

Что касается неземных существ, выведенных в поэме, я могу сказать только, что знаю о них столько же, сколько и Роберт Саути, и, кроме того, я, как честный человек, имею больше права говорить о них. Я, кроме того, отнесся к ним с большей терпимостью. Манера жалкого помешанного лауреата творить суд в будущем мире такая же нелепая, как его собственные рассуждения в этой жизни. Если бы это не было абсолютно комично, то было бы еще хуже, чем глупо. Вот все, что можно сказать об этом.

Quevedo Redivivus

Р. С. Возможно, что некоторым читателям не понравится свобода, с которой святые, ангелы и духи разговаривают в этом «Видении». Но я могу указать на прецеденты в этом отношении, на «Путешествие в загробный мир» Фильдинга, на мои, Кеведо, «Видения» по-испански и в переводе. Пусть читатель обратит внимание и на то, что в поэме не обсуждаются никакие догматы и что личность Божества старательно скрыта от взоров, чего нельзя сказать про поэму лауреата. Он счел возможным приводить слова Верховного судьи, причем он говорит в поэме вовсе не как «школьный святой», а как весьма невежественный м-р Саути. Все действие происходит у меня за пределами небес, и я могу назвать, кроме уже названных вещей, еще «Женщину из Бата» Чосера, «Морганте Маджоре» Пульчи, «Сказку о бочке» Свифта в подтверждение того, что святые и т. д. могут разговаривать вполне свободно в произведениях, не претендующих на серьезность.

Q. R.

Мистер Саути, будучи, как он говорит, добрым христианином и человеком злопамятным, угрожает мне, по видимому, возражением на этот мой ответ. Нужно надеяться, что его духовидческие способности станут за это время более разумными, не то он опять впутается в новые дилеммы. Ренегаты-якобинцы дают, обыкновенно, богатый материал для возражений. Вот вам пример: м-р Саути очень хвалит некоего мистера Лэндора, известного в некоторых кружках своими латинскими стихами, и несколько времени тому назад поэт-лауреат посвятил ему стихи, превозносящие его поэму «Гебир». Кто бы мог предположить,

что в этом самом «Гебире» названный нами Сэведж Лэндор (таково его мрачное имя) ввергает в ад ни более ни менее как героя поэмы своего друга Саути, вознесенного лауреатом на небо, Георга III. И Сэведж умеет быть очень язвительным, когда пожелает. Вот его портрет нашего покойного милостивого монарха:

(Принц Гебир, сошедший в преисподнюю, обзревает вызванные по его просьбе тени его царственных предков и восклицает, обращаясь к сопровождающему его духу):

«— Скажи, кто этот негодяй здесь подле нас? Вот тот с белыми бровями и косым лбом, вот тот, который лежит связанный и дрожит, поднимая рев под занесенным над ним мечом? Как он попал в число моих предков? Я ненавижу деспотов, но трусов презираю. Неужели он был нашим соотечественником?— Увы, король, Иберия родила его, но при его рождении в знак проклятия пагубные ветры дули с северо-востока.— Так, значит, он был воином и не боялся богов?— Гебир, он боялся демонов, а не богов, хотя им поклонялся лицемерно каждый день. Он не был воином, но тысячи жизней разбросаны были им, как камни при метании из пращи. А что касается жестокости его и безумных прихотей — о, безумие человечества! К нему взывали и ему поклонялись!..» («Gebir», p. 28.)

Я не привожу нескольких других поучительных мест из Лэндора, потому что хочу набросить на них покров с позволения его серьезного, но несколько необдуманного поклонника. Могу только сказать, что учителя «высоких нравственных истин» могут очутиться иногда в странном обществе.

ВИДЕНИЕ СУДА

I

Апостол Петр сидел у райских врат.
Его ключи порядком заржавели:
Уж много дней и много лет подряд
Дремал святой привратник от безделья.
Ведь с якобинской эры только ад
Пополнился: все грешники летели
Туда,— а у чертей — я сам слышал! —
Был, как матросы говорят, аврал!

II

Хор ангелов, нестройный, как всегда,
Томясь от скуки, пел довольно вяло:
Немногого им стоило труда
Луну и солнце подвинтить устало
И присмотреть — а вдруг сбежит звезда
Или комета — жеребенок шалый —
Хвостом планету бойко раздробит,
Как лодку на волнах игривый кит.

III

И серафимы удалились ввысь,
Решив, что мир не стоит попеченья;
Никем дела земные не велись,
Лишь ангел-летописец в огорченье
Следил, как быстро беды развелись
В подлунном мире: ведь при всем раченье,
На перья оба выщипав крыла,
Он отставал в записыванье зла.

IV

Работы накопилось свыше сил,
Хоть бедный ангел продолжал трудиться
Как смертный стряпчий: он тщеславен был
И опасался должности лишиться;
Но наконец устал он и решил
К своим властям небесным обратиться
За помощью — и получил от них
Шесть ангелов и дюжину святых.

V

Немалый штат, но дела всем хватало:
Так много царств сменилось и систем,
Так много колесниц прогрохотало,
Да каждый день убитых тысяч семь!
Но Ватерло резпею небывалой
И мерзостной внушило ужас всем,
И, описав великое сражение,
Все пошвыряли перья в отвращенье.

VI

А впрочем, я писать ведь не хотел
О том, чего и ангелы боятся:
От адской гекатомбы мертвых тел
Сам дьявол содрогнулся, может статься,
Хоть он и нож точил для этих дел,
Но пужно к чести сатаны признать,
Великих он не восхвалял совсем,
Поскольку точно знал им цену всем,

VII

Перевернем же несколько страниц
Недолгого бессмысленного мира:
Не стало меньше трупов и гробниц,
Не стали лучше скипетр и порфира,
Герои шли и повергались ниц,
И громоздились новые кумиры,
Как чудища «о десяти рогах»,
В пророчествах внушающие страх.

VIII

На рубеже Второй Зари Свобод
Георг скончался. Не был он тираном,
Но был тиранам друг. Из года в год
Его рассудок заплывал туманом.
Властитель, разоряющий народ
И благосклонный к мирным поселянам,
Он мертв. Оставил подданных своих
Полупомешанных, полуслепых.

IX

Он умер. Смерть не вызвала смятенья,
Но похороны вызвали парад:
Здесь бархат был, и медь, и словопренья,
И покупного плача маскарад,
И покупных элегий приношенье
(На рынке и они в цене стоят!),
А также факелы, плащи и шпаги,
Регалии готической отваги.

X

И мелодрама слажена. Едва ль
В густой толпе глазеющих болванов
Кто помышлял о мертвом: вся печаль
Была от черных платьев и султанов.
Покойника немногим было жаль,
Хотя гремело много барабанов,
Но адскою казалось чепухой
Зарыть так много золота с трухой!

XI

Итак: да станет прахом это тело,
Землей, водой и воздухом опять —
Свершить сей путь оно б скорей успело,
Не будь порядка трупы умащать:
Бальзамы, примененные умело,
Ему мешают мирно догнивать,
По существу же эти ухищренья
Лишь удлиняют мерзость разложенья.

XII

Он умер. С ним покончил этот свет.
Осталась только надпись на гробнице
Да завещанье, но юриста нет,
Который спорить дерзостно решится
С наследником: он папенькин портрет
И лишь одним не может похвалиться
С почившим патриархом наравне:
Любовью к злой, уродливой жене.

XIII

«Господь, храни нам короля!» Признаюсь,
Он очень бережлив, храня таких.
А впрочем, я сказать не собираюсь,
Что лучше преисподняя для них.
Пожалуй, я один еще пытаюсь
Исправить зло для мертвых и живых:
Мне хочется, презрев чертей ругательства,
Умерить адское законодательство.

XIV

Я знаю — это ересь и порок,
Я знаю — я достоин отлученья,
Я знаю катехизис, знаю прок
Доктрине христианского ученья;
Старательно я вызубрил урок:
«Одна лишь *наша* церковь — путь к спасенью,
А сотнями церквей и синагог
Чертовски неудачно выбран бог!»

XV

О боже! Всех ты можешь защитить —
Спаси мою беспомощную душу!
Ее ведь черту легче залучить,
Чем лесой рыбку вытащить на сушу
Иль мяснику за час преобразить
Ягненка в освежеванную тушу,
А впрочем, обречен любой из нас
Кому-то пищей стать в урочный час!

XVI

Апостол Петр дремал у райских врат...
Вдруг странный шум прервал его дремоту:
Поток огня, свистящий вихрь и град —
Ну, словом, рев великого чего-то.
Тут не святой ударил бы в набат,
Но наш апостол, подавив зевоту,
Привстал и только молвил, оглядываясь:
«Поди, опять звезда разорвалась!»

XVII

Но херувим его похлопал дланью,
Вздохнул апостол, потирая нос.
«Святой привратник! — молвил дух.—
Воспрями!»
И помахал крылом. Оно зажглось,
Как хвост павлина, как зари сиянье.
Апостолу вздремнуть не удалось.
«Ну! — молвил он.— В чем дело, непонятно?!
Не Сатану ли к нам несет обратно?»

XVIII

«Георг скончался Третий!» — дух изрек.
«Георг? Я что-то плохо разумею...
А кто Георг? что Третье? невдомек!»
«Король английский, говоря точнее...»
«А целой ли он голову сберег,
А то один тут был с обрубком шеи,
И никогда б не быть ему в раю,
Не тычь он всем нам голову свою!

XIX

Он, помнится, король французский был
И для башки, которая короны
Не удержала, дерзостно просил
Венца блаженных у господня трона!
Да я бы сам такую отрубил,
Как уши я рубал во время оно!
Но, не имея доброго меча,
Ключом я саданул его сплеча.

XX

И тут он поднял безголовый вой,—
Святые все сбежались, пожалели!
Теперь он с этой самой головой
И в мученики выйдет, в самом деле!
Запанибрата с Павлом, точно свой
Воссел он, где достойные воссели!
Проныра Павел! Впрочем, что он нам?!
Мы цену знаем всем его чинам!

XXI

Не так бы это дело обстояло,
Будь голова у короля цела,—
Святых, понятно, жалость обуяла,
Она-то вот ему и помогла:
Ведь милость божья заново спаяла
Башку его и тело! Ох, дела!
Зачем-то исправляем мы от века
Все мудрое в деяньях человека!»

XXII

«Святой! — заметил ангел. — Брось ворчать!
Король пока при голове остался,
Куда и как ее употреблять —
Он толком никогда не разбирался.
В руках, умевших нити направлять,
Марионеткой праздной он болтался
И будет здесь, как прочие, судим,
А наше дело — молча поглядим!»

XXIII

Тем временем крылатый караван
Пространство рассекал с великой силой,
Как лебедь волны рек полдневных стран,
Ну, скажем, Ганга, Инда или Нила,
А то и Темзы. Страхом обуян,
Летел среди крылатых старец хилый,
У райских врат, полет окончив свой,
На облако присел он чуть живой.

XXIV

Меж тем иной какой-то Дух могучий
Над светлым войском расправлял смелей
Свои крыла, как грозовые тучи
Над щепами разбитых кораблей.
Он был как вихрь, метнувшийся над кручей,
И помыслы, один другого злей
Отметили чело его немое,
И взор его пространство полнил тьмою.

XXV

Он так непримиримо поглядел
На вход навеки для него закрытый,
Что Петр и тот порядком оробел:
Он был старик угрюмый и сердитый,
А тут от страха даже пропотел,
Не зная, у кого искать защиты.
(Но , впрочем, пот сей был святой елей
Или иной состав — еще светлей!)

XXVI

И ангелы тревожным роем сбились,
Как птички, чуя коршуна: у них
Все перышки дрожали и светились,
Как Орион на небесах ночных.
Хотя они достойно обходились
С Георгом, но старик совсем притих:
Быть может, даже позабыл он с горя,
Что ангелы всегда и всюду — тори!

XXVII

Все на мгновенье замерло. Но вот
Врата сверкнули вдруг и распахнулись,
Лучи с недостигаемых высот
Планеты нашей крохотной коснулись,
Как пламя заливая небосвод,
И северным сияньем изогнулись,
Тем самым, что во льдах полярных стран
Увидел Пэрри — храбрый капитан!

XXVIII

И по небу разлился, полыхая,
 Прекрасный и могучий райский свет,
 Как знамя славы, радостно сверкая
 Величием торжествующих побед.
 (Сравненьями я тому обедняю,
 Зане сему земных подобию нет:
 Не всем дано провидеть столь пространно,
 Как Саути Боб иль Сауткот Иоанна!)

XXIX

То был архангел Михаил; из нас
 Любой легко признает Михаила:
 Воспеты и описаны не раз
 Князь ангелов и вождь нечистой силы.
 В церквах — для наших слабых смертных

глаз —

Бесплотные светлы и многокрылы,
 Но какова их подлинная суть,
 Пускай другой решает кто-нибудь.

XXX

В сиянье славы, славою творимой,
 Стоял архангел, благостью храним,
 И юные склонились херувимы
 И дряхлые святые перед ним.
 (О старости я говорю лишь мнимой
 И юность не приписываю им:
 С Петром в сравненье, говоря точнее,
 Они не то что *младше*, а *нежнее*!)

XXXI

Так иерарха всех небесных сил
 Встречали все святые, величая,
 Затем что он из первых первый был
 Наместник Бога для земли и рая,
 Но даже тени чванства не таил
 В душе своей небесной, твердо зная,
 Что, как его ни чтим и ни поем, —
 Он остается вице-королем!

XXXII

Он и угрюмый молчаливый Дух
Взглянули друг на друга — и узнали...
Непримиримый враг, минувший друг?
О чем они бесплотно вспоминали?
Но в лицах их мелькнули тени вдруг
Бессмертной, гордой, выпренней печали
О том, что им навеки суждена
В пространстве сфер упорная война.

XXXIII

Но здесь была нейтральная граница —
Из Иова к тому ж известно нам,
Что трижды в год и Дьявол не боится
Являться светлым ангельским чинам.
Тогда уж не приходится скупиться
На вежливость обеим сторонам:
Я б вам привел любезный их диалог,
Да времени, признаться, слишком мало.

XXXIV

И дело, разумеется не в том,
Чтоб доказать в цитатах из Писанья,
Что Иов — аллегория. Притом,
Быть может, это просто описание
Весьма реальных фактов. Мы берем
Лишь самые прямые указания:
Они ясны и — верьте или нет —
Не менее ясны, чем прочий бред!

XXXV

Итак — на почве, в сущности, нейтральной
Они сошлись, где роковой порог,
Там смерть отбор проводит inferнальный
Бесплотных конвоируя в острог.
Они не лобызались, натурально,
Но каждый был любезен сколько мог:
В изысканной учтивости, казалось,
С Их Светлостью Их Мрачность состязалась.

XXXVI

Архангел, поклонившись, изогнулся,
Но не жеманно, как дешевый фат:
Своей груди изящно он коснулся,
Где сердце смертных бьется, говорят.
Но Сатана лишь гордо улыбнулся:
Он был со старым другом суховат,
Как нищий гранд прославленного рода
С богатым выскочкой простой породы.

XXXVII

Он, поклонившись дьявольски-надменно,
Сказал, спокойно выступив вперед,
Что Судия небесный несомненно
Георга в преисподнюю пошлет:
Немало там правителей почтенных,
От коих меньше пострадал народ,
Мостящих ад, как видно из преданий,
Обломками «прекрасных начинаний».

XXXVIII

«Чего ты хочешь, — начал Михаил, —
От этого несчастного создания?
Какие он деянья совершил,
И совершал ли в жизни он деянья?
Насколько плохо правил он и жил,
Открыто изложи всему собранью:
Докажешь обвинения — грешник твой,
А если нет — его не беспокой!»

XXXIX

«Да, Михаил! — ответил Дьявол. — Да!
У врат того, кому ты служишь верно,
Я заявляю, что пришел сюда
За подданным: он чтит меня всемерно,
Пока носил корону. Не беда,
Что он не знал вина и прочей скверны,
Но с той минуты, как воссел на трон,
Мне одному в угоду правил он!

XL

Взгляни на нашу землю — хоть верней,
Мою! Увы, давно не торжествую
 Над бедною планетой: все на ней
 Влачат убого жизнь свою пустую.
 Сказать по правде — кроме королей
 Едва ли кто такую кару злую
 Несет за дело! И властитель твой
 Напрасно блещет славой огневой!

XLI

Мне данники земные короли.
 Попытки переделать их бесплодны:
 Высокие властители земли
 Настолько мне усердны и угодны,
 Что мы давно к решению пришли
 Им предоставить действовать свободно:
 Их небеса к добру не преклонят
 И к худшему не переменит ад!

XLII

Взгляни на нашу землю, повторяю:
 Когда сей червь бессильный и слепой
 Вступил на трон, правленье начиная,
 И он и мир имели вид иной:
 Его своим владыкой величая,
 В покое мирном радости земной
 Хранили острова его по праву
 Родной уклад и добрых предков нравы.

XLIII

Взгляни, какой, покинув жизнь и власть,
 Оставил он страну свою? Сначала
 Он подданных любимцу отдал в пасть,
 Потом его стяжанье обуяло,
 Порок убогих, эта злая страсть,
 Презренных душ сгубившая немало.
 В Америке свободу он душил
 И с Францией не лучше поступил!

XLIV

Он, правда, был орудием в руках,
 Но, согласись, хороший мастер вправе
 Его швырнуть в огонь; во всех веках,
 С тех пор, как смертными монархи правят,
 В кровавых списках грязи и греха,
 Что всю породу цезарей бесславят,
 Другое мне правленье назови,
 Столь глубоко погрязшее в крови!

XLV

Ведь даже слов «свободный» и «свобода»
 Слепой король Георг не выносил:
 Из памяти народов и народа
 Искоренял он их по мере сил.
 Он правил долго, и за эти годы
 Всему и вся он горе причинил.
 Лишь тем он от собратий отличался,
 Что пьянством и развратом не прельщался.

XLVI

Был верным мужем, неплохим отцом —
 На троне, правда, хорошо и это,—
 Поститься за Лукулловым столом
 Трудней, чем за столом анахорета! —
 Но подданным его что пользы в том?
 Их стоны оставались без ответа!
 Один лишь гнет, жестокий, страшный гнет,
 Испытывал измученный народ.

XLVII

Его потряхнул недавно Новый Свет,
 Но Старый стонет под ярмом жестоким
 Ему подобных: где на тронах нет
 Преемников, в ком все его пороки
 Воскрешены? Лукавый дармояд
 И деспоты, забывшие уроки
 Истории,— пикто беды не ждет,
 Но пусть они трепещут: час придет!

XLVIII

Простые духом бережно хранили
Завет наивный праотцев своих:
Молились богу, но и вас любили,
Тебя, архангел, и тебя, старик.
Ужели все вы сердцем так остыли,
Что вас не ужасали стоны их,
Когда обрушил гнев несправедливый
На христиан король благочестивый?

XLIX

Он, правда, дал им право Бога чтить,
Но отказал в законе и защите,
Лишая их того, чего лишить
Неверного и то не захотите...»
Тут Петр вскочил: «Нет! Этому не быть! —
Вскричал он. — Прочь виновного ведите!
Скорей пускай я буду проклят сам,
Чем в божий рай пробраться Гвельфу дам!

L

За Цербера скорее стану я,
Хоть труд его не синекура тоже,
Чем допущу в надзвездные края
Ханжу и нечестивца с мерзкой рожей!..»
«Святой! — заметил Дьявол. — Страсть твоя
И правый гнев твой мне всего дороже!
А что до смены Цербера — изволь!
И *наш* годится на такую роль!»

LI

Тут Михаил вмешался: «Погодите!
Вы, Дьявол, да и вы, мой друг Святой!
Вы, добрый Петр, напрасно так шумите,
Вы, Сатана, порыв его простой
Из снисхожденья к пылкости простите!
И праведник забудется порой
В разгаре споров. Попрошу собрание
Прослушать очевидцев показанья!»

LII

Знак подал Дьявол. Дрогнул эмпирей
И, силе магнетической послушен,
Зажегся искрой, молнии быстрей,
Скопления туч разрядами наруша.
От залпа inferнальных батарей
Вселенский гром потряс моря и сушу.
(Как пишет Мильтон — этот род войпы
Важнейшее открытие Сатаны!)

LIII

И это был сигнал для тех несчастных,
Которым привилегия дана
Перемещаться всюду, ежечасно,
Презрев пространства, грани, времена.
Они порядкам ада не подвластны
И к месту не прикованы — одна
Владеет ими страсть к передвижению,
Но кара их от этого не менее.

LIV

Они гордятся этим. Ну и что ж?
Приятен всякий символ благородный:
Как ключ, блестящий из-под фалд вельмож,
Как ффранкмасонов символ ныне модный.
Набор моих сравнений не хорош:
Я — праха сын, как стих мой, с прахом
сходный!
Мне духи высших сфер должны простить:
Ведь, право же, я их умею чтить!

LV

Итак: был дан сигнал из рая в ад,
А расстояние это подлиннее,
Чем от земли до солнца. Говорят,
Исчислили уж те, кто нас умнее,
С какою быстротой лучи летят
От солнца к нам, чтоб сделалось светлее
И в лондонском тумане, где с утра
Блестят на зданьях только флюгера.

LVI

Итак: пошло не более мгновенья
 На это все. Признаться мы должны:
 У солнечных лучей поменьше рвенья,
 Чем у гонцов надежных Сатаны:
 При первом состязанье, без сомненья,
 Окажутся они побеждены:
 Где света луч годами мчится к цели,
 Там Дьяволу не нужно и недели!

LVII

В просторе сфер с пятак величиной
 Явилось как бы пятнышко сначала
 (Я видел нечто сходное весной
 В Эгейском море пред началом шквала),—
 Оно меняло быстро контур свой,
 Как некий бот, несущийся к причалу,
 Или «несомый»? Сомневаюсь я
 И в знании грамматики, друзья!

LVIII

Оно росло по мере приближенья
 И очень скоро в тучу разрослось.
 (И саранчи подобного скопленья
 Мне наблюдать еще не довелось.)
 Затмили свет мятущиеся тени,
 Как крик гусей стенанье их неслось...
 (Но, уподобив их гусиным стаям,
 Мы нации гусям уподобляем!)

LIX

Здесь крепкими словами проклинал
 Джон Буль свою же тупость, как обычно,
 «Спаси Христос!» — ирландец бормотал,
 Французский дух ругался неприлично.
 (Как именно — я скромно умолчал:
 Извозчикам такая брань привычна!)
 Но голос Джонатана все покрыл:
 «Эге! Наш президент набрался сил!»

LX

Здесь были и испанцы, и датчане,
 Тьма-тьмущая встревоженных теней;
 Голландцы были тут и таитяне,
 Они смыкались кругом все тесней,
 Готовя сотни тысяч показаний
 И на Георга, и на королей
 Ему подобных, за свои деянья,
 Как вы и я, достойных наказанья.

LXI

Архангел побледнел: ведь побледнеть
 Порой способен и архангел даже,
 Потом он стал искриться и блестеть,
 Как солнца луч сквозь кружево витражей
 В готическом аббатстве или медь
 Военных труб и пестрые плюмажи,
 Как свежая форель, как вешний сад,
 Как зори, как павлин, как плад-парад.

LXII

Потом он обратился к Сатане:
 «Зачем же, друг мой,— ибо я считаю,
 Что вы отнюдь не личный недруг мне,
 Идейная вражда у нас большая,
 Не будем вспоминать, по чьей вине,
 Но я вас и ценю, и уважаю,
 И, видя ваши промахи подчас,
 Я огорчаюсь искренно за вас!

LXIII

Да, дорогой мой Люцифер! К чему ж
 Излишество такое обвинений?
 Я разумел совсем не толпы душ,
 А парочку корректных заявлений!
 Ведь их вполне достаточно! К тому ж
 На разбирательство судебных прений
 Я не хочу растрачивать — ей-ей! —
 Бессмертия и вечности своей!»

LXIV

«Что ж! — молвил Сатана. — Не споря с вами,
 Пожалуй, я готов его отдать;
 Я получил бы с меньшими трудами
 Гораздо лучших душ десятков пять.
 Я только для проформы, между нами,
 Хотел монарха бриттов оттягать:
 У нас в аду — и Бог про это знает —
 И без него уж королей хватает!»

LXV

Так молвил Демон, коего зовет
 Многострочивый Саути «многоликим».
 Вздохнул архангел: «Стоит ли хлопот
 Возиться с этим сборищем великим?
 Пускай любой свидетель подойдет
 И скажет, чем не угодил старик им!»
 «Отлично! — молвил Сатана. — Ну что ж?
 А вот Джек Уилкс — он, кажется, хорош!..»

LXVI

И пучеглазый бритт, весьма забавный,
 Довольно бойко выступил вперед;
 Он был одет с опрятностью исправной —
 Ведь наряжаться любит весь народ
 На том и этом свете; благонравный
 Адам — родоначальник наших мод,
 А скромный фиговый листочек Евы
 Прообраз юбки, как согласны все вы!

LXVII

Дух, обратясь ко всем, сказал: «Друзья!
 На небесах у них холодновато
 И ветрено. Боюсь простуды я!
 Скорее к делу! Почему, ребята,
 Вы собрались? Скажите не тая!
 Не выбирать ли в небо депутата?
 Так вот: пред вами я — чистейший бритт,
 Апостол Петр вам это подтвердит!»

LXVIII

«Сэр! — возразил архангел. — Это бренно!
 Дела мирские чужды нам сейчас:
 Задача наша более почтенна:
 Мы судим короля на этот раз!»
 «А! — молвил Джек. — Так эти джентльмены
 Крылатые, что окружают вас,
 Чай, ангелы?! А я и не заметил!
 А тот старик? Уж не Георг ли Третий?»

LXIX

«Да! — Михаил ответил. — Это он!
 Его судьбу решат его деянья.
 На небе с незапамятных времен
 И самый жалкий нищий в состоянии
 Судить великих!» — «Неплохой закон! —
 Заметил Джек. — Но я без предписанья
 И там, *под* солнцем смертных находясь,
 Все говорил, что думал, не таясь!»

LXX

«Так повтори *над* солнцем речи эти,
 Грехи Георга назови при всех!» —
 Сказал архангел, «Полно! — дух заметил. —
 Теперь его губить уж просто грех:
 В парламенте, когда он жил на свете,
 Его не раз я поднимал на смех,
 Что поминать былые недостатки:
 Ведь он — король, с него и взятки гладки!»

LXXI

Он, правда, был жесток и глуповат,
 Католиков казня миролюбивых,
 Но Бьют-наперсник в этом виноват
 И Грэфтон — автор книг благочестивых.
 Они уже давно в котлах кипят
 В аду, во власти дьяволов ретивых,
 А короля бы можно и простить, —
 Пускай в раю он будет, так и быть!»

LXXII

«Ты стал, Джек Уилкс, на склоне лет пигмеем! —
 Насмешливо заметил Сатана.—
 Привычка быть придворным и лакеем
 Тебе, однако, больше не нужна:
 Глупцом ли был Георг или злодеем —
 Он больше не король: одна цена
 Всем грешникам! Не подличай! Не надо!
 Теперь он только твой сосед по аду!

LXXIII

Я видел — ты уж вертишься и там,
 Прислуживая дьяволам сердитым,
 Когда они, рыча по пустякам,
 На сале лорда Фокса жарят Питта,
 Его ученика! Ты знаешь сам:
 Он был министр ретивый, даровитый,
 Одних проектов уйму написал:
 Ему я глотку ими затыкал!»

LXXIV

«Где Юниус?» — раздался чей-то крик.
 И все заволновались, всполошились,
 И шум такой неистовый возник,
 Что даже духи высшие смутились:
 Напор теней был яростен и дик,
 И все они толкались и теснились,
 Как газы в пузыре иль в животе...
 (Жаль, образ не на должной высоте!)

LXXV

И вот явился дух седой и хмурый,
 Не призрак, а своей же тени тень,
 То хохотал он дико, то, понурый,
 Он был печален, как осенний день,
 То вырастал он грозною фигурой,
 То становился низеньким, как пенёк,
 Его черты менялись непрестанно,
 А это было уж и вовсе странно.

LXXVI

Сам Дьявол озадачен был: и он
 Узнать сего пришельца затруднялся:
 Как непонятный бред, как дикий сон,
 Тревожный дух зловеще искажался,
 Иным он страшен был, иным — смешон,
 Иным он даже призраком казался
 Отца, иль брата, иль отца жены,
 Иль дяди с материнской стороны.

LXXVII

То рыцарем он мнился, то актером,
 То пастором, то графом, то судьей,
 Оратором, набобом, акушером,
 Ну, словом, от профессии любой
 В нем было что-то, он тревожным взором
 Являл изменчивость судьбы людской,
 Фантазмагорию довольно странную,
 О коей фантазировать не стану я.

LXXVIII

Его не успевали и назвать,
 Как он уже совсем другим являлся,
 Пожалуй, даже собственная мать,
 Когда он так мгновенно изменялся,
 Его бы не успела опознать;
 Француз, который выяснить пытался
 Железной Маски тайну, — даже тот
 Здесь всем догадкам потерял бы счет.

LXXIX

Порой, как Цербер, он являл собою
 «Трех джентльменов сразу — это стиль
 Творений миссис Малапроц, — порою,
 Как факел, виден был он на сто миль,
 Порой неясной расплывался мглою,
 Как в лондонском тумане дальний шпиль,
 И Барком он, и Туком притворялся,
 И многим сэром Фрэнсисом казался.

LXXX

Гипотезу имею я одну,
 Но помолчу о ней из опасенья,
 Что пэры мне вменят ее в вину
 Как дерзкое и вредное сужденье, —
 Но все-таки я на ухо шепну
 Тебе, читатель, это подозренье:
 Сей Юниус — НИКТО, — все дело в том, —
 Без рук писать умеющий фантом!

LXXXI

Мне возразят: «Да полно! Как же это,
 Чтобы писать без рук? В уме ли вы?»
 «Но пишут же и книги и памфлеты
 Пииты, не имея головы?
 Они, скрывая сей дефект от света,
 Находят и читателей, увы!
 Морщинясь, часто мнит свиная кожа,
 Что на чело мыслителя похожа!»

LXXXII

«Скажи нам, кто ты?» — молвил Михаил.
 «Мой псевдоним на титульной странице,
 Но если тайну я всю жизнь хранил,
 То вам признанья тоже не добиться!»
 «Так докажи нам то, в чем ты винил
 Георга? Или хочешь отступиться
 От слов своих?!» Но тень вскричала: «Нет!!!
 Теперь его черед держать ответ.

LXXXIII

Не защитят его от обвинений
 Ни мрамор мавзолеев, ни парча!»
 «Но нет ли все же преувеличений
 В памфлете, сочиненном сгоряча?
 Противники в разгаре словопрений,
 В пылу страстей порой разят сплеча...»
 «О да! Я ведал страсть, скрывать не стану:
 Любовь к отчизне, ненависть к тирану!

LXXXIV

Я все сказал. Пусть одного из нас
Постигнет кара! — молвил исступленно
Nominis Umbra — и пропал из глаз.
А Дьявол молвил: «Было бы резонно
Нам вызвать, как свидетелей, сейчас
И Франклина, и Джорджа Вашингтона,
И Тука самого...» — но тут возник
На небесах какой-то шум и крик.

LXXXV

Отчаянно работая локтями,
Явился черт пред сборищем теней
И пал во прах с помятыми крылами,
Полураздавлен ношею своей.
Вскричал архангел, засверкав, как пламя:
«Что ты принес, злосчастный Асмодей?!
Ведь он не мертв!» — «Я только жду приказа,—
Ответил черт,— и он подохнет сразу!

LXXXVI

Ведь как тяжел, проклятый ренегат,
Его таща, чуть не свихнул крыла я!
Как гири из свинца, на нем висят
Его труды — вся писанина злая!
Кропал он эту пакость, супостат,
Историю и Библию кромсая,
Когда над Скиддо ночью я летал
И свет в его окошке увидал.

LXXXVII

Историю придумал Сатана,
Но Библия — творенья Михаила!
Сообразил я, как страшна вина
Злосчастливого британского зоила,
Схватил его, пока его жена
За чайником куда-то уходила,
И вот мы оба перед вами тут,
Летел я меньше десяти минут!»

LXXXVIII

«А! — молвил Сатана.— Он мне знаком!
Давно ему пора сюда явиться...
Но он ведь глуп как пробка, и притом
Талантишком своим весьма гордится!
Мой милый Асмодей! С таким ослом
Совсем тебе не стоило возиться,
Ведь даже без доставки он бы сам
Сегодня или завтра прибыл к нам!

LXXXIX

Но, уж поскольку здесь он, пусть прочтет,
Что он писал...» — «Да можно ли такое?—
Воскликнул Асмодей.— Он, идиот,
Вообразил себя самым судьёю
Всех дел людских! Ведь он же чушь несет!
Он никому не даст теперь покоя!»
«Нет, пусть прочтет! — воскликнул Михаил.—
Послушаемте, что он сочинил!»

XC

Тут бард, счастливый, что нашел вниманье,
Которого не находил у нас,
Готовя рифмы к буре излиянья,
Прокашлялся, подготавливая глас,
Могучим рыком удивил собрание,
Но в первом же гекзаметре увяз,
В котором так подагра угнездилась,
Что ни одна стопа не шевелилась!

XCI

Он дактили пришпорил что есть сил,
Спасая стих свой неудобочтимый,
Но тут затрепетали тьмою крыл
И серафимы все, и херувимы,
И наконец поднялся Михаил:
«Помилуй, друг! Уже утомлены мы!
«Не радуется Гораций говорит,—
Non Di, non homines... плохой пиит!»

ХСII

И тут поднялся шум: не мудрено,
Что всем стихи внушали отвращенье:
Ведь ангелам наскучили давно
И славословия и песнопенья!
А бывшим смертным было бы смешно
Прийти от грубой лести в восхищенье,
Георг и тот воскликнул: «Генри Пай!
Лауреат! Довольно!!! Ай, ай, ай».

ХСIII

Гул рос и рос, зловеще свирепея,
От кашля сотрясался небосвод,
Так, изумлять риторикой умея,
Наш Кэстлери шумиху создает.
Кричали где-то: «Прочь! Долой лакея!»
В отчаянье от этаких невзгод
Бард бросился к Петру, ища защиты,
Петра ведь уважают все пииты!

ХСIV

Сей бард природой не был обделен:
Имел и острый взгляд, и нос горбатый,
На коршуна похож был, правда, он,
Но все же в этой хищности крылатой
Имелся стиль,— он был не так дурен,
Как стих его шершавый и щербатый,
Являвший все типичные черты
Холуйства и преступной клеветы.

ХСV

Вдруг затрубил архангел, заглушая
Невероятным шумом шум большой,—
И на земле метода есть такая:
Лишь раз дебаты окриком покрой —
И водворится тишина немая,
Смущаемая только воркотней.
Ну, словом, стихло все, и бард польщенный
Предался болтовне самовлюбленной.

ХСVI

Сказал он, что, не видя в том труда,
Писал он обо всем — писал немало,
Он хлеб насущный добывал всегда,
И лакомство ему перепадало;
Он мог бы перечислить без труда
Десятки од своих о чем попало:
О Тайлере, Бленгейме, Ватерло —
Ему ведь на издателей везло!

ХСVII

Он пел цареубийц и пел царей,
Он пел министров, королей и принцев,
Он пел республиканских главарей,
Но он же поносил и якобинцев,
Пантисофратом слыл из бунтарей,
Но он напоминал и проходимцев,
Всегда способных в нужный срок лиять
И убежденья с легкостью менять.

ХСVIII

Сраженья проклинал и пел сраженья,
Их славу восхваляя до небес,
Он защищал поэзии творенья
И нападал на них, как злобный бес,
Всем продавал он музу без стесненья,
Ко всем влиятельным в любимцы лез,
Стихов он написал немало белых,
Но мыслящий читатель не терпел их!

ХСIX

Вдруг к Сатане он обратился: «Я
Пишу и биографии на славу!
А вашу написать — мечта моя!
Два превосходных тома in octavo!
Все критики теперь мои друзья,
Читателей-святош я знаю нравы:
Вот только вас чуть-чуть порасспрошу —
И ваше житие я напишу!»

С

Но Сатана молчал. «Я понимаю! —
 Воскликнул бард:— Горды вы и скромны!
 Тогда я вам, архангел, предлагаю
 Мой бескорыстный труд за полцены!
 Я так вас расхвалю, что вы, сияя,
 Затмите все небесные чины!
 Как та труба, которой без усилий
 Вы медь моих литавров заглушили!

СИ

Но вот мое творенье! Вот «Виденье»!
 Вот — справочник: кого и как судить!
 Вы можете теперь свои сужденья
 О всех и вся бездумно выносить!
 Я, как король Альфонс, без затрудненья
 И богу мог бы дело облегчить
 Советами: ведь ясновидцы все мы,
 Легко решаем сложные проблемы!»

СИ

И тут он важно рукопись извлек —
 Старались тщетно черти и святые
 Остановить неистовый поток:
 Их доводов не слушал наш вития!
 Но сонм теней уж после первых строк
 Исчез, как пар, лишь запахи густые
 Амброзии и серы после них
 Стояли долго в небесах пустых.

СИИ

Все ангелы захлопали крылами,
 Заткнули уши и умчались ввысь,
 Все черти, оглушенные стихами,
 В геенну, завывая, унеслись,
 Все души смертных робкими тенями
 В туманности внезапно расплылись,
 Дрожа от страха, а у Михаила
 И затрубить-то духу не хватило.

CIV

Тогда апостол Петр ключом взмахнул:
 Он после пятой строчки разъярился
 И так пиита нашего толкнул,
 Что тот, как Фазтон, с небес свалился,
 Но в озере своем не утонул,
 А за венок лавровый ухватился!
 Но зреет в мире буря! Дайте срок:
 Смерч вольности сорвет с него венок!

CV

Что утонуть не мог он от паденья,
 Пожалуй, объяснить не мудрено:
 Всплывает на поверхность, к сожалению,
 Вся грязь и мерзость — так заведено!
 И сор и пробки — все несет теченье
 Реки времен. Писака все равно
 «Видения» кропать не перестанет:
 Беда, беда, коль бес ханжою станёт!

CVI

Но чем же этот гам и суетня
 Закончились? Я ныне слаб глазами:
 Нет больше телескопа у меня,
 И трудно мне следить за небесами.
 Однако наш Георг, уверен я,
 Пробрался в рай: выводит он с друзьями
 (Для этого не надобно ума!)
 Теперь рулады сотого псалма!

1821

РЕЧЬ В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ
ПО ПОВОДУ БИЛЛЯ О СТАНКАХ
ФЕВРАЛЯ 27-го ДНЯ 1812 ГОДА

После того, как был оглашен порядок дня второго чтения билля, лорд Байрон поднялся с места и (впервые) обратился к присутствующим лордам с нижеследующей речью:

Милорды!

Хотя вопрос, предлагаемый ныне впервые вниманию ваших светлостей, является новостью для палаты, он отнюдь не новость для нашей страны. Не сомневаюсь, что над ним серьезно призадумывались очень и очень многие еще задолго до того, как он был представлен на рассмотрение сего законодательного органа, который один только своим вмешательством и может оказать в данном случае действительную помощь. В качестве лица, до некоторой степени связанного с пострадавшим графством, но почти неизвестного ни палате, ни ее отдельным членам, внимание коих я позволяю себе затруднить, я вынужден просить у вас снисхождения, милорды, беря на себя смелость высказать несколько соображений по вопросу, который, признаюсь, глубоко беспокоит меня самого.

Входить в обсуждение подробностей происходящих бунтов было бы совершенно излишним; палате хорошо известно, что все самые грубые нарушения закона, кроме кровопролития, уже имели место, что владельцы станков,

ненавистных бунтовщикам, и все лица, так или иначе связанные с ними, подверглись оскорблениям и насилиям. За то недолгое время, что я провел в Ноттингэмпшире, не проходило дня без нового акта насилия, и в самый день моего отъезда мне сообщили, что накануне вечером было сломано еще сорок станков и при этом, как всегда, не было оказано никакого сопротивления, а виновные не были обнаружены.

Таково было положение в графстве в самое недавнее время, и у меня есть все основания полагать, что таково же оно и сейчас. Однако, поскольку мы безусловно вынуждены признать, что насилия эти дошли ныне до таких пределов, что не могут не вызывать истинной тревоги, столь же неоспоримо и то, что возникли они в результате исключительно бедственных обстоятельств: упорство, которое эти несчастные люди проявляют в своих злонамеренных действиях, со всей очевидностью показывает, что ничто, кроме самой беспросветной нужды, не могло довести эту большую и до сего времени честную и трудолюбивую массу людей до такого неслыханного бесчинства, столь опасного для них самих, для их семей и для всей общины. В то время, о котором идет речь, город и графство несли на себе тяжкое бремя крупных военных постоев, полиция была поднята на ноги, суды заседали по всей округе, — однако все эти усилия как военных, так и гражданских властей не привели ровно ни к чему. Не было ни одного случая ареста, когда виновный был бы действительно захвачен на месте преступления или взят на основании законных улик, достаточных для его осуждения. Однако, несмотря на всю тщетность усилий, полиция отнюдь не бездействовала: она обнаружила несколько закоренелых преступников, которые на основании самых неопровержимых улик признаны были виновными в тягчайшем преступлении — в бедности; гнусная вина этих людей заключалась в том, что они законным образом произвели на свет детей, которых они — по милости нашего времени — не в силах были прокормить.

Владельцам усовершенствованных станков нанесен большой ущерб. Машины эти были для них выгодным преимуществом, ибо они избавляли их от необходимости держать значительное количество рабочих, которые теперь обречены на голодную смерть. Есть, в частности, один такой станок, на котором один-единственный рабочий может выполнять работу нескольких человек, а тех, что оказы-

ваются лишними, просто выкидывают вон. Однако следует заметить, что изделия, производимые подобным образом, значительно ниже по своему качеству и не годятся для сбыта на отечественном рынке, они сделаны кое-как, наспех, в расчете на вывоз. На языке ремесленников такая работа получила название «паучьей нитки». Вместо того чтобы радоваться подобным усовершенствованиям в своем ремесле, столь благодетельным для человечества, ремесленники, вышвырнутые с работы, сочли себя, в темноте своего невежества, принесенными в жертву сим усовершенствованным машинам. В своем невинном простосердечии они вообразили, что сохранить жизнь и достаток многим трудолюбивым беднякам гораздо важнее, чем позволить разбогатеть нескольким лицам при помощи каких-то усовершенствованных машин, которые выбрасывают рабочих на улицу и обесценивают труд честного труженика. И действительно, следует признать, что, в то время как увеличение машинного производства при том состоянии торговли, которым некогда по праву гордилась наша страна, могло быть выгодно для владельца мастерских, не нанося ущерба его рабочим, при нынешнем положении вещей, когда громадные запасы наших изделий гнивают на складах и никаких перспектив вывезти их из страны нет, когда спрос на труд и на рабочих сильно понизился,—станки подобного рода будут только умножать нищету и возмущение этих доведенных до отчаяния страдальцев. Однако истинная причина бедствий и возникших на этой почве беспорядков на самом деле кроется еще глубже. Когда нам говорят, что эти люди стакнулись для того, чтобы своими руками уничтожить собственное благополучие и — более того — даже и самые средства к существованию, можем ли мы забыть о той жестокой политике, о разорительной войне последних восемнадцати лет, которая разрушила их благополучие, ваше благополучие, благополучие решительно всех людей в нашей стране. Эта политика, начало коей положили «мужи великие, которых нет уж боле», пережила умерших и стала проклятием живых вплоть до третьего и четвертого колена! Никогда до сих пор эти люди не разрушали своих станков, пока они не стали для них бесполезными, хуже чем бесполезными, пока они не превратились для них в истинное препятствие, о которое разбивались все их усилия зарабатывать себе кусок хлеба. И можете ли вы удивляться, что в наше время, когда банкротства, мошенничества

и чуть ли не преступления обнаружены в кругу не столь отдаленном от круга ваших светлостей,— самый низший, но вместе с тем некогда и самый полезный слой народа забывает долг свой под бременем своих бедствий: и становится разве что немного менее преступным, чем иные из его высоких представителей? Но в то время как высокопоставленный преступник без труда находит средства обойти закон, мы считаем своим долгом изобретать новые казни, новые смертоносные капканы, дабы погубить несчастного ремесленника, которого голод заставил сбиться с пути. Эти люди рады были копать землю, но лопата была в чужих руках, они не стыдились просить подаяния, но ни одна душа не помогла им. Их собственные средства к существованию отняты у них, все прочие виды заработка захвачены другими, и, сколь ни прискорбны для нас, сколь ни заслуживают осуждения их безумства, вряд ли они могут являться для нас чем-то неожиданным.

Нам заявляют, что лица, коим станки были доверены во временное пользование, сами потворствовали их разрушению; если бы сие было подтверждено и доказано следствием, этих главных пособников преступления следовало бы покарать в первую очередь.

Однако я надеялся, что, какие бы мероприятия ни были предложены правительством его величества на утверждение ваших светлостей, они в основном будут носить примирительный характер; если же это ни к чему не приведет — будет признано необходимым тщательно расследовать, всесторонне обсудить случившееся; я отнюдь не предполагал, что мы созваны сюда для того, чтобы безо всякого разбирательства и без всяких оснований выносить решения огулом и вслепую подписывать смертные приговоры. Но допустим даже, что эти люди не имели решительно никаких причин для недовольства, что все их жалобы, равно как и жалобы их хозяев, одинаково вздорны и что они поистине заслуживают самого худшего,— какое неумение, какая тупость были проявлены при выборе средств для их вразумления! Зачем было на потеху всем пригонять отряды войск и какой, собственно, был смысл в том, что их туда пригнали? Насколько допускает различие во временах года, это было поистине сущей пародией на летние маневры майора Стэрджена. И, сказать по совести, все усилия и старания как гражданских, так и военных властей в точности напоминали старания мэра и муниципалитета Гаррета. Что за марши и контрмарши!

Из Ноттингема в Булвелл, из Булвелла в Бенфорд, из Бенфорда в Мэнсфилд! А когда наконец эти военные отряды торжественно добирались до места своего назначения, во всей пышности и славе и со всеми подобающими церемониями «великого победного похода», они поспевали как раз вовремя, чтобы узреть воочию уже свершившееся преступление, удостовериться в исчезновении преступников и захватить в качестве военных трофеев обломки расколотых станков, после чего они маршировали обратно на свои квартиры под насмешливые выкрики старух и гиканье мальчишек. Но если в свободной стране и естественно желать, чтобы армия наша не внушала чрезмерного страха — по крайней мере, хоть нам самим, — я никак не могу понять, какая цель достигается тем, чтобы ставить ее в такое положение, в котором она неизбежно оказывается всеобщим посмешищем. Нет худшего довода, как хвататься за меч, и посему к этому должно прибегать как к самому последнему средству. На сей раз его пустили в ход первым, и счастье наше, что пока еще в ножнах; однако меры, которые нам сейчас предлагают, заставят его обнажиться. А между тем если бы мы собрались своевременно, едва только начались эти беспорядки, внимательно рассмотрели и обсудили бы жалобы этих людей, равно как и их хозяев — ибо и у тех тоже были свои жалобы, — я убежден, что можно было бы изыскать средства вернуть этих ремесленников к их занятиям и водворить спокойствие в графстве. Теперь же на графство обрушилось двойное бедствие — постой праздных солдат и обезумевшее от голода население. В каком же бесчувственном равнодушии пребывали мы доньше, если только сейчас впервые палате официально стало известно об этих беспорядках! Ведь все это разыгрывается в каких-нибудь ста тридцати милях от Лондона! А мы тем временем «беспечно ликовали, гордясь, что множится величье наше», мы сидели себе спокойно и радовались нашим триумфам за границей, не подозревая о свалившемся на нас отечественном бедствии. Но все города, завоеванные вами, все армии, которые обратили в бегство ваши полководцы, все это едва ли может радовать вас, если страна ваша потрясена внутренним раздором и вам приходится посылать ваших драгун и ваших палачей против ваших собственных сограждан.

Вы называете этих людей чернью, разнузданной, невежественной, опасной толпой черни, и считаете, по-ви-

димому, что единственное средство усмирить *bellua multorum capitem*¹ — это отрубить ему несколько лишних голов! Но даже и толпу черни скорее можно вразумить уговорами и твердостью, нежели вызывая в ней еще большее озлобление усиленными карами. А помним ли мы, сколь многим мы обязаны этой черни? Это та самая чернь, которая возделывает ваши поля, прислуживает вам дома, из нее составляются ваши флот и армия. Это она позволила вам бесстрашно бросить вызов всему миру — и она способна бросить вызов и вам самим, если ваше небрежение и проистекающие из него бедствия доведут ее до отчаяния. Вы можете называть свой народ чернью, но не забудьте, сколь часто голос черни выражает чувства народа. И еще я считаю своим долгом заметить, с какой готовностью спешите вы всегда на выручку вашим пострадавшим союзникам, тогда как своих страдальцев вы предоставляете заботам провидения или — прихода. Когда португальцы во время отступления французских войск подверглись разорению, не было человека, который не протянул бы им руку помощи, каждый давал сколько мог, и все эти давания, все, что было собрано — от щедрот богача до лепты вдовицы, — все было отдано им, дабы они получили возможность заново выстроить свои деревни и наполнить свои амбары. А ныне, когда тысячи ваших соотечественников, сбившихся с пути, но гонимых бедствиями, изнемогают в борьбе с лютой нуждой и голодом, ваше милосердие, столь широко простертое вами за пределами родной страны, — казалось бы, ему сейчас самое время достойным образом завершиться у себя дома! Гораздо меньшая сумма, десятая доля того, что было отдано Португалии, позволила бы вам даже и в том случае, если людей этих невозможно вернуть к их труду (чему я никак не могу поверить без надлежащего расследования дела!), избавить их от кроткого милосердия штыка и виселицы. Но, несомненно, наши чужеземные друзья столь настоятельно нуждаются в нашей помощи, что облегчить нужду у себя дома не предвидится никакой возможности, хотя более вопиющей необходимости в этом еще никогда не бывало. Я посетил места военных действий в Испании и Португалии, побывал в самых угнетенных провинциях Турции, но нигде, даже под игом самой деспотичной, некрещеной державы, я не видел

¹ Многоголовое чудовище (лат.).

столь безысходной, столь отчаянной нужды, какую я обнаружил, вернувшись к себе на родину — в самое сердце христианской страны. А какими же мерами вы пытаетесь помочь этому? После нескольких месяцев полного бездействия и еще нескольких месяцев таких действий, которые похуже всякого бездействия, наконец предлагается великое, превосходное, безошибочное средство, которое со времен Дракона и по сие время является излюбленной панацеей всех государственных лекарей. Пощупали пульс, покачали головой и, прописав больному обычный курс лечения — теплую водичку и кровопускание, теплую водичку вашей мягкосердной полиции и ланцеты ваших солдат, вы объявляете, что судороги эти должны окончиться смертью; таково безошибочное действие всех рецептов ваших политических Санградо. Но, не говоря уже о явной несправедливости и совершенной бесполезности нового билля, неужели вам все еще мало статей, карающих смертной казнью, в вашем своде законов? Или все еще мало крови на ваших кодексах? И надобно проливать ее еще и еще, дабы она возопила к небу и обличила вас? И как же думаете вы ввести в действие этот билль? Можете ли вы упрятать целое графство в его тюрьмы? Или вы поставите виселицы на каждом поле и повесите на них людей вместо пугал? Или — как-никак ведь придется же вам привести в исполнение этот закон — вы будете отправлять на казнь каждого десятого, объявите военное положение в графстве, обезлюдите и опустошите все кругом? И присоедините в качестве достойного дара к владениям его величества Шервудский лес во всей его прежней дикости, дабы он, как некогда, стал местом королевской охоты и убежищем объявленных вне закона? Но что все эти меры для обреченного на голодную смерть и отчаявшегося населения? Неужели умирающий с голоду бедняк, не испугавшийся ваших штыков, испугается ваших виселиц! Если смерть для него облегчение — а, по видимому, это единственное облегчение, которое вы можете ему предложить, — можно ли усмирить его угрозами? Или то, чего не могли добиться ваши гренадеры, сумеют довершить ваши палачи? Но если вы хотите идти по стезе закона, где же свидетели ваши? Те, что отказались выдать своих сообщников под угрозой каторги, вряд ли польстятся свидетельствовать против них ныне, когда им угрожает смертная казнь. При всем моем глубоком почтении к благороднейшим лордам, сидящим против меня,

осмеливаюсь думать, что даже и они, после беглого рассмотрения дела и небольшого расследования, вынуждены будут отказаться от своих намерений. Наше излюбленное государственное правило, столь чудодейственно оправдавшее себя в самых различных и еще совсем недавних обстоятельствах, — медлительность, — было бы нам весьма бесполезно и ныне.

Когда у нас вносится законопроект о предоставлении каких-либо свобод либо об отмене ограничений — вы колеблетесь, вы совещаетесь на протяжении многих лет, вы медлите, стараетесь переубедить, вы действуете внушением, но вот закон о смертной казни должно провести мигом, на скорую руку, нимало не задумываясь о последствиях. Исходя из того, что я слышал, и того, что я видел собственными глазами, я могу с уверенностью сказать, что принять этот билль при существующих обстоятельствах, без предварительного расследования, без обсуждения — это значит усугубить возмущение несправедливостью и к небрежению прибавить еще и варварство. Составители этого билля могут гордиться тем, что унаследуют славу того афинского законодателя, чьи законы, как говорят, написаны были не чернилами, а кровью.

Но допустим даже, что закон этот прошел. Представим себе одного из этих людей, такого, каких я видел там, — изможденного голодом, отупевшего от отчаяния, проклинающего жизнь свою, которую вы, милорды, изволите распенивать едва ли не дешевле вязального станка, — представим себе этого человека, окруженного детьми, которым он, выброшенный на произвол судьбы, не в состоянии больше добыть куска хлеба... И вот его навсегда отрывают от семьи, которую он еще недавно поддерживал своим мирным трудом, а если теперь он этого больше не может делать, так не по своей вине, и этого человека — а таких будет десятки тысяч, из коих вы сможете выбирать ваши жертвы, — потащат в суд и будут судить за это первое правонарушение по новому закону. И все же, для того чтобы признать его виновным и осудить его на смерть, потребуются еще две вещи: это, по моему мнению, — двенадцать палачей на скамье присяжных и сам Джеффрис в кресле судьи!

ОБРАЩЕНИЕ К НЕАПОЛИТАНСКИМ ПОВСТАНЦАМ

Англичанин, друг свободы, будучи осведомлен, что неаполитанцы разрешают и чужеземцам помогать доброму делу, просит оказать ему великую честь и принять от него тысячу лудиров, каковые он берет на себя смелость предложить. Имея возможность только что собственными глазами наблюдать деспотизм, проявляемый варварами в захваченных ими областях Италии, он с энтузиазмом, естественным для цивилизованного человека, смотрит на благородную решимость неаполитанцев отстоять завоеванную ими независимость. Как член английской палаты пэров, он был бы изменником тем принципам, в силу коих царствующая фамилия Англии взошла на трон английский, когда бы не чувствовал благодарности за великий урок, преподанный недавно как народам, так и королям. Лепта, которую он хотел бы внести, невелика, какой всегда является лепта отдельного человека целой стране, но он надеется, что она будет не последней из тех, что страна эта получит от его соотечественников. Удаленность его от границы и сознание собственной неспособности оказаться полезным на службе у государства не позволяют ему предложить себя в качестве лица, достойного хотя бы самого скромного назначения, требующего, однако, опыта и таланта. Но если в качестве

простого добровольца он своим присутствием не окажется лишним бременем для того, кто будет им командовать, он готов явиться в любой указанный неаполитанским правительством пункт, дабы подчиняться приказаниям своего командира, преодолевать вместе с ним любые опасности, не ставя перед собой никакой иной цели, как разделить судьбу доблестного народа, защищающего себя от так называемого «Священного союза» — союза тирании и ханжества.

1820

КОММЕНТАРИИ

ПАРИЗИНА

Поэма написана осенью 1815 г., впервые опубликована в феврале 1816 г. Посвящена одному из близких друзей Байрона Скромпу Бердмору Дэвису (1783—1852).

ВСТУПЛЕНИЕ

Гиббон Эдуард (1737—1794) — английский историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи». Здесь Байрон называет другой его труд *«Antiquities of the House of Brunswick»*.

Альфьери Витторио (1749—1803) — выдающийся итальянский поэт и драматург, создатель итальянской национальной трагедии классицизма.

Шиллер Фридрих (1759—1805) — великий немецкий писатель.

Никколо III, маркиз д'Эсте (1384—1441) — представитель древнего рода феодалов Италии, с IX в. правившего в Ферраре.

Паризина Малатеста — вторая жена Никколо III.

Строфа I. Текст первой строфы поэмы был впервые опубликован в апреле 1815 г. в музыкальном сборнике «Избранные иудейские мелодии, древние и современные». Тетрадь I. Положен на музыку композиторами И. Брэгомом и И. Натаном. Кроме того, включен в серию стихотворений Байрона, названных им «Еврейские мелодии», и опубликован также в 1815 г. в первом четырехтомном Собрании сочинений Байрона (том 4).

II. Несколько иной вариант текста второй строфы под названием «Франциска» был положен на музыку композиторами И. Брэгемом и И. Натаном и включен во вторую тетрадь музыкального сборника «Избранные иудейские мелодии, древние и современные», опубликованного в 1816 г.

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

Поэма написана в деревне Уши близ Лозанны, где Байрон и Шелли, посетившие 26 июня 1816 г. Шильонский замок, задержались из-за плохой погоды на два дня. Создана, по-видимому, между 27—29 июня, окончательный вариант закончен к 10 июля 1816 г.

Опубликована 5 декабря 1816 г. отдельным изданием, вместе с семью другими стихотворениями Байрона.

СОНЕТ ШИЛЬОНУ

Шильон — Шильонский замок, расположенный на Женевском озере между Клараном и Вильневом. Возведен в XII—XIII вв.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Боннивар — Франсуа Боннивар (1493—1570 ?) Детали биографии исторического Боннивара несколько отличаются от приведенных Байроном. В частности, два его брата не были заточены одновременно с ним в замок.

Сейсель — небольшой городок в Верхней Савойе.

Турин — главный город Пьемонта (Италия).

Герцог Савойский — Карл X (1486—1553), представитель Савойской династии герцогов, с 1416 до 1720 г. правивших в Италии.

Фрибург (точнее, Фрибур) — центр кантона Фрибур в Швейцарии.

Юра — горная цепь во Франции и Швейцарии.

Жан Сенебьер (1742—1809) — швейцарский натуралист, долгое время работал библиотекарем в Женевской библиотеке, написал ряд справок по истории страны, в частности, «Histoire Littéraire de Genève» (1786).

МАНФРЕД

Первый и второй акты драматической поэмы «Манфред» были написаны в период 17 сентября — 5 октября 1816 г. в Швейцарии, во время и непосредственно после путешествия Байрона по Берн-

ским Альпам. Над третьим актом Байрон работал уже в Италии с февраля до первых чисел мая 1817 г. Поэма издана 16 июня 1817 г.

ЭПИГРАФ

В качестве эпиграфа приведены строки из «Гамлета» В. Шекспира (акт I, сцена 5).

АКТ ПЕРВЫЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Ознакомившись с точкой зрения Гете, считавшего, что Байрон создал драматическую поэму «Манфред» под воздействием его «Фауста» (журнал «Искусство и древность»), Байрон писал издателю Дж. Марри 7 июня 1820 г.: «...Штаубах [водопад] и Юнгфрау и еще кое-что, а не «Фауст» побудили меня написать «Манфреда». Первая сцена его, однако, очень похожа на первую сцену «Фауста».

Бессмертный дух, наследье Прометей...— У Байрона: «Разум, бессмертный дух, наследье Прометей...»

В час, когда молчит волна...— Нижеследующие семь строф подлинника под названием «Заклинание» были опубликованы в 1816 г. в сборнике: «Шильонский узник» и другие стихотворения. В примечании Байрон сообщал: «Это стихотворение — Хор в неопубликованной волшебной драме, которая была начата несколько лет назад».

В переводе И. Бунина опущена третья строфа байроновского текста:

Лишь пройду незримо я,
Внемлет вмиг душа твоя
Некой тайны властной весть,
Что с тобой была и есть;
Темным ужасом объят,
Если глянешь ты назад —
Изумишься: нет меня,
Точно тени в блеске дня,
И моих влияний гнет
В сердце тайною войдет.

(Перевод Г. Шенгели)

АКТ ПЕРВЫЙ. СЦЕНА ВТОРАЯ

Мать Земля! Ты, юная денница, вы, о горы...— Мысль, выраженная в строках 88—91 «Скованного Прометей» Эсхила, близка этому монологу Манфреда. 12 октября 1817 г. Байрон подтверждал в письме к издателю: «Прометей» всегда так занимал мои мысли, что мне легко представить себе его влияние на все, что я написал».

Так некогда пал Розенберг...— 2 сентября 1806 г., вследствие продолжительных дождей, гора Россберг (у юго-восточного берега озера Цуг) частично обрушилась. Под огромным обвалом были погребены четыре деревни и многочисленные стада.

АКТ ВТОРОЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

...я б не взял бессмертной славы Телля...— Вильгельм Телль — герой швейцарской народной легенды «Сказание о стрелке» (XIV в.), в которой отражена борьба швейцарцев против тирании Габсбургов (Австрия).

АКТ ВТОРОЙ. СЦЕНА ВТОРАЯ

...радуга сияет // В потоке всеми красками небес...— В применении к этим строкам Байрон уточняет: «Это радужное сияние образуется солнечными лучами над нижней частью альпийских водопадов; совершенно так, будто радуга спустилась на землю и находится настолько близко, что вы можете войти в нее; это явление держится до полудня».

...как чародей, что вызвал // В Гадаре Антэроса и Эроса...— Чародеем Байрон называет здесь древнегреческого философа, математика и медика Ямблиха (IV в.), который, по рассказу историка Евнапия (род. в 347 г. н. э.), будто бы вызвал заклинаниями Эроса и Антэроса (бога взаимной любви) из двух источников близ сирийского города Гадара, названных именами этих богов.

...волшебнице Эндора // Ответил дух пророка...— По библейскому сказанию, волшебница, жившая в Эндоре, по просьбе царя Саула вызвала призрак царя Самуила, который предрек ему гибель и истребление рода.

...Клеоники // Ответила спартанскому царю, // Что ждет его...— По Плутарху, спартанский царь и полководец Павсаний убил в Византии молодую аристократку Клеонику, приняв ее в ночной тьме за вторгшегося в его спальню врага. Преследуемый призраком погибшей, Павсаний, с помощью жрецов, вызвал дух Клеоники, который предсказал ему скорое освобождение от всех тревог, то есть смерть.

АКТ ВТОРОЙ. СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Ариман — по древнеперсидским преданиям, владыка демонов, сил ада, олицетворение зла и лжи.

Злодей венценосный.— Байрон имеет в виду Наполеона, после первого отречения сосланного на остров Эльбу, а после битвы при Ватерлоо и второго отречения — на остров Св. Елены.

...*Предатель, пират, снова будет он жить...*— Возможно, Байрон имеет в виду Томаса, лорда Кокрейна (1775—1860), обвиненного в 1814 г. в неблаговидных действиях.

...*Восстанавливала падшие престолы // И укрепляла близкие к паденью...*— Здесь Байрон говорит о торжестве европейской реакции и Священного союза после реставрации монархии во Франции.

...и чтоб никто из смертных // Не смел решать судьбу своих владык // И толковать спесиво о свободе...— Имея в виду казнь Людовика XVI во время французской революции, Байрон подразумевает также и «политику затыкания рта», получившую широкое распространение в годы Реставрации.

АКТ ВТОРОЙ. СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

В земле непогребенная — Астарта.— Астарта — воплощение чувственной любви. Культ этой богини ведет начало от древнешумерийской богини Иштар, но Байрон здесь имеет в виду не богиню, а женщину, некогда близкую Манфреду, носившую это имя.

АКТ ТРЕТИЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

...*золотые грезы о Калоне...*— Калон, в представлении древних греков, высшее благо, состояние покоя и удовлетворения.

Аббат святого Мориса.— Аббатство святого Мориса расположено в долине реки Роны близ города Вильнева в Швейцарии.

Когда несчастный Нерон...— У Байрона: «Когда шестой император Рима...» В примечании к этим строкам Байрон пишет о шестом римском императоре Отоне: «Отон, потерпев поражение в сражении при Брикселле, закололся. Плутарх говорит, что хотя он жил так же дурно, как Нерон, однако окончил свою жизнь как философ».

АКТ ТРЕТИЙ. СЦЕНА ТРЕТЬЯ

...*на Эйгере краснела // Точь-в-точь такая ж тучка...*— Эйгер (точнее, Большой Эйгер) — гора в Швейцарии к северо-востоку от Юнгфрау.

АКТ ТРЕТИЙ. СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

В строках *Не ты судья грехам!* и далее в переводе И. Бунина вместо «Бессмертный разум» дано «Бессмертный дух», а, в связи

с этим, после слов за добрые и злые помышленья опущены следующие строки, раскрывающие мысль Байрона о бессмертном разуме:

Он сам — родник и завершение зла
И с ним сроднен навеки; оболочку
Земную сбросив, чуждый зыбким краскам
Явлений мира бренного, он полон
Терзанья иль восторга, созерцая
Свои деянья...

(Перевод Г. Шенгели)

БЕППО

Поэма «Беппо» написана в период между 6 сентября — 12 октября 1817 г., полностью закончена 25 марта 1818 г. Впервые опубликована 28 февраля 1818 г. (95 строф). В пятом издании, вышедшем в свет 4 мая 1818 г., объем достиг 99 строф.

Строфа V. *...Что можно с местной Монмут-стрит унесть...* — На Монмут-стрит в Лондоне в XVIII в. были расположены главным образом лавки старьевщиков.

...словом «пьяцца» // *Лишь Ковент-Гарден вправе называться.* — Пьяцца — площадь (итал.). В Лондоне северную часть площади Ковент-Гарден часто называют «пьяцца» и поныне.

XI. *Тициан (1477—1576) и Джорджоне (1478—1510)* — великие итальянские художники Возрождения, творчество которых высоко ценил Байрон.

XII. *В дворце Манфрини есть его творенье...* — Имеется в виду картина Джорджоне «Семья художника».

XIV. *...Как меж Плеяд погасшая звезда.* — По древнегреческому мифу, Плеяды — семь сестер, дочерей Атланта, превращенных в звезды. Седьмая из них — Мeroпа, выйдя замуж за смертного, превратилась также в смертную и, стыдясь своей участи, часто прячется и не видна на небосклоне.

XV. *Гольдони Карло (1707—1793)* — выдающийся итальянский драматург.

XVI. *Скудо* — итальянская серебряная монета.

XX. *Риальто* — один из островов, на которых расположена Венеция. Здесь имеется в виду мост Понте-Риальто.

XXV. *Алеппо* — город в Сирии (ныне Халеб).

XLVI. *Рафаэль Санти (1483—1520)* — великий итальянский художник Возрождения.

Канова Антонио (1757—1822) — итальянский скульптор.

XLVIII. *Регент* — принц-регент Георг, с 1820 г. — английский король Георг IV.

LVIII. *Ридотто* — в Венеции зал для концертов и маскарадов.

Воксхолл — в XVIII в. увеселительный парк на южном берегу Темзы в Лондоне, с 1822 г. — Королевский парк.

LXVI. *Как духов Банко...* — Банко — действующее лицо в трагедии В. Шекспира «Макбет», которому являлись призраки.

LXVIII. *Вильберфорс* (точнее, Уилберфорс) Уильям (1759—1833) — английский политический деятель, ратовал за трезвость.

LXXII. «*Синие*» — участники вечерних приемов-встреч с видными представителями литературы, которые устраивались в некоторых лондонских домах в 80-х годах XVIII в., получивших название «клубов синих чулок», по-видимому, в связи с тем, что наиболее видный из участников этих приемов Стиллингфлит обыкновенно появлялся в синих чулках.

Бозерби. — Под этим именем Байрон вывел английского поэта Уильяма Сотби (1757—1833).

LXXVI. ...*Мур, и Скотт, и Роджерс...* — Мур Томас (1779—1852), Скотт Вальтер (1771—1832) и Роджерс Сэмюел (1763—1855) — английские писатели, современники и друзья Байрона.

XC. *Корфу* — остров в Ионическом море.

Полакка — торговое судно (и тал.).

XCVI. *Мыс Бон* — самая северная часть Туниса.

МАРИНО ФАЛЬЕРО, ДОЖ ВЕНЕЦИАНСКИЙ

Задуманная в 1817 г., при первом, по приезде Байрона в Венецию, посещении зала Совета во Дворце дожей, трагедия «Марино Фальеро» была начата лишь три года спустя, в 1820 г.

На рукописи трагедии рукой Байрона написано: «Начата 4 апреля 1820 г., закончена 16 июля, переписана к 16—17 августа 1820 г.».

Впервые опубликована 21 апреля 1821 г.

ЭПИГРАФ

В качестве эпиграфа взята строка из Горация — Od. III, с. III, l. 5.

Адриа — Адриатическое море.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Марино Сануто (точнее, Санудо) Младший (1466—1536) — итальянский историк и политический деятель.

...при осаде Зары...— Зара (точнее, Задар) — город на берегу Адриатического моря. В 1346 г. венецианские войска в битве при Заре наголову разбили венгерские части.

Алезия — город-крепость в древней Галлии. В 52 г. до н. э. был осажден Юлием Цезарем при подавлении восстания галлов. Жители города оказали упорное сопротивление.

...принца Евгения под Белградом.— 3 мая 1805 г. Венеция сдалась Австрии, и Евгений Богарне (1781—1824) — пасынок Наполеона, был назначен вице-королем Италии с титулом «принц Венеции». По-видимому, именно его имел в виду Байрон. Белград пал 18 августа 1817 г.

Капо д'Истрия (точнее, Каподистрия) — город близ Триеста на реке Истрия.

Подеста — в средние века высший сановник в итальянских городах.

Тревизо — город в Италии.

...получил в лен...— Лен — в средние века поместье, передававшееся сюзереном вассалу, при условии выполнения последним ряда повинностей.

Марка — старогерманское название пограничного округа с военным управлением.

Андреа Навагери (1483—1529) — итальянский политический деятель, поэт, оратор, родом из венецианской патрицианской семьи.

Морелли Джакомо (1745—1819) — итальянский историк и филолог.

Дарю Пьер Антуан Ноэль Брюно (1767—1829) — французский государственный деятель и литератор, автор «Истории венецианской республики» (1819).

Сисмонди Жан Шарль Леонар де (1773—1842) — французский экономист и историк. Здесь Байрон имеет в виду его труд «История итальянских республик в средние века», опубликованный в переводе на итальянский язык в 1818 г.

Ложье Мари-Антуан (1713—1769) — французский историк и литератор. Байрон упоминает его книгу «История Венецианской республики» (1759), вышедшую на итальянском языке в 1778 г.

Совет Сорока — высший правительственный совет Венецианской республики с правами чрезвычайного трибунала. Состоял исключительно из представителей венецианских патрициев.

Догаресса — жена дожа.

Мур Джон (1729—1802) — врач-хирург, посетил некоторые страны Европы. Занявшись литературой, написал ряд работ о жизни и нравах этих стран. Байрон упоминает его книгу «A view

of the Society and Manners of Italy» («Общий взгляд на общество и нравы Италии»), изданную в 1781 г.

...автор *«Зелуко»*.— Джон Мур написал этот роман в 1786 г.

...лестница *Гигантов*, где он был коронован, развенчан и обезглавлен...— Мраморная лестница, на которой Марино Фальеро давал присягу, а позже был обезглавлен, возведенная в 1340 г., позже была уничтожена, а фасад здания в 1484 г. перестроен.

Фано — небольшой порт на берегу Адриатического моря, близ Анконы.

Льюис Мэтью Грегори (1775—1818) — английский прозаик и драматург.

Вильям Друммонд (1770—1828) — английский государственный деятель, историк литературы, тори.

Иоанна Бэли (1762—1851) — шотландская поэтесса и драматург.

Милман Генри Гарт (1791—1868) — английский драматург, поэт.

Джон Вилсон (1785—1854) — шотландский поэт и драматург.

«Город чумы» («City of Plague») — драматическая поэма Вилсона, опубликована в 1816 г.

«Падение Иерусалима» («Fall of Jerusalem») — драматическая поэма Милмана.

Горас Уолпол (1717—1797) — английский политический деятель и писатель, положил начало так называемому готическому роману.

«Де-Монфор» — драма Бэли. Пользовалась большим успехом, в ней играли корифеи английской сцены — Сиддонс и Эдмунд Кин.

«Замок Отранто» («Castle of Otranto») — роман Г. Уолпола (1764).

«Таинственная мать» («Mysterious Mother») — трагедия Г. Уолпола (1768).

Израэль Бергуччо — персонаж трагедии Байрона «Марино Фальеро», личность историческая.

DRAMATIS PERSONAE

Дож — глава Венецианской или Генуэзской республик, выбиравшийся пожизненно.

Сенатор — член Сената, правительства Венецианской республики.

Совет Десяти — орган государственной власти в Венеции, осуществлял тайный надзор над всеми органами управления и должностными лицами.

Джунта — совет, собиравшийся в Венеции при чрезвычайных обстоятельствах.

АКТ ПЕРВЫЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Синьория — Малый Совет, или правительственная коллегия, принимавшая участие в формировании Сената.

АКТ ПЕРВЫЙ. СЦЕНА ВТОРАЯ

Авогадоры — государственные обвинители (в числе трех).

Сарацины — так называли в средние века арабов, а позже и турок.

Святой Марк — собор св. Марка — покровителя Венеции.

Гунн. — Здесь Байрон имеет в виду венгров.

Дандоло // Отверг венцы всех цезарей... — Дандоло Энрико — венецианский патриций; в 1192 г., в возрасте 85 лет, избран дожем Венеции. В 1204 г. возглавил штурм Византии, используя рыцарские войска Четвертого крестового похода, в результате которого город был захвачен и разграблен, а тем самым уничтожен сильнейший торговый конкурент Венеции. Дандоло отказался от предложенной ему крестоносцами византийской короны.

Гекатомба — В Древней Греции жертвоприношение из ста быков; здесь — массовое убийство.

...Как нас под Сапиенцей генуэзцы // Разбили... — 4 ноября 1354 г., в битве при Сапиенце, генуэзские войска нанесли поражение венецианцам.

...Нанес удар епископу в Тревизо... — Факт подтверждается историками.

...вовек не быть рабами // Разросшейся патрицианской гидры... — С течением времени все более ограничивался круг патрицианских семей Венеции, которые имели право активно участвовать в управлении республикой. Число семей, занесенных в «Золотую книгу», было сведено до нескольких десятков.

...вечная война // С далекой Генуей... — Генуэзская торговая республика, поддерживавшая Византию, долгое время вела борьбу с самым сильным своим конкурентом — Венецианской республикой. Лишь в 1380 г., в битве близ порта Кьоджа в Адриатическом море, венецианский флот окончательно разбил генуэзский.

Он с колокольни Марка грянет... — В колокола собора св. Марка звонили лишь по приказу дожа в самых чрезвычайных случаях.

«Колодцы» ваши и «свинцы»... — В тюрьме Сан Марко, соединенной Мостом вздохов с Дворцом дожей, были подземелья в виде колодцев, куда сбрасывали осужденных, некоторые же камеры

находились под крышей, покрытой свинцовыми листами, раскалявшимися под солнечными лучами.

Цезарь Гай Юлий (100—44 гг. до н. э.) — прославленный древнеримский полководец, пожизненный диктатор Рима.

Катилина Луций Сергей (108 — 62 гг. до н. э.) — политический деятель Древнего Рима. Заговор Катилины был организован против сенаторской олигархии в 63 г. до н. э. Раскрыт Марком Туллем Цицероном.

АКТ ВТОРОЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Алкид — Геракл.

АКТ ВТОРОЙ. СЦЕНА ВТОРАЯ

Сбир — полицейский агент.

Он с другом заслужили славу // Последних римлян.— Имеются в виду Брут и Кассий, боровшиеся против диктатуры Гая Юлия Цезаря и принимавшие участие в его убийстве. Когда в 42 г. до н. э. Кассий пал в битве, Брут, оплакивая его, назвал Кассия «последним римлянином».

...бежали предки от Аттилы // На илистые эти острова...— Многочисленные острова, на которых расположена Венеция, начали заселяться жителями Северной Италии (Аквилеи и Падуи) в V в., когда гунны под предводительством Аттилы завоевали Северную Италию.

АКТ ТРЕТИЙ. СЦЕНА ВТОРАЯ

Илоты — в древней Спарте земледельцы, принадлежавшие государству.

...Я правил Кипром и Родосом...— Байрон допустил неточность: Кипр до 1489 г., а Родос — до 1522 г. не принадлежали Венецианской республике.

Ты патриот, плебейский Гракх...— Братья Тиберий (162—133 гг. до н. э.) и Гай (153—121 гг. до н. э.) Гракхи — римские трибуны, начавшие борьбу за проведение ряда демократических и аграрных реформ в интересах свободных граждан Древнего Рима.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Лидо — песчаная коса вдоль Венецианской лагуны.

Риальто.— См. прим. в поэме «Беппо».

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ. СЦЕНА ВТОРАЯ

...сделать то, чем добыл // Бессмертие Тимолеон...— Тимолеон, полководец Коринфа (411—337 гг. до н. э.), убил своего брата Тимофана, стремившегося стать единоличным правителем Коринфа, освободил Сиракузы и другие города Сицилии от власти тиранов.

...Манлий, галлов сбросивший, был сам // С Тарпея свергнут...— Захватившие в V в. до н. э. долину реки По в Северной Италии кельтские племена (галлы), в IV в. до н. э. двинулись на юг и в 390 г. до н. э., после победы над объединенными силами римлян и этрусков, захватили и сожгли Рим, за исключением укрепленного Капитолия. Во время ночного штурма Капитолия римский патриций Марк Манлий первый преградил путь галлам. Позже, обвиненный в стремлении объявить себя царем, как государственный изменник был сброшен с Тарпейской скалы в Риме.

АКТ ПЯТЫЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Кьоцца — город в Италии, расположенный к югу от Венеции.

Гелон — тиран Сиракуз, древнегреческой колонии на острове Сицилия (V в. до н. э.), стяжал себе славу справедливого правителя, заботившегося о преуспевании народа.

Фразибул — афинский полководец (V—IV в. до н. э.), последовательный поборник демократии, избавивший Афины от олигархии «тридцати тиранов».

Люстр — пятилетие.

...Позор жены царей изгнал из Рима...— По преданию, древнеримский царь Тарквиний Гордый был изгнан из Рима в 509 г. до н. э., в связи с тем что его сын обесчестил жену одного из римских патрициев.

...Муж оскорбленный предал Клузий галлам...— По Титу Ливию, во время вторжения галлов в Рим (390 г. до н. э.) один из жителей города Клузиума, мстя за бесчестие своей жены, показал галлам путь в этот город.

...Бессгдыный жест Калигулу убил...— Калигула, император Рима (I в. н. э.), был убит заговорщиками, среди которых был начальник придворной гвардии Кассий Хереа, которого жестокий и развращенный Калигула постоянно непристойно оскорблял.

...Обида девы маврам отдала // Испанию...— Вестготский полководец Юлиан, оборонявший форпост Сеута в северо-западной Африке, вступил в 711 г. в союз с наместником арабского

халифа в Африке, чем способствовал внезапному вторжению арабов на Пиренейский полуостров. Некоторые историки объясняют его предательство желанием отомстить королю вестготов Родериху за бесчестие своей дочери Флоринды-Кавы.

Персеполь — город в древней Персиде.

АКТ ПЯТЫЙ. СЦЕНА ВТОРАЯ

«Буцентавр» — корабль, на котором венецианский дож ежегодно выезжал в море для совершения обряда «обручения» с Адриатикой и бросал при этом золотое кольцо в море.

...новые под свист народов рухнут // Тир, Карфаген, приморский Вавилон.— Тир — крепость и порт древней Финикии. В 332 г. до н. э. пал лишь после семимесячной осады войсками Александра Македонского. Карфаген — город, центр мощной державы, которая создала к III в. до н. э. самый усовершенствованный военный и торговый флот и на протяжении десятков лет являлась сильнейшим конкурентом Древнего Рима. Лишь после трех Пунических войн, в 146 г. до н. э. римские войска штурмом взяли город Карфаген, разрушили, сожгли и по развалинам, в знак проклятия, прошли плугом. Приморский Вавилон.— Здесь, по-видимому, имеется в виду Венеция, могущество которой в средние века было чрезвычайно велико.

АКТ ПЯТЫЙ. СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Агис — спартанский царь (III в. до н. э.), выдвинул программу радикальных реформ; погиб в борьбе с аристократами.

САРДАНАПАЛ

В конце рукописи трагедии «Сарданапал» Байрон пометил: «Равенна, 27 мая 1821 г. Начал драму 13 января 1821 г. Работал над первыми двумя актами очень медленно и с большими перерывами. Последние три акта создавались с 13 мая 1821 г. (т. е. в текущем месяце). Иначе говоря — за две недели».

Впервые опубликована в декабре 1821 г. вместе с «Двое Фоскари» и «Каином».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Диодор Сицилийский — древнегреческий историк (I в. до н. э.). Создавая свою «Историческую библиотеку», Диодор Сицилийский использовал труды историков более ранних времен (в частности Ктесия Книдского).

Сарданапал. — Под этим именем древним грекам был известен ассирийский царь Ашшурбанипал (669—627 гг. до н. э.). Веками утвердившиеся представления о нем как о развращенном, жестоком, окружавшем себя невероятной роскошью царе ныне значительно поколеблены в результате археологических раскопок: исторический Ашшурбанипал был смелым воином, прекрасным стрелком и наездником, тонким ценителем культуры, создавшим богатейшую Ниневийскую библиотеку.

Ниневия — столица древней Ассирии.

Ассирия — военно-рабовладельческое государство, в пору расцвета (VIII в. до н. э.) включала центральную и восточную часть Малой Азии, Двуречье, Сирию, Палестину и часть Египта.

Мидянин — житель Мидии, древнего царства на Иранском плоскогорье к западу от Вавилонии.

Халдея — княжества, расположенные на юге Двуречья.

АКТ ПЕРВЫЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Немрод (точнее, Нимрод) — по библейской легенде, основатель Вавилонского царства, заложивший города Вавилон, Аккад и др.

Семирамида — легендарная царица Ассирии. Исторический прототип — ассирийская царица Шаммурамат (809—806 гг. до н. э.).

АКТ ПЕРВЫЙ. СЦЕНА ВТОРАЯ

Сатрап — в странах Древнего Востока полномочный наместник царя в провинции.

Бактрия — страна Древнего Востока, расположенная в Средней Азии к северу от хребта Гиндукуш, населенная бактрийцами.

Бэл — в древности главное божество в пантеоне богов народов Двуречья.

Фригийцы — жители древней страны Фригии, занимавшей территорию между Лидией и Капподокией.

Пергам — древнегреческий город в Мизии на северо-западе Малой Азии. В период расцвета (III—II вв. до н. э.) — столица одноименного царства.

АКТ ТРЕТИЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Парфяне — древнеиранские племена, жившие в Парфии — северо-восточной части Иранского нагорья (с 250 до 226 г. до н. э. — Парфянское царство).

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Пафлагония — в древности область на северном побережье Малой Азии, населенная родственными хеттам племенами. С VI в. до н. э. — в составе Лидии, затем Персии.

АКТ ПЯТЫЙ. СЦЕНА ПЕРВАЯ

Апис — священный белый бык у древних египтян.

КАИН

Байрон начал работать над мистерией «Каин» 16 июля, закончил ее 9 сентября 1821 г. Впервые мистерия опубликована в декабре 1821 г. в одном томе с трагедиями «Сарданапал» и «Двое Фоскари».

ИРЛАНДСКАЯ АВАТАРА

Написана 16 сентября 1821 г., в связи с поездкой английского короля Георга IV в Ирландию. Впервые опубликована в Париже Т. Муром 19 сентября 1821 г.

Аватара — в древнеиндийской мифологии воплощение божества в образе человека.

Курран Джон Филпот (1750—1817) — ирландский общественный деятель, поэт и оратор, в своих выступлениях отстаивал независимость Ирландии.

Еще Брунсвика дочь не лежит в саркофаге... — Каролина, дочь герцога Брауншвейгского, жена английского короля Георга IV, умерла 7 августа 1821 г. Ее прах еще не был предан земле, когда Георг IV отправился в путешествие по Ирландии.

...нет парламента там... — 1 января 1801 г. английское правительство принудительными мерами добилось принятия ирландским парламентом Акта об унии, на основании которого Ирландия лишилась самоуправления, а ирландский парламент перестал существовать.

...королевский мессия... — Так, иронически, Байрон называет английского короля Георга IV.

Трилистник ирландский зеленый — национальная эмблема Ирландии.

Граттен Генри (1746—1820) — ирландский политический деятель, патриот, боровшийся за независимость Ирландии.

Демосфен (ок. 384—322 гг. до н. э.) — прославленный оратор и политический деятель Древней Греции.

Туллий (Цицерон Марк Туллий; I в. до н. э.) — государственный деятель Древнего Рима, блестящий оратор.

Эрин — кельтское название Ирландии.

Фингал, ленту носи! — Артур Джеймс Планкетт, граф Фингал (ум. 1836). Во время пребывания Георга IV в Ирландии удостоился звания рыцаря ордена св. Патрика.

О'Коннел Дэниел (1775—1847) — ирландский политический деятель. Во время пребывания английского короля в Ирландии, в порыве раболепства, предложил построить для Георга IV дворец на средства, взимаемые с каждого из ирландских крестьян.

Вителлий (I в.) — римский император, стяжал славу расточителя и чревоугодника.

Сеян — придворный сановник римского императора Тиберия (I в.).

Кэстлери (точнее, Каслри) Стюарт Роберт (1769—1822) — английский государственный деятель, позже министр иностранных дел. Жестоко расправился с восстанием в Ирландии в 1798 г. Один из вдохновителей реакции в Европе, ярый приверженец Священного союза.

Я за право свое поднимаю свой голос... — Как видно из писем Байрона, вопрос об Ирландии волновал его и в те годы, когда он был еще студентом Кембриджа. В своей второй речи в палате лордов, произнесенной им 21 апреля 1812 г., он выступил в защиту гражданских прав ирландцев-католиков.

Шеридан Ричард Бринсли (1751—1816) — английский драматург и политический деятель, родом ирландец.

Мур Томас (1779—1852) — английский поэт, ирландец родом, автор «Ирландских мелодий», ряда романтических поэм, а также сатир, направленных против английской реакционной политики и Священного союза.

ВИДЕНИЕ СУДА

В конце рукописи «Видение Суда» Байрон пометил: «Равенна. 4 октября, 1821, Мем.¹. Поэма начата 7 мая 1821 г., но в тот же день отложена. Возобновил работу около 20 сентября того же года и закончил, как датировано выше».

¹ Мем. [Memorandum] — заметка для памяти (лат.).

Поводом для написания этой сатиры послужило опубликование в апреле 1821 г. поэтом Робертом Саути (с 1813 г. поэтом-лауреатом при дворе английского короля) верноподданнической поэмы, названной им также «Видение Суда» и созданной на смерть английского короля Георга III (1738—1820). В предисловии к ней Роберт Саути не только поносил деятелей французской революции, но и разрешил себе грубые, клеветнические выпады против Байрона и Шелли, причислив их к «сатанинской школе».

В связи с уклонением издателя Джона Марри от публикации сатиры, Байрон передал рукопись издателю Джону Ханту, который за опубликование поэмы в первом номере журнала «Либерал» был привлечен к суду Королевской Скамьи. Поэма «Видение Суда» издана под псевдонимом *Quevedo Redivivus* лишь 15 октября 1822 г.

Quevedo Redivivus — Оживший Кеведо (лат.). Кеведо-и-Вильегас Франсиско (1580—1645) — испанский писатель-сатирик. Особенно ярко социально-политическая сатира выражена в его цикле «Видения», запрещенном в свое время инквизицией.

Автор «*Уота Тайлера*» — английский поэт Роберт Саути (1774—1843) в молодости (1794) написал пьесу об антифеодальном крестьянском восстании в юго-восточной Англии в 1381 г., в котором крестьяне особенно большую ненависть высказывали к церковным феодалам — епископам и аббатам. Восстанием руководил деревенский ремесленник — кровельщик Уот Тайлер. Создав пьесу под влиянием идей французской революции, Саути позднее отрекся от республиканских взглядов, стал ярким реакционером. Опубликование пьесы «Уот Тайлер» в 1817 г. (без ведома Саути) одним из лондонских издателей еще более убедительно подчеркнуло ренегатство поэта.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поп Александр (1688—1744) — английский поэт, представитель английского классицизма и раннего этапа Просвещения.

Скраб — персонаж пьесы английского драматурга Джорджа Фаркера (1678—1707) «*The beaux' stratagem*» («Уловки кавалеров»). Байрон приводит цитату из реплики во второй сцене третьего акта: «Истинно так, он и лакей графа тарактели по-французски, как две утки-интриганки на мельничной запруде, и ясно, что они говорили обо мне, потому что беспрестанно смеялись».

...отказ в законном удовлетворении за незаконное напечатание...— Пьеса «Уот Тайлер», переданная Саути издателю, не печаталась в течение двадцати двух лет, а выпущенная в свет без ведома автора в 1817 г., молниеносно разошлась в количестве шестидесяти тысяч экземпляров. Узнав об этом, Саути по суду потребовал с издателя возмещения понесенных им убытков, но лорд-канцлер Эльдон отказал ему в иске, заявив, что «вознаграждение не может быть присуждено за сочинение, по своему содержанию вредное для общества».

Вильям Смит — член парламента. Выступая на заседании палаты общин 14 марта 1817 г. и упомянув о Саути, заявил о «безусловной зловерности этого ренегата».

...его прежде высмеивали в «*Anti-jacobin*» его теперешние покровители.— Стихотворение Саути «Надпись на дверях камеры в Чепстоу Касле, где тридцать лет был заключен царевбийца Генри Мартин», опубликованное им в 1797 г., было высмеяно в те годы в пародии Джорджа Каннинга (1770—1827) — крупного политического деятеля-тори, с 1807 по 1809 г. и с 1822 г. — министра иностранных дел. «*Anti-jacobin*» — реакционный еженедельный журнал «Антиякобинец», выходивший в 1797—1798 гг. Преемником его стал журнал «Антиякобинское обозрение», издававшийся Джоном Джиффордом более двадцати лет.

...возведение в святые монарха, который... не был патриотом...— Байрон имеет в виду короля Георга III.

Фильдинг Генри (1707—1754) — выдающийся английский прозаик и драматург, представитель английского просветительского реализма. Байрон упоминает его фантастическую сатиру «Путешествие в загробный мир» («*A journey from this world to the next*»; 1743).

...на moi, Кеведо, «Видения»...— Здесь Байрон говорит от лица якобы «ожившего» испанского писателя Кеведо.

...не как «школьный святой»...— Байрон приводит цитату из «Подражания Горацию» А. Попа.

Чосер Джеффри (1340—1400) — английский поэт, вошел в историю английской литературы как автор «Кентерберийских рассказов».

Пульчи Луиджи (1432—1484) — итальянский поэт-гуманист. В героической поэме «Морганте Маджоре», проникнутой народным юмором и повествующей о приключениях рыцарей и сказочных героев, высмеял католическую церковь и рыцарство.

Свифт Джонатан (1667—1745) — великий английский сатирик. Здесь Байрон упоминает его «Сказку о бочке» — сатиру на англиканскую и католическую церковь и пуританство.

Лэндор Уолтер Сэведж (1775—1864) — английский поэт и прозаик. В 1820 г. опубликовал в Париже том стихов на латинском языке.

Иберия, Иберийский полуостров.— Так в древности назывался Пиренейский полуостров.

Строфа I. Якобинская эра.— Байрон имеет в виду французскую революцию.

IV. Стряпчий — адвокат.

V. ...много царств сменилось и систем...— Имеется в виду неоднократный передел мира во время французской буржуазной революции конца XVIII века, в период наполеоновских войн и после Венского конгресса.

Ватерло — историческое сражение при поселке Ватерлоо близ Брюсселя 18 июня 1815 г., в ходе которого армии Наполеона был нанесен последний сокрушительный удар.

VIII. На рубеже Второй Зари свобод // Георг скончался.— Английский король Георг III умер в январе 1820 г. в момент подъема революционного движения в Испании, Италии, Дунайских княжествах и Греции.

XIV. ...Одна лишь наша церковь — путь к спасенью...— Байрон высмеивает англиканских священников, превозносящих выше всего англиканскую церковь.

XVIII. ...один тут был с обручком шеи...— Французский король Людовик XVI.

XXII. В руках, умевших нити направлять, // Марионеткой праздной он болтался...— В связи со слепотой и психическим заболеванием Георга III, с 1811 г. страной правил принц-регент.

XXVII. Пэрри (точнее, Парри) Вильям Эдуард (1790—1855) — английский морской офицер и полярный исследователь. Совершил ряд плаваний в арктических водах, в 1819 г. зимовал близ острова Мэлвилл в Арктике.

XXVIII. Сауткот Иоанна (1750—1814) — английская писательница. В 1813—1814 гг. опубликовала «Книгу чудес».

XXXIII. ...Из Иова... известно...— Байрон с иронией упоминает о трактате Джона Мэсона Гуда (1764—1827), изданном в 1812 г., в котором Гуд рассматривал «Книгу Иова» как исторически и биографически достоверный источник.

XXXVII. ...Мостящих ад... // Обломками «прекрасных начинаний».— Крылатое выражение: «Благими намерениями ад вымощен» — приписывается Сэмюэлу Джонсону (1709—1784) — английскому критику, лексикографу, драматургу.

XLI. ...Он подданных любимцу отдал в пасть...— Приближенным короля Георга III долгое время был Бьют Джон Стю-

арт (1713—1792) — английский политический деятель, крайний тори, премьер-министр (1762—1763).

XLVII. *Его стражнул недавно Новый Свет...*— После войны за независимость, против колониального гнета Англии, 4 июля 1776 г. Соединенные Штаты Америки провозгласили независимость.

XLVIII. *...обрушил гнев несправедливый // На христиан король благочестивый?* — В 1795 г. и позже Георг III неоднократно высказывался против предоставления гражданских прав ирландцам-католикам, а в 1807 г. потребовал от министров заверений, что они никогда не будут предлагать никаких уступок католикам. Восстание 1798 г. в Ирландии было подавлено с невероятной жестокостью.

XLIX. *Гвельф.* — Байрон приводит итальянскую форму фамилии Вельф. Георг III был курфюрст Ганноверский из рода Вельфов.

LII. *Эмпиреи* — в представлении древних греков наиболее высокая часть неба, местопребывание богов.

LIX. *Джон Буль* — прозвище англичан.

Джонатан — персонаж из романа Г. Фильдинга «История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого».

LXV. *Джек Уилкс* (1727—1797) — английский политический деятель, публицист. Издавал газету «Норт Бриттен», в которой в апреле 1763 г. резко критиковал тронную речь короля Георга III. Подвергся аресту и был исключен из палаты общин. Позже был судом оправдан и вновь стал членом парламента.

LXXI. *Грэфтон* Август Генри (1735—1811) — английский политический деятель, первоначально виг, затем — тори, травивший Уилкса.

LXXIII. *Фокс* Чарльз Джеймс (1749—1806) — английский государственный деятель, глава радикального крыла партии вигов.

Питт Уильям Младший (1759—1806) — английский политический деятель, лидер партии тори, премьер-министр (1783—1801 и 1804—1806).

LXXIV. *Юниус.* — «Письма Юниуса», публиковавшиеся под псевдонимом в 1769—1771 гг. в журнале «Паблик адвертайзер» в Лондоне, поразили читателей открытой и смелой критикой политики английского правительства и выступлений ряда реакционных политических деятелей. Автор писем не установлен.

LXXVIII. *Француз, который выяснить пытался // Железной Маски тайну...* — Предполагается, что человек, брошенный по приказу французского короля Людовика XIV в крепость, был граф Эрколо Антонио Маттиоли, государственный секретарь при дворе Фердинандо Карло Гонзага, герцога Мантуанского. Ряд лет провел в крепостях, в том числе в Бастилии. Имя его неизвестно.

LXXIX. *Миссис Малапроп* — персонаж из комедии Шеридана «Соперники».

Барк (точнее, Бэрк) Эдмунд (1730—1797) — английский политический деятель, один из предполагаемых авторов «Писем Юниуса».

Тук Джон Хорн (1736—1812) — английский политический деятель, публицист. Возможно, автор «Писем Юниуса».

Сэр Фрэнсис — Филипп Фрэнсис (1740—1818), один из вероятных авторов «Писем Юниуса».

LXXXIV. *Nominis Umbra* — Тень имени (лат.), псевдоним автора «Писем Юниуса». Раскрыть истинное имя автора их не удалось.

LXXXVI. *Скиддо* — гора в Кумберленде, где часто жил Роберт Саути.

XCI. *Гораций* — древнеримский поэт Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.).

Non Di, non homines — ни богу, ни человеку (лат.).

XCII. *Генри Пай* — английский поэт Генри Джеймс Пай (1745—1813), с 1790 г. — придворный поэт-лауреат Георга III. Писал, во множестве, бездарные стихи.

XCVI. *Бленгейм* — «Бленгеймская битва», раннее произведение Р. Саути (1802), написанное им под влиянием идей французской революции.

Ватерлоо — «Паломничество поэта к Ватерлоо» (1816), произведение Саути, написанное в реакционном духе.

XCVII. *Пантисократ* — сторонник социального строя, в котором установлена общность имущества.

CI. *Король Альфонс*. — Король Альфонс X Кастильский (1221—1284) был автором ряда научных трудов.

РЕЧЬ В ПАЛАТЕ ЛОРДОВ ПО ПОВОДУ БИЛЛИЯ О СТАНКАХ

Первая речь Байрона, произнесенная в палате лордов 27 февраля 1812 г. в защиту луддитов — разрушителей станков, помимо ряда газет, печатавших лишь краткие отчеты и сокращенные тексты выступлений, была напечатана лишь в официальном парламентском издании «*Parliamentary Register*» («Парламентский журнал»), но для широкого круга читателей знакомство с текстами речей Байрона в течение десятилетий было возможно лишь по изданиям Собраний сочинений поэта, печатавшимся на английском языке во Франции. Лишь в 1901 г. тексты речей Байрона были напечатаны полностью в шеститомном Собрании писем и дневников поэта, опубликованном в Англии.

...второго чтения билля...— Байрон произнес свою речь на втором заседании палаты лордов, посвященном обсуждению билля. Билль — законопроект. Билль о станках в середине февраля 1812 г. был поставлен на обсуждение палаты общин и, не встретив серьезных возражений, внесен на рассмотрение палаты лордов Ливерпулом (вскоре назначенным на пост премьер-министра). Законопроект, предусматривавший введение смертной казни рабочим, разрушавшим станки, и предписывавший владельцам станков сообщать в магистратуру о всех случаях разрушения станков, получил силу закона при третьем чтении — 5 марта 1812 г., и сразу же начались массовые казни рабочих-луддитов.

...отнюдь не новость для нашей страны.— Первые разрушения вязальных и ткацких станков рабочими, лишавшимися при их введении заработка, в том числе и легендарным Нэдом Луддом, по имени которого было названо это движение, отмечались еще в 60—70-х годах XVIII в., но массовый характер движение луддитов приняло в 1811—1812 гг.

В качестве лица... связанного с пострадавшим графством...— Родовое поместье Байронов — Ньюстедское аббатство — находилось близ города Ноттингема и Шервудского леса — центра восставших рабочих-луддитов. В декабре 1811 г. Байрон посетил Ньюстед и был очевидцем многих событий.

...о разорительной войне последних восемнадцати лет...— Франция объявила войну Англии 1 февраля 1793 г.

...на потеху всем пригонять отряды войск...— Даже по официальным данным, 14 ноября 1811 г. были вызваны войска, и к 9 декабря 1811 г. в Ноттингемшире насчитывалось уже 900 кавалеристов и 1000 пехотинцев, а к 8 января 1812 г. прибыли туда еще два полка.

...радовались нашим триумфам за границей...— Байрон имеет в виду участие английских войск в военных действиях Португалии, а затем Испании против вторгшейся на Пиренейский полуостров наполеоновской армии.

Санградо — персонаж в романе Лесажа «Жиль Блаз». Невежественный лекарь, он прописывал всем без исключения больным только теплую воду и кровопускания.

Шервудский лес — знаменитый лес в графстве Ноттингем, где в свое время был центр вольницы Робин Гуда, а с конца XVIII в. собирались отряды луддитов. В Шервудском лесу начались и жестокие расправы с луддитами, приговоренными на основании нового закона к смертной казни. Для «устрашения» их вешали на многовековых дубах.

Джеффрис (XVII в.) — английский судья, имя его стало нарицательным для жестокого и несправедливого судьи.

ОБРАЩЕНИЕ К НЕАПОЛИТАНСКИМ ПОВСТАНЦАМ

Написано, по-видимому, в июле 1820 г., после того как в первых числах июля в ряде городов Королевства обеих Сицилий началось восстание карбонариев и, поддержанное населением, быстро переросло в массовое революционное движение, основным лозунгом которого было установление конституционной монархии. Текст этого Обращения Байрон передал представителю нового неаполитанского правительства Джузеппе Гиганте, приехавшему в Равенну, где жил Байрон, для связи с карбонариями Романьи. На обратном пути в Неаполь, как видно из отчетов австрийской полиции, он был арестован и проглотил все документы, имевшиеся при нем. Текст этого Обращения (копия) был обнаружен в архиве Терезы Гвиччиоли и опубликован лишь в 1901 г.

О. Афонина

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ И ТРАГЕДИИ

ПАРИЗИНА. *Перевод В. Левика*

Вступление	7
Паризина	8

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК

Сонет Шильону. <i>Перевод В. Левика</i>	24
Предисловие	25
Шильонский узник. <i>Перевод В. Жуковского</i>	28

МАНФРЕД (*Драматическая поэма*). *Перевод И. Бунина* 40

БЕППО (*Венецианская повесть*). *Перевод В. Левика* 88

МАРИНО ФАЛЬЕРО, ДОЖ ВЕНЕЦИАНСКИЙ (*Историческая трагедия в пяти актах*)

Предисловие	114
Марино Фальеро, дож Венецианский. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	121

САРДАНАПАЛ (*Историческая трагедия в пяти актах*). *Перевод Вс. Рождественского*

Предисловие	248
Сарданапал	250

КАИН (*Мистерия*)

Предисловие	382
Каин. <i>Перевод И. Бунина</i>	385

ИРЛАНДСКАЯ АВАТАРА. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	467
---	-----

ВИДЕНИЕ СУДА

Предисловие	472
Видение Суда. <i>Перевод Т. Гнедич</i>	476

ИЗ ПУБЛИЦИСТИКИ

Речь в палате лордов по поводу билля о станках февраля 27-го дня 1812 года. <i>Перевод М. Богословской и С. Боброва</i>	505
Обращение к неаполитанским повстанцам. <i>Перевод М. Бо- гословской и С. Боброва</i>	513
Комментарии <i>О. Афониной</i>	517

Байрон Джордж Гордон

- Б17** Сочинения. В 3-х томах. Т. 2. Поэмы и трагедии. Из публицистики. Перевод с англ. Ред. коллегия: О. Афонина, М. Кургинян, В. Левик. Комментар. О. Афониной. М., «Худож. лит.», 1974.

544 с.

Во второй том трехтомного издания «Сочинений» великого английского поэта Дж. Байрона вошли его лучшие поэмы и трагедии (1815—1821), а также Речь в палате лордов по поводу билля о станках (1812) и Обращение к неаполитанским повстанцам (1820).

Б $\frac{70404 - 204}{028(01) - 74}$ 159 — 74

И (Англ)

Байрон Джордж Гордон

Том 2

Редактор

Н. Хуцишвили

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

О. Ярославцева

Корректор

В. Фадеева

Сдано в набор 12/XI 1973 г.

Подписано к печати 20/III 1974 г.

Бумага типографская № 1.

Формат 84×108¹/₃₂. 17 печ. л.

28,56 усл. печ. л. 24,63 уч.-изд. л.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 803.

Цена 1 руб.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Киевская книжная фабрика
республиканского производственного
объединения «Полиграфкнига»
Госкомиздата УССР
Киев. Воровского, 24

